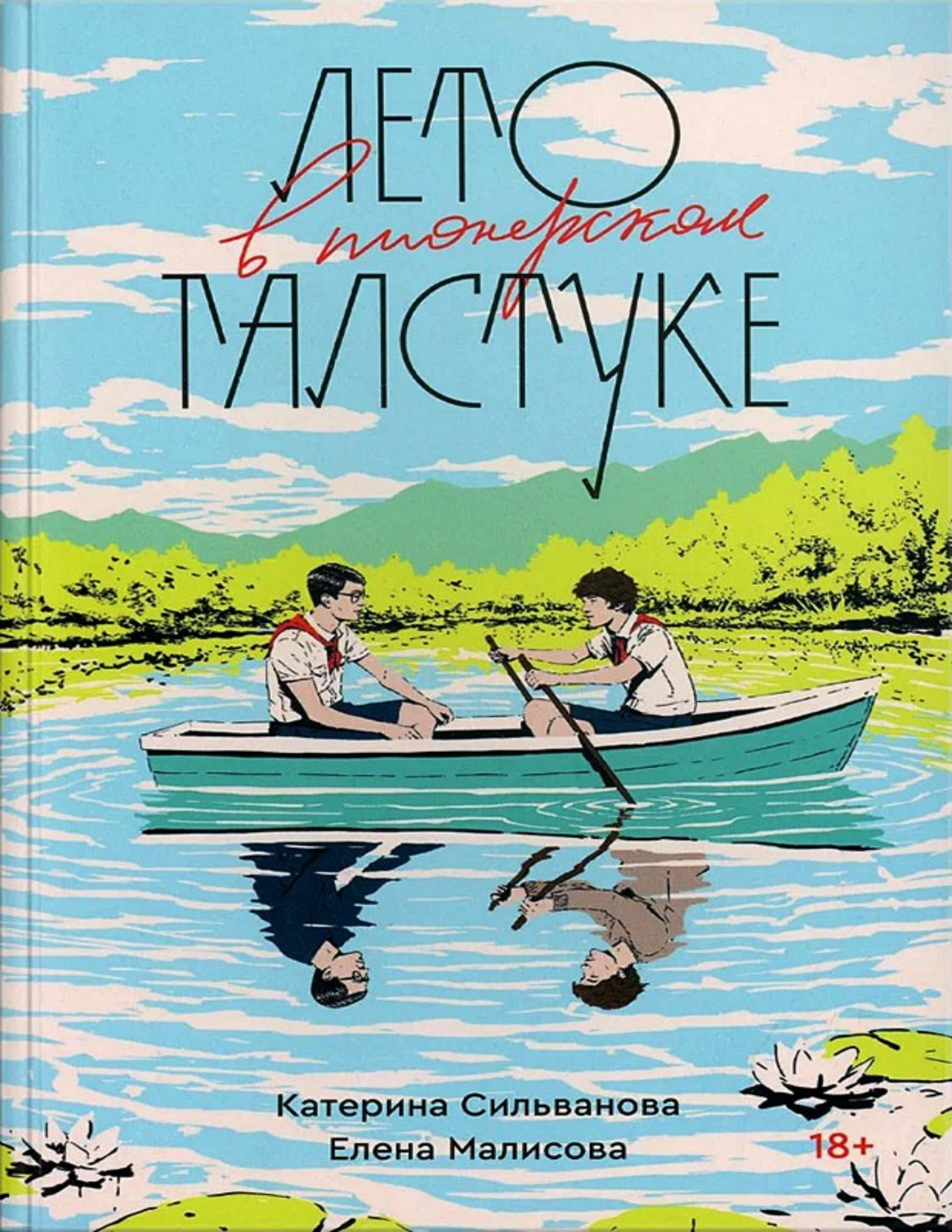
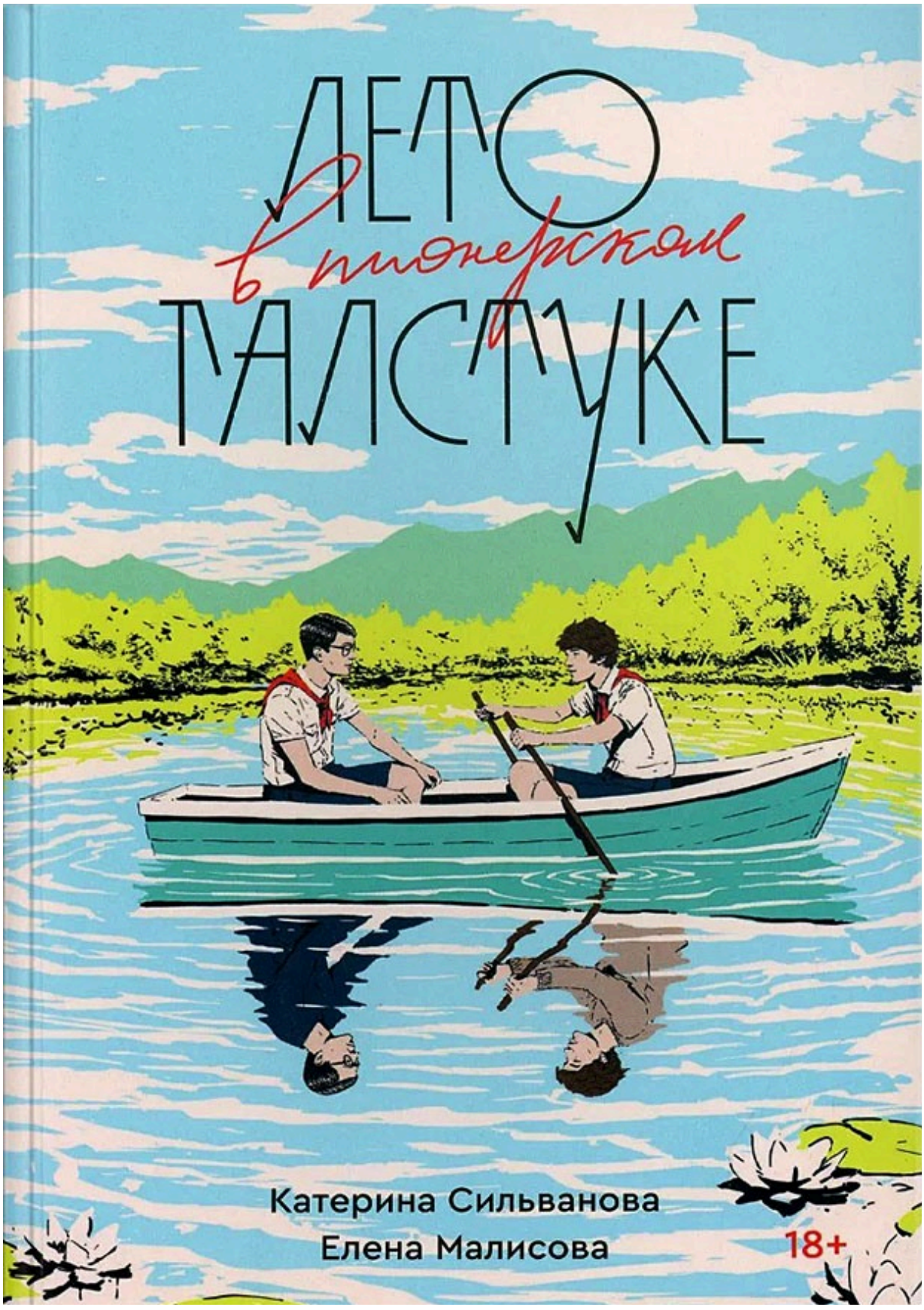
Лето в пионерском галстуке

Катерина Сильванова
Елена Малисова

18+

Лето в пионерском галстуке

Катерина Сильванова
Елена Малисова

18+

Елена Малисова, Катерина Сильванова

Лето в пионерском галстуке

Глава 1

Возвращение в «Ласточку»

У него в багажнике действительно лежала лопата. А почему бы и нет, ведь держать её там — абсолютно естественная для русского человека вещь. А если зима, сугробы? И пусть на дворе только сентябрь, мало ли в грязь заедет или провалится куда? Наличие резиновых сапог и омывайки их тоже удивит?

Глядя в заинтересованные глаза гаишников, Юра не мог понять, разыгрывают они его или нет. Мужики сами русские, неужели не понимают?

Выслушав его объяснения, гаишники — двое из ларца одинаковы с лица, — синхронно кивнули, но не отпустили. Поняли по водительским правам, что иностранец, и, видно, захотели получить сувенир — иностранные деньги. Мол, зачем Юре лишние неприятности, ведь нарушение правил налицо. Знак есть? Есть. Скорость превышена? Превышена. Следовательно, нарушение было? Было. Ещё бы не было! Крутая горка, а внизу знак, скрытый пушистой веткой тополя. Юра его просто не заметил!

Он ухмыльнулся:

— Лучше бы вместо того, чтобы стоять внизу с радаром, ветку отпилили. Раз ограничение стоит, значит не просто так, значит участок опасный!

На это гаишники, лица, как видно, не заинтересованные в безопасности дорожного движения, ответили не очень приветливо, мол, не в их компетенции ветки пилить, а не в его — указывать.

— Ладно, штраф так штраф, — повертев в руках водительские права, вздохнул тот братец из ларца, что повыше. — В принципе, этот вопрос можно решить и попроще… Зачем вам лишние неприятности?

Внутри Юры шла борьба европейской принципиальности — всё-таки полжизни в Германии прожил, — и здравого смысла. Добиваться справедливости, требуя, чтобы ветку спилили, а обвинения сняли, или

дать взятку и сэкономить время? Бой был недолгим, здравый смысл победил. Неприятности Юре и впрямь были незачем.

— Сколько?

Мужики переглянулись, хитро сощурились:

— Пятьсот!

Юра полез в бумажник, вскоре доблестные гайцы подобрели и заулыбались. По-дружески поинтересовавшись, куда он направляется, с готовностью предложили показать дорогу, чтобы «герр иностранец» ненароком не заплутал в такой глуши.

— В деревню Горетовка как проехать? На карте деревня есть, а дороги — нет. Но я помню, была такая.

— Горетовка? — переспросил высокий. — Это уже не деревня давно, там сейчас коттеджный посёлок.

— Ладно, пусть не деревня, но доехать-то туда можно?..

— Доехать-то можно, а вот заехать — это вряд ли. Там охраняемая территория, просто так не попасть.

Юра задумался. До разговора с гаишниками у него был чёткий план: попасть в деревню и по бывшим колхозным полям спуститься к реке. Но оказалось, в деревню не пробраться… Может, всё-таки рискнуть? Договориться там с кем-нибудь из охраны? Юра покачал головой — нет, слишком много времени потеряет, если не удастся. Оставалось одно — через лагерь. И он снова спросил:

— Ладно. Тогда как доехать до «Ласточки»?

— Куда?

— В пионерский лагерь «Ласточка» имени Зины Портновой. При советской власти где-то недалеко был такой.

Брат из ларца, что пониже, просветлел:

— А-а-а, лагерь. Да, был…

Другой брат, что повыше, подозрительно покосился на Юру:

— А вам туда вообще-то зачем?

— Я же в СССР родился, ездил в тот лагерь, там детство моё прошло. Das Heimweh, Nostalgie… — Он исправился: — Ностальгия!

— А, понимаем, понимаем. — Гаишники переглянулись. — Карта есть?

Юра передал им карту и внимательно проследил, куда указывал пальцем гаишник:

— Вам по Р-295 до указателя на село Речное, метров двадцать — и будет поворот направо, свернете и до конца дороги.

— Спасибо.

Получив карту обратно и обменяв сто гривен на «всего доброго», Юра отправился в путь.

— Как знал, что хоть раз, да остановят! — он выругался и нажал на газ.

Он совершенно не узнавал этих мест, ориентировался только по карте. Двадцать лет назад тут, вдоль дороги, густые тёмные подлески сменялись огромными пшеничными и подсолнечными полями, а сейчас сюда медленными, но широкими шагами добирался город. Леса вырубили, поля выровняли, несколько участков огородили заборами. За ними виднелись краны, тракторы, экскаваторы, шумела стройка. И горизонт, который Юра помнил чистым и безумно далёким, теперь казался серым, маленьким, а всё пространство до него, куда ни глянь, было утыкано дачными и коттеджными поселками.

Возле указателя на село Речное он свернул, как и посоветовали. Асфальтированная дорога закончилась резко, словно оборвалась, машину тряхнуло. Лопата в багажнике звякнула громко, напомнив о себе, будто живая.

Он совершенно не помнил, как проехать в лагерь. В последний раз Юра видел «Ласточку» двадцать лет назад, и то, никогда не ездил туда сам, его привозили. Как это было весело — катить в составе колонны одинаковых, белых в красную полоску, ЛИАЗов с табличками «Дети» и флажками. Особенно в авангарде, сразу за машиной ГАИ, чтобы всё — и дорога, и небо — было как на ладони. Слушать вой сирены, распевать детские песни хором или скучать, глядя в окно, потому что уже вырос из глупых куплетов. Юра помнил, как в свою последнюю смену не пел, но слушал: «У машин глаза горят, на кабинах флаги, это едет наш отряд в пионерский лагерь…», а двадцать лет спустя слышал лишь звон прыгающей в багажнике лопаты. Ругался сквозь зубы на колеи и ямы, молился, чтобы где-нибудь не завязнуть, и смотрел не на голубое небо, а на серые тучи.

— Только бы не полило!

План действий был додуман и утверждён. Рассчитывая попасть в деревню, он выехал днём, но, чтобы пробраться внутрь лагеря,

следовало дождаться ночи. Дальше всё решено: сентябрь, последняя смена кончилась, значит, детей уже нет, лагерь — не военный объект, там должен остаться только сторож, а мимо него Юра запросто прошмыгнёт — ночью в лесу темнота, хоть глаз выколи. А если всё-таки заметит, на это тоже найдется решение. Конечно, дед-сторож поначалу испугается рыщущего по кустам мужика, но придёт же в себя, разглядит же, что мужик хоть и с лопатой наперевес, но адекватный, не алкоголик и не бомж, а дальше они договорятся.

Пионеры… красные галстуки, зарядки, линейки, купания и костры — как это было давно. Должно быть, сейчас всё совсем по-другому: другая страна, другие гимны, лозунги и песни, дети теперь без галстуков и значков, но дети-то те же, и лагерь тот же. И скоро, совсем скоро Юра вернётся туда, вспомнит самое главное в его жизни время, вспомнит самого главного человека. Быть может, даже узнает, что с ним произошло. А это значит, что, возможно, когда-нибудь он снова встретится с ним, со своим настоящим и единственным другом.

Но, затормозив у знакомой вывески — затёртой, покосившейся, на которой с трудом можно было различить буквы, — Юра увидел то, чего больше всего опасался. От железной ограды, которая раньше тянулась по всему периметру, остались лишь металлические столбы — не сохранилось ни прутьев, ни сеток. Красивые, почти что величественные красно-жёлтые ворота оказались сломаны: одна створка кое-как держалась на ржавых полувыбитых петлях, а вторая лежала рядом, явно не первый год зарастая травой. Сторожевая будка, когда-то разрисованная сине-зелёными ромбами, теперь почернела — краска давно облупилась, деревянные стены домика сгнили под дождями, крыша обвалилась.

Юра тяжело вздохнул — значит, и сюда добралась разруха. Где-то в подсознании таилось подозрение, он ведь в Германии не в железной коробке жил и знал, что творилось в Украине после развала СССР, знал, как закрывались заводы. А этот лагерь был прикреплён именно к одному из них. Но Юре совсем не хотелось думать, что та же судьба постигнет «Ласточку». Ведь это было самое яркое место его детства, солнечное пятно в памяти. Ведь именно здесь двадцать лет назад он оставил больше половины себя… И сейчас Юра

чувствовал, как выцветает эта память, будто та краска на сторожевой будке, опадая сырыми хлопьями в высокую траву.

Воодушевление, с которым он ехал, сошло на нет. Стало тоскливо и грустно — настроение соответствовало пасмурной погоде, мелкой мороси, накрапывающей с неба.

Вернувшись к машине, Юра переобулся в сапоги, достал из багажника лопату и закинул её на плечо. Переступив через ржавые листы того, что когда-то было створкой ворот, пошёл вглубь пионерского лагеря «Ласточка» имени пионера-героя Зины Портновой.

*** * ***

Шаг вперёд становился шагом назад — обратно по временной шкале, в полузабытое прошлое, в счастливое время, когда он был влюблен. Под ногами темнели покрытые трещинами плиты, вокруг шумел встревоженный дождём лес, а в памяти вспыхивали солнечные зайчики и бежали по старой лагерной аллее всё быстрее и быстрее, в последнее лето детства.

Он остановился неподалёку от перекрёстка. Налево уходила дорожка в столовую, направо — тропинка в недостроенный корпус, а прямо в центр лагеря вела некогда широкая аллея пионеров-героев. Вокруг грудились сломанные плиты, но возле клумбы, в самом центре перекрестка, уцелел крохотный пятачок.

«Ведь это же было здесь! Да, точно, на этом самом месте!» — улыбнулся Юра, вспомнив, как поздней ночью, пока весь лагерь спал, чертил белым мелом самую красивую на свете букву — «В».

Тогда, следующим утром, идущие на завтрак ребята гадали, что это за контур вокруг буквы? Рылькин из второго отряда смекнул:

— Это ж яблоко, ребят!

— Что за сорт яблок такой на «В»? Вадимовка, может? — предположил Вася Петлицын.

— Сам ты Вадимовка! Васюган это! — оспорил Рылькин и, глядя на Петлицына, захохотал: — Васюган! — А Васька вдруг раскраснелся.

Никому и в голову не пришло, что вместо контура яблока здесь должно было быть сердце. Это Юрка, узнав среди ночных шорохов

звук любимых шагов, так застеснялся, что рука его дрогнула, и получилось то, что получилось: яблоко.

Поддев носком сапога обломок плитки, Юра огляделся вокруг. Время не пощадило ни аллею, ни клумбу. Везде валялись ржавые перекрученные балки — остатки каркаса ворот, гнилые доски и щепки, куски кирпича… Куски кирпича! Он схватил тот, что поострее, и присел на корточки. Уверенным движением начертил огромную, красивую, с завитушками «В» и заключил её в сердце. Снова в кривое и кособокое, но его, Юркино, сердце. Циничный взрослый Юра унял скепсис и мысленно кивнул себе юному — пусть то, что должно здесь остаться, останется.

Воспоминания влекли его дальше по аллее пионеров-героев. Вдалеке виднелась широкая лестница в три ступеньки, ведущая к главной площади лагеря. Запустение, царившее на аллее, напомнило Юре кладбище. Он будто бродил по нему, старому и заброшенному — то тут, то там, точно надгробия, торчали из зарослей замшелые памятники и постаменты. Когда-то грозно смотрящих на запад статуй было семь, когда-то Юра, как тысячи других пионеров, не только знал имена и подвиги этих детей, но и всеми силами стремился быть похожим на них и брал пример. Но спустя два с лишним десятка лет забыл даже лица, с трудом узнав одного только Лёню Голикова.

Юра шёл дальше по разрушенной аллее. Определить, что когда-то здесь стелился ровный светло-серый асфальт, можно было только по его крошеву, валяющемуся в густой траве и жухлой листве. Юра всё брёл и брёл мимо разрушенных постаментов и с жалостью смотрел на гипсовые руки, ноги и головы, торчащие из зарослей. Его встречали безжизненные потемневшие туловища с вывернутыми наружу арматуринами и потёртые таблички с именами. Табличек сохранилось всего три: Марат Казей, Валя Котик, Толя Шумов.

А вот в конце аллеи, рядом с лестницей, уцелела доска почёта. Когда-то она была застеклена, сейчас разбитое стекло торчало острыми осколками по углам. Зато благодаря небольшому козырьку над доской некоторые надписи оставались видны относительно хорошо и даже сохранились три чёрно-белые фотографии.

«Смена № 3, август 1992 года. Заслуги и достижения», — прочитал Юра в самом верху доски. Значит, вот когда была последняя

смена. Неужели лагерь проработал всего шесть лет с тех пор, как он приезжал сюда в последний раз?

Поднимаясь по лестнице, ведущей к площади, Юра чувствовал, как его сердце замирает от нахлынувшей тоски. Не страшно, когда старое заменено новым, страшно, когда старое просто забыто и брошено. Но ещё хуже от того, что он сам всё забыл и бросил, а ведь когда-то искренне клялся помнить и детей-героев, и пионерию, и особенно «В». Ну почему же он нашёл эту проклятую Горетовку только сейчас? Почему только сейчас вернулся? Чёрт с ними, с заветами Ленина, красными знамёнами, клятвами, которые его заставляли давать! Как же он допустил, что не сдержал слова, данного единственному другу?

Юра споткнулся об обрывок выцветшего щита с надписью «Наше будущее светло и прекра…».

— Да не очень-то оно светло и совсем не прекрасно, — буркнул, переступая последнюю ступеньку.

Самое главное место лагеря, как и всё остальное, выглядело плачевно. Площадь была завалена мусором и опавшими листьями, сквозь дыры в асфальте к бледному солнцу пробивались пучки бурьяна. В самом центре, среди каменного крошева, валялся обезглавленный памятник Зине Портновой, пионера-героя, чьим именем назывался лагерь. Юра узнал её и выругался сквозь зубы — девочку, пусть и гипсовую, было очень жаль. Она ведь совершила настоящий подвиг, за что с ней так обошлись? Он хотел бы поставить её на ноги, но сделать этого не мог — из отбитых голеней торчали ржавые железные крепежи.

Юра прислонил торс к постаменту, пестрящему граффити, поставил рядом голову и обернулся посмотреть на единственное, что уцелело на площади — голый флагшток, который так же, как двадцать лет назад, гордо устремлялся в небо.

Впервые Юра приехал в «Ласточку» в одиннадцать, и этот лагерь привёл его в такой восторг, что родители стали брать путевки ежегодно. Юрка обожал это место в детстве, но с каждой сменой возвращение приносило меньше и меньше радости. Здесь ничего не менялось: год от года те же пройдённые вдоль и поперёк места, те же вожатые с теми же поручениями, те же пионеры, живущие по всё тому же распорядку. Всё как обычно. Кружки: авиамодельный,

кройки и шитья, художественный, физкультурный и кибернетический. Речка — температура воды не ниже двадцати двух градусов. Гречневый суп — на пятничный обед от поварихи Светланы Викторовны. Даже шлягеры на дискотеке из года в год повторялись. Вот и последняя смена началась как обычно — с линейки.

* * *

Отряды подтягивались на площадь и занимали свои места. В солнечных лучах кружили пылинки, в воздухе ощущалось одухотворение. Пионеры стояли счастливые от новых встреч со старыми друзьями. Вожатые командовали подопечными, окидывали площадку строгими взглядами, в которых нет-нет, да и проблёскивала радость. Директор хорохорился — за весну удалось отремонтировать аж четыре корпуса и даже почти закончить строительство нового. И только Юрка был снова не такой, как все, одному ему за пять лет осточертел этот лагерь, одному ему веселиться не хотелось. Даже как-то обидно стало, и отвлечься не на что.

А нет, кажется, нашлось на что. Справа от флагштока в окружении пятого отряда стоял новый вожатый. В синих шортах, белой рубашке, красном галстуке и очках. Студент, может быть, даже первокурсник, самый молодой из вожатых и самый напряжённый. Душистый ветер приглаживал выбившиеся из-под алой пилотки волосы, на бледных ногах краснели свежерасчесанные комариные укусы, сосредоточенный взгляд гулял по детским макушкам, губы непроизвольно шептали: «Одиннадцать, двенадцать, три… тринадцать». Кажется, его звали Володя — Юрка слышал что-то такое возле автобуса.

Протрубил горн, взлетели руки в пионерском салюте, на сцену поднялось руководство лагеря. Воздух сотрясли слова приветствия, загремели пафосные речи про пионерию, патриотизм и коммунистические идеалы, тысячу раз повторённые, заученные Юркой слово в слово, хоть пересказывай. Он старался не хмуриться, но ничего не получалось. Он не верил ни улыбке старшей воспитательницы, ни её горящим глазам, ни пламенным речам. Ему казалось, что ничего настоящего ни в них, ни даже в самой Ольге Леонидовне не было, иначе зачем повторять одно и то же? У искренности всегда найдутся новые слова. Юрке вообще казалось, что все в его стране живут по инерции, по старой привычке произносят лозунги, дают клятвы, но в

глубине души ничего не чувствуют. Что всё это — напускной пафос. Что один он, Юрка, настоящий, а другие — особенно этот Володя — роботы.

Нет, ну разве такой кадр, как он, мог быть живым человеком? Весь из себя идеальный, умница-комсомолец, его будто в оранжерее вырастили под колпаком! Ну правда ведь, как с плаката — высокий, опрятный, собранный, ямочки на щеках, кожа сияет на солнце. «Вот только с шевелюрой неувязочка вышла, — злорадно хмыкнул Юрка, — не блондин». Ну и пусть не блондин, зато причесался — волосок к волоску, не чета всклокоченному Юрке. «Робот и есть робот, — оправдывался он, стыдливо приглаживая вихры, — у нормальных людей волосы на ветру колом стоят, а у этого, ишь ты, только приглаживаются. Пойти, что ли, в кибернетический записаться?»

Юрка так крепко задумался и так засмотрелся на Володю, что едва не пропустил самое главное — подъём флага. Благо соседка стояла рядом, одёрнула. Он и на флаг посмотрел, и «взвейтесь кострами синие ночи, мы — пионеры, дети рабочих» пропел как положено. Только после «всегда будь готов» снова уставился на Володю и стоял как болван до тех пор, пока пятый отряд не начал расходиться. Вожатый, поправляя очки, ткнул себя в переносицу и зашептал: «Двенадцать… Ой! Тринадцать… Трина…» — и ушёл вслед за детворой.

* * *

Юра угрюмо покачал головой, ещё раз обводя взглядом площадь. Время не щадит ничего и никого — вот и место, такое родное, потому что именно здесь Юра впервые увидел своего «В», зарастало лесом. Пройдёт лет десять, и тут будет совсем уже не пройти сквозь ветви густого ясенелистого клёна, а случайного путника не на шутку испугают выглядывающие из по́росли части гипсовых тел пионеров. Или будет ещё хуже — стройка доберётся досюда, лагерь снесут, а на столь дорогих Юриному сердцу местах вырастут коттеджи.

Юра побрёл в западный угол площади к дорожке, по которой вожатые уводили младших пионеров после линейки. Дорога вела его дальше, к реке, но он стоял на месте и выискивал теряющуюся в траве тропинку. Ориентируясь больше на память, чем на то, что

видели глаза, узнал развилку: слева виднелись очертания спортплощадки и корта, а справа, чуть подальше, можно было рассмотреть остатки корпусов малышни. Но Юра повернул обратно, на площадь, и направился в другую сторону, к эстраде и кинозалу. Он брёл, озираясь на высокие деревья, и ему казалось, что всё вокруг — какой-то странный сон. Он вроде узнавал эти места: вон там, на возвышении, виднелись щитовые, а если пройти дальше, можно оказаться у кладовых. И, воскрешая в памяти картинки, переживал щемящее чувство — тёплое и родное. Но в то же время к нему примешивалась горечь: всё здесь было чужим и незнакомым.

Вскоре он оказался на эстраде — месте, где началась его история, их история. Недолгая, но такая яркая, что согревала своим светом огромную часть его жизни.

Огороженная низеньким повалившимся забором танцплощадка с ракушкой-сценой когда-то была украшена красными флагами и расписными плакатами «Слава КПСС» и «Мы — юные ленинцы», старыми даже для Юриного времени. Под ногами валялся рваный, выцветший, грязно-оранжевый плакат-растяжка со стихами. Стоя на рваной тряпке, Юра посмотрел вниз. Прочёл, что смог разглядеть: «Как повяжешь галстук, береги…» — и отвернулся. Справа от сцены традиционно висела одна из копий распорядка дня. Теперь единственная сохранившаяся строчка сообщала, что четыре тридцать — это время для общественно полезных работ. Слева, на самом краю танцплощадки, всё ещё высился Юркин наблюдательный пункт — величественная трехствольная яблоня. Когда-то увешанная тяжёлыми плодами и гирляндами, а теперь высохшая, искорёженная и поломанная. На неё уже не удалось бы взобраться — рухнет. Впрочем, Юрка и раньше падал с неё — двадцать лет назад, когда по поручению вожатой вешал на дерево пёстрые электрические гирлянды.

Это-то и было его первым заданием, которое настигло в самом начале смены. Юрка и опомниться не успел.

* * *

После торжественной линейки он заселился в корпус, затем телом, но не головой поприсутствовал на собрании отрядной дружины, а после обеда сразу пошёл на спортплощадку знакомиться с новыми

ребятами и искать товарищей с прошлых смен. По радио приветствовали всех новоприбывших. Передали, что метеорологи сильных осадков в ближайшую неделю не обещают, пожелали активно и полезно отдыхать и наслаждаться солнцем. Юрка моментально узнал зычный низкий голос Митьки — он играл на гитаре, хорошо пел и в прошлом году так же вещал из радиорубки.

Среди новых лиц мелькнуло несколько знакомых. Возле теннисного корта щебетали Полина, Ульяна и Ксюша. Юрка заметил их ещё на линейке — снова они в одном отряде, пятый год подряд. Он помнил их сопливыми десятилетками — между Юркой и девочками сразу почему-то не заладились отношения. Теперь они выросли, расцвели, стали настоящими девушками… Но даже несмотря на это, Юрка не проникся к ним симпатией, упрямо продолжая недолюбливать этих троих говорливых подружек-сплетниц.

Ванька и Миха — соотрядники, закадычные Юркины товарищи, синхронно помахали ему. Он кивнул в ответ, но подходить не стал — сейчас засыплют вопросами о том, как у него год прошёл, а Юрке совсем не хотелось отвечать, что «как всегда не очень», а потом ещё объяснять почему. Этих ребят он тоже знал с детства. Единственные, с кем он более или менее общался. Ванька и Миха были скромными парнями-ботаниками, прыщавыми и смешными. С девочками не особенно дружили — не складывалось, зато Юрку уважали. Он подкупал это их уважение сигаретами, которые они иногда вместе раскуривали, сбегая с тихого часа и прячась за оградой лагеря.

Маша Сидорова тоже стояла неподалёку, растерянно оглядывалась по сторонам. Юрка был с ней знаком уже четыре года. Она точила зуб на Полину, Ульяну и Ксюшу, была надменной и на Юрку всегда смотрела свысока. Зато прошлым летом хорошо общалась с Анютой.

Вот Анюта была замечательной, она очень нравилась Юрке. Он дружил с ней и даже дважды приглашал танцевать на дискотеке. И она — что главное — ни разу ему не отказала! Юрке нравился её звонкий заливистый смех. А ещё Анюта была одной из немногих в прошлом году, кто не отвернулся от него после того случая… Юрка отогнал от себя эту мысль, не желая даже вспоминать о том, что тогда произошло и как пришлось извиняться позже. Он опять оглядел спортплощадку, надеясь, что Анюта где-то здесь, но её нигде не было. И на линейке он

её не видел, и, судя по тому, как растерянно оглядывалась Маша вокруг, ища подругу, надежды вовсе не было никакой.

Спросив у Маши об Ане и получив ответ «Похоже, не будет», Юрка сунул руки в карманы, насупился и пошёл по тропинке вверх. Думал об Анюте — почему не приехала? Жаль, что они тогда подружились только к концу смены. Потом разъехались, и всё: Анюта осталась единственным светлым воспоминанием о «Ласточке» того года. Она рассказывала, что у её отца какие-то проблемы то ли с партией, то ли с работой… Говорила, что очень хочет приехать снова, но не знала, получится ли. И вот — не получилось, видимо.

Юрка раздражённо пнул ногой нижние ветки пышного куста сирени, что рос у электрощитовых. Он не любил её приторный, липнущий к носу запах, но забавы ради остановился и стал выискивать пятилистные цветочки: когда-то мама рассказала, что если найти такой и прожевать, загадав желание, оно обязательно сбудется. Знать бы ещё, что загадывать. Раньше, год-полтора назад, были и мечты, и планы, а теперь…

— Конев, — раздался сзади строгий голос вожатой Юркиного отряда, Ирины. Юрка стиснул зубы и обернулся. На него подозрительно смотрела пара ярко-зелёных глаз: — Что ты тут один бродишь?

Ирина вот уже третий год была вожатой в его отряде. Строгая, но добрая невысокая брюнетка — одна из немногих в «Ласточке», кто находил с Юркой общий язык.

Юрка втянул голову в плечи.

— Ну Марь Иванн… — протянул он, не поворачиваясь.

— Что ты сказал?

С тихим треском Юрка отломил ветку сирени с самым большим и пышным соцветием. Развернулся, протянул вожатой:

— Цветочками любуюсь. Вот, Ира Петровна, это вам!

Юрка был единственным, кто принципиально называл её по имени и отчеству, не догадываясь о том, что Иру это очень обижало.

— Конев! — Ира покраснела и явно смутилась, но строгости в голос прибавила: — Ты нарушаешь общественный порядок! Хорошо, что я тебя увидела тут, а если бы кто-то из старших воспитателей?

Юрка знал, что вожатая никому на него не пожалуется. Во-первых, ласковая даже в строгости, Ира почему-то жалела его, а во-вторых, за

непослушание подопечных вожатые сами могли получить выговор, вот и старались всё решить, не привлекая начальство.

Она вздохнула и упёрла руки в бока:

— Ну ладно, раз уж ты тут бездельничаешь, у меня есть для тебя важное общественное задание. После отбоя найдёшь Алёшу Матвеева из третьего отряда — он такой рыжий и в веснушках. Пойдёшь с ним к завхозу, попросите две лестницы и несите их к эстраде. Там я вам выдам гирлянды, нужно будет развесить для вечерней дискотеки. Всё понятно?

Юрка немного огорчился, планировал на речку сходить, а теперь вместо этого на лестнице балансируй. Но кивнул. Неохотно. А Ирина прищурилась:

— Точно всё понятно?

— Точно, Марьива… Тьфу ты… Так точно, Ира Петровна! — Юрка щёлкнул отсутствующими каблуками.

— Конев, ты допаясничаешься, мне твои шуточки ещё с прошлой смены надоели!

— Извините, Ира Петровна. Всё ясно, Ира Петровна. Будет сделано, Ира Петровна!

— Иди, безобразник. Да побыстрее!

Алёша Матвеев оказался не только рыжим и веснушчатым, но и лопоухим. Он тоже не первый год приезжал в этот лагерь и тараторил без умолку о прошлых сменах. Хаотично перескакивал с темы на тему, упоминал имена и фамилии, то и дело спрашивая: «А этого знаешь? А вот того помнишь?» И торчали у Алёши не только рыжие кудряшки да уши, но ещё и зубы, особенно когда он улыбался, а улыбался он всегда. Из Алёши буквально била энергия и жажда жизни, он был смешным и солнечным. И ужасающе деятельным. «Ужасающе» потому, что Матвеев был из разряда тех людей, которые могут утопить рыбу. Поэтому каждый человек в лагере, прежде чем дать ему задание, очень и очень хорошо думал и взвешивал.

С гирляндами они справились довольно быстро. Уже через час несколько окружающих деревьев были обмотаны проводами с лампочками, по сцене протянули и закрепили самые красивые «свечки». Оставалось только на яблоню забросить провода. Юрка окинул дерево профессиональным взглядом и полез на стремянку. Любимую яблоню хотелось сделать не только самой красивой, но и

самой удобной — чтобы, тайком лазая по ней, не зацепиться за провод. Держа лампочку в одной руке, второй схватившись за толстый сук, Юрка переступил со ступеньки на ветку, намереваясь закрепить гирлянду повыше.

Раздался сухой треск, затем вскрик Алёшки, потом Юрке оцарапало щёку, картинка перед глазами смазалась на пару секунд, затем в спине и пятой точке вспыхнула боль, а в довершение всему в глазах ненадолго потемнело.

— Мамочки! Конев! Юрка, Юр, ты как, ты живой? — Ира склонилась над ним, прикрывая руками рот.

— Живой… — прокряхтел он, садясь и держась за спину. — Ударился больно…

— Что болит, где болит? Рука, нога, где? Здесь?

— Ай! Сломал!

— Что сломал? Юра, что?!

— Да гирлянду эту сломал…

— Да бог с ней, с гирляндой, главное…

Юрка привстал. Все двадцать человек, готовивших площадь к празднику, окружили пострадавшего и выжидательно уставились на него. Потирая ушибленную ладонь, Юрка улыбнулся, стараясь спрятать боль за улыбкой. Он очень боялся потерять репутацию непробиваемого и мужественного парня. Не хватало ещё жаловаться на ушиб и прослыть нытиком, слабаком и слюнтяем. И ладно бы только рука со спиной болела — копчик, чтоб его, ныл! Признайся в таком — засмеют: «Коневу хвост подбили».

— Да что вы говорите? «Бог с ней»? — вмешалась старшая воспитательница, суровая Ольга Леонидовна, второй год подряд точащая на Юрку зуб. — Как это понимать, Ирина?! Гирлянда — имущество лагеря, кто за неё платить будет? Я? А может, ты? Или ты, Конев?

— А что я сделаю, если у вас лестницы шаткие?

— Ах, лестницы шаткие? А может, это всё-таки ты виноват, разгильдяй? Только посмотри на себя! — она строго ткнула пальцем Юрке в грудь. — Галстук — ценнейшая для пионера вещь, а у тебя он грязный, рваный и повязан криво! Как не стыдно в таком виде по лагерю… да что по лагерю — на линейку в таком виде явился!

Юрка взялся за кончик красной ткани, быстро посмотрел — и правда, грязный. Испачкался, когда падал с яблони?

Юрка начал оправдываться:

— На линейке галстук был правильно завязан, он сбился, потому что я упал!

— Потому что ты тунеядец и вандал! — Ольга Леонидовна брызнула слюной. Юрка оторопел. Не найдя, что ответить, он молча стоял и слушал, как она его хает. — Пионерию два года как перерос, а в комсомол вступать даже не думаешь! Или что, Конев, не берут? Не заслужил? В общественной деятельности не участвуешь, отметки из рук вон плохие — конечно, не берут, какой же из хулигана комсомолец!

Юрке бы сейчас радоваться — наконец вывел воспиталку на откровенность, да ещё и при всём честном народе, но её последние слова всерьёз обидели.

— Никакой я не хулиган! Это у вас тут хлипкое всё, скрипит, а вы… а… а вы…

Вся правда была готова слететь с языка. Юрка вскочил на ноги, набрал воздуха в лёгкие, собираясь орать и… вдруг задохнулся — кто-то увесисто ткнул его в ушибленную спину. Это была Ира. Она выпучила глаза и шикнула: «Тихо!»

— Что же ты остановился, Юра? — сощурилась воспитательница. — Продолжай, мы все тебя очень внимательно выслушаем. А потом я позвоню родителям и такую характеристику для тебя напишу, что ни комсомола, ни тем более партии тебе не видать как своих ушей!

Ольга Леонидовна, очень худая и очень высокая, нависла над ним, зашевелила бровями, сверкнула гневом из глаз, видимо, пытаясь его ослепить, и никак не унималась:

— Всю жизнь будешь полы мести! И как тебе не стыдно такую фамилию позорить?

— Ольга Леонидовна, но вы ведь нам сами говорили, что нельзя на ребенка кричать, — Ира осмелилась её пристыдить.

Вокруг уже и так собралось много народу. Слыша ругань, подходили и другие, а воспитательница при всех кричала на вожатую, а теперь и на Юрку.

— А с ним другие методы не работают! — парировала старшая воспитательница и продолжила обвинять Юрку: — В первый же день

устраиваешь погром в столовой, теперь вот ломаешь гирлянды!

— Это случайно вышло, я не хотел!

Юрка правда не хотел ничего такого устраивать, а тем более в столовой! На обеде, когда относил грязную тарелку, он перебил половину посуды. Случайно уронил свою на стопку других тарелок, тоже грязных, составленных абы как. Тарелка поехала вниз, скатилась на другие, которые тоже поехали, и всё это безобразие со страшным грохотом рухнуло на пол и разбилось. Конечно, все заметили, пол-лагеря сбежалось на шум, а он стоял, разинув рот, красный, как рак. Не хотел он такого внимания! Юра вообще никогда не хотел внимания, даже в сельпо в соседнюю деревню бегал один, лишь бы было тише. И сейчас тоже — грохнулся с яблони, его отчитывают за какую-то лампочку, и все на это смотрят! Даже те, кто должен своими делами заниматься, стоят и смотрят, а претензии как бездельнику предъявят одному только Юрке!

— Ольга Леонидовна, пожалуйста, простите на первый раз! — снова вмешалась Ира. — Юра — хороший мальчик, он повзрослел, исправился с того года, правда, Юр? Он ни при чем, это лестница шаткая, его бы в медпункт…

— Ирина, это уже чересчур! Как тебе не стыдно, мне, коммунистке с тридцатилетним стажем, врать прямо в глаза?!

— Нет, я не…

— Я без твоих подсказок видела, что Конев с лестницы на ветку полез. Выговор тебе, Ирина, строгий! Будешь знать, как покрывать диверсантов!

— Да что же вы, Ольга Леонидовна, какая диверсия!

— Одного выговора мало, ещё добавить?

— Нет. Конечно нет. Просто Юра — он ведь ещё ребёнок, у него энергии много. Ему бы эту энергию направить в правильное русло…

— Хорош ребёнок — рост метр восемьдесят!

С ростом она, конечно, преувеличила. Юрка, дай бог, чтобы Леонидовну перерос, но Бога в СССР не было. «Метр семьдесят пять», — объявили на медкомиссии. Ни сантиметром больше.

— Он — мальчик творческий, ему бы в кружок поактивнее, — продолжала канючить Ира Петровна. — Вот спортивная секция у нас есть, да, Юр? Или вот… театральный кружок открылся, а у Володи как

раз мальчиков мало. Пожалуйста, дайте ему шанс, Ольга Леонидовна! Под мою ответственность.

— Под твою ответственность? — оскалилась старшая воспитательница.

Юрка было подумал, что это провал, но вдруг Ольга Леонидовна обернулась, взглянула на Володю и хмыкнула. Володя, который как раз вытаскивал аппаратуру для дискотеки из кинозала, услышав своё имя, побледнел и нервно моргнул.

— Ладно… Под твою персональную ответственность до первого предупреждения. — Она взглянула на Юрку: — Конев, если хоть что-то пойдёт не так, отвечать будете оба. Да-да, ты не ослышался, за твои промахи будет наказана Ирина, может, хоть это тебя остановит. Володя! — Она крикнула ему, а тот отступил на шаг назад, будто со страху.

Вдруг его острый взгляд переметнулся на Юрку, и Володя вмиг изменился — разрумянился, расправил плечи и смело шагнул к воспитательнице.

— Да, Ольга Леонидовна?

— Принимай нового актера. А чтобы не вздумал филонить, если с кружком тебе потребуется помощь, расширим обязанности Конева. О его успехах докладывать ежедневно.

— Хорошо, Ольга Леонидовна. Конев… Юра, кажется, да? Репетиция начнётся в кинозале сразу после полдника. Пожалуйста, не опаздывай.

«Па-а-ажалуйста», — мысленно передразнил Юрка, хотя Володин голос оказался красивым. Чуть ниже стандартного баритона, шелковистый, приятный, но совсем не певчий, не поставленный. И из-за того, что Володя вычурно тянул «а», его строгий тон показался Юрке смешным и немного раздражающим.

Вблизи вожатый перестал казаться испуганным, наоборот, когда он подошёл поближе и посмотрел на Юрку, будто переменился — деловито поправил за дужку очки, вздёрнул подбородок и чуточку свысока взглянул на него. Юрка, достававший Володе до носа, качнулся на пятках и сообщил:

— Понял, буду вовремя.

Володя кивнул и посмотрел в сторону — на ребят, копошащихся с проводами у динамиков. И, строго прикрикивая на ходу: «Ну что вы

делаете! Это провода от цветомузыки!», бросился к ним.

Юрка отвернулся. Танцплощадка гудела, как растревоженный улей. Деловитые пионеры снова принялись заниматься кто чем: что-то вешали, что-то чинили, красили, мыли и подметали, а позади Юрки, на эстраде, натужно скрипели верёвки. Ребята собирались вешать плакат-растяжку, который лежал на сцене. Завхоз Саныч скомандовал громовым голосом: «Тяни!» Верёвки вжикнули, и над самой Юркиной головой взлетела широкая, ярко-алая тканевая полоса с белоснежной надписью.

Юрка хмыкнул, дёрнул порядком ободранный краешек своего пионерского галстука и с презрением проскандировал надпись: «Как повяжешь галстук, береги его! Он ведь с красным знаменем цвета одного!»

Глава 2

Натуральный балаган

Лёгкий ветерок принёс со стройки удушливый запах жжёной солярки. Он казался настолько чуждым для этого места, что хотелось от него скрыться. К тому же дождь, до сих пор только накрапывавший, усилился. И Юра немедля отправился в кинозал. Не будь ядовитого ветра и холодного дождя, он всё равно не смог бы не свернуть туда, ведь это место больше других полнилось воспоминаниями того лета.

Кинозал стоял рядом с эстрадой — он был одновременно и театром, и танцполом, где в пасмурные вечера проводились дискотеки. Высокое деревянное здание сохранилось на удивление хорошо, только большие окна зияли чёрными провалами с торчащими осколками в рамах.

Ступеньки кинозала скрипели точно так же, как два десятка лет назад, в первый вечер их знакомства. В глубине души Юра даже порадовался скрипу — так ли часто услышишь ничем не искажённые звуки из детства? Вот бы ещё услышать фортепиано: нежную глубокую «Колыбельную» — лейтмотив того лета. Это здание всегда ассоциировалось у Юры с музыкой: и раньше, когда ноты звучали здесь каждый день, и сейчас, когда в кинозале царила мёртвая тишина. Но почему этот зал даже в безмолвии продолжал напоминать о ней, Юра не понимал.

Снаружи дом сохранился неплохо, а внутри — так себе. На окнах колыхались плотные, изъеденные молью шторы. Утеплённую войлоком дверь выбили, из пустого проёма внутрь полутёмного зала падала полоса дневного света. Она расстилалась по спинкам зелёных зрительских кресел, до сих пор стоявших ровными рядами. Она падала на голую стену, оттеняла фактуру облупившейся краски. Освещала бурый, грязный пол. Взгляд следом за лучом упал на выбитые паркетные досочки, и Юра понял, отчего именно музыка стала для него такой яркой ассоциацией. Россыпь бурых брусков где-то лежала

кучкой, а где-то ровным рядом — точь-в-точь как выбитые фортепианные клавиши. «Колыбельная» — красивая мелодия, вот бы снова сыграть.

Сцена. Слева, на месте, где тем памятным вечером сидел Володя, теперь росло деревце — тонкая, совсем молодая берёзка пробилась через фундамент наружу, выломала истлевшие доски и потянулась к свету, к провалу в потолке, через который в тёмный зал попадали косые бледные лучи. Необычайно пушистая крона лишь подчёркивала пустоту справа. Эта пустота резала Юре глаза, он отчётливо помнил, что раньше там стояло пианино.

Ступая по досочкам-клавишам, Юра направился к берёзке. Только коснулся чуть пыльных листочков, как понял: он ни за что не хочет уходить отсюда. Вот бы остаться здесь дотемна, смотреть на берёзку и ждать, когда откроется тяжёлый занавес и актёры выйдут на сцену. Он прислонил лопату к стене, сел в ветхое зрительское кресло, оно заскрипело. Юра улыбнулся, вспомнив, как в вечер первой репетиции пол жалобно выл под ногами, когда Юрка мялся перед обитой войлоком дверью, что валялась сейчас на крыльце. Как же он тогда злился на Иру Петровну, как злился!

* * *

«Ну Ира, ну Петровна, ну на кой ляд мне сдался этот театр?!» Настроение у Юрки было хуже некуда — ещё бы, при такой толпе народа его и отругали, и выставили полным болваном. Чёрт бы побрал и эту Ольгу Леонидовну вместе со своими нравоучениями! Юрка весь день гневался, обижался и пытался найти причину, чтобы не идти на репетицию. Но отвертеться не получилось, пришлось унять свои капризы, ведь Юрка понимал, что не пойди он вечером в театр — подведёт Иру Петровну, которая отвечает за него головой.

Но злость-то никуда не делась! Юрка даже намеревался грохнуть дверью, чтобы всем показать, что думает об этой дурацкой самодеятельности. Но только замахнулся, только тихонько скрипнул ступенькой, как замер на пороге.

Володя был один. Сидел слева на самом краю сцены, читал что-то в тетрадке и грыз грушу. Рядом стоял радиоприёмник, шипел и скрипел от постоянных радиопомех, пытался играть «Канон» Пахельбеля. Володя, слыша, что помехи опять перебивают звуки

фортепиано из динамиков, клал тетрадку на колени и, не глядя, поворачивал антенну.

Юрка обомлел — таким этот Володя показался ему простым и даже трогательным. Без тени бравады, сосредоточенный и ссутуленный, вожатый сидел прямо на полу и болтал ногой. Он хрустнул грушей, задумчиво прожевал, проглотил — чуть не поперхнулся и вдруг тряхнул головой — похоже, в тексте что-то не понравилось. Очки сползли на кончик носа.

«Ещё бы не сползали, на таком-то ровном», — заметил про себя Юрка и кашлянул. Случайно. Он бы ещё постоял, посмотрел, полюбовался и позавидовал Володе — не носу, разумеется, а груше — уж очень он их любил. Володя поднял голову, бросил тетрадь, рефлекторно устремил указательный палец себе в лицо, но вдруг передумал, разжал руку и аккуратно, со слегка надменным видом, поправил очки за дужки.

— Привет. Уже вернулся с полдника?

Юрка кивнул.

— А где это груши раздают? В столовой нет ничего…

— Меня угостили.

— Кто? — автоматически спросил Юрка, вдруг это его знакомый, тогда можно было бы за так выпросить или на что-нибудь обменять.

— Маша Сидорова. Она у нас на пианино играет, скоро придёт. Давай поделюсь? — и протянул ему ненадкусанную половину груши, но Юрка помотал головой. — Не хочешь — как хочешь.

— Так, и что я буду здесь делать? — поинтересовался Юрка, поднявшись на сцену и деловито скрестив руки на груди.

— Сразу к делу, да? Хороший подход, мне нравится. Действительно, что же ты будешь делать?.. — Володя встал на ноги и задумчиво уставился в чистый белый потолок. — Смотрю сценарий, думаю, какую тебе дать роль, но представляешь, нет для тебя — здоровенного лба — роли.

— Как это нет? Совсем?

— Совсем, — Володя уставился ему в лицо.

— Может, дерево… ну или волк… В любом детском спектакле есть либо волк, либо дерево.

— Дерево? — Володя усмехнулся. — У нас будет тайник в полене, но это реквизит, а не роль.

— Ты всё-таки подумай над этим. Уж что-что, а полено я сыграю отлично, профессионально даже. Показать?

Не дожидаясь ответа, Юрка лёг на пол плашмя и вытянул руки вдоль туловища.

— Как тебе? — спросил, приподнявшись и глядя на Володю снизу вверх.

— Не смешно, — сухо отрезал тот. — Ты кое-чего не понимаешь. У нас не юмористический спектакль, а драма. Даже трагедия. У лагеря в этом году юбилей — тридцать лет со дня основания, Ольга Леонидовна говорила на линейке.

— Ну, говорила, — подтвердил Юрка.

— Так вот. То, что лагерь носит имя пионера-героя Зины Портновой, ты, конечно, сам знаешь. А то, что первым массовым мероприятием здесь был спектакль о жизни Портновой, — это должно быть для тебя новостью. Так вот, именно этот спектакль мы поставим на дне рождения лагеря. Так что полено, Юра, не в этот раз.

Говорил Володя вдохновенно, с видом человека, намеревающегося сделать что-то особенное и значимое. Но Юрку не проняло.

— Фу! — скривился он. — Скучно…

Володя сперва нахмурился, потом посмотрел на него оценивающе и наконец ответил:

— Нет уж, скучно не будет — во всяком случае, тебе. Раз роли не нашлось, будешь мне помогать с актёрами. А что? Тут у нас, кроме меня, всего один взрослый — Маша. Кстати, она ведь из твоего отряда. А остальные все малыши. Если с девочками справляться не надо, они сами по себе послушные, то мальчики прямо-таки бешеные. Тут не просто глаз да глаз, тут и авторитет нужен.

— Пф… Ну и пусть Маша с ними нянчится, я им что, мамочка?

— Говорю же, Маша не справится: мальчикам нужен не кто-нибудь, а авторитет. У меня нет времени, чтобы…

— И с чего это ты взял, что я соглашусь?

Володя тяжело выдохнул:

— Согласишься. Потому что у тебя нет выбора.

— Да ну?

— Ну да. На твоём месте я бы лучше подтянул свою дисциплину…

— А то что?

— А то, что если опять натворишь бед, тебя просто выгонят из лагеря! — Володя повысил тон, в его голосе прозвучали сердитые нотки. — Я серьёзно. Знаешь, как сегодня Ирину отчихвостили за гирлянду? И кстати, Ольга Леонидовна просила тебе напомнить, что это было последнее предупреждение.

Юрка даже не нашёл, что на это сказать. Вскочил, заходил кругами. Потом остановился как вкопанный, задумался. Скучно ему в лагере? Ну да. А уезжать хочется? На самом-то деле не очень. Сказать по правде, Юрка не мог определиться с тем, чего хотел, но вылетать из лагеря с позором… Он-то ладно, пусть с позором, а Ира Петровна как? С выговором в личном деле и ужасной характеристикой? Хорош мужик, мало того что за вожатской юбкой прятался, так ещё и подвёл её, Иру. Нет, такое точно не входило в Юркины планы.

— Поручились, значит, и теперь шантажируете? — пропыхтел он, начиная злиться то ли на них, то ли на самого себя.

— Никто тебя не шантажирует и уж тем более не хочет выгонять. Просто веди себя хорошо, слушайся вожатых, помогай.

— Слушаться? — прошипел Юрка.

Он почувствовал себя загнанным в угол. Казалось, что все вокруг сговорились и теперь ищут повод и способы, как бы насолить посильнее, как бы забраться поглубже в самые мысли и чувства, как его затравить, задушить… Только приехал, а на него уже набросились, обвиняют, ругают, поучают. Это несправедливо! Совершенно не соображая, что несёт, Юрка будто озверел. Хотелось выплеснуть задавленный гнев, хотелось ломать и крушить всё на своём пути.

— Да кто вы все такие, чтобы я вас слушался? Ха! Да я вам покажу, я тебе покажу! Спектакль, значит? Да я вам такой спектакль устрою, мало не покажется!

— Грозится ещё, — хмыкнул Володя. Его совершенно не тронула Юркина тирада. — Ну и устраивай. Тебя выгонят, и поминай как звали. А за спектакль кого накажут? Тебя? Нет, меня! Только я-то тут при чём? При том, что правду сказал? А будто ты сам не знал, что застрял у администрации костью в горле. Непонятно, как тебя вообще сюда определили.

— Я ничего плохого не делал! — выпалил Юрка и вдруг скис. — Это всё… оно всё само: и тарелки эти, и гирлянда… я не хотел! И насчёт Иры не хотел…

— Ясное дело, что не хотел, — Володя произнёс это так искренне, что у Юры вытянулось лицо.

— В смысле?

— Я верю тебе, — кивнул он, — поверили бы и другие, если бы репутация у Юры Конева была не такой плохой. После твоей прошлогодней драки сюда проверки как к себе домой ходят, одна за одной. Леонидовне только повод дай, она тебя выгонит. Так что, Юра… Будь мужчиной. Ирина за тебя поручилась, а теперь и я отвечаю. Не подведи нас.

На сцене справа стояло пианино, а в центре — бюст вождя пролетариата. От досады Юрке захотелось разбить голову Ленина об пол, чтобы разлетелась вдребезги, но он попытался успокоиться и отдышаться. Подошёл к Ильичу, облокотился, приник лбом к холодной лысине и грустно так посмотрел на Володю.

— Раз ты такой честный, скажи… Вы роль не даёте, чтобы я физиономией на людях не светил и лагерь не позорил?

— Что за глупости? Роли нет, потому что я пока ничего не придумал. Актёры-мальчишки у нас все маленькие, ты среди них будешь смотреться великаном в стране лилипутов, а по сценарию великанов у нас нет. — Он улыбнулся. — Ты лучше скажи, что вообще умеешь? Петь, танцевать? Играть на каком-нибудь инструменте?

Юрка покосился на пианино, в груди неприятно кольнуло. Он насупился и уставился в пол:

— Ничего не умею и ничего не хочу, — соврал, прекрасно понимая, что обманывает сейчас не столько Володю, сколько самого себя.

— Ясно. Значит, вернёмся к тому, с чего начали — будешь мне помогать, а заодно подтянешь свою дисциплину и восстановишь репутацию.

Разговор зашёл в тупик. Они молчали. Юрка косился левым глазом на нос Владимира Ильича, сдувал с него пылинки. Другой Владимир, не Ильич, а Львович, и не вождь, а худрук, снова уставился в тетрадку. Время шло, полдник, с которого Юра ушёл раньше всех, закончился, в кинозал начали подходить актёры.

Первой явилась Маша Сидорова. Улыбнувшись Володе и проигнорировав Юрку, она легонько качнула бедром в юбке-солнышко и уселась за пианино. Юрка пристально посмотрел на неё — за прошедший год Маша преобразилась. Вытянулась, похудела и

отрастила волосы до пояса, научилась кокетничать, совсем как взрослая. Сидела теперь вся из себя с прямой спиной и длинными загорелыми ножками.

— Людвиг Ван Бетховен, — объявила негромко. — Соната для фортепиано номер четырнадцать до-диез минор, опус двадцать семь, — и, взмахнув волосами, коснулась пальцами клавиш.

Юрка закатил глаза — «Лунная соната»! А ничего пооригинальнее Маша не могла придумать? «Соната» всем уже оскомину набила, каждый второй её играет. Как бы Юрка ни ворчал, ему стало чуточку завидно, ведь не на него, а на Володю Маша бросала робкие, но полные нежности взгляды, и не для него, а для Володи играла.

Тем временем Маша закончила и тут же начала по новой — видимо, чтобы Володя ещё немного постоял близко-близко и ещё поглядел одобрительно да поулыбался ей. Но ничего у Машки не вышло.

Грохнув дверью, как хотел сам разгильдяй Юрка, ватага юных актёров ввалилась в зал. Захватила и Володино внимание, и его самого. Оцепленный кольцом орущих детей — каждому непременно требовалось сообщить худруку что-то крайне важное, — Володя пытался их успокоить. Но вскоре пришлось успокаиваться ему самому — в зал явилась троица. Нет, не так, — Троица! Конечно, без отца, сына и духа… Хотя духом повеяло, но не святым, а парфюмерным. Полина, Ульяна и Ксюша, по первым буквам имён Юрка называл их ПУК. Эти трое были живым воплощением символа трёх обезьян «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу», только наоборот — всё вижу, везде подслушаю и всем расскажу. Вот и сейчас они вошли в зал, шаря вокруг любопытными взглядами, и грациозно вспорхнули на сцену. Приодетые, расфуфыренные, с одинаковой помадой на губах и пахнущие одинаково — польскими духами «Быть может». Юра знал этот запах, потому что полстраны пользовалось такими же.

Сперва он подумал, что Володя соврал про единственную взрослую в труппе, но только Юрка взглянул на вспотевшего худрука, как понял — тот сам удивился, что спектакль приобрёл такую популярность. А тут ещё Полина, совсем обнаглев, подхватила его под локоть.

— Володя, а давай современное ставить? Я знаю такой интересный спектакль про любовь и, кстати, могу сыграть…

— Девочки, а вы разве не в курсе, что набор уже окончен? — вмешалась бледная от злости Маша. Видимо, догадалась о том, что популярность приобрёл вовсе не спектакль, а вожатый. — Уходите, вы опоздали!

— Н-ничего страшного. — Володя засмущался, аж щёки заалели. Ещё бы, столько красавиц вокруг и все глядят на него… Юрка тоже засмущался бы. — В «Юных мстителях» было много девушек, оставайтесь. Найдём вам роли. Фрузы Зеньковой, например, у нас нет…

— Ах так! Им, значит, найдём роли, а я — нянчись?! — взбесился Юрка.

Его протест остался неуслышанным. К визгу детей присоединились и вопли взрослых, начался натуральный балаган.

— А можно я буду костюмером? — пискнула Ксюша. — Я вам такие красивые платья сделаю.

— Какие ещё красивые платья на войне? — возмутился Юра.

— Так спектакль про войну? — разочарованно протянула Ксюша. — А-а-а…

— Ага! — рявкнул Юрка. — Ясное дело, что про войну, про Портнову же. Пошла на спектакль, а о чём он, даже не знает… Володя! Почему я нянчиться должен?

— Вовчик, ну давай современное! — не унималась Полина. — Давай «Юнону и Авось»!

Маша, оставив пианино, верещала на соперниц, Юра верещал о несправедливости, дети верещали из-за спектакля — что-то придумали, — а Володя орал на всех, чтобы замолкли. Никто никого не слушал.

— А кто говорил, что спектакль скучный. А, Уля? — растрёпанная от ярости Маша дёргала подол своего ситцевого платья. — А ты что ухмыляешься, Поль, будто не поддакивала?

— А тебе-то что, боишься, что уведём? — язвила Уля.

— Сам ты — мамка! — обижался Юра.

— Московское метро такое красивое… — хвастался толстенький мальчик из Володиного отряда.

— Володя, Володя, Володя! Можно я, можно я скажу? Володя! — Малыши прыгали и хватали худрука за руки.

— Да подождите вы. Ребята, по одному… — успокаивал их вожатый.

— Я на самом краю платформы стоял, а поезда такие вжюх, вжь-жюх! Прямо на самом краю, вот как сейчас… Вжюх… — вертелся пухлый хвастун.

— Саша, отойди от края сцены, упадёшь!

— Вжь-жюх!

— Мымра!

— Можно я?

— Это несправедливо!

— Я буду костюмером.

— Боже, да хватит! — Володин рык катком прокатился по залу, примял собой гомон.

Стало тихо. Так, что можно было услышать, как пыль падает на пол. Как сердце стучит: бах-бах… Как Машка пыхтит. Все замерли, только пухленький хвастун вертелся на самом краю высокой, не ниже метра, сцены.

Бах-бах… бах…

Вдруг он подвернул ногу, нелепо раскинул руки в стороны и медленно, тяжело полетел вниз. У Юрки ёкнуло сердце, Маша зажмурилась, у Володи запотели очки.

Ба-бах!

— А-а-а! Нога-а-а!

— Са-а-аня…

На хвастуна было больно смотреть, но на Володю ещё больнее. Как он забегал вокруг раненого, как у него задрожали руки, как он принялся себя проклинать: «Ну ведь мог бы предотвратить, мог бы…» Юрка, хоть и сердился на Володю, всё же первым пришёл на помощь. Растолкал актёров-зевак, мгновенно оказавшихся рядом с Сашей, процитировал героя модного иностранного фильма: «Отойдите все, у меня отец — врач!» — и встал на колени. Вообще-то, Юрка не шутил. Отец тысячу раз показывал ему, как проводить осмотр, вот Юрка и осмотрел поцарапанную лодыжку и ободранное колено и с видом эксперта заключил, что больного требуется немедленно доставить в медпункт. Авторитетно заверил, что носилки не нужны.

Володя попытался взять пострадавшего под руки, но тот зарыдал и наотрез отказался стоять на здоровой ноге.

— Юр, помоги. Встань слева, я од… я один не… — пыхтел Володя. Вертлявый ревущий Сашка и без того весил не меньше вожатого, так ещё и сопротивлялся.

— Мама! Ма-ма-а-а! — стенал он.

— Давай, взяли! И р-р-раз! — деловито скомандовал Юрка, старательно делая вид, что днём, при падении с яблони, у него ничего не было отбито и не болит. Хотя ему даже нагибаться было трудно.

— Маша, ты за главную, — велел Володя.

Маша победно зыркнула на соперниц.

— Можно я буду костюмером? — вклинилась настырная Ксюша.

— Да можно, можно, — раздражённо ответил Володя, но успокоился и напутствовал: — Читайте по бумажкам, я позж… Господи, Саша, я понимаю, что больно, но хватит так орать!

* * *

Шли в медпункт медленно и долго, под аккомпанемент воплей пострадавшего. Только слепой не понял бы, что Саша верещит не от боли, а от страха и для привлечения внимания. Юрка сосредоточенно молчал, думая только о своём копчике, Володя уговаривал:

— Саня, ну потерпи, совсем чуть-чуть осталось.

На вопли выбежала врач, закудахтала курочкой, засуетилась, принялась жалеть несчастного. Юрку грубо отпихнула, а на вожатого глянула строго, даже зло. Юрка, пожав плечами, не стал заходить в медпункт, вдруг Лариса Сергеевна поинтересуется, помогла ли мазь, и Володя узнает о позорной Юркиной травме. Мелочь, а неприятно. Но он всё-таки решил дождаться скрывшегося за дверью Володю. Хотел узнать, верным ли окажется его диагноз: безмозглость и немногочисленные ушибы, никаких вывихов и растяжений.

Возле крыльца в зарослях цветущего шиповника стояла уютная лавочка. Юрка лёг на неё, уставился в небо и, вдохнув полной грудью свежего, благоухающего цветами воздуха, понял, как ему хорошо сейчас и как было душно в кинозале.

Володя вышел минут десять спустя: подвинул Юркины ноги и устало плюхнулся на лавку. Тяжело вздохнул.

— Ну как он? Жить будет? — лениво поинтересовался Юрка, продолжая наслаждаться воздухом — до чего он хорош: чистый и прохладный, хоть пей.

— Да там расцарапанная коленка и пара синяков — ничего серьёзного. И зачем было так орать?

— Как зачем? — Юрка приподнял голову, но садиться не спешил. — У вас ведь сегодня прослушивание, вот он и выделывался. Видимо, хотел показать все свои таланты разом. А ты бы на ус мотал — такой голосище зря пропадает!

Володя улыбнулся, и на его усталом лице эта улыбка показалась такой искренней, что Юрка удивился — разве он стал её причиной? И обрадовался, это приятно. Но улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

— Как мне все это надоело! — Володя потёр виски.

— Что надоело? Командовать? — потянувшись, Юрка убрал руки под голову, посмотрел в небо и сощурился от его голубизны.

— Только первый день в лагере, а уже всё надоело! За малышней следить, перед воспитателями за каждую мелочь отчитываться, нагоняи получать — и тоже за каждую мелочь! Ещё кружок этот театральный навязали… А сейчас так вообще — травма у ребёнка.

— Так зачем ты поехал? Не знал, что будет сложно?

— Знал… но не думал, что настолько. Когда ездил в лагерь пионером, мне казалось, что это нетрудно — подумаешь, за детьми последить? Да ещё и с пользой: тут тебе и зарплату платят, и отдых на природе, и жирный плюс в характеристику — для комсомола, да и, если удастся, в партию пригодится. А на деле-то всё не так. — Володя пододвинулся ближе, чуть склонился над Юркой. — Мне сунули самый младший отряд, якобы с маленькими легче. А с ними, наоборот, одни нервы! Я по три раза в час их пересчитываю, они бегают от нас со второй вожатой и совершенно не слушаются. Мне что, орать на них в самом деле?

— Почему бы тебе не орать, если орёт даже старшая воспитательница? Педагог, чтоб её… — Юрка нахмурился.

— Зря она так сделала, конечно, — кивнул Володя. — Сама же учила — не повышать на ребёнка голос, но если придётся ругать, то не его самого, а его проступок. И самое главное — не при других.

— Это она так говорила? — Юрка хохотнул. — Во дела…

— Она, лично. Но это было до того, как вчера проверка нагрянула и выявила кучу замечаний. Они ходят теперь каждую смену. И угадай, из-за кого это всё?

— Ой уж прям из-за меня! — не поверил Юрка, но настроение начало портиться.

— А кто додумался устроить драку в пионерлагере? Ты ещё спасибо сказать должен, что тебя в милицию не забрали. — Володя грозно сверкнул глазами, но порыв научить Юрку уму-разуму сошёл на нет, как только вожатый взглянул на зелёный домик медпункта. Он тут же поник и превратился из воспитателя в обычного парня. Тяжело вздохнул, видимо, одно напоминание о травмированном Сашке тут же затянуло его в омут переживаний и проблем. Когда Володя заговорил снова, его голос прозвучал хрипло и безжизненно: — Мне пятый отряд завтра на речку вести. Не одному, конечно, со второй вожатой, Леной, а она поопытнее будет. Плюс на пляж придёт физрук, тоже поможет следить за детьми. И лягушатник им уже отгородили, всё как положено. А я всё равно боюсь до ужаса. И Лена тоже боится. Она рассказывала, что её знакомую вожатую судили в прошлом году — у неё девочка в реке утонула. Днём, у вожатых на виду… Сегодня мы на речку не успели — пока приехали, пока устроились, уже и дело к обеду. Но завтра — всё, на пляж вести. Моя бы воля, вообще к воде не подпустил!

Юрка поёжился — да, на самом деле и в «Ласточке» когда-то бывали несчастные случаи, он слышал о таком.

— Ну не унывай, — Юрке захотелось подбодрить Володю, а то совсем поник. — Только начало смены, впереди ещё много времени, втянешься и привыкнешь. Вон Ира Петровна, например, уже не первый год вожатая, значит, есть что-то хорошее во всём этом?

— Я пока из хорошего вижу только зарплату и характеристику, чтобы потом в партию…

— Да сдалась тебе эта партия?! — вспыхнул Юрка. — Уже второй раз про неё говоришь.

Его по-подростковому раздражало в людях стремление жить по инерции, по указанному направлению, и нежелание хоть изредка шагнуть в сторону и сделать что-то не так, как их научили.

Володя на это пожал плечами.

— Сдалась, конечно! Юра, ты будто не знаешь — без партбилета ты ни работы хорошей… действительно хорошей не получишь, ни съездишь никуда. Да, политсистема не идеальна, в чем-то устаревшая, в чем-то избыточная, но рабочая ведь.

— Чего? — Юрка удивлённо вздёрнул бровь. От Володи он совсем не ожидал услышать нечто подобное. Тот как раз всем видом походил на человека, рьяно следующего указке этой самой «работающей» системы, а тут оказывается — избыточная, устаревшая…

— А того. Только между нами, ладно? Не при Сталине, конечно, живём, но мало ли что…

— Естественно! — он аж сел. Копчик потянуло, Юрка скривился.

— Наверное, каждый прогрессивный человек недоволен, что у нас в стране все живут, как пятьдесят лет назад — пионерия, комсомол, партия. Я тоже не слепой, но другого выхода нет.

— Не согласен! — Юрка даже выпрямился и повернулся, чтобы смотреть Володе в глаза… — Выход всегда есть.

Тот улыбнулся — немного надменно и снисходительно, но Юрку снова почему-то обрадовала даже такая улыбка.

— А ты вообще, Конев, часто со всем не согласен. Но так тоже жить нельзя. Конечно, выход есть. В этом случае — делать что должен, идти в комсомол, потом в партию, какой бы бесполезной ты её ни считал. А упираться рогом и пытаться крушить несокрушимое — вот это действительно бесполезно.

И Юрка, на самом деле привыкший со всеми спорить и быть несогласным, внезапно не нашёл, что ответить. Признавать правоту Володи не хотелось, но в глубине души возникло понимание, что доля истины в его словах есть. Особенно в части бесполезности Юркиного сопротивления.

А ещё именно в тот момент изменилось Юркино отношение к Володе. Вожатый вдруг перестал казаться таким себе роботом и превратился в обычного человека — со своими переживаниями и проблемами, с которыми не всегда знал, как справиться. Юрке нравилось, что их мысли в чём-то сходятся, и ему захотелось его поддержать.

— А хочешь, я буду тебе помогать? — сказал он, поддавшись этому порыву.

— В смысле?

— Ну, хоть с той же малышней. То есть не только за театралами твоими следить, но и за отрядом. Вот завтра, когда на речку их поведёшь, хочешь, приду?.. — Юрка запнулся, удивившись собственному пылу. — Ну, раз ты за них так переживаешь… — объяснил сконфуженно.

Володя тоже удивился, но просиял:

— Правда? Это было бы здорово! — Вдруг Володя всплеснул руками. — Что-то мы всё обо мне и моих проблемах. Нехорошо получается. Расскажи что-нибудь о себе.

Но рассказать Юрке о себе не дал громогласный вой из динамика, висящего на столбе.

Но выли не иерихонские трубы, а горн, зовущий лагерь на ужин. И земля задрожала не от крушения вечных стен, а от топота пионерских ног. Подобно генералам, вожатые кричали своим армиям: «По двое в колонну стройся! Ша-а-агом марш!» Жизнь в лагере забила ключом.

Только заслышав шипение из репродуктора, Юркин собеседник удрал в театр собирать труппу и вести её в столовую, а сам Юрка, кряхтя, поднялся и отправился в медпункт — пусть Лариса Сергеевна ещё помажет. Ему, как-никак, завтра в плавках щеголять, а сиять подбитым хвостом стыдно.

Юрка знал, что первый отряд завтра тоже отправят купаться, но почему-то, размышляя о хвосте, он думал не о своём отряде, а о пятом. Точнее, о вожатом пятого отряда.

Глава 3

Пугало парнокопытное

Утро в «Ласточке» Юрка любил особенно сильно. Но только до тех пор, пока не приходилось вылезать из-под тёплого одеяла и плестись к умывальникам. Всё бы ничего: птицы пели, деревья шелестели, лагерь казался сонным и меланхоличным. Но потом по внутренней радиолинии запускали пластинку с сигналом «Подъём» — и это взвывали отнюдь не грешники в аду, как могло показаться, а всего лишь горн…

Несмотря на стоящую днём жару, ночью в лесистой местности резко холодало. Нагретая за день земля остывала, и к утру — как раз ко времени подъёма — на лагерь вместе с туманом опускалась промозглость, особенно хорошо ощутимая, когда нужно было выходить из тёплого корпуса. Чтобы умыться, даже закалённым ребятам требовалась смелость — вода в умывальниках была совсем не тёплая, а родниковая, обжигающе ледяная, аж зубы сводило. Но во всём этом был один неоспоримый плюс: после такого умывания сон как рукой снимало.

Юрка, покрываясь мурашками и мечтая немедленно забраться обратно под одеяло, не сразу понял, что кто-то к нему обращался. Он вытер лицо, фыркнул, закинул полотенце на плечо и тут же наткнулся взглядом на Иру Петровну. Она была явно сердита, вот только почему? Сонное сознание отказывалось так быстро просыпаться, и Юрка тщетно пытался вспомнить, когда он уже успел сесть в калошу — вроде только с постели встал.

— Конев! Ты меня вообще слушаешь?

— Ира Петровна? Что? Доброе утро!..

Она закатила глаза и процедила сквозь зубы:

— В последний раз спрашиваю: зачем ты вчера обломал кусты сирени, а?

Юрка удивлённо уставился на неё:

— Какие ещё кусты сирени?

— Вот только не надо прикидываться! Те кусты сирени, что растут за щитовыми!

— Не обламывал я ничего, Ира Петровна!

— Да что ты? А кто же тогда это сделал? — она с подозрением взглянула на него.

— Не зна…

— Ты вчера опоздал на ужин, а потом я видела возле дверей корпуса листья и цветки, а букет — в банке у Поли на тумбочке. Ты ведь уже не в первый раз ломаешь сирень! Кусты теперь выглядят безобразно!

— Да почему сразу я? Поля и сама могла себе цветов нарвать!

Юрке стало до ужаса обидно — ну вот опять и снова ни за что. Он правда не был виноват, а камни летели именно в его огород — по инерции, видимо. Потому что Юрку, конечно, обвинить было проще всего — всё равно вечно бедокурит, значит, и в этот раз он.

Насупившись, Юрка пытался прикинуть, как сильно ему влетит за то, чего он не делал.

— Ирин, это правда был не он, — раздался голос за спиной. Юрка повернулся и увидел Володю. — Юра вчера был в театре, а потом помогал мне донести мальчишку до медпункта — поэтому и опоздал на ужин. Так что твою сирень поломал кто-то другой.

Ира Петровна замялась, удивлённо посмотрела на Юрку, перевела взгляд на Володю.

— Он тебе помогал?

— Ты же слышала на летучке, что у меня в кружке вчера случилось ЧП. Сашка шлёпнулся со сцены, Юра вызвался помочь, — заверил её Володя.

Уж кому-кому, а Володе она не поверить не могла и стушевалась, чувствуя себя неудобно. Юрка выдохнул и с безмерной благодарностью взглянул на Володю — как вовремя он появился!

— Я не знала, на пятиминутке мы это не обсуждали… Ну ладно, Конев, — сказала Ира Петровна, — если ты на самом деле помогал, то молодец. Пойду спрошу девочек, откуда у них сирень.

— Вот, а сразу нельзя было к ним? — недовольно буркнул он.

Вожатая лишь потрепала его по волосам, чем вызвала недовольное фырканье. Юрка даже рассердился и рявкнул Ире Петровне в спину:

— А извиниться?

Та остановилась на секунду, бросила через плечо «Извини» и ушла.

— Спасибо тебе, — повернувшись к Володе, улыбнулся Юрка. Затем вздохнул и нахмурился: — Я уж думал, влетит по первое число.

— Не за что. Ты ведь правда не виноват. Видимо, Ольга Леонидовна уже успела внушить Ирине, что в любой непонятной ситуации грешить нужно на тебя. Вот она и придирается.

— А сам-то ты что здесь делаешь?

— Пришёл сказать, что мы часов в десять на речку пойдём. Ты вчера вызывался помочь…

Договорить ему не дала внезапно вернувшаяся Ира Петровна:

— Юра, после завтрака вместо уборки территории возьми Митю из второго отряда — ты ведь его помнишь, да? Проверьте с ним в детском корпусе матрасы. Ребята жаловались, что некоторые из них сырые. Уберите непригодные в кладовые, а к тихому часу я кого-нибудь попрошу принести в отряд новые.

Юрка обречённо застонал:

— Ну спасибо, Ир Петровна, что хотя бы днём в плуг не запрягаете!

— Не паясничай, а то… — Она не договорила, завидев Ксюшу, выходящую из корпуса. — Ксюша, стой! У меня к тебе есть вопрос…

— Вот сейчас кого-то отчихвостят за сирень, — ухмыльнулся Юрка.

Володя вздохнул:

— Видимо, не получится у тебя пойти на пляж?

Юрка пожал плечами:

— Я постараюсь справиться побыстрее.

Умывшись, он отправился в отряд переодеваться. Пожал руки Ваньке и Михе, прохлаждающимся на лавочке возле входа, кивнул подозрительно оскалившейся Маше, собрался войти в отряд, да так и замер на пороге. Возле двери висела большая отрядная стенгазета, посвящённая открытию смены и первому лагерному дню. Хорошая стенгазета, красочная, но настроение Юрки подпортилось. А всё потому, что до него добралось общественное порицание в виде карикатуры.

Сбоку стенгазеты было нарисовано здоровенное дерево — яблоня, а под ней — Юрка висел вверх тормашками, привязанный за лодыжку гирляндой к ветке, руки-ноги в стороны. Вообще-то, рисунок

получился красивым и смешным, но уж больно глупым вышло выражение Юркиного лица. Не лицо, а рожа. Широкая, как у свиньи, с разинутой пастью и без переднего зуба. Но зубы у Юрки все! И мало того, все отличные! Неприятно. Вроде бы взрослый, и такие методы уже не работают, а всё равно обидно. Видимо, по привычке.

Нет, как бы ни было смешно, это очень неприятно. Особенно потому, что придётся целый день на весь лагерь этой свинячей мордой сиять, ведь все отряды с удовольствием читают стенгазеты друг друга.

Даже вкуснейшая творожная запеканка на завтрак не смогла сгладить неприятный осадок, и Юрка, до того как отправиться таскать матрасы, узнал у актива отряда имя художника. Ксюша. Та самая, из ПУК. Мстить Юрка, конечно, не собирался, но на ус намотал.

* * *

Помогать Юрке вызвали того самого Митьку, чей голос вещал из радиорубки. Точнее, помогал как раз таки Юрка, потому что на подобные задания Митьку отправляли регулярно: что-нибудь перенести, перетащить, поднять и прочее. Потому что Митька не только хорошо пел и грамотно говорил, но ещё и был сильным, большим… то есть, скорее, в меру упитанным.

Шесть обнаруженных матрасов парни вынесли и свалили рядом с корпусом, они действительно оказались мокрыми. Сперва Юрка грешил на малышню — мол, испугались чего, не сдержались, с кем не бывает в октябрятском возрасте? Но нет, сырыми оказались матрасы на нескольких стоящих рядом кроватях. Юрка походил вокруг с умным видом, задумчиво почесал подбородок.

— Мить, может, крыша течёт? Говорят, несколько дней назад дожди были, может, случилось что?

Митя уставился в потолок, осмотрел придирчиво, но пятен не нашёл:

— И никто не заметил, что с потолка вода капает?

— Так как раз же пересменка в те дни, никого в корпусе не было… Слушай, надо слазить посмотреть.

— Ну лезь, меня всё равно крыша не выдержит, — Митя гоготнул.

Ловко забравшись наверх, — даже лестница не понадобилась, — Юрка в три счёта обнаружил проблему. Как раз в том месте, под которым стояли мокрые кровати, рубероид потрескался, а в трещины,

видимо, попала вода. Юрка нагнулся, подцепил смоляное покрытие пальцем, сам себе объяснил:

— Наверное, ещё зимой от мороза треснул, а сейчас то дожди, то жара, вот он и окончательно износился. Надо завхозу сказать…

— Юла, Юла, пливет! — внезапно позвали снизу. Юрка аж подпрыгнул от неожиданности.

Мимо проходила группа в жёлтых панамах — пятый отряд во главе с обоими вожатыми держал путь на речку. Один из мальчишек, Олежка, который тоже состоял в труппе, остановился, разбив строй, картаво закричал и энергично замахал руками.

— Володя, смотли, там Юла!

— Эй, а ну слезай с крыши, упадёшь! — громко и строго прикрикнул Володя.

— А что ты там делаешь? — пискнул Санька, тот самый травмированный вчера толстяк.

— Кладоискателей высматриваю. Ходят тут, ищут. Вы не знали, что эта территория в войну была оккупирована немцами? — на ходу придумал Юрка.

Вдруг его глаза наполнились ужасом, и вовсе не оттого, что собрался падать, нет. Юра увидел, как перепуганная, но грозная Ира Петровна несётся к нему по земляной тропинке, поднимая облака пыли.

— Приземляйся уже, Гагарин. Ну правда, давай вниз, — попросил Володя.

— Конев! Мамочки мои, Конев! — Визг Иры Петровны, кажется, разнёсся по всему лагерю.

— А что так грубо да по фамилии? — деланно обиделся Юрка. Но Ира не обратила никакого внимания на его тон:

— Бегом с крыши! Быстро!

— Прям быстро-быстро? Ну как скажете.

Юрка поднялся и шагнул к торцевому краю крыши, делая вид, что собирается спрыгнуть.

— Ой, нет, Юрочка, не надо! Не так, спускайся, как залез, не прыгай! Только не прыгай, — запричитала Ира, но, взглянув на Юркину коварную улыбку, взмолилась: — Володя, ну сделай же что-нибудь!

Володя прищурился, прикидывая высоту крыши, и совершенно спокойно спросил:

— Так ты на речку с нами идёшь?

Ребятня заголосила: «Давай!», «Да-да-да», «Давай с нами, Юла!»

— Ну не знаю, мне ещё матрасы нести надо… А может, вы меня отпустите, Ира Петровна? Митька их сам отнесёт… — Юрка опасно покачнулся на носках у самого края.

Ира Петровна тоненько, испуганно пискнула:

— Да иди ты куда хочешь, только слезь уже по-нормальному, Конев!

Юрка пожал плечами, мол, почему бы и нет? Присел и всё-таки прыгнул. Ира Петровна вскрикнула, а когда Конев, целый и невредимый, вышел из кустов, ойкнула.

— Там матрасы свалены, — улыбнулся Юрка. — Не доверяете вы мне, Ира Петровна, членовредителем меня считаете, а зря!

Ира облегчённо вздохнула, даже пошатнулась.

— Ой, Конев, уйди ты уже с моих глаз! — и ушла сама.

* * *

На жёлтом песке двумя ровными рядочками разместилось двадцать пар детской обуви. Неподалёку на разостланных полотенцах в грациозных позах застыли Полина, Ульяна и Ксюша, подставляя тела солнечным лучам. Ещё чуть дальше, в тенёчке, расселась с томиком Чехова скучающая Маша. Взглянув на Сидорову, Юрка отчего-то вспомнил изречение Антона Павловича о висящем на стене ружье, которое непременно должно выстрелить. Почему — он и сам не понял. В Машином виде не было ничего угрожающего, скорее наоборот, только романтичное — её светлое платье в воланах колыхалось на ветру, то и дело оголяя золотистые ляжки. «И когда же она успевает загорать?» — удивился Юрка.

Не найдя, да и в общем-то не особенно стараясь найти ответа, отвернулся и заметил на другой стороне пляжа Ваньку и Миху, которые, как видно, тоже завершили все свои общественно полезные подметания площадей и растянулись на полотенцах. Но Юрка прошёл мимо них, его интересовали не приятели и не девушки, а Володя.

Тот стоял по щиколотку в воде и сосредоточенно смотрел на вверенных ему малышей. Речка лениво катила низкие волны, мерцала

солнечными бликами, сверкала брызгами, летящими из-под детских ладошек. В лягушатнике, обнесённом сеткой и буйками, барахтался и визжал пятый отряд — вода будто кипела. В дрейфующей за ограждениями лодке сидел физрук Женя, то и дело ворча на смело несущегося к буям Олежку. Лена, вторая вожатая пятого отряда, тоже была на пляже, сидела на вышке, следила и командовала в рупор, но, в отличие от Володи, оставалась вполне расслабленной и довольной.

— Пчёлкин, прекрати брызгаться! — приказал Володя.

Пчёлкин прекратил, но стоило вожатому отвести взгляд, как он захихикал и снова ударил ладошками по воде.

Несколько шагов — и Юрка оказался возле Володи, но не успел и рта раскрыть, как тот отмахнулся:

— Некогда. Потом. Извини, — не поворачивая головы, Володя боковым зрением заметил новое нарушение и крикнул Юрке в самое ухо: — Пчёлкин! Ещё раз — и пойдёшь на берег!

Оглохший Юрка беспомощно захлопал глазами. Зато, кажется, Володино внушение сработало, ибо Пчёлкин, как и остальные малыши, больше не брызгался и не толкался. Вернее, ребята продолжали делать и то, и другое, но теперь осторожно, без угрозы для жизни и здоровья товарищей.

Юрка потёр правое ухо, в котором всё ещё звенело от Володиного голоса, и от греха подальше отправился обратно на пляж. Он не решался отвлекать Володю, по крайней мере, пока Пчёлкина не высадят на берег, ведь бледный от волнения вожатый с каждой минутой становился всё более нервным. Юрка только бы помешал ему.

Ванька, завидев товарища, замахал руками, приглашая присоединиться. Юрка с готовностью уселся на полотенце. Слушая приятелей в половину оглохшего уха, он постоянно отвлекался то на Володю, то на девчонок ПУК, то на Машу. Последняя, кстати, только притворялась, что читает, на самом же деле поглядывала сперва строго на кокетливых девушек, затем нежно — на стоящего на берегу Володю. Ждала, не посмотрит ли деловитый вожатый в её сторону? Не смотрел. Володя вообще игнорировал всех: и Машу, и «душистую» Троицу, и Юрку. Вожатый был крайне напряжён, сосредоточенно следил за плещущейся в воде малышней, не сводил с них глаз и, кажется, даже моргать пытался как можно реже.

— Юрец, будешь в двадцать одно? — Миха вынул из кармана карты.

— Раздавай, — рассеянно буркнул Юрка и, сняв сандалии, уселся по-турецки. — На что играем, на щелбаны?

Постоянно увлечённый чем угодно, кроме карт, Юрка проигрывал. Причём сокрушительно. Лоб саднило от щелбанов, казалось, он даже чувствительность потерял, а ребята всё поднимали и поднимали ставки.

— Взлёт-посадка? — предложил, хитро прищурившись, Миха. Ванька потёр руки, Юрка кивнул.

Играя в подкидного «Дурака», он, наконец, смог увлечься — ещё бы, такое наказание на кону. Но Юрке не везло. Козырей выпадало мало и всё мелочь — двойка и шестёрка, у Ваньки была необычная колода, на пятьдесят четыре карты. «Они у них краплёные, что ли?» — удивлялся Юрка.

Миха вышел из игры и, злорадно улыбаясь, смотрел на товарищей и в нетерпении разминал руки. Во взгляде читалось: «Сейчас я вам такую взлёт-посадку устрою, в глазах потемнеет». И самое жуткое: Миха действительно отлично умел её отбивать.

Выложив последний козырь, Юрка поёжился: у него осталась всего одна карта — десятка пик. Он влип. Ванька подпрыгнул на месте и выкинул козырную даму с победным криком: «Н-на! Бей!» Юрка с досадой плюнул. Он продул. Вздохнул и подставил Михе голову.

Бах! Его шлёпнули жёсткой ладонью по лбу — взлёт. Юрка по инерции запрокинул голову. Опомниться не успел, как… Бабах! Его со всей дури бахнули по затылку. Юрка клюнул носом, ещё чуть-чуть — и уткнулся бы им в грудь. В глазах сначала вспыхнуло, потом и правда потемнело.

— Ну я вам отыграюсь! — прошипел он, пытаясь проморгаться. — Последний раз, на желание?

— На какое?

— А как проиграешь — расскажу.

— Только не неприличное! И чтобы без вожатых! Я больше не буду за Ириной с ножницами бегать, предлагать её подстричь.

— Идёт.

Он собрал волю в кулак. Думая, запоминая карты противников и просчитывая ходы, он умел выигрывать вообще без козырей. Но Юрке

на этот раз повезло — тройка, семёрка и туз. Ну он им покажет!

И показал! Мало того что вышел первым — теперь загадывать желание можно не просто по договорённости, но и по праву, — так ещё и просчитал — проигравшим будет «взлётно-посадочный» Миха. И не ошибся. Бросив на полотенце свои карты, настороженный Миха пододвинулся ближе:

— Ну?

— Иди в центр пляжа, становись на колени, четыре раза бей лбом в землю и кричи… — чтобы его не услышал Ванька, Юрка склонился к самому уху Михи и прошептал задание.

— Эй, ну четыре-то почему? — насупился Миха.

Ванька довольно хрюкнул и ответил за Юрку:

— Потому что у тебя на руках осталось четыре карты. Если не нравится, мы можем баллы как в «двадцать одном» посчитать…

— Ладно, ладно, — ответил Миха и понуро побрёл выполнять задание.

Но ушёл он не в центр пляжа, как было велено, а сделав всего пару шагов, остановился прямо напротив девчонок ПУК. Вопросительно посмотрел на Юрку, а тот в растерянности замер и только спустя несколько секунд замахал руками: «Не здесь, подальше» — но, видимо, Миха не понял и сделал всё наоборот. Глядя, как он медленно падает на колени, Ванька ахнул: «Что сейчас будет!», а Юрка прыснул в кулак.

Со всей дури Миха ударил лбом в песок и заорал на весь пляж: «Пустите меня в шахту!»

— Эй, Пронин, ты что, сдурел? — заверещала Ульяна.

— Ай, ну уйди! — замахала руками Полина.

— Пустите меня в шахту!

— Миша, ну хватит уже! Все платье песком засыпал! — негодовала Ксюша.

— Пустите меня в шахту! Пустите меня в ша-а-ахту!

Юрка лежал на боку и задыхался от смеха. Ванька колотил кулаком по полотенцу, другой рукой обхватив живот. ПУК в шесть рук лупили Миху какими-то платьями, юбками, блузками и подняли такой визг, что даже пятый отряд присмирел всем составом. Глядя на потасовку из тени, улыбалась Маша. Хихикала даже Лена, а Володя раздражённо обернулся и, сдвинув брови, зло гаркнул:

— Девочки, утихомирьтесь!

«Девочки» утихомирились только тогда, когда Миха с красным лицом и побитой спиной удрал с пляжа в одних плавках.

— А почему именно в шахту? — спросил Ванька, пихнув Юрку локтем в бок.

Тот скривился, пожал плечами:

— Ну а что ещё есть под землёй? Первое, что в голову взбрело.

Вскоре воцарился относительный для лагерного пляжа покой. Юрка, изнывающий от жары, решил пойти искупаться. Поднявшись с полотенца, случайно расслышал:

— Володечка что-то совсем плохой… — Он обернулся на девчонок — говорила насупленная Ксюша. — Тут такие девушки в купальниках, а он, даже когда этот дурак Пронин скакал, ноль внимания на нас, — она разочарованно цокнула языком, — стараешься тут, а у него на уме одни дети.

— Просто он их очень любит. Кстати, редкое качество. — Полина перевернулась на спину. — Это мило, хорошим папой будет.

Снимая шорты и рубашку, Юрка прыснул от такого заявления: «Тоже мне, будущая мать». К его счастью, девчонки ничего не услышали. Беседа продолжалась.

— Может, случилось что, теперь переживает? — Ульяна попробовала оправдать Володю.

— Да о чём переживать? Тут и физрук, и другая вожатая, — лениво протянула Ксюша. — Нет, какой-то он слишком злой, не ровён час, стукнет этого Пчёлкина…

— Да нет же, я не об этом! — перебила Ульяна. — Может, у него девушка есть? Вон, вторая вожатая — Лена, например. А что? Спят в соседних комнатах, так, может, они «того»… Ну, вы понимаете. И поссорились?

Полина аж села:

— А ведь правда!

— Не может быть! — уверенно произнесла Ксюша.

— И почему? — успокоившись, Полина улеглась обратно.

— А потому, что Володи вчера на дискотеке не было, а Лена была и с Женей танцевала!

— Действительно! — Поля подскочила снова. — На дискотеку ходят все, даже вожатые младших отрядов. Это ведь самое интересное!

— Да успокойся уже, Поль! Ты лучше не суетись, а позови Володю сегодня, — предложила Ксюша. — Володя придёт, и мы узнаем, с кем он станет танцевать.

— А чего это сразу я?! Что это та…

Поля даже не успела возмутиться, её перебила Ксюша, рявкнув:

— Эй, Конев! Ты чего это тут стоишь, уши греешь?

Юрка аж растерялся: больно ему надо подслушивать их глупую болтовню, сами кричали на весь пляж. Он мог бы проигнорировать выпад, но для приличия буркнул:

— Хочу и стою. Пляж общий.

— Мало ли, что общий, — продолжала змея Ксюша. — Шуруй.

— Эй, ты чего на меня взъелась? — оторопел Юрка, он никогда не слышал, чтобы девушки так разговаривали.

— Ты нас дурами выставляешь перед Володей, вот и взъелась! Мы прекрасно слышали, это ты Пронина подговорил!

— А кто меня дураком в стенгазете нарисовал? — Юрка сердито скрестил руки на груди.

— Сам виноват, нечего было гирлянды рвать. Так что давай, цокай отсюда, пугало парнокопытное, ультрафиолет загораживаешь!

— Вот-вот, — кивнули её гадюки-подружки.

— Пугало, значит? Парнокопытное, значит?.. — захлебнулся от возмущения Юрка, даром что лошади, если Ксюша о фамилии, непарнокопытные. — А тебя, пресмыкающееся, никакой ультрафиолет не спасёт. Такую дуру вообще ничего не спасёт. И вас тоже!

Он подхватил брошенные на песок шорты и отошёл. Конечно, он рассердился и обиделся, но больше всего удивился — чего эти трое хотят от Володи? А когда добьются, что, делить начнут? Вот уже сейчас делят, правда, не самого Володю, а обязанности по его… соблазнению? Выпытыванию подробностей его личной жизни?

Юрке это казалось невозможно смешным, ведь он-то понимал истинную причину волнения Володи. Сначала того утопленниками застращали, теперь устраивают драки в воде — попробуй тут не разволноваться.

И именно в этот момент физрук засвистел в свисток, а из воды донеслось паническое «Спа-а-асите!».

Володя заметно вздрогнул, дёрнулся вперёд, собираясь прямо в одежде прыгнуть в воду. Но тоненький девчоночий голос прозвучал

снова, уже не испуганный, а слезливый:

— А-а-опять он дерётся!

«Да чтоб вас!» — прочёл Юра по Володиным губам.

Тревога оказалась ложной — никто не тонул, дети просто повздорили. Взрослые расслабились. Все, кроме Володи — он нервно сглотнул и сжал кулаки. Скинул кеды, вошёл по колено в воду, чтобы лучше слышать, видеть и контролировать. А контролировать было что: в этот момент ребятня совсем распоясалась, началась натуральная драка с яростными пиханиями, толканиями и воплями.

Спокойно смотреть на Володю и обсуждать ситуацию, как это делала благоухающая Троица, Юрка не собирался. Посуровел лицом, перевернул свою классную импортную кепку козырьком назад и, чтобы казаться более внушительным, сердито зыркнул на малышню. Потопал к Володе в воду разнимать драку и призывать хулиганов к порядку.

После недолгой, но тяжёлой борьбы — Пчёлкин пытался уплыть, — они вдвоём таки вытащили мальчишку из воды, схватив за плавки. Юрка поставил его на песок и наклонился:

— Пчёлкин, ты пионером стать хочешь?

— Хочу!

— А ты знал, что мальчиков, которые бьют девочек, в пионеры не берут?

— Нет, то есть… это она сама!

— Всё равно, что сама. Девочек нельзя обижать!

Пока Юрка поучал хулигана, Володя, выдохнув с явным облегчением, отправился обратно в воду следить за остальными. Оставив трогательно виноватого Пчёлкина нести наказание на берегу, Юрка издалека приглядывал за пятым отрядом, тоже командовал и успешно пресекал новые ссоры среди малышни. Потом помог Володе посчитать тапочки, одежду и головы отряда.

Его старания не прошли зря. Юрке было очень приятно слышать, как вся Троица и даже вечно занятая Володей Маша восклицали: «Какой Юрка молодец! Натуральный подвожатник!» Это гордое «молодец» так льстило, что на некоторое время Юрка забыл об обиде — всё-таки девушки похвалили! Как радостно отдалось в груди произнесённое Ирой Петровной: «Я в тебе никогда не сомневалась,

Юра. Но теперь даже гордость берёт! Я им расскажу на собрании. Пусть знают, каков он, наш Конев!»

Но отчего-то самым-самым сладким, самым-самым приятным и радостным оказалось тихое, сказанное на выдохе «Спасибо» с добрым блеском в серо-зелёных — а они у него именно такого цвета, — Володиных глазах. Это «спасибо» весь день и вечер грело Юркины лёгкие. Всё потому, что это было заслужено, и потому, что это было произнесено им, Володей. Который за недолгих полчаса вместе на пляже, как казалось Юрке, стал ему понятнее и ближе. Может быть, даже почти что другом.

* * *

Неугомонная детвора на речке оказалась не самой серьёзной Володиной проблемой. В тот же день, во время репетиции, худрука тиранил Олежка, который очень хотел главную роль в спектакле. И всё бы ничего: у Олежки и голос громкий, и реплики он запоминал быстро, и в роль вживался отлично… да только картавил так, что половину слов не разобрать. Володя не хотел обижать Олежку, но в то же время не мог назначать его на роль с большим объёмом текста. В итоге пообещал, что послушает и других, а там выберет, кто будет лучше. Заверил, что Олежка всё равно не останется без роли.

Юрка наблюдал за этим балаганом и скучал. За Машей следить было не столько скучно, сколько почти физически больно: она фоном бренчала на пианино всю ту же надоевшую «Лунную сонату», и ладно бы только надоевшую — исполняла она её плохо. Юрка пытался не слушать, но слышал и мечтал, чтобы Маши и этого проклятого инструмента здесь вообще не было. Не звучала бы тогда музыка, не тревожила бы с таким трудом зарубцевавшиеся раны.

Музыка… Он не мыслил себя без музыки, она проросла в него корнями. Как долго он выкорчёвывал её из себя — год или целую жизнь? С каким трудом он научился жить в тишине, но вдруг оно — фортепиано, и вдруг она — Маша — отличный пример того, как не надо играть. И вдруг он — соблазн и понимание, что Юрка мог бы сыграть лучше, но не сейчас, а раньше, целую жизнь назад, когда ещё что-то мог и умел. А сейчас — забыл, и ему оставалось лишь слушать других, задыхаясь внутренней тишиной, пустотой и жгучей самоненавистью.

Он смотрел на Машу, стиснув зубы. Пытался иронизировать над тем, как она бросала томные взгляды на Володю, но иронизировать не получалось, Юрка только всё больше и всё безотчётнее злился. Хотел переключиться на кого-нибудь другого, например, на Троицу, но она и вовсе на репетицию не явилась.

Еле дождавшись окончания, Юрка убежал переодеваться для дискотеки. Выходил из комнаты, полностью погружённый в мысли о пачке «Явы», припрятанной в его тайнике за забором у строящегося корпуса, когда его окликнули:

— Юрчик!

Полина схватила Юрку за локоть и заговорщицки посмотрела в глаза:

— Можно тебя на минутку?

Юрка думал, что после «парнокопытного» он ни за какие коврижки не станет разговаривать с кем-нибудь из этой Троицы. Но прошло полдня, и обида немного поутихла. А тут на тебе, сами подходят! Он посомневался пару секунд, позлился, но в итоге любопытство взяло своё.

— Что тебе надо? — он обернулся, посмотрел на неё вопросительно и одновременно сердито.

— Обиделся, что ли? Ну не обижайся, Юр. Лучше иди сюда, — Полина потянула его в комнату девочек. Там его ждали Ульяна и Ксюша, и Юрке очень не понравилось ехидное выражение их лиц.

— Слушай, Юрчик, — Полина мило улыбнулась и накрутила на палец локон пшеничных волос. — Ты вроде как хорошо с Володей общаешься?

Юрка вздохнул — так вот что им надо. Все поголовно втюрились в вожатого и теперь хотят, чтобы Юрка их свёл? Ещё чего! К тому же он не забыл, как змея Ксюша обозвала его на пляже, а Поля с Улей поддакнули. А теперь, выходит, просят что-то для них сделать? После такого-то? Держите карман шире! Хотя… Внезапно в голове созрел коварный план.

— Да, — ответил Юрка, обведя троицу загадочным взглядом, — общаюсь немного, а что?

— А ты не знаешь, он что, совсем на дискотеки не ходит?

Юрка пожал плечами:

— Не знаю, с малышнёй, наверное, возится.

Полина оживилась, аж закусила губу:

— Слушай, ну а может тебе удастся его как-нибудь на дискотеку привести?

Юрка сделал вид, что обдумывает предложение, хотя уже всё решил.

— Могу попробовать, не обещаю. Но…

— Что «но»? — Поля заулыбалась пуще прежнего — да так наигранно сладко, что у Юрки чуть зубы не слиплись, как от ириски.

— Что мне за это будет? — он нагло ухмыльнулся.

— А что ты хочешь?

Он снова сделал задумчивый вид, для убедительности даже подбородок почесал.

— Чтобы Ксюша меня поцеловала! В щёку — два раза и при всех!

— Что-о-о? — до тех пор спокойно сидевшая на кровати Ксюша вскочила и залилась краской. Предложение Юрки ей явно не понравилось.

Он развёл руками:

— Или так, или сами зовите его на дискотеку!

Троица переглянулась. Улька вздохнула: «Пробовали уже…», а Ксюша протестующе замотала головой.

— Юрчик, а подожди минутку за дверью? — попросила Полина, лукаво взглянув на Ксюшу. — Мы сейчас.

Он кивнул. Выйти не успел, как девчонки зашушукались за спиной. Через пару минут из комнаты выглянула мрачная Ксюша.

— Ладно, уговор.

Юрка с серьёзным видом кивнул. Сразу после ужина, выйдя из столовой, он направился к детским корпусам приглашать Володю. Уговор так уговор.

Глава 4

Спокойной ночи, малыши!

Юра очнулся от воспоминаний и согнал с лица грустную улыбку. Болезненная тоска и ностальгия пронимали его до глубины души, особенно здесь, в этих стенах. Как же хотелось вернуться сюда же, только двадцать лет назад, чтобы снова услышать музыку, детский смех и строгий голос Володи. Но нужно было идти дальше: за тем, за чем Юра приехал в «Ласточку» сегодня.

Он встал со скрипнувшего кресла, отряхнул пыльные брюки и, ещё раз окинув взглядом сцену, пошёл к выходу из театра.

Чудом уцелевшая асфальтированная дорожка вывела его к детским отрядам. Когда-то красивые, выкрашенные яркими красками и расписными узорами корпуса были похожи на домики из русских сказок. Но теперь они выглядели плачевно: большинство лежало грудами гнилых мокрых досок, на которых ещё виднелись остатки старой краски. Более или менее уцелевшими оказались всего два домика, — Юра уже не мог вспомнить их номеров, — у одного обвалилась левая стена и крыша, а другой остался почти невредимым, только немного просел и покосился. Но заглядывать внутрь определённо не стоило: на крыльце провалился пол, входная дверь выпала, и проход зиял тёмным устрашающим провалом. В этих корпусах всегда селили младшие отряды — подальше от дискотеки и кинозала. Юра тоже жил здесь в одну из своих первых смен.

Шагая мимо детской площадки, Юра поёжился от заунывного металлического скрежета — ветер толкал ржавые карусели, и, медленно кружась, они будто всё ещё ждали малышню, чтобы принести ей радость. Вот только детей тут уже давно не было, и площадка заросла высоченной травой.

Юра обожал это место раньше. Полянка вокруг каруселей покрывалась сплошным ковром из одуванчиков, сначала жёлто-зелёным, потом — белым, и, усыпанная опавшими пушинками, становилась пушистой и мягкой. Можно было нарвать охапку цветов

и, бегая по лагерю, сдувать пух на волосы девчонок, которые так смешно злились и кричали, а потом ещё и бросались его догонять, чтобы расквитаться.

Но в настоящем одуванчики давно отцвели, и лишь кое-где из травы торчали белые облысевшие шапки. Юра наклонился, сорвал цветок, покрутил в пальцах и, горько усмехнувшись, подул на него. Оторвалось лишь несколько пушинок-зонтиков. Они нехотя, тяжело пролетели с полметра и, пропитанные влагой, осели на тёмный асфальт.

Бросив цветок под ноги, Юра отправился к карусели через заросли влажной травы. За прошедшие годы она, конечно, поржавела и ушла в землю, но стояла крепко. Не понимая, зачем он это делает, и даже не задавая себе такого вопроса, Юра уселся в одну из них и слегка толкнулся ногами. Карусель, закружившись, скрипнула в точности так, как тогда, и его вновь затянуло в омут воспоминаний.

*** * ***

Отцветшие одуванчики на детской площадке белели сплошным пушистым полем. Пушинки срывались, летали в воздухе и щекотали нос. Юрка вдохнул полной грудью свежий вечерний воздух и свернул на дорожку, ведущую к корпусам младших отрядов.

Вокруг было тихо, детвора уже спала, и в окнах вожатских комнат не горел свет. Юрка задумался: «Спать Володя не должен, но тогда где его носит, если уже объявили отбой? Неужели сам удрал на дискотеку?» Он растерянно оглянулся по сторонам, слушая вечернюю тишину, нарушаемую лишь шелестом ветра и тихим стрёкотом сверчков. «А если Володя придёт туда без меня, будет считаться, что уговор с ПУК выполнен и я могу рассчитывать на поцелуй?»

Вдруг в ночных шорохах послышались чьи-то тихие шаги и скрип половиц крыльца. Юрка повернулся на звук и заметил крадущегося на цыпочках мальца в пижаме с ракетами. Пухлый мальчишка, спускаясь по ступенькам пятого отряда, запнулся, неловко покачнулся, ойкнул, и Юрка узнал в нарушителе Сашу — того вертлявого пострадавшего, которого они с Володей вчера волокли на себе в медпункт. Под недетским весом ребёнка было неудивительно, что половицы и деревянные ступени скрипели так надрывно.

Юрка прижался к стене соседнего домика. Спрятавшись в тени, обошёл мальчишку вокруг, оказался у него за спиной и, в два шага приблизившись, осторожно положил одну руку ему на плечо, а второй сразу зажал рот, обрывая испуганный визг.

— Чего это ты бродишь после отбоя, а? — грозно прошипел Юрка в ухо мальчишке.

Саша втянул голову в плечи и что-то запищал, обслюнявив Юрке ладонь. Тот поморщился и сказал:

— Обещай, что не будешь орать, если я тебя отпущу. Иначе уволоку в лес и брошу в логово чёрных гадюк!

Саша закивал, и Юрка убрал руку от его слюнявого рта.

— Я просто… просто хотел смородины, — залепетал малец. — Я видел возле медпункта два куста, и вот…

— Эх, Саня, Саня! — Юрка еле сдержался, чтобы не расхохотаться. — А почему ночью-то?

Уже совершенно спокойный Саша повернулся к нему и твёрдо заявил:

— А потому! Мне что, всем показывать, где я смородину видел? Ага, обойдутся!

— Между прочим, Саня, дедушка Ленин завещал делиться!

Саша надул губы и ничего не ответил, только зыркнул угрюмо.

— Как ты вышел из корпуса? — спросил Юрка. — Разве двери не запирают?

— Так там Володя не может уложить нас спать, вот я и сбежал, пока он Кольку уговаривал.

— Ах ты!.. — Юрка представил, какая паника с минуты на минуту охватит Володю, когда он увидит пустую кровать. — Ну-ка, пойдём обратно.

Он схватил запищавшего Саню за ухо и, невзирая на сопротивление, потащил ребёнка к домику.

В тот момент, когда Юрка тихонько открыл дверь спальни, Володя стоял в свете тусклого ночника над пустой кроватью и смотрел перед собой круглыми от ужаса глазами. Вокруг бойко шушукалась детвора, спать она явно не собиралась.

— Эту пропажу ищешь? — негромко спросил Юрка, затаскивая Саню в комнату.

Володя растерянно оглянулся, и, как только увидел беглеца, его лицо вмиг посветлело.

— А я уже думал, что мне конец. — Он облегчённо выдохнул и шикнул на Сашу: — Ну-ка, быстро в кровать! Ты чего это, сбежать вздумал?

Саша молча залез под одеяло и повернулся на бок, ничего не ответив.

— Он смородины хотел, — выдал его Юрка. Собирался добавить: «Той, которая у медпункта растёт» — но решил не открывать тайну всем мальчишкам пятого отряда. — Слушай, ты чего тут так поздно? Уже отбой давно был.

— Не могу этих оболтусов спать уложить! Девчонки мигом уснули и наверняка уже десятый сон видят, а этим будто кофеина в ужин подсыпали.

Юрка покрутил головой, всматриваясь в ровные ряды кроватей. Малышня больше не шепталась. Все напряжённо и внимательно слушали не взрослых, а взъерошенного картавого Олежку, который вещал загробным голосом:

— В чёлном-чёлном голоде, в чёлном-чёлном доме жила чёлная-чёлная…

— Кошка! — выкрикнул Юрка. Малышня вздрогнула и засмеялась. — Пф! Это же совсем неинтересно и не страшно.

— Ещё пло глобик на колёсиках знаю. Стлашилка всем стлашилкам стлашилка!

— Ну это же тоже не страшно. Вам что, Володя хороших страшилок не может рассказать?

— Неа. Наоболот, он лугается, что мы стлашилки слушаем, а не спим. Только если по секлету, мы все лавно их лассказываем…

— И вы думаете, что я не в курсе? — усмехнулся вожатый. Хотел сказать что-то ещё, но обернулся, заметив, что балагур Пчёлкин как-то слишком подозрительно копошится под одеялом.

Юрка тем временем слушал Олежку вполуха, а сам думал, что Володю надо вызволять и во что бы то ни стало нужно явиться на сегодняшнюю дискотеку с ним. Во-первых, Ксюшин долг, а долг платежом красен, во-вторых, сам Юрка сегодня был «красен»: надел лучшие — они же единственные, — джинсы и любимую коричневую футболку-поло — ГДР-овскую — дядя весной привёз. Может, и зря он

так нарядился? Как Ксюша его обозвала — «пугалом парнокопытным»? Вот надо было так и прийти, пусть эта змеюка пугало и целует!

Олежка зашушукал про ногти в пироге, Володя стянул с Пчёлкина одеяло, победно прокричав:

— Ага! Рогатка! Так вот кто плафон кокнул!

Юрка вернулся мыслями к насущному: «Что сделать, чтобы вытащить Володю? Уложить малышню. Как уложить малышню?»

Минуты не прошло, а решение уже появилось.

— А знаете, почему Володя не рассказывает страшилок? Чтобы вы лучше спали. И правильно, ведь Володя-то точно знает, что происходит с теми, кто не спит после отбоя…

— Что? — вылупил глаза Саня.

— Что-то плохое? — замер вполоборота какой-то кудрявый мальчишка.

— Что-то стлашное? — испугался Олежка.

— Я больше не буду, — канючил Пчёлкин, — пожалуйста, не забирай рогатку.

— Мамочки! — послышался тонкий девчачий голосок из-за двери.

Володя тут же бросился к выходу ловить нарушительницу и вести её в спальню девочек. По стону Пчёлкина Юрка догадался, что строгий вожатый прихватил рогатку с собой.

Юрка уселся на свободную кровать и состроил серьёзную мину:

— Сейчас я вам раскрою большой секрет. Только никому ни слова, об этом категорически запрещается рассказывать октябрятам — вы якобы маленькие ещё. Так что мне ух как уши надерут, если узнают… — его перебил нестройный хор, пылко дающий клятву не выдавать рассказчика. Юрка прокашлялся, придал голосу устрашающий тон и начал: — Ночью по лагерю ходит настоящее привидение! Давным-давно, ещё до Великой Октябрьской революции, неподалёку стояло барское поместье, а в нём жили молодые граф с графиней. Как говорится, жили — не тужили, хоть и женились по расчёту…

— Юла, а по ласчёту — это как?

— Олежа, не перебивай. А по расчёту — это когда родители договорились поженить детей, а дети мало того что совсем маленькие,

так даже не знакомы. Это делали, чтобы денег было больше, — объяснил Юрка как умел.

В комнату вернулся Володя. Довольный, аж горели глаза, он сел рядом с Юрой, а тот продолжил:

— Так вот, граф с графиней любили друг друга по-настоящему. Был у них большой двор, человек сто крестьян, а ещё много друзей: графов и графинь, князей и княжон, и даже великий князь — царёв родственничек, — был графу кем-то вроде товарища. Но вот началась русско-японская война, и великий князь призвал графа пойти вместе с ним во флот. И граф не смог отказаться. Он подарил своей графине на память красивую алмазную брошь и ушёл воевать. Но так и не вернулся…

Малыши притихли, они все как один лежали под одеялами и таращили горящие любопытством глаза. Володя протирал краем рубашки очки и, щурясь, строго поглядывал на ребят. Юрка, удовлетворённый эффектом — дети заинтересовались, — продолжил свистящим шёпотом:

— Говорят, крейсер, на котором он служил, потопили японцы. Графине сказали, что её муж погиб, но она так его любила, что не смогла поверить и смириться. Графиня была бездетна и ждала его много-много лет совсем одна. Она больше не носила красивых платьев и украшений, ходила вся в чёрном, но алмазную брошь — последний подарок мужа — постоянно держала рядом, то прикалывала к груди, то к волосам. Время шло, графиня тосковала и вскоре заболела. Она не хотела видеть никого, даже врача, и спустя год умерла. Говорят, что хоронили её всё в том же чёрном вдовьем платье, а вот брошь в могилу не положили. Брошь пропала! И с тех пор стала в усадьбе твориться какая-то чертовщина. То мебель двигалась сама собой, то двери открывались. А потом, когда к власти пришли большевики и захотели устроить там санаторий, в усадьбе начали умирать люди!

В полумраке кто-то сдавленно ойкнул, а на соседней кровати завозились — это Саша с головой залез под одеяло. Володя ткнул Юрку локтем в бок и еле слышно прошептал прямо в ухо:

— Юра, полегче, они же совсем не уснут!

Но Юрка уже вошёл в раж:

— Ночью там было спокойно — ну разве что дверцы шкафов сами собой открывались, но ничего не грохотало и не шумело. А утром р-

раз — кого-то мёртвым найдут! И так, что ни утро — в постели мертвец. Страшный: глаза навыкате, рот застыл в крике, язык высунут и шея… синяя! Искали виновного, искали, так и не нашли. Бросили этот санаторий. Деревенские, что жили неподалёку, в Горетовке, разграбили усадьбу: ни кирпичика там не оставили — всё растащили себе дома строить. Сейчас в том месте уже ничего не напоминает о графском доме, который когда-то там стоял, кроме одного: в зарослях черёмухи до сих пор можно найти барельеф, на котором высечен профиль графини, у неё на платье прицеплена алмазная брошка. Об этой легенде все давно забыли, но вот построили наш лагерь и вспомнили! — Юрка совсем понизил голос: — Сейчас я вам открою большой секрет, только вообще никому ни слова, ладно?

— Ладно, ладно, ладно, — зашептали со всех сторон.

— Точно? Честное октябрятское даёте?

— Да-да! Ну говоли уже, говоли, Юла!

— Мертвеца нашли и здесь! Вот прямо здесь, в соседнем отряде! Покойник тут был только один, потому что после его смерти пионеры нашли его дневник, прочитали и всё узнали. Он писал обо всех странностях, которые происходят здесь ночью. Мертвец этот — вожатый, совсем молодой, первый год в лагере…

— Кхм… — Володя кашлянул, скептически приподнял бровь.

Юрка хитро глянул на него и кивнул, мол, да-да, про тебя, и продолжил:

— Он страшно боялся за свой отряд, а дети, как назло, очень плохо спали по ночам. С ними не спал и вожатый, всё ходил, следил, переживал. И вот однажды ночью, когда все уснули, вожатый уже не смог — режим сна сбился. Он сидел, записывал в тетрадку, которая была у него чем-то вроде дневника, всё произошедшее за день: куда и как ходили с ребятами, как те себя вели и так далее. И вот слышит он в тишине шорох, будто ткань волочится по полу. Вожатый насторожился, — уж больно странный звук, — выключил свет, лёг в темноте, замер. Сначала ему ничего не было видно, но только глаза привыкли, только он смог узнать очертания шкафа и тумбы, как увидел, что дверца распахнулась. Сама собой, беззвучно и резко, будто не открывалась совсем, а так и была открытой. Раз моргнул вожатый, смотрит — шкаф закрыт, дверца, как должна быть, закрыта! Удивился, не показалось ли ему, включил свет, всё записал. На следующую ночь

повторилось то же самое. Он снова услышал шорох ткани об пол, и снова наступила тишина, и снова сами собой стали открываться дверцы. А в комнате пусто, ни теней, ни звуков! Но только он моргнёт, раз — одна дверца открыта, моргнёт второй — та закрыта, открыта другая! И всё происходит в мёртвой тишине!

Такая же тишина, как и в Юркиной истории, повисла в комнате. Дети слушали и даже дышать старались реже и тише. Где-то в стороне постукивали зубы. Юрка хмыкнул про себя: «Лишь бы не зажурчало».

— Так вот… Вожатый пошёл в Горетовку, узнал у старожилов легенду про графиню и пропавшую брошь. И догадался, что звук — это шелест её чёрного платья. Он хотел понять, отчего закрываются и открываются дверцы шкафов, но так и не узнал: на следующее утро его нашли мёртвым. Задушенным, с глазами навыкат…

— И с синей шеей? — сдавленно прохрипел Саня.

— С синей, — кивнул Юрка. — Милиция расспрашивала всех жителей деревни. Когда очередь дошла до того самого старика, он рассказал им всё то же самое, что и вожатому. Милиционеры подумали, что он от старости уже чокнутый, и не поверили болтовне про графиню. Что она бродила сначала по своему дому, а когда дом разрушился — по лагерю. Что и сейчас бродит, ищет брошь, которую ей подарил граф. А когда не находит, злится и душит первого, кого заметит неспящим. Потому что думает, тот, кто не спит — вор, который украл её брошь. Ведь он — единственный, кого совесть мучает так сильно, что не даёт уснуть.

Юрка перевёл дыхание, и в его рассказ вклинился Володя:

— Поэтому, ребята, после отбоя нужно спать.

— Да-да, — закивал Юрка, — лежать и молчать, чтобы и вы были целы, и ваши вожатые тоже. Иначе услышите шорохи графского платья и увидите, как графиня открывает дверцы и ищет брошь. Тут она вас и поймает! А ваши вожатые, между прочим, тоже ночами не спят — за вас переживают, прямо как тот вожатый-мертвец.

История произвела на детей сильнейшее впечатление: мальчики зажмурились, не издавая ни звука и не шевелясь, лежали под натянутыми до подбородка одеялами.

Володя с Юркой переглянулись. Не стоило сейчас уходить от детей — это было ясно обоим, и они расселись по углам. Сидели молча: Володя — возле окна, а Юрка — возле двери, скучали.

От нечего делать Юрка разглядывал в полутьме Володин профиль: длинный ровный нос, высокий лоб, пёрышки чёлки, острый подбородок. «А Володя красивый, — подумалось Юрке, — если приглядеться, если подумать, ну, наверное…»

Он не закончил мысли, решив, что повторяется. Но он не повторялся. Когда увидел Володю впервые на линейке, Юрка оценивал его красоту объективно. Если бы не очки, Володю можно было бы назвать классически красивым — это, безусловно, так, Юрка это осознал и даже ощутил прилив зависти — а как иначе, если девчонки млели, глядя на него? Но теперь, взглянув на него в полумраке, Юрка понял новое: это лицо нравилось ему субъективно, и никакой злобы или зависти он уже не мог испытать. Наоборот, Юрка неожиданно ощутил не вполне понятное ему чувство благодарности. Только к кому, судьбе или Володиным родителям, не понял. А благодарен он был за то, что этот кто-то дал ему возможность, любуясь, радоваться. Ведь смотреть на красивое всегда радостно. Эх, если бы только не очки…

В тишине прозвучал сдавленный шёпот:

— Юла?

— А?

— У тебя там двель не отклывается?

— Нет.

— Володя, а у тебя?

— Нет. Всё нормально, спи.

Ещё с пять минут было тихо, потом тот же голос, а вернее шёпот, повторился:

— Юла, Вололя?

— Что?

— Идите спать. А то плидёт ещё, а вы тут сидите.

— Вы точно не будете болтать? — спросил Володя уж очень строгим тоном, как показалось Юрке.

В ответ из разных углов комнаты прозвучало убедительнейшее: «Точно», «Мы уже спим», «Да», «Честное октяблятское».

Володя поднялся и кивнул Юрке, позвав за собой. Когда уходили, Саня высунул руку из-под одеяла и дёрнул Володю за шорты:

— Я только спросить. Володя, а можно Юра ещё придёт нам страшилок рассказать?

— Я не против, но об этом лучше спросить у него.

— Юр?

— Только при одном условии. Если сейчас же заснёте и ночью никто никуда не встанет, тогда завтра приду и расскажу новую. А если кто-нибудь только пискнет, шиш вам, а не страшилка, довольствуйтесь своими синими шторами.

Мальчики забормотали обещания и уверения, каждый на свой лад, а Саша радостно закивал и укутался в одеяло по самые брови.

— Думаешь, уснут? — спросил Юрка, когда они вдвоём спустились с крыльца.

Но Володя не ответил. Он молча, целенаправленно топал к каруселям, которые стояли на той самой одуванчиковой полянке прямо напротив окон спальни. Аккуратно, чтобы карусель не заскрипела, он сел и принялся водить мыском кеда по земле, поднимая волны белых пушинок. Юра пристроился рядом:

— Ты чего молчишь?

— Я же просил не перебарщивать, — укорил его Володя.

— И в чём же я переборщил?

— Ничего себе вопрос! — Он сердито ткнул себя пальцем в переносицу. — Во всём, Юра. Они сейчас мало того что не уснут, так с перепугу ещё и в кровати надуют!

— Ой, да ладно тебе! Они что, маленькие, чтобы до туалета не дойти?

— Конечно, они маленькие! Как они пойдут, если ты им буквально запретил глаза открывать?

— Не преувеличивай. По-моему, они притворяются. Санька, самый впечатлительный из всех, и тот лежит себе спокойно. А если и правда напугал, то что? Тишина и покой — одни плюсы.

— Посмотрим, чем твои «плюсы» обернутся утром.

— Чем-чем? Да ничем! Им понравилось, раз завтра ещё рассказать попросили.

Вдалеке на эстраде играла музыка, но ветер дул в другую сторону, звуки доносились неразборчивые, и Юрка не смог узнать песню. Вместе с музыкой звучали и завлекающе весёлые голоса.

Повинуясь старой — ещё со времён музыкальной школы, — привычке, Юрка разминал руки: тянул пальцы и хрустел суставами. Его охватило нетерпение — скорее бы на дискотеку. Вот уже вытащил Володю из отряда, пять минут — и они будут на танцплощадке, а там

Ксюша. Но Володя, похоже, никуда не собирался, и Юрка, не выдержав, поторопил:

— Ну что сидим? Пошли на дискотеку!

— Нет. — Тон был категорический. Володя кивнул на тёмные окна. — Я Лену танцевать отпустил, пока не вернётся, никуда не пойду. Не могу оставить детей одних.

— Вот засада! Как жаль… — раздосадованно протянул Юрка.

— Почему жаль? Почему засада? — оживился Володя. — Ты что, на меня рассчитывал? Но мы же не договаривались, да и вообще я не люблю дискотеки. Постой-ка… — он нахмурился и вдруг встрепенулся, что-то вспомнив. — Меня сегодня уже приглашали. Ульяна. Да, точно, Ульяна, а теперь ты. Говори, что вы задумали?

— Ничего. Просто девчонки слёзно просили привести тебя туда. Танцевать с тобой хотят, все дела.

— Что ещё за «все дела»? — хохотнул Володя. — Какие у меня могут быть с ними дела?

— Сам знаешь какие, — подмигнул Юрка и осыпал его роем вопросов: — Они что, тебе не нравятся? Ни одна? Совсем? Или ты уже с кем-то гуляешь? С Машей?

— С чего это ты взял? Нет, даже не в этом дело! Я — вожатый, а они — пионерки. Такие тебе и «все дела». А ты что тут сидишь? Тебя ведь ничего не держит, шёл бы, веселился.

«Действительно, — мысленно кивнул Юрка сам себе. — И без Володи музыка играет». Это мероприятие являлось самым интересным, желанным и долгожданным для пионеров, и даже Юрка обычно не был здесь исключением. Но сейчас его неожиданно обуяли сомнения. Что он будет там делать? Смотреть, как девчонки танцуют друг с дружкой, сидеть в сторонке и при всей Юркиной показной смелости жутко стесняться кого-нибудь пригласить? Да и кого? В прошлой смене была Анечка, в этой смене нет ни её, ни кого-то хоть сколько-нибудь симпатичного. Он планировал заполучить обещанный Ксюхой поцелуй, но без долга, то есть Володи, нет платежа. Что делать на дискотеке, если не танцевать? Сидеть в сторонке с Ванькой и Михой, вести скучные беседы о скучном? Или патрулировать вдоль, поперёк и по диагонали танцплощадку, — в одиночестве или с весёлыми, но уже надоевшими товарищами? Незачем и не для кого оказалось Юрке идти на дискотеку.

Можно было бы ещё поуговаривать Володю, но, сказать по правде, Юрке уже не хотелось на танцы даже с ним — как-нибудь в следующий раз выполнит свою часть уговора. А сегодня ему и тут хорошо, под ясным небом, где ни единого облачка не закрывало яркого света звёзд да тонкой полоски луны.

— А тебе не будет тут уныло одному? — придумал он спросить, чтобы не сидеть в тишине.

— Хотел сценарий почитать, но света мало. — Володя похлопал себя по карману шорт и кивнул на единственный источник освещения — тусклую лампочку над крыльцом. — Да, наверное, будет невесело.

— Тогда я с тобой посижу.

— Ну, посиди, — равнодушно ответил Володя.

— Не рад, что ли? А говорил, что скучно…

— Рад. Рад, конечно, — подтвердил Володя, но, как показалось Юрке, скованно.

Ветер переменился и принёс с собой музыку. Пугачёва дуэтом с Кузьминым пела о том, что «в небе весеннем падали две звезды». Звёзды — правда, в небе летнем, — действительно падали. Юрка заметил несколько, но желание не загадал — во-первых, не суеверный, а во-вторых, знал, что это никакие не звёзды, а метеоры. А настоящих звёзд сверкала целая россыпь, целый Млечный путь. Разглядывая небо, Юрка думал о том, что этот вожатый Володя — парадоксальный человек. Сказал, что рад, а радуется молча, без единой эмоции на лице. При этом молчать с ним не скучно и говорить тоже. Вроде бы совсем как Ванька и Миха, серьёзный и умный очкарик, но вовсе не ботаник.

Сидящий рядом «вовсе не ботаник» вздохнул и негромко промычал, прекрасно попадая в ноты: «Две звезды, две светлых повести» — но, не закончив, спросил:

— Кстати, Юр, эта усадьба далеко?

— Какая уса?.. А… эта. Вообще-то, нет никакой усадьбы, — с трудом разглядев в полумраке вытянувшееся лицо, Юрка удивился. — Ты что, поверил?

— Так ты все это придумал? И про великого князя, и про русско-японскую войну? Столько деталей… Ловко! А ты, оказывается, ничего… В смысле не такой и оболтус.

— Кто? Оболтус? Я похож на оболтуса?

— Нет, говорю же, что нет.

— К чему тогда это «ака-а-азывается», — Юрка жеманно протянул «а», передразнивая Володю. Получилось очень похоже. — Но барельеф с дамой на самом деле есть. Там, в диких яблонях, внизу по реке.

— Далеко?

— Минут тридцать на лодке. Так что насчёт оболтуса?

— Ну перестань.

— Ты поэтому хорохорился?

— Ничего я не… Ладно! — сдался Володя. — От разгильдяев обычно много не ждут, разве не так?

— Я ещё и разгильдяй?! — Он деланно возмутился. Отчего-то на душе было легко и весело, и Юрке захотелось подстегнуть Володю. Он твёрдо решил, что не отстанет, пока тот не извинится. Но Володя извиняться и не собирался.

— Сам виноват, что у тебя такая репутация.

— Я тут ни при чём. Просто этих дурацких вожатых так и тянет застукивать в самый неподходящий момент, а потом, меня не слушая, делать какие-то свои выводы. Ты про крышу, например, слышал?

Володя скупо протянул:

— Ну… Кто-то говорил, что ты в прошлом году…

Юра, перебив его, принялся пародировать писклявый голос Ольги Леонидовны:

— «Конев совсем распоясался — прыгает на хрупком шифере, ломает казённое имущество, подвергает опасности своё здоровье и нашу с вами, товарищи, репутацию как воспитателей. Негодяй этот Конев, вандал и шпана!» Тоже так думаешь, да ведь?

— Ещё чего! Я никогда не делаю поспешных выводов.

— Ну-ну, так тебе «не оболтус» и поверил. — Юрка усмехнулся. — А на самом деле всё было не так. На самом деле я помогал, доставал летающую тарелку. Иду, смотрю, Анечка… — Юрка запнулся, поймав себя на мысли, что произнёс это имя с излишней нежностью. — В общем, девочка из моего отряда сидит, плачет. Ну я спросил, почему. Оказалось, её тарелка залетела на крышу, она уже два дня просит завхоза достать, а тот хоть бы хны. Ей эту тарелку отец подарил, а до конца смены — день! Получалось — хрен ей, а не тарелка.

— Не ругайся, — приказал Володя скорее по привычке, чем всерьёз.

Юра проигнорировал.

— Ну я и полез. Там высота плёвая — раз подтянуться и готово, делов-то достать. Тут меня и застукали.

— А разве эта девочка не рассказала, как всё было?

— Рассказала, но кто её послушает? «Надо было Александра Александровича попросить». Просила она этого Саныча…

— Ну а что в итоге?

— Достал я ей эту тарелку, вернул. Анечка вся сияет, благодарит, но Конев-то всё равно дебошир и шпана.

— Ладно, тут ты оправдан. А через дыру в заборе ты зачем лазишь?

— За куревом, — Юрка даже подумать не успел, выпалил как на духу.

— Ты ещё и куришь?! — обалдел Володя.

— Я? Да нет. Я так, попробовать. Больше не буду! — слукавил он и от греха подальше переменил тему. — А кто тебе сказал про дыру? Я думал, о лазе не знает никто!

— Все знают. И не просто знают, а уже заделали.

— Пф… ну и пусть заделали, будто я других ходов не знаю.

Володя оживился:

— Ещё есть? Какие, где?

— Не скажу.

— Пожалуйста, скажи! Юр, а если об этом мои бедокуры узнают? Сбегут ведь!

— Не узнают. И тем более не сбегут, это далеко, и из-за роста им не перебраться. — заверил Юрка, но, услышав нервное Володино сопение, для его спокойствия добавил: — Зуб даю, не сбегут!

— Юра, если что случится… мне так всыплют, мало не покажется!

Юрка задумчиво поковырял комариный укус на локте.

— Ты никому не рассказывай, ладно? Про лаз. И про курево тоже.

— Не скажу, если лаз покажешь. Я должен сам убедиться, что через него нельзя пробраться. И что там безопасно.

— Это брод, — сдался Юрка. — Хватит паниковать. Они же у тебя не ненормальные, чтобы реку переходить, где им воды по шею. — Володя неопределённо хмыкнул, а Юрка вспомнил. — Скажи лучше, что им рассказывать завтра? Детям твоим. Я же обещал.

— Придумай. Ты так ловко эту историю забабахал, придумаешь и другую.

— Легко сказать! С брошью у меня вдохновение было, а теперь всё, тю-тю. Что бы такое сообразить? Может, про маньяка?

— Маньяка? Откуда у нас маньяки? — прыснул Володя.

— Это же просто история, вымысел, — пожал плечами Юрка.

— Нет, надо что-нибудь более реалистичное и обязательно с моралью. Давай лучше разовьём тему поместья? Расскажем, например… про клад. Точно, давай клад?

— Хм… а это идея. — Юрка почесал подбородок. — Есть куда записать?

Володя порылся в карманах. Вытащил из левого рогатку, убрал обратно. Полез в правый, вынул ручку и свёрнутую трубочкой тетрадку.

— Не слишком темно, чтобы писать? — спросил, протягивая их Юрке.

— Сойдёт! У меня почерк крупный.

— Тогда давай, маэстро, начинай.

— Так вот. Граф с графиней были очень богаты. Перед тем как уйти на войну, граф взял большую часть своего состояния, спрятал в сундук и где-то зарыл…

— А графиня на что жила?

— Я же сказал «часть», вторую часть он оставил ей! Так вот. Под покровом тьмы безлунной ночью вынес сундук и где-то закопал, отметив место клада на карте. Но даже с помощью этой карты сокровище нельзя было найти, не разгадав графские загадки… Или нет. Пусть клад не графский, а партизанский. Точно! Оружие!..

В тот вечер на дискотеку Юрка так и не явился — почти до самой ночи они просидели с Володей на карусели, придумывая страшилки для детворы и совсем не замечая бегущего времени.

Глава 5

Тоже мне вожатая

Сблизившись с Володей, Юрка стал и к театру относиться лучше. Место, которое сперва показалось ему неинтересным, уже после пары репетиций стало особенным: здесь было весело и уютно, Юрка ощущал себя полноценной частью команды. Пусть роли в спектакле для него пока не нашлось, Володя сумел сделать так, чтобы Юрка почувствовал себя нужным: он помогал следить за детворой, давал советы насчёт сценария и раздачи ролей, и Володя прислушивался к ним. Юрке льстило, что ему так доверяют.

Володя начал по-настоящему нравиться ему. Правда, задумываясь над тем, что значит само слово «нравится», Юрка недоумевал. Оно звучало странно, ведь означало скорее симпатию и влюблённость, а не то, что он испытывал к Володе. И, не зная, как объяснить самому себе это чувство, он назвал его «желанием дружить» и даже «очень сильным желанием дружить». Такого с Юркой никогда не случалось. Он впервые смотрел на другого парня так — с особенным интересом и чувством соперничества, причём, что было и вовсе удивительно, соперничества не с самим Володей, а с девчонками за его внимание.

Постановка спектакля продвигалась медленно, но уверенно. На третьей репетиции утвердили четыре главные роли, но оставалось ещё много вопросов со второстепенными — не хватало актёров, в театральный кружок почему-то мало кто хотел записываться.

Главную роль Зины Портновой отдали Насте Мильковой — пионерке из второго отряда, которая прекрасно читала текст и даже внешне походила на Зину: те же тёмные волосы, большие круглые глаза и невысокий рост. Вот только смелостью Настя не отличалась — очень нервничала, когда говорила свои слова, от волнения у неё даже краснели руки. Младшую сестру Зины — Галю — предстояло сыграть маленькой рыжей Алёне из Володиного отряда. Роль Ильи Езавитова всё же отдали Олежке. Хотя Володя до сих пор сомневался, выбирать не приходилось: пусть Олежка картавил, но справлялся с текстом на

уровень выше остальных и очень старался. Брата Ильи — Женю Езавитова — назначили играть Ваське Петлицыну. Тот был тем ещё бедокуром и шкодником, но в роль вжился быстро и отлично отыгрывал.

Ульяна отвоевала себе роль Фрузы Зиньковой, секретаря и главы «Юных мстителей», но по взгляду Володи становилось ясно, что он очень недоволен её игрой. Зато Полину сразу утвердили на роль чтеца — закадровый голос у неё получался замечательно. Просьбу последней из Троицы, Ксюши, услышали и удовлетворили на первой репетиции, и она очень гордилась званием костюмера, хотя не сшила и не скроила ещё ни одного костюма. Машу, которая, по мнению Юрки, умела играть только «Лунную сонату», за неимением лучшего, утвердили пианисткой. В лагере было множество разнообразной техники, и осветительной, и звуковой, всякой, но Володя настаивал на «живом» аккомпанементе, аргументируя тем, что тридцать лет назад спектакль сопровождала живая музыка, а именно — фортепианная.

Актёры пока плохо ориентировались в сценарии: кто-то выучил половину реплик, кто-то читал по бумажке. Целостной картины не выходило, но для третьей репетиции и так было неплохо. Вот только Володя никак не успокаивался — оставалось несколько незанятых ролей: бабушки сестёр Портновых, двух девочек и одного парня из юных мстителей, нескольких немцев, а ещё массовки — солдат и деревенских жителей!

— Так, — Володя высунул нос из-за тетрадки, — «Юные мстители» все здесь? Ну те, которые пока есть…

По его приказу на сцене выстроились в ряд Настя, Алёна, Олежа и Васька. Ульяна уселась за стол.

— Отлично, — кивнул худрук. — Слушаем все, а «Мстители» в первую очередь. Ребята, помните, что этот спектакль не только о Зине, но и о вас. Вы — центральное звено и будете в фокусе на протяжении всей истории. Даю общие вводные, будьте внимательны, не подведите. Итак. Вы — подпольщики, вы — герои, причём герои юные, ведь, как всем известно, «Мстители» были немногим старше Юры, Маши, Ксюши и остальных… Этим их подвиг тем более велик. — Две «остальные» насупились и что-то обиженно забурчали, Володя, не слыша их, продолжал: — Да, дети того времени были не такими, как мы. Их родители воевали и побеждали в Гражданскую войну, ребята

сами хотели и даже стремились воевать. Мы — легкомысленные, они — нет. Так что халатности не потерплю. Петлицын, ты меня слушал?

Володя глянул так сурово, что Васька выпучил глаза.

— Да-а-а… — ответил он осторожно.

— Внимательно?

— Очень.

— Повтори, что я сказал, — мучил его Володя — и поделом: на прошлой репетиции Васька так разбаловался, что едва её не сорвал.

Петлицын печально вздохнул и забубнил, кривляясь:

— Мы — партизаны, мы стремимся на войну! А ты не потерпишь халатности и всё такое…

— Будь серьёзнее, Петлицын! Мы тут не комедию ставим.

— Ладно-ладно…

Володя сокрушенно покачал головой — этот ответ его не удовлетворил, но тратить общее время на одного Петлицына было слишком расточительно, и худрук перешёл к делу:

— Все готовы? Юр, а где карта? Давай, клади скорее на стол.

Круглый столик располагался чуть левее центра сцены. По периметру ребята расставили скамейки, какие-то чемоданы, одежду, посуду и даже самовар, словом, предметы обстановки жилой избы — штаб-квартиры «Юных мстителей».

— Товарищ главнокомандующий, есть «карту на стол», — отрапортовал Юрка и сел в зрительское кресло рядом с Володей.

— Эх… — тот разочарованно цокнул языком, — не нравится мне изба. Надо больше флагов и плакатов.

— Больше? — Юрка фыркнул и принялся перечислять: — «Смерть фашистской гадине», «Родина-мать зовёт», «Завоеваний Октября не отдадим»… Мало, что ли? К тому же рано ещё думать о декорациях…

— Нет уж. Сейчас самое время подумать об этом! Если нужное не найдём, придётся рисовать.

— Володь, ну это же нелогично! Они же подпольщики! Нормальные подпольщики не станут хранить и тем более развешивать по штаб-квартире всякую агитацию. Они же на оккупированной территории, тут фашисты каждый угол обос… спали.

Володя стремительно поднялся на ноги. Зашипел, не дав Юрке закончить фразу, надулся — хотел то ли ввязаться в спор, то ли молча дать затрещину, но между парнями втиснулся толстячок-Сашка.

— А ты откуда взялся? — опешил Володя.

— Пришёл, — бесхитростно пропищал тот. — Володя, а почему Петлицын играет Женю Езавитова? Его ведь я должен был…

— Потому что, Саня, ты своими полётами и прогулами не оставил мне выбора, — строго ответил худрук.

— Ну можно я тогда буду Николая Алексеева играть?

— Нет, для этой роли нужен мальчик лет двенадцати.

— А что мне тогда делать?

— Саня, ты очень красиво лежишь и стонешь… — задумчиво протянул Володя.

Все вспомнили, как Сашка валялся кулём, раскинув ноги и руки в стороны, и захихикали. Один худрук был серьёзен:

— Когда «Юные мстители» подорвут водокачку, ты будешь играть умирающего фашиста.

— Но…

— Зато главного, Сань! Хм… — Володя почесал переносицу и тычком поправил очки. — Так, ладно, поехали. «Мстители» стоят вокруг стола, смотрят на карту, готовят диверсию. Настя, начинай! Первая реплика про вражеский эшелон на железной дороге…

* * *

Когда репетиция закончилась и дети разошлись по отрядам, Юрка, наконец, остался с Володей наедине и выдал то, о чём думал с самого первого дня:

— Я понимаю, что Маша только «Лунную сонату» и умеет играть, но она тут ни к селу ни к городу.

— Не скажи! — парировал тот. — Соната отлично идёт фоном.

— Нет! — Юрка вскочил с кресла и выпалил на одном дыхании: — Володь, ну какая любовная лирика в патриотическом спектакле? Ты понимаешь, что такое «Лунная соната»? Это ноктюрн, это концентрация грусти, в нём до того много любви и одновременно несчастья, что совать его на фон в спектакль про партизан — просто… просто… вообще не то!

Выдохнув тираду сплошным потоком, Юрка будто сдулся и упал обратно в кресло. Володя уставился на него, удивлённо изогнул бровь, но ничем не прокомментировал такое эмоциональное заявление, только спросил:

— И что ты предлагаешь?

— «Аппассионату»… Погоди спорить, сейчас я всё объясню. Во-первых, это любимое произведение Ленина, во-вторых…

— Она же сложная. Кто её сыграет?

— Маша… — брякнул Юрка и только потом сообразил, что Володя прав: «Аппассионату» никто не сыграет, даже Юрка не смог бы. — Ладно, хорошо, тогда можно «Интернационал».

— Это как напоминание о подвиге Муси Пинкензона[1]?

— Ага, — подтвердил Юрка, обрадованный тем, что даже ассоциации у них сходятся.

— Хорошая идея, предложу Маше. Но «Интернационал» — это же гимн, он бодрый, победный, на фон не подойдёт. Давай для фона всё-таки пока на «Лунной сонате» остановимся?

— Да говорю же, она сюда не подходит! Вот зачем тебе ноктюрн в начале? Зачем сразу и за упокой?

Юра набрал полную грудь воздуха, собираясь снова выдать пулемётной очередью всё, что думает о «Сонате», но его прервали.

Крыльцо скрипнуло, дверь кинозала грохнула, на пороге появилась злющая Ира Петровна. Юрка никогда не видел её такой — глаза сверкали, рот кривился в грозном зигзаге, щёки алели:

— Конев! Не знаю, чего ты всем этим добивался, но добился. Поздравляю!

Ира пылала праведным гневом и, спускаясь по ступеням вниз, кричала так, что Юркино сердце забилось в горле. Следующей после испуга эмоцией была злость — она снова пытается обвинить его в чём-то!

— Что я опять сделал? — Юрка шагнул Ире навстречу.

Она стояла в проходе между креслами. Остановившись напротив, глядя Ире в глаза, Юрка хотел было со всей дури пнуть зрительское кресло, чтобы хоть немного обуздать закипающую внутри злость. Но Володя внезапно оказался рядом и молча положил руку ему на плечо.

Ира бушевала:

— Конев, где ты шатался всю ночь? Почему Маша вернулась в отряд под утро? Что ты с ней делал?

— Я же вечером вернулся…

Тут Володя обернулся к Ире и подал голос:

— Ира, давай спокойно и по делу. Что он натворил?

— А ты не лезь не в своё дело, Володя. Ты за него на собраниях заступаешься, а он девочек растлевает!

Услышав такое от Иры Петровны, Юрка обомлел, его брови поползли на лоб. Володя сиплым шёпотом прохрипел: «Что-о-о?»

Ира молчала.

Когда слова нашлись, Юрка выкрикнул:

— Далась мне эта Маша, ничего я с ней не делал! Совсем обнаглела такое говорить?! — он хотел добавить пару ругательств, но оторопело замолк, поздно осознав услышанное: «Володя за меня заступается?!» Уже не обращая внимания на ответные крики вожатой, он уставился на него и глупо захлопал глазами. Желание расколошматить что-нибудь сошло на нет.

А Ира продолжала:

— Лучшая девочка из отряда! Без пяти минут комсомолка! Только связалась с тобой и началось: работает плохо, зарядку просыпает, сбегает с…

Вдруг Володя снова вклинился и прервал поток обвинений. Не сделай он этого сейчас, они скатились бы в оскорбления.

— Так, стоп. Ирин, ты хочешь сказать, что этой ночью Маши не было в отряде?

— Да!

— И так как Юры тоже там не было, ты считаешь, что он был с ней?

— Да, именно!

— И их кто-то видел вместе?

— Нет, но очевидно же!

«Очевидно же» взбесило Юрку окончательно. Проглотить эту пилюлю он уже не смог и шарахнул ногой по стулу. Сидение-крышка подлетела на полметра и брякнула об пол. Никто, кроме самого дебошира, не обратил на это внимания.

— Да что тебе может быть очевидно? Юра был со мной! — Володя начал злиться.

— Ты вот опять его покрываешь, а он лучшую пионерку отряда… — и Ира выразилась так грязно, что Юрка аж обомлел.

— Повторяю, Конев был со мной! — рявкнул Володя.

— Не ври мне! Не был, я знаю. Я проходила мимо твоего отряда, свет не горел! — победно оскалилась Ира. — Ну, Володя, такого я от

тебя не ожидала! Конев, а ты… Конев, я всё терпела, но это уже чересчур! Завтра я поставлю вопрос о твоём отчисл…

— Ира, постой, — Володя, пытаясь её урезонить, понизил голос. — Юра правда был со мной и мальчишками из моего отряда. Если тебе нужны свидетели, они есть. И вообще, почему ты начинаешь разбирательство сейчас, почему не на собрании?

— Я только что узнала!

— А какого чёрта Маша не явилась к отбою? — вклинился Юра. — И почему ты устраиваешь нагоняй не ей, а мне? Почему ей это прощается?

— Потому что ты… потому что…

— Потому что ты привыкла, что Юра всегда крайний! — не выдержав, взорвался Володя. — А почему тебя волнует он, а не Маша? Что ты пристала к нему, влюбилась что ли?..

Все замерли. Володя зло сощурился, Юрка осел на сломанный им же самим стул, едва не упал. Ира Петровна сжала губы в ровную линию, побледнела и затряслась. Только слепой не заметил бы, что ярость внутри неё клокочет и вот-вот вырвется потоком если не слёз, то брани. Но вожатая сдержалась. Сжала губы ещё плотнее, так что те посинели, крутанулась на месте и, не сказав ни слова, вышла.

Володя стиснул кулаки, уселся на стул рядом. Юрка тихо спросил:

— Как думаешь, мне конец?

Володя помотал головой:

— Пусть только попробует что-то сказать на планёрке, я её на место поставлю… Это уже ни в какие ворота не лезет! Какая из Ирины вожатая, если она не знает, что творится у неё в отряде?

Юркино сердце наполнилось какой-то непередаваемой лёгкостью.

— Спасибо, Володь, — сказал он, вложив в это слово столько благодарности, сколько только мог передать.

— Вопрос только — где эту Машу леший носил? — вместо ответа протянул Володя.

* * *

Направляясь из театра к столовой, Юрка думал только об урчащем от голода желудке, Ира и Маша совершенно забылись. В отличие от него, Володя ворчал:

— Юра, ты должен обязательно отпрашиваться у Ирины… Ничего себе лучшая пионерка. «Лучшие пионерки» спать по ночам должны, а не по лагерю шататься…

Услышав это, Юрка вспомнил вдруг:

— Володь! Пока ты репетицией командовал, я слышал, как Саня с Петлицыным шушукались. Петлицын сначала меня, а потом его подговаривал пойти ночью мазать девочек зубной пастой. Я-то отказался, а Сашка кивнул. Они, похоже, диверсию готовят!

Володя насторожился:

— Петлицын? Так он же из второго отряда, какое ему дело до младших ребят?

— Как какое? Это же весело, малышню подговорить…

— Ничего весёлого тут нет, это опасно!

— Ой да ладно тебе! Себя вспомни в этом возрасте, будто ты ни разу младших на всякую ерунду не науськивал!

— Вообще-то, нет, Юра. Надо мной никто не смел шутить, и я ни над кем не издевался. А ты? Неужели ты был хулиганом?

— Хулиганом? Конечно нет! — даже не краснея, соврал Юрка. На самом деле как только он не пакостил и чем только не занимался после того, как у него вдруг появилось слишком много свободного времени.

Мама часто говорила ему: «Природа не терпит пустоты» — и Юрка убедился в этом на собственном опыте. Пустота возникла после того, как из его жизни исчезла музыка, она поглощала все эмоции, оставляя одну лишь нервозность и злость. Будто осиротевший без музыки, Юрка старался занимать себя хоть чем-нибудь, лишь бы не думать о том, что у него было и чего теперь нет, лишь бы не допустить, чтобы пустота снова напомнила о себе. Он собирал марки, клеил модели самолётов, паял, вырезал по дереву, разводил аквариумных рыб, но все это было для него пресно и скучно. В поисках увлечений, которые могли бы заменить утраченную без музыки радость, в поисках смысла собственного существования, Юрка сблизился с теми, кого никак нельзя было назвать скучными — с дворовыми ребятами. Отпетыми хулиганами они не были, но всё равно их занятия пользы Юрке не приносили. Много ли толку было в том, что Юрка научился карточным фокусам и шулерству, множеству матерных песенок и стишков, а маясь от безделья в подъездах, скрутил с десяток лампочек и написал талмуд

неприличных слов? А в том, что в школе взорвал несколько карбидных бомб и сжёг пару дымовух?

Конечно, дворовые ребята научили его и более безобидным проказам, в том числе и лагерным. И за одну только прошлую смену Юрка пристрастил почти всю малышню к разнообразным пакостям, и в каждом отряде каждым утром происходило что-нибудь из ряда вон выходящее. То жертву обливали холодной водой и она вскакивала с кровати, будучи привязанной к матрасу. То жертву будили криком и бросали ей на лицо простыню с криком «Потолок падает!» и жертва верещала не своим голосом, потому что ей действительно казалось, будто на неё падает потолок. То пока жертва умывалась, прятались под умывальником и связывали между собой кончики шнурков, чтобы, умывшись, жертва и пары шагов не могла сделать — падала. Что уже говорить о «ночной» классике — мазать спящих пастой, или класть холодные макароны под подушку, или незаметно дёргать шторы, когда кто-то рассказывает страшилку? Ребятам было безумно страшно и весело, но самому Юрке быстро наскучили даже изощрённые розыгрыши.

Надоевшее в прошлую смену тем более не радовало в эту. И не одного Юрку. Володе пакости тоже были ни к чему.

— Вот блин… Ну и проказники мне достались… — на его лице отразилась смесь растерянности, переживания и раздражённости.

* * *

После ужина Володя выловил Юрку в толпе выходящих из столовой пионеров.

— Слушай, Юр, ты же придёшь сегодня вечером к нам? Я попросить хотел…

— Что?

— Я всё из-за этой зубной пасты переживаю. Они же маленькие ещё, не знают, что это может быть травмоопасно.

Юрка кивнул:

— Ну, в принципе да… мне года два назад какой-то умник в глаз вмазал пастой. Жгло так, что думал — ослепну. Потом неделю с опухшим веком ходил.

Володя, послушав его, переменился в лице, а Юрка вмиг пожалел, что рассказал эту историю.

— Но ты не переживай! — поспешил успокоить он. — Мы знаем об их коварных планах, значит, сможем препятствовать…

— Препятствовать бесполезно. Сегодня пресечём — напакостят завтра. Важнее другое: чтобы они знали, что нельзя мазать в глаза, уши и нос. И я вот что придумал: надо рассказать им страшилку про зубную пасту.

— Ага, вчера ты был против, чтобы я пугал твою ребятню…

— Нет, Юр, пусть лучше в моём отряде в кровати надуют, чем кто-нибудь задохнётся или получит ожог. Тем более ожог глаз!

Юрка почесал затылок.

— И что такого страшного про зубную пасту можно придумать?

— До отбоя вагон времени, сообразим.

* * *

— Пчёлкин! — громким шёпотом позвал Володя, склонившись над кроватью мальчишки. — Ну-ка, сядь!

— Что опять? Зачем? — буркнул тот, но, скинув с себя одеяло, послушно сел.

— А вот зачем, — Володя пошарил рукой под подушкой, выудил оттуда тюбик зубной пасты и выпрямился. Затем внимательно оглядел ряды кроватей. — У кого ещё что-то под подушкой припрятано? Сань?

— А что сразу я? — пискнули из левого ряда у стены.

— А потому что ты всегда молодец.

Юрка наблюдал за всем этим, удобно устроившись на пустой кровати возле окна.

— Ребята, — нравоучительно продолжал Володя. — Не вздумайте никого мазать зубной пастой! Это может быть опасно, вы понимаете?

В ответ донеслось пара ленивых «угу» и «ну да». Володя тяжело выдохнул, набрал в грудь воздуха и хотел было ещё что-то сказать, но из коридора послышался громкий вскрик, после — топот, хлопок двери и несколько всхлипов.

— Я сейчас вернусь. — Володя рванул к выходу из комнаты, крикнув на ходу: — Юр, присмотри за ними!

— Юууу-л-ла! — лукаво протянул Олежка, как только двери комнаты захлопнулись.

— Ась?

— Ты обещал нам стлашилку!

— Да, Юра, обещал!

— Давай новую страшилку!

Юрка громко фыркнул и сложил руки на груди:

— Ну не знаю даже, — протянул он. — Володя мне вчера запретил вам страшилки рассказывать, говорит, вы маленькие ещё. А ведь и правда — маленькие! Даже проделку с зубной пастой подготовить не смогли…

— Так откуда же я знал, что он под подушку полезет! — попытался оправдаться Пчёлкин.

— А нечего было некоторым на весь театр об этом орать! — в тон ему ответил Юрка.

— Это не я, это Саня! — насупился Пчёлкин.

— Зато у меня пасту не отобрали! — толстяк победно взмахнул тюбиком над головой.

— Ну-ка, спрячь! — шикнул на него Юрка и добавил угрожающе: — Ты даже представить не можешь, какие ужасы происходят в «Ласточке» с шутниками, которые пастой мажутся! И это не выдумка, я сам видел…

Все притихли. Слышно было, только как Саша шуршит, пряча тюбик обратно под подушку.

— А что такого с ними плоисходит, Юл? — Олежка вылез из-под одеяла и заинтересованно уставился на него.

— Что ты видел? — скрестил руки на груди храбрящийся Пчёлкин.

Юрка прищурился, зная, что ребята видят его силуэт на фоне окна, оглядел комнату.

— Вы точно хотите это знать?

На долгие полминуты в отряде повисла тишина, и только потом послышалось одно неуверенное «да», которое подхватили несколько голосов.

— Ладно, — сказал Юрка. — Тогда открою вам ещё одну по-настоящему страшную тайну… В «Ласточке» по ночам бродит не только призрак графини, о которой я вам вчера рассказывал. На самом деле, — я где-то читал, — в этих местах повышен уровень… как его там… а, точно, аномальной активности! И сюда притягиваются всякие потусторонние силы и нечисть… И именно по ночам!

На рядом стоящей кровати клацнули чьи-то зубы.

— Что, страшно?

— Ну-у-у… — неуверенно протянули откуда-то с соседней кровати.

— Нет! — смело заявил Саня.

— Рассказывай! — поддержал его Пчёлкин.

Юрка взял драматическую паузу, прислушался к полной тишине в комнате и начал медленно, шёпотом:

— Четыре года назад в «Ласточку» приехала девочка, Нина. Обычная девочка, ничего примечательного в ней не было, только глаза — они у неё были уж очень красивые. Большие и такие ясные, голубые, как небо.

— Юла, а ты её знал? — перебил Олежка.

— Конечно, — сразу же подтвердил Юрка. — Правда, мы не общались, потому что мне тогда было чуть больше лет, чем вам, а ей — пятнадцать, взрослая, в общем… Нина была очень одинокой и нелюдимой девочкой, она так и не завела себе друзей. Бывают такие люди — замкнутые и стеснительные. Из-за того, что она ни с кем не могла подружиться и бродила по лагерю совсем одна, её стали считать одиночкой. Подтрунивали над ней, шутили и обзывали и даже придумали обидное прозвище — Бобыль.

Дети захихикали — смешное слово, Юрка шикнул.

— Как-то ночью девчонки из Нининого отряда решили намазать парней зубной пастой. Это ведь своеобразный ритуал у старших отрядов: если вас ни разу за смену пастой не намазали, значит, смена прошла зря.

Детвора оживилась. Со всех сторон посыпались вопросы: «А тебя пастой мазали?», «А Володю мазали?», «А ты мазал?», очень неуместные сейчас. Юрка ответил на некоторые и, призвав мальчиков к тишине, продолжил:

— Так вот, Нину, конечно, никто не позвал. Ей было очень обидно слушать, как соотрядницы, хихикая, обсуждают, кто какие узоры вывел на лицах у ребят. И то ли обида управляла Ниной, то ли ей захотелось отомстить, но в следующую ночь она извела почти всю свою пасту, чтобы напакостить девчонкам. Но из-за того, что Нину никогда не звали участвовать в таких шутках, она не знала основных правил. Например, что нельзя попадать пастой на волосы, ведь она, застывая, твердеет как бетон и её бывает до того трудно смыть, что приходится выдирать волосы. И вот утром две девочки не смогли

смыть пасту с волос! А месть — штука заразная… Сначала подозрения пали на парней из отряда, и мстить собирались им. Но кто-то заметил, что тюбик зубной пасты Нины почти пуст, да и сама Бобыль ночью осталась не тронута… Весь день она слышала, как соотрядницы шушукались и обговаривали план мести мальчишкам, но ночью эта месть пала на ничего не подозревающую Нину! Она проснулась под утро из-за того, что у неё очень сильно горело лицо, а особенно — веки. Ничего не понимая спросонья, она открыла глаза и потёрла их… Жжение стало таким сильным, что Нина заплакала, продолжая тереть глаза. Но от этого стало ещё хуже! Ей никто не помог, вокруг слышались только хихиканья. Тогда она вскочила и, ничего не видя, на ощупь выбежала из корпуса. — Юрка взял театральную паузу, перевёл дыхание. — А утром… Утром третий отряд, который первым явился на зарядку, увидел в бассейне Нину. Она плавала спиной кверху. Мёртвая! В белой пижаме, руки раскинуты в стороны, а волосы колышутся на воде… Нину вытащили, развернули лицом и увидели, что вместо её красивых голубых глаз — два красных выжженных провала!

— Ой какой кошмар, — пискнули в углу комнаты. — А почему её в бассейне нашли?

— Потому что она бежала с закрытыми глазами и упала туда. А плавала Нина плохо, к тому же глаза жгло, вот она и утонула.

— Юла, ты это видел, плавда?

— На этом история не закончилась! — перебил Юрка зашумевших ребят. — Этот случай попытались поскорее замять, чтобы не поднимать шумиху, смену сократили, всех разослали по домам, но слухи-то всё равно разошлись! Пионеры и вожатые, которым приходится по ночам бывать у бассейна, в определённое время — в три часа и семнадцать минут — видят над ним голубоватое свечение. Оно висит в воздухе ровно четыре минуты, а потом улетучивается будто от порыва ветра в сторону корпусов со старшими отрядами. И именно в эти ночи там происходят странные вещи — наутро кто-нибудь просыпается, вымазанный зубной пастой: то на щеках, то на лбу. И всегда это только один человек — самый большой шутник в отряде, и мазки такие непонятные, будто кто-то целится в глаза, но никак не попадает. А потом эти шутники рассказывают, что им всегда снится один и тот же сон. Они слышат плеск воды, и чувствуют, как их

лица гладят чьи-то пальцы. А потом мягкий девичий голос зовёт: «Пойдём побалуемся, у меня есть зубная паста…» И ни у кого не возникает сомнения, что это дух девочки Нины Бобыль бродит в такие ночи по лагерю и ищет, с кем поиграть. Говорят, Нина специально выбирает самых проказливых — с ними весело, но одновременно она хочет отомстить за себя. Поэтому сначала зовёт играть, а потом намазывает пастой и топит. Хочет попасть в глаза, но не может, потому что слепая.

— Юр, но ведь Нина ищет виновников только в старших отрядах, — заметил Саша.

— С чего ты это взял? — возмутился Юрка. — Думаю, что теперь может и к вам наведаться, раз вы тут веселье планируете. Так что будьте осторожны с зубной пастой!

— Она правда может выжечь глаза?

— А ты, Сань, Нину позови, она придёт и проверит…

— О-ой!

— То-то же! И зарубите себе на носу, что никогда и ни за что нельзя мазать глаза, нос, уши и волосы. — Юрка поднялся с кровати и потянулся, хрустнув позвонками.

— А почему нос и уши? — спросил Олежа.

— Олеж, ну сам догадайся — паста засохнет, дышать нечем, а из уха не выковырять. Ладно. Пойду-ка я Володю поищу, куда-то он запропастился. Обещаете лежать смирно и не пакостить?

— Обещаем!

Юрка направился к двери, но остановился у кровати Саши, сунул руку ему под подушку.

— Вот это я всё равно лучше заберу, — сказал он, вытащив тюбик пасты. — От греха подальше.

— Да забирай, всё равно я передумал. Не пойду никого мазать… пока… — пробурчал толстяк.

* * *

В узком коридоре была темнота, хоть глаз выколи. Юрка на ощупь пробрался до двери в спальню девочек, аккуратно приоткрыл и заглянул. Внутри было тихо, девчонки мирно спали, но ни Лены, ни Володи с ними не было. Юрка развернулся и на цыпочках пошёл к вожатской спальне, где жили Володя и физрук Женя.

Комната располагалась в дальнем конце коридора. Ничего не видя перед собой, ощупывая пальцами стены, Юрка крался на свет, который тонкой полоской струился из-под двери. Ему всегда было любопытно посмотреть, как живут вожатые, а в особенности Володя. И вот наконец появился повод наведаться к нему в гости.

Оказавшись возле вожатской, Юрка услышал шёпот: «Лена сама меня пригласила» — и узнал голос Жени. «Значит, дискотека уже закончилась», — заключил он, ведь физруки неотлучно дежурили на танцах, и осторожно коснулся двери, собираясь постучать. От лёгкого толчка дверь медленно и бесшумно поползла вбок. Постепенно Юрке стала открываться вожатская спальня.

Сперва он увидел идеально ровно застеленную коричневым покрывалом кровать, над ней — плакат группы «Машина времени». Вскоре показалась стоящая возле кровати тумбочка, на которой лежали порядком измятая Володина тетрадка и футляр от очков, стоял стакан воды и пузырёк валерьянки. Но самого Володи не было и здесь. Юрка сделал шаг назад, собираясь уйти, как шёпот повторился: «Это был просто танец» — и из-за распахнутой двери появилась широкая, в синей олимпийке спина и коротко стриженный затылок физрука.

Женя стоял на коленях перед другой кроватью, а на ней полулёжа вытирала глаза заплаканная Ира Петровна. Зелёная юбка солнышком закрывала её ноги до лодыжек, красный галстук на белой водолазке сполз в бок. Волосы, обычно туго затянутые в высокий хвост, растрепались. Ира хмурилась, будто на что-то решаясь.

Женя поднялся, прошептал ей на ухо несколько слов, и Ира, наконец, сдалась. Она потянулась к физруку, обняла его за шею и поцеловала в губы.

— Вот это номер! — оторопело прошептал Юрка.

Он схватился за ручку, собираясь закрыть парочку от чужих глаз, — не дай бог дети увидят, — потянул на себя, но громко ударился локтем о косяк. Ира вздрогнула, дверь хлопнула, за ней послышалась возня.

«Тоже мне вожатая!» — возмущался Юрка, шагая к выходу из домика. Он застал их случайно, но всё же чувствовал себя неловко и хотел как можно скорее исчезнуть отсюда. «Ещё бы Ира знала, что творится у неё в отряде, когда она занята своей личной жизнью и сама

чёр-те где шатается по ночам! Как Володя допустил такое безобразие у себя в комнате!»

Оказавшись на ночной улице, Юрка, наконец, встретил Володю — тот возвращался к корпусу, волоча за руку девочку из своего отряда. Девочка всхлипывала. Володя сжимал губы. Хмурый, вновь поглощённый мрачными мыслями, вожатый даже не взглянул на Юрку и крикнул в темноту за корпусом: «Лена, нашёл!» Вдалеке послышался дрожащий от волнения голос второй вожатой: «Слава богу!»

Юрка не стал вмешиваться в педагогическую драму и только махнул Володе рукой на прощание. Тот молча кивнул в ответ и скрылся в домике, а Юра отправился к себе.

Ира Петровна всё-таки перехватила его возле корпуса первого отряда. Она стояла на площадке перед крыльцом и краснела, совсем как петунии, растущие на клумбах по обе стороны от входа.

— Юра, подойди на пару слов, — позвала Ира негромко.

— Что? — сухо спросил тот.

Обычно смелая Ира Петровна была сама не своя — топталась на месте, беззвучно открывала и закрывала рот, жутко стеснялась. Но Юрка и без слов понял, что она хочет ему сказать.

— Я ничего не видел, — твёрдо заявил он, поддевая носком кроссовка треугольники кирпича, обрамлявшие клумбу.

Ира с облегчением выдохнула.

— Как хорошо, что ты понимаешь! Конечно, ты всё видел. И да, это не совсем правильно, ведь здесь лагерь, дети. Но ты же взрослый человек! Видишь ли… — она попыталась объясниться ещё, но Юрка прервал этот неловкий монолог.

— Ни к чему всё это, Ира Петровна. Взрослый человек — вы, а я… а я вообще хочу спать. Меня дети умаяли.

Сказав это, он на самом деле отправился спать.

Разумеется, то, чем занимается с физруком Ира, Юрки не касалось, но это знание было ему на руку — пусть только посмеет теперь обвинить без вины!

Но, засыпая, Юрка снова думал не об Ире, а о Володе. Жаль, что не получилось с ним попрощаться. Но это ничего, завтра они опять встретятся и напишут новую страшилку, ещё лучше предыдущей. «Как будет здорово сидеть с Володей на карусели, болтать и придумывать.

Скорее бы завтра», — думая о предстоящем дне, представляя карусель и Володю, задумчиво грызущего ручку, Юрка уснул.

Казалось, прошла всего секунда, как вдруг Ванька схватил его за плечо и принялся трясти:

— Выйди на крыльцо. Тебя зовут.

— Опять Ира? — проворчал Юрка.

Собрав волю в кулак, он всё-таки встал с постели и, медленно, лениво, не открывая глаз, принялся одеваться.

— Нет, Володя.

— Володя? — Глаза сами собой распахнулись.

Он вышел на улицу, увидел Володю, сидящего на лавочке у клумбы. Услышал, как в плафоне над крыльцом бьётся мотылёк, хлопая крыльями и отбрасывая беспорядочные тени. Юрка втянул носом свежий воздух — ночь пахла влажной хвоей и душистыми цветами — и спустился по ступенькам вниз.

— Я всего на пять минут, — Володя поднялся ему навстречу и, разглядев в мерцающем свете мятого Юрку, забеспокоился. — Разбудил?

— Нет, нормально, — сонно прогнусавил тот, приглаживая растрёпанные волосы. — Что-то случилось?

— Да нет, я просто так, попрощаться. А то не дали…

— Куда ты пропал так надолго? — спросил Юрка, опускаясь на скамью и жестом приглашая Володю сесть рядом.

— Беглянку искал.

— Беглянку? Девочку?

— Представь себе, да! Есть у нас такая, Юля. Эта смена у всех в нашем отряде первая, а Юля ни в какую не может и не хочет привыкать к лагерю. Ни с кем не дружит, всё к родителям просится, а теперь вот вообще решила устроить побег. Когда нашёл её, призналась, что пыталась сбежать, но потерялась.

— А чего ты мне не сказал? Я бы помог искать. Вдвоём с тобой в два счёта бы справились.

— За мальчиками следить некому. Да ты не бери в голову. Во-первых, завтра родителям позвоним, чтобы она их хотя бы по телефону услышала. А во-вторых, скоро родительский день, Юлина мать приедет, успокоит. Или заберёт домой. Лучше бы забрала.

— Ясно…

Разговор не клеился. Неловкости не было, просто не хотелось говорить. Здесь было слишком спокойно и хорошо: в ночной прохладе весело стрекотали сверчки, издалека доносился надрывный печальный вой то ли собаки, то ли настоящего волка. Юрка не знал, правда ли всё это или лишь игра воображения. Он готов был поклясться, что слышал даже уханье совы!

Этой ночи не хватало только одного — треска костра. Они с Володей снова сидели рядом, лишь изредка переговариваясь обо всякой ерунде вроде озверевших комаров.

— Как думаешь, страшилка сработает? — спросил Володя, нарушив долгую, но приятную тишину.

— Мне кажется, нет, — честно признался Юрка. — Я боюсь, что они захотят провести эксперимент, на деле проверить, правда ли паста застывает на волосах как цемент.

— Волосы — это ладно, — отмахнулся Володя. — Лишь бы не нос и глаза.

Казалось, небо лежало на крышах одноэтажных домиков. Млечный путь блестел россыпью цветных звёзд. Подобно солнечным бликам на воде, спутники и самолёты сверкали вспышками белых, зелёных и красных сигнальных огней. Юрке бы подзорную трубу — и он разглядел бы галактики, кажущиеся отсюда крохотными туманными облачками. А может быть даже исполнил свою детскую мечту — увидеть астероид Б-612 и помахать рукой Маленькому принцу, ведь именно в такие тихие летние ночи так легко верилось в сказку.

Но наслаждаться близостью неба пришлось недолго. Спустя несколько минут Володя вздохнул и поднялся:

— Ну, мне пора. Завтра рано вставать на планёрку, а опаздывать нельзя.

Он положил поднявшемуся вслед за ним Юрке левую руку на плечо. Юрка ждал, что похлопает, но Володя то ли сжал, то ли погладил его и протянул правую, чтобы попрощаться.

— Спасибо за всё, — прошептал он чуть сконфуженно.

— Завтра я с отбоя сбегу, — выпалил Юрка. — Будешь ждать на каруселях?

Володя усмехнулся, укоризненно покачал головой, но журить не стал:

— Буду.

Казалось, что их рукопожатие длится целую вечность. Но только Володя его разорвал, Юрка расстроился — мало. Он никогда не задумывался о том, что, пожимая кому-то руку, он её держит. А сейчас задумался. И понял вдруг, что ему хочется подержать Володину руку подольше.

Но сонный и изнеженный тихой ночью Юрка не стал погружаться в размышления и гадать, что это такое и к чему. Ему слишком сильно хотелось спать и слишком сильно хотелось, чтобы скорее наступило завтра.

Кутаясь в тонкое одеяло, Юрка буквально провалился в сладкий сон и упал в нём не на жёсткую кровать, а на мягкий одуванчиковый пух.

Глава 6

Беседы о личном и неприличном

Карусели у детских корпусов стали негласным местом встречи. Юрка приходил сюда после обеда, или сбегая с тихого часа, или по вечерам перед дискотекой, а спустя некоторое время здесь появлялся и Володя. Юрке нравилось сидеть на карусели, раскачиваясь, смотреть в пустоту перед собой и думать о всяком. Нравилось, когда Володя усаживался возле него и так же молча смотрел вдаль. В том, чтобы сидеть вот так, рядом, наблюдать за ребятами и слушать их крики, было что-то одновременно и особенное, и необычное, и простое, и родное. Юрка чувствовал себя уютно, как в детстве у бабушки во дворе.

Но больше всего ему нравились последние несколько вечеров, когда после репетиций, сдав пятый отряд на поруки Лене, чтобы та возилась с ними до отбоя, Володя с Юркой придумывали страшилки для детворы. Однажды даже пропустили время отбоя, когда пришла пора идти рассказывать эти самые страшилки.

Закончилась первая неделя в лагере, о чём возвестила голосом Митьки утренняя радиопередача, будто пионеры сами об этом не знали. Юрка хорошо запомнил тот день. Они сидели на карусели, и Володя спросил, указав на его лицо:

— Откуда у тебя этот шрам?

На площадке царил покой: у всего лагеря был тихий час. Юрка с него, как обычно, сбежал, на что ответственный вожатый лишь напомнил, чтобы Юрка, только завидев кого-нибудь на тропинке, ведущей к корпусам, сигал в кусты. Дело было в том, что иногда вожатых проверяли, чтобы не оставляли детей одних. Но Володю уличать было не в чем, они с Леной подменялись, в отряде на тихих часах дежурила она, а во время дискотеки — он. Так было и сейчас.

Юрка инстинктивно дотронулся до подбородка и нащупал подушечками пальцев старый рубец под нижней губой.

— Да это как-то раз хулиганы ко мне пристали. Их было трое, между прочим, а я один! Вот и… — он запнулся. Юрка всем рассказывал этот вариант истории появления своего шрама. В ней он был храбрым малым, который ценой собственной разбитой в кровь губы отбился от задир на улице. Но почему-то Володе хотелось рассказать правду. — Знаешь, на самом деле я грохнулся с качелей, когда мне было одиннадцать. Раскачался очень высоко, хотел повыделываться перед соседскими девчонками, они гуляли тогда недалеко, отпустил руки и… В общем, красиво кувыркнулся через себя, вылетел с качелей, прочесал носом пару метров земли и врезался лицом в песочницу. Расшиб губу так сильно, что минут пятнадцать не могли остановить кровь. Бате даже швы пришлось наложить! Вот так.

Юрка было решил, что Володя посчитает его дураком и хвастуном, да посмеётся над ним, но тот лишь по-доброму улыбнулся:

— Зато у тебя есть память о коротком свободном полёте. Карлсон.

Юрка не смог сдержать улыбки: «Странный этот Володя всё-таки, слишком уж добрый и понимающий». Даже Юрка сам над собой из-за такого позлорадствовал бы, а Володя не стал.

— Карлсон у нас Саня. А я…

— Гагарин?

— Максимум Чкалов. Я ведь не так далеко улетел, — ответил Юрка и испытующе посмотрел на вожатого: — Ну? Раз я поделился с тобой своим секретом, то давай и ты делись!

Володя удивлённо изогнул бровь и кивнул:

— Ладно, спрашивай.

— Почему ты на самом деле пошёл в вожатые? Видно ведь, что не очень любишь заниматься детьми.

— Хм… — размышляя над ответом, Володя рассеянно ткнул пальцем в переносицу, поправляя очки. Вздохнул и выпалил будто заученную фразу: — Это хороший способ приобрести полезный опыт и — Юра, не спорь, — получить характеристику для партии.

Юрка фыркнул. Неделю назад, на первой линейке, он бы поверил, что идеальному Володе — всему из себя правильному комсомольцу — ничего, кроме хорошего имени, и не нужно, но теперь…

— Опять двадцать пять — характеристика! А если по правде, неужели это всё? Только хорошая репутация?

Володя замялся, снова поправил очки, хотя те были вполне на своём месте.

— Ну… не совсем. Если честно, то я всегда был очень застенчивым, мне довольно сложно сходиться с людьми, общаться, дружить. А дети… У меня мама работает воспитателем в детском садике, она и посоветовала пойти вожатым. Сказала, что, если я хочу научиться находить общий язык с людьми, лучше начинать с детей — они раскрепощают. — Он снова замолчал, и Юрка подумал, что, если Володя сейчас опять поправит очки, придётся стукнуть его по руке. — На самом деле толку больше от тебя. В смысле, ты лучше находишь с ними общий язык.

Юрка гордо расправил плечи, но тут же их опустил:

— Это наша общая заслуга, — сказал он. — Я ведь тоже не люблю возиться с мелкими, то есть не умею. Но чтобы помочь тебе, вот… Кстати, вспомнил! Вчера после ужина топал в отряд и увидел Олежку. Сидит у площади один, плачет, я подхожу, спрашиваю, что случилось. Его, оказывается, всё это время ребята дразнили из-за картавости, а теперь, когда у него почти что главная роль, подтрунивать стали, мол, он не справится. Бедняга и так стесняется, а тут ещё от ребят слышит всякое, вроде «Как же ты собираешься выступать, если так ужасно картавишь!».

— Прямо так и сказали? Кто?

— Не знаю, кто. Я и так-то Олежку понимаю через слово, а тут он хныкал, я половины не разобрал. В общем, Володь, я подумал, а правда, он же очень плохо выговаривает все эти слова, типа «партизаны», «борьба» и прочее…

— «Картавый на главную роль»… — угрюмо повторил Володя. — Роль, конечно, не главная, просто текста много… Но он сам просился, и я думал, это, наоборот, придаст ему уверенности в себе. Надо что-то сообразить, но роль забирать нельзя, Олежка очень расстроится, так старается ведь… Есть идеи?

— Есть, об этом и хотел сказать! Давай, пока он не успел выучить все слова, перепишем его реплики, чтобы слов с буквой «р» было как можно меньше?

И они принялись переписывать, заменять слова с «р» на синонимы. Работы было не так и много, но она оказалась такой сложной для них, что за один день они продвинулись совсем недалеко и поняли —

нужно больше времени. И тогда Володя спросил Юрку, не будет ли тот против, если он попробует отпросить его с тихих часов, но при одном условии — Юрка в это время ни на шаг от Володи не отойдёт.

Юрка так обрадовался, что подпрыгнул на карусели:

— Конечно! Конечно, хочу!

Мало того что он перестанет по два часа валяться в палате, не зная, чем себя развлечь, это время будет только их с Володей, личное! Зачем он вообще спросил — ответ же очевиден. Но радость быстро угасла, стоило Юрке вспомнить строгий голос Ольги Леонидовны и её нарекания: «Ребёнок всегда должен быть занят делом, вожатый всегда должен знать, где он находится и что делает». Но вожатая у него Ира, а не Володя. Юрка поник. Отпустить оболтуса Конева с тихого часа? Как же! Это совершенно невозможно, зачем только Володя его дразнит?

— Текста у нас немного, — тем временем вслух размышлял Володя, — но это очень сложно и ответственно, важная роль всё-таки. Времени на вдумчивую переделку совсем нет, а сдать его нужно как можно скорее! Сам подумай, сколько часов нужно? Шесть-восемь навскидку, но где их взять? Не во время же репетиций или тем более не во время работы с пятым отрядом.

— Да, но текст — это текст. Даже если дадут добро на переписывание, меня отпустить — совсем другая история, — Юрка совсем скис.

— Я тебе, наверное, секрет открою, но в нашем лагере есть дети, освобождённые на тихий час. Удивительное дело. В моём лагере никогда никого не освобождали, но, видимо, времена меняются. Потом, мне тебя давали не как актёра, а как помощника. И вот теперь помощь по-настоящему нужна. Лишить тебя соревнований, общественной работы или дискотеки они не могут, заставить писать во время репетиции — тоже, ты нужен мне.

— Мне кажется, что всё равно не сработает.

— Я со старшим вожатым поговорю, а ещё Лену попрошу поддержать, она же со мной работает, всё видит и знает. — Володя, конечно, заметил перемену в его настроении и весело потрепал за плечо. — Попытка не пытка. Посмотрим, какой из меня дипломат.

И уже следующим утром на планёрке Володе пришлось просить у Ольги Леонидовны разрешение забирать Юрку с тихого часа. А

получить его оказалось ой как непросто.

Днём, шагая после отбоя к детской площадке, Володя, привыкший под окнами пятого отряда говорить тихо, почти кричал:

— Ты представляешь, Юр, полчаса этот вопрос обсуждали всем вожатским составом, еле уговорил. Ольга Леонидовна согласилась не сразу, но, вообще-то, было видно, что она не особенно против — когда она против, гром гремит в ясном небе, — но спросила мнение старшего вожатого и для проформы остальных. Они покивали, мол, тоже согласны, и неудивительно — им не всё ли равно, мне же текст переписывать? Тут вмешалась Ирина и как давай нести какую-то околесицу, мол, наоборот, публичное выступление пойдёт Олеже на пользу, якобы оно простимулирует его к тому, чтобы усерднее заниматься с логопедом! Я чуть со стула не свалился — это же бред и бред для Олежки опасный! И ладно бы она действительно так считала, ладно бы о нём заботилась, но ведь это не так. Она мне палки в колёса ставит!

Володя до сих пор не мог с ней помириться. Он несколько раз пытался извиниться, но Ира, не давая ему досказать, заканчивала разговор. Володя расстраивался и не раз грустно признавался Юрке, что разлад с Ирой его очень волнует. А на планёрке, что бы там ни говорила Ирина, Ольга Леонидовна оказалась более чуткой к проблеме Олежи и всё-таки дала разрешение Володе.

— Правда?! Можно официально не спать?! — Юрка не мог поверить.

Они как обычно сидели на детской площадке. Юрка от радости ударил ногой по земле и закружил карусель. Пушинки одуванчиков до того момента парили над землёй, лишь изредка поднимались выше колена и лезли в нос. Теперь, растревоженные ветром, они заметались по воздуху бешеным роем.

Разом, будто по команде, парни ударили ногами в землю и остановились. Пушинка попала Юрке в горло, он закашлялся и, ослеплённый выступившими слезами, глупо хлопая глазами, заозирался вокруг и поразился красоте этого места. Он будто впервые его увидел. На земле белыми поломанными зонтиками кружили и лениво оседали на траву одуванчики. Зонтики на земле, и в небе тоже парили зонтики — неподалёку от лагеря был аэродром. Над «Ласточкой» каждый день пролетали белые самолёты, из них прыгали

белые десантники, раскрывали белые парашюты и опускались вниз, учились приземляться. Смотрелось это нереально красиво. И как Юрка не замечал этого раньше?

Приглядевшись, он понял, что в этом месте красиво всё и Володя очень красив. Особенно сегодня, сейчас, когда сообщил эту прекрасную новость и вдруг, радостный, растрёпанный и румяный, засмеялся так заразительно, что и Юрка захохотал. Он никогда не видел Володю таким счастливым. Юрка, наверное, и сам никогда не был так безотчётно счастлив — ему разрешили уходить с тихого часа, а это значит, что теперь они могут быть вместе сколько угодно времени. И с тех пор каждую свободную минуту они тратили на переписывание сценария — нужно было поскорее его закончить и отдать учить Олежке.

Но им всё время что-то мешало. Почти целый день выпал из-за той самой Юли из пятого отряда, которая страшно хотела к родителям. Времени было жалко, но Юрка старался отнестись к её проблеме с пониманием. Как-никак, ему самому в первую свою смену очень сильно не понравилось в лагере. Юрка искренне не понимал, что он тут делает и за что его сюда отправили, думал, что в наказание, и тоже рыдал, поменяв мнение о лагере на диаметрально противоположное только под конец смены. А у Володиной Юли случилась такая истерика, что её пришлось успокаивать обоим вожатым, педагогу Ольге Леонидовне и медсестре. А к вечеру Володя вымотался так сильно, что Юрка отпустил его вместо посиделки спать.

Второй выпавший день был родительским. Вдвойне обидно то, что прошёл он сумбурно и быстро. А ведь Юрка, сказать по правде, ждал его не меньше, чем все остальные ребята. Вот вроде бы мама только обняла, как уже начался отрядный концерт. Только погуляли по лагерю, как уже обед. Только поиграли в ручеёк, как опять покормили. Только мама в команде с другими мамами затеяла соревнование по прыжкам в резиночки — взрослые против девчат, как уже пришла пора прощаться.

Всем, и взрослым, и детям, казалось, что они и парой слов не успели перекинуться с родными, Юрка не исключение, только про театр рассказал. Хотелось поделиться радостью, что он познакомился с замечательным парнем Володей и подружился так крепко, что теперь не знал, как без него и дня прожить. Мама бы, наверное, обрадовалась

такой новости — наконец сын одумался, общается не с какой-нибудь шпаной, а с настоящим комсомольцем. Но Юрка раскрыл рот и смутился, не зная, как правильно передать свои чувства и как вообще охарактеризовать их.

А что ещё говорить маме? Кормят сытно, но не очень вкусно? Будто она сама не знает, как и что бывает в лагере.

Перед тем как сесть в автобус, мама чмокнула Юрку и осторожно спросила:

— Ты уже с кем-нибудь подружился из девчат? Ни с кем меня не познакомил…

— Вот Ксюша, её приглашу потанцевать, — ответил Юрка, сконфуженно тыкая пальцем в Змеевскую. Ему стало очень неловко. Мама ни разу до этого не говорила с ним о девушках.

К вечеру вымотался теперь он. Юрка, конечно, спать не пошёл, но корпеть над сценарием ни желания, ни сил не было. И они с Володей просто сидели на каруселях и болтали о всякой всячине.

Зато за проведённое вместе время они успели подружиться по-настоящему и иногда даже делились друг с другом личным. Но чаще они не болтали, а раскладывали тетради и бумажки на колени, склонялись над ними и начинали мозговой штурм. По крайней мере, пытались его начать.

— Так… «борьба», «борьба»… — Володя задумчиво грыз ручку, проговаривая каждый звук и как бы смакуя «р», — «бор-р-рьба»…

— Бой, битва, — Юра выдал пару синонимов и подавил чудовищный зевок.

Сегодня они засиделись. Солнце палило особенно сильно, Володя прятался в тени растущей рядом с каруселью черёмухи и не высовывал оттуда своего — в чём Юрка убеждался раз от раза, — красивого носа. Сам же Юрка весь день не снимал любимой импортной красной кепки. Его лоб вспотел, застёжка больно давила на затылок, но Юрка стойко терпел неудобства, боясь даже в тени получить солнечный удар.

Несмотря на жару, работа спорилась: за этот тихий час они сделали больше, чем за два предыдущих дня вместе взятых. Но оставалось ещё много. Юрка устал, шея и руки затекли — полчаса просидел, почти не шевелясь. Но он не жаловался: это дело казалось ему куда более важным, чем какие-то страшилки. Хрустнув шеей, он встал с каруселей и зашагал вокруг них, разминая затёкшую спину.

— Да, «бой» — хорошо, — бормотал Володя, не отрывая взгляда от тетради. — «С врагом»…

— Бой с врагом, битва с недругом, неприятелем… Как-то по-дурацки звучит.

— И всё с «р», — согласился Володя.

— Захватчик! — осенило Юрку, он остановился, значительно подняв палец вверх.

— Точно! — Володя выглянул из-за бумаг, сверкнул очками и улыбнулся. — А… нет, подожди. В соседнем предложении «захватчик», и оттуда его нельзя убирать.

— Как это нельзя? А ну, дай посмотрю. — Юра плюхнулся на сиденье рядом с ним и выхватил тетрадку.

Володя пододвинулся к нему и попытался заглянуть в листы. Достал ручку, хотел ткнуть ею в текст. Но Юрка, не подумав, оттолкнулся ногой, и карусель закружилась. Володю качнуло, он повалился на Юрку так резко, что жёсткий козырёк красной кепки больно ткнул Володю в лоб.

Листы медленно повалились на землю и разлетелись на лёгком ветру. Провожая их взглядом, вожатый посмотрел на свои ноги и покраснел.

— Ой, — прошептал он. Лишь бросив взгляд вниз, Володя понял, что уже почти минуту держится за Юркину коленку, и резко убрал руку.

— И-извини. — Юрке почему-то тоже стало неловко. Он смущённо кашлянул и как бы между делом перевернул кепку козырьком назад.

— Как странно ты её носишь. — Это замечание, как и деланно бодрый тон Володи, показалось глупым.

— Я и не ношу. Ну, то есть ношу, но сегодня жарко, а сейчас пришлось, чтобы ты… ну чтобы не стукнуться… ну… — он совсем замялся, а потом резко сменил тему: — А что, не нравится?

— Да нет, тебе хорошо. Чёлка так смешно торчит. Вообще, клёвая кепка! И джинса у тебя тоже клёвая, и поло. Я помню, ты так потрясно оделся на дискотеку… На которую так и не пошёл.

— Ну да, это всё импортное. — Юрка аж загордился собой — он никогда и не сомневался, что шмотки у него отличные.

— Где это богатство достал?

— У меня родственники живут в ГДР, оттуда привозят. А вот кепка, кстати, не немецкая, а вообще американская.

— Клёво! — воскликнул Володя.

Польщенный, довольный собой Юра принялся в подробностях рассказывать о происхождении своих любимых импортных вещей. Правда, о том, что джинсы у него так себе — не американские, а индийские, уточнять не стал.

— Там, в Германии, ты знаешь, не только одежда обалденная.

— Да, знаю, и техника тоже, и машины. Как-то в журнале я видел такой мотоцикл!.. — Володя округлил глаза.

— В журнале… Да, журналы там такие, каких в СССР никогда не будет.

— Во даёшь! Я ему про мотоцикл, а он про журналы. Не очень-то на тебя похоже.

— Ты просто не видел их и не знаешь, о чём говоришь. Там тако-о-ое! — Юрка заговорщицки поднял и опустил брови.

— Ну что, что?

— Не скажу.

— Юра! Что за детский сад вторая группа? Говори.

— Ну, хорошо, скажу, но по секрету, ладно?

— Честное комсомольское.

Юрка с прищуром посмотрел на него:

— Могила?

— Могила.

— Весной к нам дядя приезжал, всякого навёз: шмотки, естественно, маме косметику, папе там кое-что и журналы. Ну, обычные журналы, только на немецком, с одеждой и всяким в дом. Ну и вот. Вечером меня отправили спать, а сами закрылись на кухне. Мама быстро ушла, и дядя остался с отцом вдвоём. Моя комната как раз ближняя к кухне, там хорошо разговоры слышно… А тут они уже того, датые, заговорили совсем громко, так что я каждое слово разобрал. В общем, лежал я, слушал. Оказалось, что дядя и отцу журналов привёз, только, кхм… других. А потом, когда остался дома один, я эти журналы нашёл.

— И о чём там пишут? Антисоветское что-то? Тогда такие журналы держать дома опасно.

— Да нет же! Я немецкий пока не так хорошо знаю, чтобы читать бегло. Да и текста там совсем не было, одни картинки. Фотографии. — Юрка наклонился к Володе так близко, почти касаясь губами уха, его голос опустился до шёпота. — Женщин!

— А-а-а… Эм… Ну да, знаю, что есть такие журналы… — Володя отсел от Юры на расстояние вытянутой руки, но не тут-то было — Юрка почти прижался к нему и захрипел в самое ухо:

— Они там с мужчинами… Ты понимаешь, с мужиками! Они там…

— Юр, не надо, я понял, — Володя снова отсел.

— Представляешь! — произнёс Юрка восторженным шёпотом.

— Представляю. Давай закроем тему? Это не для пионерлагеря всё-таки.

— Неужели тебе неинтересно? — расстроился Юрка.

— Если скажу, что совсем не интересно, то совру, но… это не зря запрещено, это очень, очень неприлично! — Володя поднялся и отошёл на пару шагов.

— Слушай, там непонятное есть, Володь. — Юрка снова оживился. — Я кое-что необычное видел… Вот ты старше и должен знать. Я одно хочу понять, взаправду ли там было сфотографировано или это, может, рисунок такой…

— Юра, — Володя метнулся к нему и прошептал на ухо, — это называется «порнография»! Ты находишься в лагере, я вожатый, и вожатый сказал тебе — смотреть такое нельзя, это разврат!

— Так ты и не смотришь, и я не смотрю. Я просто рассказываю, что там. Объясни, это просто неправильно, или невозможно, или, может быть, это ненастоящее?

— Чёрт возьми, Юра!

— Ну Володь… ты мне друг или как?

— Друг, конечно, — Володя покраснел и отвернулся.

— Тогда скажи… Есть вот как обычно — тут всё ясно. — Юрка взволнованно затараторил. — Но там на нескольких фотографиях показывали, как он её не туда… понимаешь, а в то место… ну, на котором сидят!

— В стул? — Володя вроде бы пошутил, но лицо его было не просто серьёзным, а злым.

— Ну перестань! Я только узнать хочу, так делать вообще возможно или нет?

— «Перестань»? — ядовито передразнил его Володя. — Юра, ты перегибаешь палку. Всё, закрываем тему! Ещё слово, и я уйду, и будет Олежка «плизывать к больбе с влагом», и я скажу ему, что всё из-за тебя!

Разговор прервался горном, оповещающим, что тихий час кончился.

— Тебе ведь и так надо уходить… — обиженно пробубнил Юрка.

* * *

На полднике, вполуха слушая возбуждённую болтовню о предстоящей Зарнице, Юрка маялся всего одним делом — жалел о том, что стал спрашивать Володю о таком. Володя даже не смотрел в его сторону, а если его взгляд случайно падал на Юркин угол столовой, выражение лица вожатого сменялось с серьёзного на брезгливое. Или Юрке казалось? Всё ему что-то да кажется — например, что они с Володей стали настоящими, действительно близкими друзьями. Но теперь его реакция, лёд в обычно тёплом голосе доказали, что между ними могло быть всё что угодно, только не дружба. Странная тоска охватила Юрку. Они вроде бы не ссорились даже. Так, повздорили, какая ерунда. Ерунда, а Юрке больно и стыдно теперь.

Задумчивый и печальный, он отправился на репетицию, по дороге посыпая голову пеплом: «Сам виноват. Вот дурак! С такими вопросами к комсомольцу. И не просто к комсомольцу, а к такому оранжерейному, как он. Ну и зачем? Лучше бы спросил у ребят со двора. Они, может, и обсмеяли бы, но им хотя бы было интересно!» Пусть Юрка говорил о *таком*, но эта тема в первую очередь очень личная, а значит, он делился с Володей своим личным, вернее — пытался поделиться. Но куда уж ему, Коневу, обычному оболтусу, что общается со всякими хулиганами, до такой элиты, как Володя? Вот он его и оттолкнул, и пристыдил, а потом, как контрольным, добил этим взглядом. Не целился, а попал, Юрку аж качнуло.

Он вспомнил всё это и остановился на полпути: «Почему я спрашивал об этом именно его? Для чего? Чтобы зыркал или чтобы понял? А ещё говорит, что друг! Ага, как же! Врун он, а не друг! Друзья так уж точно не поступают!»

На площадке у эстрады как всегда было людно. Девчонки из второго отряда чертили мелками на асфальте какую-то карту, рыжий ушастый Алёшка Матвеев крутился возле них, что-то им советовал и подсовывал мелки.

— Что это вы делаете? — окликнул его Юрка.

— Как что? К Зарнице готовимся. Вот, рисуем карту для главного штаба. Олька так здорово придумала — в главном штабе будет своя разведка, и мы на карте будем разведданные отмечать, где какой отряд.

— Так дискотека же сегодня вечером, карту затопчут.

— Это ничего, завтра просто обведём. Так ведь быстрее, чем с нуля рисовать, — затараторил Алёшка. — А ты не хочешь к нам в разведчики?

— Не хочу.

Только Юрка отвернулся и только сделал пару шагов к кинозалу, как Алёшка вдруг оказался за спиной и схватил его за плечо.

— Конев, ну ты всё-таки подумай.

— Алёш, никто меня в главный штаб не возьмёт, я со своими буду. Ты давай, это… иди, занимайся своими делами…

— Почему не возьмут? Возьмут, если попросишься. Попросись, Юр! У тебя вон какие ноги длинные, ты бегаешь быстро…

Алёшка упрямо семенил за ним следом, норовя то ли подножку подставить, то ли под локоть схватить. Запыхался, сопел и топал, в общем, всячески старался обратить на себя внимание.

— Алёша, ну как же тебя много! — простонал Юрка. — Ладно, я подумал.

— Да? И что же?

— Дай мелок.

— На, — Алёшка протянул коробку, Юрка взял один.

— Спасибо. Не пойду. Со своими буду.

— А мелок-то тебе зачем?

— У меня кальция в организме мало, буду есть. О, тебя там зовут, слышишь?

— Да? Кто? Ой, Оля. Ну, я пошёл, а ты всё-таки ещё подумай.

Может, зря отказался от разведки? Бегал бы завтра по полю, нашёл бы повод остаться с Володькой. Он ведь опять будет нервничать, что какие-нибудь пухляки Сашки скатятся в траншею, поломают и ноги, и руки, и саму траншею. Конечно, вторая вожатая не оставит Володю в

одиночестве, но совершенно точно, что Юрка тоже будет ему нужен, это совершенно точно, совершенно!

«Да больно надо! — запротестовала Юркина гордость. — Бегаешь вокруг него, суетишься, как Алёшка, а ему всё равно. Я ведь не ради себя с этими дурацкими страшилками и театром старался, а он только фыркает и поучает. Вот и обойдётся! Никуда больше не пойду. Ни-куда! Тем более на репетицию. Нечего было так зыркать, пусть теперь сам возится со своим дурацким спектаклем, а я никуда не пойду!» — и не пошёл. Развернулся на крыльце и дал дёру обратно через танцплощадку к теннисным кортам, где по расписанию собирался играть первый отряд.

Кортов было целых два, плюс столы для настольного тенниса. Первый отряд во главе с Ирой Петровной присутствовал почти в полном составе — кроме Маши и девочек ПУК. Кто-то играл в бадминтон, кто-то болел, а кто-то просто околачивался в обтянутой сеткой-рабицей коробке корта. Юрка любил, навалившись спиной на сетку, качаться на проволочных ромбах и смотреть, как играют другие. Но сегодня он не планировал болеть, он планировал всех победить и выместить всю злобу на воланчиках.

Завидев его издалека, Ванька и Миха синхронно замахали руками, приглашая к себе в команду. Юрка-то был игроком хоть куда, а вот эти двое ни разыгрывать, ни отбивать толком не могли, в их команду шёл только тот, кто любил проигрывать. Юрка не любил, но и к другим ребятам проситься не стал, молча схватил ракетку и сделал подачу. Воланчик порхнул к соперникам и стукнул Иру Петровну по лбу.

— Извините! — выкрикнул Юрка.

Ожидая, что Ира Петровна тут же устроит ему нагоняй, он поостерёгся делать новую, «чистую» подачу, но вожатая весело подмигнула и отвернулась.

После той сцены в Володиной комнате Ира сторонилась Юрки, а когда им приходилось бывать и делать что-нибудь вместе, она становилась тише воды и ниже травы. Юрка, разумеется, не собирался никому рассказывать об увиденном, но, судя по её ангельскому поведению, Ира считала, что он способен на кляузничество и шантаж.

Юрка дулся про себя: «За кого она меня принимает?» — но вслух даже не заикался. В конце концов, такое положение дел его устраивало: вожатая прекратила беспричинно делать из него

виноватого и крайнего, и в итоге между Юркой и Ирой Петровной воцарился хрупкий и неловкий, но мир. Чего нельзя было сказать о её отношениях с Володей.

Едва Юрка припоминал об этом, как в воображении тут же всплывала и расцветала всеми красками та отвратительная сцена в театре — Ирино белое лицо, дрожащие руки, слёзы ярости в глазах и зло сощуренный Володя напротив. «Ох, не простит ему Ира Петровна, такое точно не простит…» — посочувствовал Юрка и тут же сплюнул досадливо — опять он вспомнил о Володе!

Володя везде, даже там, где его быть не может. Сейчас он точно занимался с актёрами в кинозале, а Юрке казалось, будто вон за теми кустами мелькнула его фигура.

Игра продолжилась. Юрка махал ракеткой так, будто собирался не воланы отбивать, а порубить на щепки солнечные лучи. Лучи остались в целости и сохранности, но мошкары всклокоченный и потный Юрка поубивал прилично.

Их команда вела счёт. Ванька и Миха почти всю игру простояли на месте, Юрка же скакал как угорелый и, прежде чем отправить волан в победный полёт — можно снова Ире Петровне в лоб, — он обернулся и снова среди кустов увидел Володю.

Теперь это точно был он. Задумчивый, с робкой улыбкой на губах, Володя приблизился к коробке корта, но, остановившись в метре от входа, не решился зайти внутрь. Вместо того, шагнув Юрке за спину, замер за сеткой, просунув пальцы между металлическими ромбиками.

— Юр, ты почему не пришёл? — спросил негромко, но Юрка расслышал.

Не глядя, он отбил воланчик и вплотную приблизился к сетке, с вызовом посмотрел Володе в глаза.

— У меня всё равно нет роли, что мне там делать?

— Как это — что делать? — Володя грустно посмотрел на него, но, качнув головой, собрался и объяснил привычным «вожатским» тоном: — Ольга Леонидовна велела — есть у тебя роль или нет, ты должен приходить на каждую репетицию. Ты мне помогаешь, а я за тебя отчитываюсь.

— Ну и отчитывайся, я-то тут при чём?

— Уже домой захотелось? Тебя ведь и глазом не моргнут — выгонят.

— За что меня выгонять? Я играю со своим отрядом и, кстати, со своей вожатой. Ира Петровна тут как тут, она подтвердит.

В ожидании ответа, которого так и не последовало, Юрка постучал ракеткой о мысок кроссовки, оглянулся по сторонам и потопал к лавке взять стаканчик кипячёной воды. Володя отправился следом за ним.

— Ты обиделся на меня, — догадался он и потупился виновато.

— Вот ещё! — фыркнул Юрка. — Не обиделся. Просто понял, что с тобой можно говорить далеко не обо всём.

— Это неправда! Говори, о чём хочешь!

— Ага, конечно, — Юрка отвернулся, стал пить воду.

— Ну чего ты? Я… знаешь что, Юр? — Володя задумчиво провёл ладонью по сетке — та тихонько звякнула. — Я ведь тоже видел такие журналы.

— Да ну? И откуда они у тебя? — Юрка обернулся и недоверчиво уставился на него.

— Я в МГИМО учусь, там есть ребята, у которых родители дипломаты, они иногда умудряются достать…

— Где?! — Юрка аж крикнул. — В МГИМО?!

— Да. Только очень прошу: про журнал никому ни слова! Юра, это очень серьёзно. Если о подобном появится хоть один даже самый глупый слух, меня турнут.

— Да ну, быть не может!

— Очень даже может. Однокурсник, который носил тот журнал с собой, попался на этом. Месяца не прошло, как его отчислили.

— Ну если вылететь так легко, как ты поступил? Ты что, блатняк?

— Вот ещё! Думаешь, сам не смог?

— Не в уме дело, туда же пробиться почти невозможно: и конкурс большой, и уж больно «идейным» надо быть. Разрешения собирать: комсомольского совета школы, райкома комсомола, райкома партии, на все заседания ходить…

Слушая его, Володя кивал, а Юрка продолжал перечислять, загибая пальцы, сколько всего нужно сделать, где состоять, в чём, как и сколько раз участвовать, куда ходить. И вдруг осёкся — кто, кроме Володи, вообще может туда поступить?

— Ну… Честно сказать, приняли меня еле-еле, — скромно улыбнулся тот, когда Юра соизволил закончить. — На медкомиссии завернули, представь, из-за зрения. Я давай спорить — в военкомате

же пропустили, для армии я годен, а тут учиться не берут. В общем, история долгая и неинтересная.

— И как оно — там учиться, сложно?

— Не сказать, что легко, главное — интересно. Я почти каждый день в общежитие к ребятам забегаю, они такие весёлые посиделки устраивают.

— Чай пьёте? — Юрка припомнил Володе его возмущение и насупился.

— На посиделках есть всё, — ответил Володя шёпотом.

— И разврат? — Юрка прищурился.

— Что ты, мы же комсомольцы! — Володя взглянул строго, но тут же улыбнулся: — Да ладно, я шучу. Всё есть: преферанс, девушки, портвейн, самиздат.

— Погоди, какой ещё портвейн? У вас и алкоголь есть? — Юрка теперь тоже шептал. — Где вы его берете? Когда наша соседка замуж выходила, на свадьбу даже бутылки водки добыть не смогли, спирт пили — батя с работы утащил.

— Это я его так называю — «портвейн», — Володя принялся объяснять. — Мой одногруппник возит. Он живёт в деревне в области, там у него варят отличный самогон. По вкусу кому-то коньяк напоминает, мне — портвейн. Быстрей бы этот сухой закон кончился. Страшно за Мишку, рискует всё-таки.

В этом диалоге потерялась Юркина обида. Он забыл о ней так быстро, будто ни её, ни разлада, ни даже повода ссориться никогда не было. Будто они, откровенные как всегда, сейчас говорили о том же, о чём всегда, и вели себя, и выглядели при этом обычно: Юрка — растрёпанный и заинтересованный, Володя — аккуратный и чуть надменный. Было только одно отличие: высокая, почти до самого неба сетка, натянутая между ними.

— Пойдём на репетицию, Юр? После неё расскажу всё, что захочешь, — предложил Володя. Его лицо посветлело, морщинки на лбу разгладились. — Только Ирине сообщи, что уходишь со мной.

Юрка кивнул. Сбегал к Ире, отпросился, косясь на крутящегося рядом физрука, положил ракетку на скамью и вышел с корта.

— То есть ты так вот всех там бросил и пошёл искать меня? — поинтересовался он, когда свернули с главной площади к танцплощадке.

— Я Машу оставил за главную. Она, конечно, молодец, но не сможет провести репетицию, а поработать сегодня надо усердно. Завтра занятий не будет.

— Точно. Завтра же Зарница, — расстроился Юрка.

Ведь это значило, что сегодня из-за приготовлений к игре им не удастся побыть вдвоём: после репетиции Юрка будет занят пришиванием погон, а на вечер у первого отряда запланирован смотр строя и песни. А завтра все работники и отдыхающие лагеря с раннего утра до самой ночи будут всецело поглощены масштабной игрой. Всё-таки зря Юрка не отправился разведчиком в штаб.

Глава 7

Утренний конфуз

Пустая, без единого стеклышка оконная рама скрипнула так протяжно и громко, что Юра вздрогнул. Дождь давно кончился, но редкие капли всё ещё падали с крыши и гремели, ударяясь о крошево тротуара, шелестели травой, звенели, разбиваясь об осколки лежащих на земле оконных стёкол. Порывы ветра разносили эти звуки по одуванчиковой площадке. Казалось, сама природа имитировала жизнь, заполняла пустоту и обманывала. И Юра хотел бы обмануться, но не мог. Здесь было не просто пусто, а мертво. Особенно для того человека, который видел и слышал, какой яркой, весёлой и гомонящей была жизнь пятого отряда. Теперь же всё, что осталось от неё, — это окна мальчишеской спальни, зиявшие провалами справа от крыльца, и узкая бойница крохотной вожатской спальни, что чернела слева. Когда-то это была Володина комната, когда-то он там засыпал и просыпался, но — Юра улыбнулся — никак не мог выспаться.

Он живо вспомнил, как мечтал оказаться в Володиной комнате. Однажды он даже заглянул туда украдкой, но настоящим гостем никогда не был.

Но почему же совсем никогда? Ведь если не стал тогда, он мог стать им сейчас, пусть Володя уже и не был хозяином этой комнаты.

Не в состоянии заставить себя отвести взгляда от этого окна, Юра поднялся с карусели. Во что бы то ни стало он окажется там. Он станет гостем этой комнаты без хозяина.

Прикидывая, можно ли перепрыгнуть через дыру в полу на крыльце, Юра оказался возле прохода. Размышляя, выдержат ли его прогнившие доски, когда он приземлится, Юра удрученно вздохнул — нет, не выдержат. Даже если он спустится в подпол, не сможет забраться обратно — слишком высоко, и под рукой нет ничего, кроме лопаты, а ею попросту не за что зацепиться. Но Юра решил, что если спустя столько лет смог заставить себя приехать в

«Ласточку», то попасть внутрь вожатской комнаты он просто обязан. Вдруг Володя оставил там что-нибудь на память о себе: смешной рисунок на обоях, пару нацарапанных слов на столе, приклеенную к изголовью кровати жвачку, может, конфетный фантик в тумбочке, может, ниточку в шкафу, должен же он был оставить хоть что-нибудь? Но Володя не рисовал на стенах, не царапал мебель и не жевал жвачек. А Юре очень хотелось верить, вдруг Володя догадывался, что он вернётся.

Повернув налево, Юра прошёл по затоптанным клумбам к окнам.

Корпус пятого отряда высился на широком фундаменте, как на подиуме. Зелёный деревянный цоколь выступал наружу, образовывая высокую узкую ступеньку. Скользя по мокрым доскам резиновыми подошвами, еле устроившись, Юра заглянул в разбитое окно. Тёмная узкая комната показалась ещё меньше, чем раньше, но расстановка и даже мебель не изменились: стол, притиснутый к дальней стене спальни, справа от стола дверь, слева — платяной шкаф, две простые тумбочки, две узкие кровати друг напротив друга у окна. Володина правая. Юре страшно захотелось сесть на неё. Узнать, мягкая она или твёрдая, скрипучая или тихая, удобная или нет.

Боясь пораниться о рассыпанное по подоконнику стекло и отчаянно ругаясь, что не догадался взять перчатки, Юра смахнул осколки и, ухватившись за хрупкую деревяшку, подтянулся и перелез.

Не обращая внимания на лужи на полу, на пыль и грязь вокруг, он опустился на колени и открыл Володину тумбочку. На единственной полке лежал мятый от сырости журнал «Крестьянка» за май 1992 года, очевидно, оставленный какой-то вожатой. Под ним спряталась книжка. Прочитав название, Юра улыбнулся — вот это было похоже на Володю — «Теория и методика пионерской работы». Больше в тумбочке не нашлось ничего.

Юра перевел взгляд на кровать. Металлическая, узкая, не кровать, а койка была прикручена ножками к полу. По слою грязи на винтах он догадался, что её вряд ли когда-то меняли. Видимо, она и правда была Володи. Панцирная сетка оказалась скрипучей, упругой и ржавой. «Когда он спал на ней, хотя бы ржавчины не было — и то ладно, — улыбнулся Юра, — подумать только — здесь он спал!»

Юра коснулся рукой сетки — в ответ она жалобно звякнула и своим звоном подчеркнула царившую тут тишину. Впрочем, не только

тишину, но и пустоту. Кроме крупной мебели, здесь не было ничего: ни штор, ни какой бы то ни было тряпки, ни книжки, ни листа бумаги, ни оторванного куска обоев, ни плаката на стене — а Юра помнил, что на ней висел плакат группы «Машина времени», помнил, что Володя её любил. Здесь не было даже мусора, только пыль, вода и грязная жижа на полу, а под окном — осколки стекла. Шагая в дальний угол комнаты, к единственному необследованному предмету мебели — платяному шкафу, Юра думал, что обрадовался бы даже мусору: его наличие хотя бы создало иллюзию, что Юра не зря явился сюда, что не зря залез в окно развалины, как сентиментальный ребенок, как полный дурак.

Зачем он залез сюда, зачем он вообще сюда вернулся? А раз уж он здесь, зачем шатается по лагерю, тратя время, а не идёт целенаправленно туда, куда собирался, для того, ради чего приехал. Но он не мог не заглянуть в его комнату, а будучи в ней, не мог просто так уйти.

Распахнув дверцы шкафа, Юра обомлел — в шкафу валялась куча скомканной одежды. Сердце стиснулось от боли, когда за множеством старых кофт и пиджаков в дальнем углу нашлось несколько коричневых кителей с чёрными погонами, на которых красовалась вышитая белой нитью надпись «СА». Руки дрогнули, когда в куче тряпья он отыскал единственный китель с блестящими пуговицами.

Военную форму они надевали на Зарницу. Вожатым выдавали кители, детям — простые гимнастерки. И этот с блестящими пуговицами китель тоже был солдатским, но маленьким. Пионерам он оказался велик, коммунистам — мал, лишь одному комсомольцу он был впору.

Циничность, скепсис, самоирония — всё это мигом исчезло, отбросилось куда-то далеко, за обвалившуюся ограду лагеря. Стало неважно, сколько Юре лет, неважно, чего достиг, в чём талантлив, насколько умён, имеет ли право быть смешным, — все эти вещи имели значение в другой жизни, далеко отсюда, в настоящем. А здесь, в лагере своего детства, Юре можно быть таким же, как прежде: уже не пионером, так и не комсомольцем, ведь, как ни смешно, всё это до сих пор про него. С одной лишь разницей: раньше он думал, что это очень важно. Теперь же важным осталась лишь старая коричневая

тряпка в его постаревших руках. И память о том человеке, на чьих плечах красовались чёрные погоны с надписью «СА» и на чьей груди блестели золотистые пуговицы.

* * *

— Здравствуйте, пионеры, слушайте «Пионерскую зорьку», — разносилось из динамика, пока Юрка чистил зубы. — После завтрака по сигналу горна к Зарнице будь готов! Сбор отрядов на главной площади лагеря…

Начиналось это утро как обычно — как очередное физкультурное, которое Юрка не очень-то и любил: ему проснуться толком не давали, как тут же заставляли бежать на зарядку. В этот раз он даже явился вовремя и оттого сердился вдвойне — пришлось с другими ребятами из отряда ждать Иру Петровну, когда большинство вожатых были тут как тут. Например, Володя уже разминался со своей малышней. Юрка хотел подойти поздороваться, но передумал — вожатый был занят. Стоя к нему спиной, показывал упражнения малышне — усердно, на совесть. Разминка шеи и плеч, затем — локтей и суставов, махи руками вверх-вниз, в стороны. Краем уха слушая, как стоящие рядом девчонки щебечут о вчерашней дискотеке, Юрка наблюдал за Володей, как тот командует:

— Ноги на ширину плеч! Выполняем разминку туловища. Наклоны вперёд, тянемся ладонями к полу. — Володя выполнял свои же указания. — Саня! Не нужно так резко, ты же сломаешься!

Юрка хмыкнул про себя: «Что же такое делает Саня?» — но даже не попытался найти его. Перед Юркиными глазами развернулось куда более любопытное действо: Володя медленно и грациозно наклонился вперёд и коснулся пола, притом не пальцами, а ладонями. Его футболка сползла, оголив поясницу, а спортивные красные шорты обтянули стройные бедра, затем — ноги, а затем и мягкое, округлое место, что повыше.

Юркины мысли рассыпались на междометия, затем собрались в слова и предложения и заскакали от «ничего себе он гибкий» до «кто им вообще разрешает в шортах ходить, тут же дети и… девки!».

Володя снова выпрямился и снова наклонился. Хаос в Юркиной голове сменился звенящей тишиной, тело оцепенело. Он не мог отвести взгляда. Лишь спустя несколько долгих мгновений опомнился

и поймал себя на том, что уже с минуту, скрючившись в полунаклоне, бесстыдно пялится на обтянутые красной тканью ягодицы.

Тело как кипятком окатило, кровь прилила к лицу, даже на лбу выступили капельки пота — и вовсе не от жары, на улице ещё было по-утреннему свежо.

«Да куда же ты смотришь?!» — внутренне взвыл Юрка. Стало неловко от всего: от глупой позы, оттого, что раскраснелся, от того, что пялился, а тут ещё эта непонятная реакция — лёгкий приятный спазм. Нет, реакция была вполне себе понятной, Юрка не раз испытывал её. Но непонятно было то, почему к Володе? Почему не к девушкам? Ведь их, красивых, стройных, гораздо более интересных, чем Володя, тренировалось здесь немало. Но если девушки были «интереснее» Володи, то почему же Юрка смотрел так именно на него? Может быть, во всём виновато утро, Юрка попросту не успел проснуться?

Вряд ли кто-то обратил внимание на его поведение — всё это продлилось недолго, но после вчерашнего разговора о журналах и откровенных и нелепых вопросов Юрке стало невероятно стыдно перед самим собой. Но от жуткого смущения и новых мысленных укоров его отвлек голос физрука Жени, вместе с которым на площадку явилась и Ира:

— Доброе утро, пионеры! Начинаем зарядку!

* * *

Юрка был настолько ошарашен тем, что произошло на зарядке, что вот уже час не мог прийти в себя. Как будто сквозь слой густого тумана он брёл на завтрак, потом — возвращался в корпус, собирался на торжественную линейку, надевал форму для Зарницы, повязывал галстук.

Он посмотрел на настенные часы — опаздывает. Из корпуса уже все разошлись, с улицы слышались отдаленные звуки проходящей линейки — голос Ольги Леонидовны, усиленный динамиками. А Юрка в одиночестве стоял перед зеркалом и никак не мог соорудить правильный узел из красной тряпки на шее. Начал злиться.

— Ты чего это на линейку не идешь? — Голос Володи так внезапно разорвал повисшую в комнате тишину, что Юрка вздрогнул. А внутри его будто молнией ударило — Володя появился слишком неожиданно, и совсем некстати было видеть его сейчас.

— Я… я скоро. А ты чего тут?.. Сюда?..

— Моих Лена повела на линейку, тебя на площади не было, вот и пришёл. Мой отряд в штабе остаётся, ты с нами?

Искоса поглядывая на подбородок Володи в отражении зеркала, Юрка даже не повернулся к нему — не хотел поворачиваться и смотреть в глаза… А когда сообразил, что сегодня целый день его не увидит, будто гора с плеч свалилась. Хорошо, что вчера от Алёшки Матвеева отвертелся и не согласился остаться в штабе.

— Юра, ау! Чего молчишь? Что-то случилось?

Юрка раздраженно дернул концы галстука и отпустил их запутанными. Повернулся к Володе и, стараясь не смотреть ему в лицо, сказал куда-то в сторону:

— Не с той ноги встал, наверное. Теперь ещё и опаздываю. Ты иди, я догоню. — И ему на самом деле в этот момент больше всего на свете хотелось, чтобы Володя поскорее ушёл.

Но он, наоборот, шагнул ближе, понимающе улыбнулся и хмыкнул:

— Ну как так, Юр? Ты всю пионерию прошёл, взрослый уже человек, а галстук завязывать не умеешь, — сказал он и, протянув руки, ловко принялся перевязывать Юрке галстук.

— Я не… — захлебнулся тот собственными словами. В горле пересохло, Юрку снова бросило в жар.

Володя справлялся с узлом до того ловко, будто всю жизнь только этим и занимался — завязывал галстуки. Тут намотать, там продеть, затянуть — и готово. Заправляя галстук под воротник, он легонько коснулся Юркиной шеи. Казалось бы, случайное секундное прикосновение, а Юрку будто током ударило.

— Нужно будет научить тебя повязывать галстук, — решил Володя.

— Что? — Юрка его вроде и услышал, но за гулом в ушах не понял смысла сказанного.

Володя вздохнул:

— Научу тебя плохому, говорю! — и хитро подмигнул.

— А-а? — Юрка изумленно изогнул бровь.

— «Научи меня плохому. Ну научи!» — это в «Ералаше» было.

Юрка насупился — у него тут сердце колотится, как в припадке, а Володя шутить вздумал?

— Ну так что, пойдёшь со мной в штаб? — снова спросил Володя, будто не замечая, что с Юркой что-то происходит.

— Нет, я со своими в лес. На отрядном собрании решили, что буду разведчиком.

— А, ну ладно…

Блеск в его глазах померк, Володя погрустнел, а Юрку кольнула совесть.

— Я просто обещал! — поспешил оправдаться он. Хотя на самом деле никому ничего не обещал. Попроситься в разведку он только собирался… И зачем он врёт? Снова! И кому? Володе!

Но времени на размышления не оставалось — Юрка слышал, что на площади замолк микрофон и протрубил горн, призывающий пионеров строиться и выдвигаться к месту проведения Зарницы.

— Ладно… Идём, — Володя пошел к выходу из корпуса и помахал Юрке рукой. — Вечером, может быть, свидимся, моя малышня тоже в лес просилась, но мы с Леной пока не придумали, как всё устроить.

Юрка только агакнул и унесся в сторону площади — туда, где колонны пионеров под началом физруков и вожатых расходились в разные стороны — две команды, каждая на свою локацию.

Но, избежав общества Володи, Юрка не смог избежать собственных мыслей, которые так или иначе его преследовали. Он не мог не думать обо всём, что произошло, о своих реакциях. Он не мог не думать о Володе. Так получалось, что даже если Юрка пытался не вспоминать об утреннем конфузе, все равно рассуждал о чем-то, что так или иначе касалось Володи. Например, о том, как он там, справляется ли с малышней в штабе. И ещё о том, что обещал вечером прийти к ним в палаточный лагерь с ребятами. А потом — о вчерашней ссоре, о разговоре. Каким виноватым Володя вчера выглядел там, у сетки корта! И таким искренним, что теперь Юрка корил себя! Как он мог усомниться в нём? Как только мог — пусть лишь мысленно — назвать его вруном и не поверить в искренность его дружбы?

А мысли о дружбе так или иначе возвращали Юрку к мыслям о том, что случилось на зарядке и позже — в корпусе. Искренность дружбы… А сам-то Юрка искренен? И если да, то почему так испугался случайного прикосновения?

То, что это был вовсе не испуг, Юрка совсем, ну вот совсем-совсем, не хотел признавать.

За этими тяжкими думами интереснейшее действие, одно из самых долгожданных и важных событий в пионерлагере — Зарница, прошло как в тумане и запомнилось лишь отрывками.

Юрка пытался сосредоточиться, но ничего не выходило. Он злился: «Сколько можно думать о посторонних вещах! Соберись, тряпка! — И тут же бросался оправдываться: — Ну как это о „посторонних“? Разве Володя — посторонний? Нет, он очень… очень…» — Но так и не мог подобрать точного определения тому, насколько и в чём Володя для него «очень».

Ира Петровна разрешила ему быть разведчиком и даже обрадовалась Юркиному стремлению, убежденная, что он обязательно раскроет диспозицию вражеской базы. Юркина команда расположилась на отведенной для них территории. В компании Ваньки и Михи Юрка принялся ставить палатку, как его огорошили совершенно безрадостной новостью — Маша напросилась в разведку с ним. Просилась она долго, хныкая и заламывая руки — Ира не хотела оставлять их наедине, но всё-таки сдалась и отпустила. Застёгивая гимнастёрку, Юрка поглядывал на них искоса и задавался всего одним вопросом — на кой чёрт, спрашивается, Маше нужно быть с ним в паре?

Её мотивы прояснились совсем скоро. Стоило оказаться посреди леса, где уже могли шнырять вражеские шпионы и бойцы, как Маша, помявшись несколько минут, скромно спросила:

— Юр… Вы же с Володей дружите?..

Юрка закатил глаза и цокнул языком — ну, всё ясно. Зачем же ещё он нужен девчонкам? Чтобы выполнять функцию рупора, разумеется, — трещать про вожатого пятого отряда!

— Юр, а почему он на дискотеки не ходит?

Сначала Юрка пытался её игнорировать. Решил, что, если станет показательно молчать и не будет отвечать на вопросы, она поймёт… И Маша, наверное, поняла. Вот только не успокоилась:

— Ну Юр, но я же не прошу тебя делать что-то там или… Ну просто расскажи! У него девушка есть, да?

Спустя вопросов десять, которые стали повторяться заезженной пластинкой, Юрка начал злиться.

— Юр, ему Полина нравится? Он же наверняка делился с тобой… Он так на неё посмотрел на прошлой репетиции…

— Как «так»?! — вспылил Юрка. — Ни на кого он никак не смотрел! Он сюда вообще-то работать приехал!

От неожиданности Маша остановилась, уставилась на него и испуганно моргнула. Юрка кивнул ей идти и добавил тише:

— Маш, мы на разведке, понимаешь? Если нас с тобой заметят и возьмут в плен или убьют, наши потеряют целую кучу баллов!

И она успокоилась. Минут на двадцать.

— Юр… А он что-нибудь обо мне говорил?

От раздражения у него на загривке зашевелились волосы.

— Ну Юр… Тебе что, сложно сказать? Понимаешь, просто… — она покраснела, подошла ближе, дёрнула Юрку за рукав. — Понимаешь, Володя… он мне нравится… Но он какой-то непонятный. Как будто никого не замечает вокруг, как будто ему никто неинтересен… Поэтому ты — моя единственная надежда, чтобы с ним сблизиться…

— Сблизиться? Маша, вот только не надо впутывать меня в свои дела! Мне и так из-за тебя досталось. Хватит.

— Ну Юр, разве я много прошу? Просто спроси его про меня. Ты же можешь. Вы ведь с ним часто бываете вдвоём. Ночью, например, или днём в отбой просто скажи ему… то есть, спроси…

— Постой-ка, — велел Юрка и остановился сам. — Откуда ты знаешь, что в отбой я ухожу к нему?

— Тоже мне секрет! Все об этом знают. И что по ночам ты тоже с ним.

— А сама-то ты по ночам с кем и где шатаешься?

Маша опешила:

— «Шатаюсь»? Сам ты шатаешься! И вообще, это не твое дело!

— Это мое дело! Потому что Ира думала, якобы мы с тобой какие-то шашни завели. Вдобавок из-за этого она с Володей поссорилась, так что твои прогулки теперь касаются и его. Почему она так подумала? С кем ты шатаешься и где? И при чём здесь я?

— А мне-то откуда знать? Ирину об этом и спроси. И про меня спроси. Только не её, а Володю… Я ведь сама не могу: во-первых, это неприлично, что он обо мне подумает? А во-вторых, у меня даже случая нет, чтобы просто поговорить. Ты все время рядом. Помоги, а? Давай не за просто так. Давай я уступлю тебе пианино? Не на весь

спектакль, а на какую-нибудь композицию. Не «Сонату», конечно, а на что-нибудь попроще…

Юрку страшно раздражали такие расспросы. Но он держал бы себя в руках, если бы не последнее.

— «Попроще»? — повторил он. — Попроще! Мне послышалось, или ты удумала ставить себя выше меня?

— Да что ты? Конечно нет, я просто…

— Размечталась! Ты ведь ставишь себя выше не только меня, а всех остальных. Думаешь, ты — единственная, кто его достоин? Пуп земли? Вот Володя взял, разогнался и влюбился в тебя!

— Я себя выше не ставлю! — начала сердиться Маша. — Но почему бы и не в меня? Ты оглянись вокруг! В кого еще-то? — она прыснула. — В тебя, что ли?

Юрка закатил глаза и от досады хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ты про Полину говорила, например.

— Так, значит, это она…

— Я не знаю! И вообще, с чего ты взяла, что он в кого-то…

Юрка так разозлился и так разошёлся, что не заметил слёз, навернувшихся ей на глаза. Зато заметил мелькнувшие неподалеку в кустах за Машиной спиной жёлтые пятна — вражеские погоны.

— Прячься! — прошипел он и сорвался с места.

Разведчики вражеского отряда — в одном из них Юрка узнал Ваську Петлицина — протопали мимо. Ни Машу, ни его не увидели. Юрка определил по примятой ребятами траве, когда следует свернуть с тропинки, чтобы выйти к их базе, и отправился в путь.

Маша, всем видом показывая, что дуется на него, шла молча. И наслаждающийся тишиной Юрка спустя минут двадцать вывел их к вражескому лагерю.

Жёлтая команда расположилась на территории, где лиственный лес переходил в хвойный. Песчаник под палатками был усыпан шишками и иголками, а в воздухе пахло смолой. Юрка в очередной раз нырнул в густые кусты и принялся наблюдать за врагами издали. Но ничего исключительно интересного не заприметил — там происходило всё то же самое, что и в Юркиной команде. Пара девчонок хлопотала у костра, Петлицын с напарником пересекали лагерь по центру — судя по всему, топали к палатке командира. Физрук Семён принимал у

ребят спортивные нормативы: прыжки, приседания, отжимания, растяжку. Большинство ребят стояло на стрёме вокруг жёлтого флага.

Юрка посидел в укрытии ещё недолго: отметил на самодельной карте местоположение врагов относительно собственной базы и, сверившись с компасом, обрисовал путь. Теперь им с Машей предстояло целыми и невредимыми вернуться в свой лагерь, чтобы отдать информацию командиру Ире и начать штурм.

Он чувствовал себя выжатым лимоном. Грязным, пыльным и замученным лимоном! До базы он кое-как добрался, но на его пути трижды встречались вражеские бойцы, по перешептыванию которых Юрка с Машей узнали, что все остальные разведчики их команды были обезврежены. Поняв, что они остались совсем одни и что теперь от них зависит очень многое, Юрка по-настоящему испугался. Но страх, что их поймают и штурм задержится, был «хорошим» — рациональным. И на время перекрыл собой другой страх — «плохой», иррациональный, глубинный, стыдливый — подозрение, что с Юркой что-то не так.

В шуме мыслей о Зарнице потерялись воспоминания о произошедшем, и Юрке впервые за этот день стало хорошо. Появлялись новые, правильные решения, желания и предположения, например, что Юрка мог бы уложить каждого шныряющего мимо бойца и сорвать с него погоны. И его это искренне увлекало. Потом появлялись новые мысли, тоже «хорошие» — что, нет, ему нельзя убивать врагов, ведь он — гонец с важнейшей информацией. Юрка наслаждался свободой от страха, стыда и сомнений, волнуясь за Машу, за штурм, за победу, то и дело прячась, скрываясь и притворяясь деревом.

Когда они явились в лагерь и отдали разведданные Ире Петровне, деловитая вожатая, крутясь на месте и демонстрируя капитанские погоны на солдатском кителе, разделила бойцов на три группы: первая должна была остаться в лагере, чтобы охранять синий флаг, вторая во главе с нею — идти напрямик к вражеской базе, а третьей во главе с Женей она приказала пробраться к базе с тыла, то есть по обходному маршруту. К большой Юркиной радости Ира взяла с собой Машу, а его отправила к Жене. Путь был долгим и муторным, потому запомнился перепутанными картинками бесконечного леса, гимнастерками товарищей, перешёптыванием и волнением, что из-за шума,

производимого десятком ребят, их засекут и поймают. Но всё-таки войска были благополучно переброшены и оставлены в засаде ждать, когда другая половина явится на передовую. Женя лежал под кустом рядом с Юркой и лихорадочно шептал: «Жёлтые не ждут нападения с тыла, у нас есть преимущество, мы возьмем флаг раньше Ирины». Юрка прыснул в кулак, ему хотелось добавить: «И бросим его к её ногам».

Как только был получен первый сигнал о прибытии войск, ребята выступили, но начался не организованный штурм, а какая-то детская драка. Все столкнулись, всё смешалось в куче малой. То кружась в этой куче, как в центрифуге, то выныривая из неё и снова ныряя, Юрка сорвал погоны у двоих ребят. Одного ранил — это был Митька, его левый погон остался на месте. А второго — Петлицына — убил, сорвав с него сразу оба.

Когда Ириными молитвами и Ванькиными руками жёлтый флаг был взят, синий отряд встал строем и отправился восвояси, распевая военные песни. Ира светилась радостью. Женя, расстроенный тем, что первым к флагу подошёл не его, а её боец, плёлся в стороне и тихо матерился. Юрка хохотал и пел вместе со всеми:

Спой песню, как бывало, отрядный запевала,
А я её тихонько подхвачу.
И молоды мы снова, и к подвигу готовы,
И нам любое дело по плечу!

Но радость радостью, а от усталости подкашивались ноги. Хотелось покоя и тишины. Вернувшись в победно гомонящий лагерь и наскоро поужинав, Юрка скрылся от шума в своей палатке и распластался на жёсткой подстилке звездой.

Пытаясь задремать, он закутался в спальник с головой, но сон не шёл, ведь уснуть мешали не звуки с улицы, а собственные мысли. Теперь, как Юрка ни старался, заглушать их не получалось. Если днём, занимая себя делами, он кое-как гнал эти мысли, то теперь, оставшись в одиночестве, больше не смог: надо набраться смелости и прекратить обманываться — то, что произошло на зарядке, не могло быть обычным утренним конфузом. Ведь интерес и желание смотреть на Володю оказались столь сильными и глубокими, что до сих пор от воспоминания об этом приятно щекотало в груди. Да что это? Как же

так… Ведь неправильно засматриваться так на людей, а тем более на него… И неловко от того, что, если отбросить все отговорки и быть честным, взгляд отводить совсем не хотелось! Юрке стало тошно от самого себя.

Он резко сел. Скинув спальник, потёр лицо руками, с остервенением принялся чесать голову. Не потому, что она чесалась, а потому, что хотелось содрать с себя все эти постыдные мысли — не нужны они!

Снаружи смеркалось, доносились звуки лагеря: кто-то бренчал на гитаре, лилась негромкая весёлая песенка. Со всех сторон галдели десятки пионерских голосов, и Юрке даже показалось, что он отчётливо слышит, как неподалеку пухляк Сашка делится мнением о гречневой каше, которую подавали на ужин.

— Вечер только начинается, а ты уже спишь, боец?

Сперва Юрке показалось, что голос Володи ему снится. Но только приоткрыл глаза… И над ним действительно стоял он. В таком же, как у Иры кителе, но с двумя отличиями: на Володином сверкали блестящие пуговицы, а погоны на плечах были не капитанскими. Совершенно растерянный — мысли о причинных местах ещё не до конца выветрились из головы, — Юрка попытался поприветствовать его спокойно, но нервозные нотки в голосе всё равно проскочили:

— Здравия желаю, товарищ лейтенант.

— Старший лейтенант, — улыбнулся Володя, повернувшись, чтобы продемонстрировать погоны полностью, и указал пальцем на звёзды.

— Ой, и правда, — неискренне удивился Юрка и снова лег. — Жив ещё?

— Почти. Но они пытались! Представь, забыл пропуск получить, пошёл в штаб, а мои на стрёме, требуют предъявить. Повисли на руках и ногах и давай тянуть в разные стороны и колотить по спине. Они же не понимают, что кулаки у них хоть и маленькие, но бьют прилично. Всё тело теперь болит. И плечи. Не разомнёшь?

— Н-нет… — заикнулся Юрка. — Не умею.

— Жаль… — Володя поджал губы и растянулся рядом на спальнике, с наслаждением выдыхая: — Как хорошо-о-о…

Юрка лежал, боясь пошевелиться. Володино плечо с жёсткими подплечниками и чёрными погонами «СА» — Советская армия — прижималось к его плечу. Юрка не мог ни игнорировать это

прикосновение, ни отодвинуться, прекратив его. А Володе, казалось, всё было нипочём. Он повернулся на бок, посмотрел на Юрку и прищурился — тот отвёл взгляд.

— Что это у тебя… — Он протянул руку к его всклокоченным волосам, но Юрка отпрянул. Ещё вчера он ни за что бы этого не сделал, но после произошедшего Володины прикосновения ощущались слишком остро, будто пронизывали его с ног до головы, пугали. — Трава? Почему у тебя в волосах трава?..

— … а в голове опилки… — сконфуженно закончил за него Юрка. — Разведчик. Весь день по лесу шатался.

Володя посмотрел на него с печалью во взгляде.

— А меня весь день доставала моя малышня… После обеда как сговорились, давай ныть: хотим как взрослые, хотим на Зарницу с ночёвкой! Капризничают, канючат. Лену чуть до крика не довели. — Володя положил руку под голову. — Саня и Олежка разбушевались так, что у меня и выхода другого не было, кроме как привести их сюда.

Юрка старался слушать его, но получалось не очень. Смысл сказанного терялся в желании тоже прикоснуться к Володе… Юрка резко отвернулся и пробурчал:

— Ира говорила, что с тобой придёт только несколько ребят. А остальные?

— Я им сказал, что пойдут только те, кто лучше всех себя в работе штаба проявят.

— И много проявивших?

— Нет, я их строго отбирал… в основном наши театралы. Некоторые расстроились, конечно, но пришлось дать им выбор: либо идут несколько ребят, либо не идет никто, потому что я на себя такую ответственность брать не собирался. Ну и потом Лена пообещала их вечером в кинозал отвести, мультики поставить…

Юрка поднялся и сверху вниз посмотрел на Володю — расслабленного, без следа усталости на лице. Ну да, он, конечно, по кустам не бегал и вражескую базу не штурмовал, но ведь малышня выматывает не меньше…

— Пойдём к костру? Мы сейчас будем рассказывать интересные истории.

— Страшилки опять? — буркнул Юрка, пряча за фальшивым раздражением от страшилок недовольство самим собой.

— Надоели уже, да? — кивнул Володя. — Мне тоже. Но нет, не обязательно страшилки. Хотя если попросят, расскажу одну про Пиковую даму.

Володя тепло улыбался, в его глазах плясали озорные искорки, но Юрке вдруг стало безумно тоскливо на душе. И он буркнул: «Идём» — и пулей вылетел из палатки. Из-за этого треклятого утреннего происшествия ему теперь казалось, будто в Володином поведении есть какой-то подтекст, будто не от усталости он лёг и не из любопытства полез к его волосам. Но всё это только казалось — Володя не мог ни о чём знать, просто не мог! Он же ничего не видел, а всякие неприличные мысли — Юрка бы зуб дал, — никогда не роились в его честной и светлой комсомольской голове.

Володя вышел за Юркой следом и в недоумении уставился на него. Вожатого тут же окружили Олежка и Саня и повели усаживать на специально занятое ими для него место. А Юрка, пользуясь временным одиночеством, уселся в отдалении от костра.

Слушая Иру Петровну, ребята так притихли, что даже до Юрки доносился её негромкий голос:

— …Первые пионерлагеря появились в двадцатых годах и были полевыми, то есть вместо корпусов и палат первые пионеры жили в палатках. Помните кинофильм «Бронзовая птица»? — дети закивали. — Было в точности как там. Разумеется, если получалось найти пригодное для лагеря здание, пионеры селились там. Но, как вы должны знать, ненадолго, потому что в те времена развитых городов, как сейчас, было мало и в основном люди жили в деревнях. Так вот, главной задачей пионеров того времени было помогать деревенским вести хозяйство, обучать грамоте детей…

— …чтобы они строчили доносы и получали за это путевки в «Артек», — дополнил Юрка, но его никто не услышал. Ира Петровна продолжала:

— Главным мероприятием в пионерлагерях было собрание вокруг костра, на котором обсуждались результаты работы пионеров за день: скольких обучили грамоте, скольким помогли, что построили или починили. Составлялись планы на завтра. Пионеры самостоятельно, без взрослых, решали, кто из них достоин похвалы, а кто — порицания, и проводили воспитательную работу…

История пионерских лагерей Юрке наскучила — Ира рассказывала её каждую смену, потому что всегда находились те, кто об этом ещё не знал. Сейчас, например, в роли главных слушателей выступали Володины малыши, особенно Олежка, который был поглощен историей настолько, что выпучил глаза и забыл закрыть рот. Остальные вежливо молчали, молчал и Юрка. Всматриваясь в ночную темноту, он внимал надоевшей истории, лишь бы она заглушала внутренний голос, который опять его донимал.

Вдруг позади раздался негромкий, но отчётливый шорох. Определив, откуда идёт звук, Юрка напрягся. В кустах, что росли в паре метров от него, шуршал какой-то зверь! Вспомнив, что в этом лесу диких зверей уже давно не водится, он мигом догадался, что за животное планирует ночной набег на лагерь, и, никому ничего не сказав, на цыпочках подкрался к кусту.

Тихий-тихий писк раздался откуда-то снизу справа, Юрка озадаченно присмотрелся к основанию куста. Жухлая прошлогодняя листва, укрывающая землю, зашевелилась… Сердце ушло в пятки, а по загривку пробежался табун холодных мурашек: «А вдруг там змеи?!» — подумал Юрка в ужасе, и время будто остановилось. Медленно, стараясь не делать лишних движений, он шагнул от куста назад.

Юрка видел этих прелестных пресмыкающихся не раз и прекрасно знал, что приближаться к ним ни в коем случае не следует. Знал, что днём гадюки, как создания хладнокровные, любят погреть тельце под солнечными лучами, но знал ещё и что июль для них — период плодовитости, так что клубиться в гнёздах они тоже любят. В памяти быстро заскакали фразы с уроков ОБЖ и биологии, что гадюка — как заводной механизм: чем ближе ты к ней подходишь, тем в более плотные кольца она сворачивается. А потом она как пружина: прыгает и кусает. Чем ближе укус к голове — тем опаснее.

А Юрка, дурак, отважно полез в кусты среди ночи, о змеях даже не вспомнив и никому ничего не сказав. Собираясь крикнуть вожатым, что, возможно, нарвался на змеиное гнездо, он уже успел попрощаться с жизнью и приготовился к тому, что на него сейчас бросится разъяренная гадюка, как тут бурый кленовый лист приподнялся и оттуда показался… нос-пуговка. А потом послышалось тихое «Фы-фы-фы-фыр».

— Ёж! — с облегчением вздохнул Юрка, когда из листвы показались и колючки. Всё-таки правду говорят, что первая мысль всегда самая правильная, а в первую очередь Юрка подумал именно о еже. Ёж тоже думал о Юрке — его маленькие глазки-бусинки внимательно наблюдали за ним из-под куста.

Присев на корточки и вытянув руки, Юрка приготовился его схватить. Но зверь, вопреки ожиданиям, не удрал. Наоборот, он вышел к нему и уткнулся любопытным носом в кроссовок. После такого приветствия Юрка просто не мог оставить его — такого милого и смелого, под кустом. Незваного гостя определенно нужно было показать детям! Хмыкнув, он снял куртку, укутал в неё нового знакомого и отнёс к костру.

Ёж произвел настоящий фурор как среди первого, так и среди пятого отряда. Не дослушав Иру, ребята повскакивали со своих мест и сгрудились вокруг Юрки кучкой. Отобрали ежа, стали передавать из рук в руки, пытались тискать и гладить. Умиляясь над тем, как смешно фыркает, окрестили Фыр-фыром. Никто, даже сам Фыр-фыр, не возражал против этого имени.

Когда эмоции поутихли, нужно было решать судьбу Фыр-фыра. Ира объявила голосование, как поступить: отпустить его или отнести в красный уголок. Единогласно решили, что прежде всего ежа нужно накормить, а потом оставить для красного уголка. А когда все успокоились окончательно, поняли, что ежа до утра негде держать.

— Я видел в полевой кухне коробки из-под тушёнки, — вспомнил Володя. — Думаю, что Зинаида Васильевна не будет против, если мы возьмем одну.

— Картонные? А не прогрызет? — с преувеличенным сомнением протянула Ира Петровна, своим тоном ещё раз напомнив Володе о том, что мир между ними не установлен.

— Даже если прогрызёт, — вмешался Женя, — ничего страшного не случится, убежит в лес и всё.

— Зинаида Васильевна нас за это по головке не погладит! — нахмурилась Ира.

— Ирина, чего ты хочешь? — спросил Володя. — Чтобы мы отнесли его в лагерь? Среди ночи и через лес?

— Нет. Ночью не отпущу. Закрой у себя в палатке.

— Я не один буду спать, а с мальчишками.

— Ну придумай что-нибудь, — огрызнулась она.

— Что ты хочешь услышать? «Под мою ответственность»? Хорошо, под мою ответственность. Нашла повод для скандала! — рассердился Володя.

— Ребята, давайте не при детях. — Женя примирительно похлопал обоих по плечам. Дети, стоящие кружком, озадаченно переглядывались. — Если что, я найду Зинаиде хоть десять отличных коробок.

Настроение Юрки и без того было не самым лучшим. А присутствовать при перепалке, причиной которой на самом деле был он — ведь из-за него же Володя тогда в театре брякнул про «влюбилась», — грозило испортить настроение окончательно. И Юрка не спросил, а объявил:

— Тогда я пошёл за коробкой, — и, не дождавшись ответа, потопал к кухне.

— Я с Коневым, — послышалось сзади, и вскоре Юрку настиг недовольный Володя.

Включив непонятно откуда взявшийся фонарик, он осветил Юрке путь, хотя ночь была лунной и электрического света не требовалось.

— А с тобой-то что не так? — спросил Володя сердито.

— Вот только не надо срывать злость на мне, — буркнул Юрка. — Всё со мной нормально.

— Нет-нет, я не собирался срывать. Если это так прозвучало, то извини. Но… Юр, мне кажется, что ты меня избегаешь.

— Да нет, я просто устал.

— Юра, ну не обманывай меня. — В его голосе прозвучала досада. — Я вижу, что что-то не так. Ты обиделся? Почему? Я что-то не то сказал? Или что-то не так сделал? — Володя окончательно встревожился и, заглянув Юрке в глаза, положил руку ему на плечо. Но Юрка не хотел, даже боялся телесного контакта, и сбросил её. А Володя совсем растерялся: — Неужели это до сих пор из-за журналов?

— Да нет, просто…

— Ну что ты заладил «просто-просто»! Говори прямо, что не так?

— Всё нормально. У меня настроение с самого утра плохое, не хотел тебе портить.

— И всё равно испортил.

— Чем это? — удивился Юрка, остановившись возле кухни.

— Тем, что избегаешь меня. Я ведь беспокоюсь…

— Чего-чего, беспокоишься? — опешил Юрка, но в груди почему-то потеплело. — За меня?

— Ты же мой друг, конечно, я за тебя беспокоюсь, и волнуюсь, и… — Володя замялся и опустил взгляд. Поджал губу, потом прокашлялся и произнес осторожно: — Давай так. Если на самом деле что-то случилось, обязательно скажи мне, я всё-таки… не чужой. А еще — вожатый. Я помогу. Хорошо?

— Хорошо. Но я правда всего лишь устал. Всё в порядке, Володь, — но Юрка не его, а скорее сам себя убеждал в этом.

— Договорились, — кивнул Володя. — Завтра, пока все спят, мы собираемся сходить на рыбалку. Хочешь с нами? Или устал? Придётся вставать в пять утра.

— Ох, в пять утра — это караул… Если я не высплюсь, буду целый день злой, сонный и вообще сам не свой.

— Ты и так сам не свой, — пробормотал Володя, когда они, найдя коробку, повернули с ней к костру. — И я из-за тебя — тоже! Мне когда Алёша сказал, что ты еще вчера отказался идти в штаб, я подумал, что обидел тебя, и вот — весь день всё из рук валится, места себе не нахожу.

На такие слова Юрка просто не мог отреагировать равнодушно. Володя без него сам не свой? Места не находит, всё из рук валится? Значит, Юрка нужен ему. Как приятно было чувствовать себя нужным. Тревоги о том, что случилось на зарядке, отошли на второй план, захотелось, чтобы всё вернулось на свои места. И Юрка улыбнулся:

— Хорошо. Ладно. Встану.

— Только у Иры не забудь отпроситься.

— Конечно. Ты ей, если что, подтверди, что я с тобой. Где встретимся?

— Я сам тебя разбужу.

* * *

Юрка был уверен, что проснуться в пять утра выше его сил. Он, конечно, заставит себя, но это будет не пробуждение, а воскрешение. Он и в обычные утра просыпался ой как неохотно, а тут ещё и после такого напряженного дня… Но его опасения остались всего лишь опасениями.

Стоило забраться в палатку, как усталость дала о себе знать — он уснул сразу же, как уткнулся носом в подушку. Но сон был тревожный — и тут мысли о Володе не оставили его в покое. Юрка всю ночь повязывал ему галстук, постоянно путаясь в узлах, а потом касался его шеи. Под несмелыми прикосновениями Юркиных пальцев Володина кожа покрывалась мурашками. А за ней уже в реальности всё Юркино тело покрылось ими, и он проснулся резко, в панике.

Открыл глаза, сел, тяжело дыша, попытался сообразить, где находится и сколько сейчас времени. Вокруг стояла кромешная темнота и полная тишина, только ветер снаружи шумел, шелестя листвой в кронах деревьев.

Тихо и осторожно, стараясь не разбудить Ваньку с Михой, Юрка вылез из палатки и первым делом в свете луны посмотрел на часы — 4:07. Юрка вздохнул. Можно было поспать ещё, но сна не было ни в одном глазу.

Небо начинало еле-еле светлеть. Юрка прикинул — рассветет только минут через тридцать, но уже виднелось первое слабое зарево и далекие солнечные блики нового дня.

Делать было нечего, и Юрка отправился искать, где умыться. Нашел самодельный умывальник, висящий на дереве возле полевой кухни, плеснул в лицо воды. По телу пробежала дрожь, а на Юрку напало желание вернуться в палатку, закутаться в спальник и никуда не идти.

«Какая рыбалка, какая речка? На улице натуральный дубак!»

И он побрел к палаткам, но не к своей. Решил найти Володю. Хорошо, что они с ребятами разбили свой лагерь поодаль от основной команды — иначе бы Юрка, заглядывая в окна-сеточки, часа два искал нужную палатку в потёмках.

Три палатки пятого отряда стояли треугольником, выходами друг к другу. Юрка заглянул в каждую по очереди. В одной спали девчонки, в двух других — мальчишки. И Володю Юрка сразу не узнал — тот лежал, завернувшись в спальник по самый нос. Рядом с ним похрапывал Санька, посапывал Пчёлкин и посвистывал носом Олежка.

Осторожно переступив через малышей, Юрка подобрался к Володе и сел на колени рядом. Растрёпанный спящий Володя выглядел смешно и как никогда глупо: видимо, читал перед сном тетрадь — она лежала на груди, а рядом валялся включенный фонарик, — да так и

уснул, забыв снять очки. Они сползли вниз и мешали, Володя щурился во сне и водил носом, будто ему снилось что-то неприятное. Юрка не смог сдержаться — как можно тише хихикнул в кулак, стараясь не разбудить. Но всё равно разбудил.

Володя открыл один глаз. Моргнул, открыл второй, посмотрел сперва непонимающе, потом — подозрительно, потом — в ужасе:

— Я проспал?! — и резко сел.

— Наоборот, ещё десять минут до подъёма, — Юрка снова хихикнул.

Володя поправил очки, приложил палец к губам и взглядом показал сперва на детей, потом — на выход из палатки.

— Ты чего проснулся так рано? — спросил шёпотом, когда они вылезли на улицу.

Юрка пожал плечами:

— Да и сам не знаю. Так получилось.

Володя глянул на часы и сказал:

— Ладно, уже всё равно половина пятого, надо ребят будить. Разбудишь? Я пока умоюсь схожу.

Юрка кивнул и полез обратно в палатку.

Пока он будил малышню, Володя успел ликвидировать остатки сна и собрать рыбацкие снасти.

К реке их маленькую компанию вёл Юрка — оказалось, что Володя слабо ориентируется на лесистой местности. А Юрка как раз знал отличный рыбацкий пирс неподалеку от лагерного пляжа. Пока они брели к нему, вокруг совсем посветлело, день начинал вступать в свои права.

— Ребята, все помнят, как нужно себя вести? — спросил Володя с назиданием. — Напомню. На пирсе не прыгать и не бегать, сидеть спокойно. Рыбалка — это не игра. Рыба любит тишину — будете кричать, напугаете её и ничего не наловите!

Но ребята вроде бы и не собирались шкодничать — они толком не проснулись, плелись за Юркой медленно и сонно, зевая через каждые две минуты.

У реки шумели камыши и надрывно квакали лягушки. Юрка глубоко вдохнул свежий влажный воздух и ступил на пирс. Доски чуть скрипнули под его весом. По воде стелился утренний туман, который разрезали лучи восходящего солнца. У самого пирса, по густому

покрову ряски, прыгала маленькая неприметная птичка. Юрка удивился — и выдерживает же её такой ненадёжный покров.

Он даже и не мечтал, что найдет такую тишину и идиллию там, где присутствуют мальчишки из пятого отряда. Но в это утро у реки на рыбацком пирсе было тихо и мирно. Ни шкодник Пчёлкин, ни взбалмошный Санька даже не собирались чудить. То ли до сих пор не могли проснуться, то ли просто были заинтересованы в рыбалке. Сидели на деревянном настиле, держа в руках удочки, и внимательно следили за поплавками — только бы не пропустить клёв.

Но рыба не клевала. Клевал Юрка. Носом.

— Может, рыба ещё спит? — в шутку спросил он, широко зевнув. За прошедшие полчаса один раз клюнуло только у Олежки, но он не успел быстро вытащить удочку — на крючке осталась половина червяка, а рыба сорвалась.

— Какая умная лыба! — Олежка тем не менее не унывал. — Челвяка укусила, а на ключок не поймалась!

Юрка следил за своим поплавком, то и дело теряя связь с миром и проваливаясь в дрёму. Недосып и вчерашняя усталость сказались именно сейчас.

Сидящий рядом Володя тихонько подбадривал ребят:

— Ничего страшного, в рыбалке же главное не улов, а процесс!

Это было последним, что расслышал Юрка отчётливо. Он не заметил, как уснул. Только что следил за поплавком, а вот уже склонил набок голову и закрыл глаза, а по телу разлилась сладкая приятная нега…

— Клюёт! Клюёт! — Громкий голос Сани ворвался в его сонный уютный мирок.

— Тащи! — пискнул Олежка.

Юрка открыл глаза и обнаружил под щекой что-то твёрдое и тёплое… Володино плечо. Юрка резко поднял голову, заозирался по сторонам. Его удочка лежала рядом, а в сетке за спинами мальчишек плескалось несколько небольших окуней. Володя молча смотрел на него.

— Ой, что-то я… — Юрка замялся, глядя на плечо, на котором только что лежал. — Уснул…

— Правда? А я и не заметил, — деланно удивился Володя. Он казался довольным и едва сдерживал смех. — Можешь ещё поспать…

полосатый.

— Кто?.. — не понял Юрка.

— У тебя складки ткани на щеке отпечатались. Вот тут. — Володя ласково коснулся его скулы и рассмеялся. А Юрка, впервые оказавшись так близко к его лицу, разглядел на Володиных щеках ямочки.

Глава 8

Купание красного Конева

Дрёма во время рыбалки не решила Юркиной проблемы: спать хотелось ужасно. Он собирался компенсировать часы сна, которые недоспал ночью, во время тихого часа днём. Но у корпуса его ждал Володя. Заметив его высокую фигуру издали, Юрка решил, что вожатый сейчас наверняка предложит снова пойти исправлять реплики в сценарии, и хотел отказаться.

— Привет. — Показательно широко зевнув, Юрка прикрыл рот кулаком. — Спать хочу — умираю.

— Не время спать! — Володя лукаво улыбнулся и вытащил из кармана связку ключей, звякнул ими. — Ты говорил, что знаешь, где находится барельеф из страшилки, а у меня есть ключи от лодочной станции. С тебя — информация, с меня — лодка. Поплыли?

Сон как рукой сняло. Юрка в нетерпении хлопнул в ладоши и заметил, шутя:

— О! А от дружбы с вожатым есть свои плюсы!

Володя хохотнул и, спускаясь со ступенек крыльца, кивнул Юрке, чтобы тот шёл за ним.

— А тебе ничего не будет за то, что ты ключи взял? — спросил Юрка десять минут спустя, когда Володя склонился к замочной скважине ворот станции, подбирая ключ из связки.

— А что может быть? Я же их не крал. Расписался в журнале и получил. Ключи у нас в администрации висят, кто угодно из вожатых может брать.

— Даже на просто так? — удивился Юрка.

— Неужто ты считаешь, что вожатые — нелюди, которые не любят сбегать с тихого часа? — Володя подмигнул.

За воротами и небольшим складским помещением раскинулся длинный причал, выложенный большими бетонными плитами. На воде, ударяясь о шины-кранцы, покачивался десяток лодок, каждая под

своим номером крепилась к низким железным сваям тяжёлыми цепями.

— Ты с веслами обращаться умеешь? — обернулся Володя, шагая к дальнему краю причала.

— А то! Каждое лето гребцом подрабатываю, когда нам разрешают поплавать. Бери вот эту, — он указал на предпоследнюю лодку, выкрашенную свежей голубой краской, — у неё вёсла удобные.

Дальше командовал Юрка. Они стянули брезент, укрывающий лодку от дождя, и спустились в неё. Юрка указал, как лучше усесться, чтобы соблюдать равновесие, и только тогда забрал у Володи ключи, открыл замок и размотал цепь. Она громко звякнула о бетон, а Юрка оттолкнул лодку от причала и уселся, выруливая на середину реки.

— Течение здесь сильное, — предупредил он. — Полдороги на вёслах — я, на обратном пути — ты. А то у меня руки отвалятся.

— Ты точно знаешь, куда плыть? — спросил Володя с сомнением.

— Конечно, знаю! Прямо! Тут ни перекрестков, ни светофоров нет.

— А если серьёзно?

— Говорю же, всё время прямо, пока река не повернёт. Кстати! Есть тут одно место… — вспомнив о нём, Юрка восхищенно взглянул на Володю. — Уверен, что тебе понравится. Туда точно нужно сплавать!

— Что за место?

— Ну… вожатые запрещают туда заплывать — говорят, что там опасно. Брехня это всё! Я завернул туда однажды, конечно, меня потом отчитали, но… Давай сплаваем? Там очень здорово!

Володя задумался, привычным жестом — надменно за дужку — поправил очки.

— Юр, вообще-то я вожатый… — начал было он.

— Тем более! Скажешь «разрешаю» — и нет проблем.

— Ну не знаю… — протянул тот.

— Ну Володя! — весело воскликнул Юрка. — Ну не будь ты таким… таким Вололей[2]. Там неопасно, если из лодки не выпрыгивать. Правда!

— А если выпрыгнуть? Акулы? Крокодилы?

— Пираты! А на самом деле просто водоросли. Много!

— И долго туда плыть?

Юрка повел плечами:

— Да минут десять. Может, пятнадцать…

— По такой-то жаре? — нахмурился Володя. Солнце в безоблачном небе и правда палило нещадно, а им предстояло плыть по неглубокой, но широкой, без единой тени реке. — Ну ладно. Но под твою ответственность! — всё-таки сдался он.

— Ответственность — моё второе имя, — хмыкнул Юрка.

Течение в этой части реки в самом деле было быстрым и сильным, а грести приходилось против него. Юрка кряхтел и пыжился, с непривычки долго подстраивался под нужный темп — всё же в последний раз он упражнялся в гребле год назад.

Какое-то время они плыли в полном молчании под мерный плеск вёсел о воду да шелест камышей. Справа раскинулся пологий берег, уходящий зелёно-жёлтым полотном вдаль, к ограде пионерлагеря. Слева высокий изрешеченный гнёздами ласточек берег устрашал крутыми обрывами, торчащими из песочных стен корнями деревьев, заболоченными отмелями и нависшим сверху лесом. Но высоты деревьев не хватало, чтобы отбросить на реку приличную тень, и Юрка, вдобавок ко всему махающий вёслами, жутко потел.

— Юр, я спросить тут хотел, — неуверенно нарушил тишину Володя. — Можно?

— Ну спрашивай, раз уж начал.

— Я кое-что слышал о происшествии в прошлом году. Ольга Леонидовна говорила, что с тобой плохо обошлись. В общем-то поэтому они решили взять тебя на эту смену — пожалели. Раньше я думал, что знаю не всё о том случае, а когда познакомился с тобой получше, понял, что вообще ничего об этом не знаю. Расскажи, что случилось и почему?

Юрка глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Да знаешь, отдыхал у нас тут один… хмырь. Тот самый, у которого батя номенклатурный, ну, который… Хм, тут придётся рассказывать с самого начала. Я же раньше учился в музыкальной школе при консерватории, мечтал стать пианистом… — Заметив, как от удивления округлились Володины глаза, Юрка опередил его вопросы: — …а не рассказывал, потому что не люблю даже вспоминать обо всём этом. Понимаешь… я очень любил пианино, я жить без него не мог. Нет, «очень» — не то слово, я фанатично любил. Всегда тянуло к клавишам, с самого детства.

Юрка сделал большую паузу, подбирая правильные слова. Он крепко задумался, как объяснить и как показать Володе, насколько музыка была для него важна. Что он не представлял без неё свою жизнь и не представлял без музыки самого себя. С раннего детства она всегда была с ним, сопровождала звучанием в мыслях, утешала, успокаивала, радовала, снилась каждую ночь и играла каждую минуту бодрствования. Юрка никогда от неё не уставал. Наоборот, в минуты тишины ему становилось тревожно, всё валилось из рук, он не мог сосредоточиться. Порой, чувствуя себя фанатиком — ничто кроме фортепиано его не волновало и не трогало, — Юрка пугался своей отчужденности от большинства людей. Он будто существовал в другом измерении, пытаясь понять, живёт ли музыка в нём или он живёт в музыке? Она ли сверкает внутри него крохотной, но жаркой звёздочкой или это он — внутри огромной, осязаемой только им одним вселенной?

Но как было объяснить всё это Володе? Другу, но все же человеку чужому и чуждому музыке? Вдобавок Юрка никогда не говорил об этом вслух. Музыка была его личным, внутренним переживанием, и оно, тонкое и хрупкое, никак не хотело формулироваться в примитивные слова.

— Я учился не в общеобразовательной, а в средней специальной музыкальной школе. Знаешь о таких? — Володя пожал плечами, а Юрка объяснил: — Кроме обычных школьных предметов там преподавали музыкальные. Учиться нужно было десять лет, а потом без всяких училищ, можно сразу в консерваторию поступать. Так вот, первые экзамены после четвертого класса я сдал на отлично, но с восьмого всё пошло под откос. В конце восьмого всегда проводится экзамен, и на него помимо наших учителей пришли преподаватели из консерватории — школа работала при ней, — смотреть и заранее подбирать музыкантов, которых возьмут после окончания в консерваторию… — Юрка замолк на полуслове.

Володя смотрел на него испытующе, чуть наклонив голову, не моргая и не дыша:

— Ну?

Юрка остановился, вытер лоб и отвёл взгляд:

— Я провалился. Мне сказали «средненько».

— Ну и что? Главное ведь, что не неуд!

— Это музыка, Володь! Там всё серьёзно, там либо гений, либо ничто. «Среднячков» в музыке не терпят! Вот мне и посоветовали уйти, потому что, раз провалился на экзамене, места в консерватории мне было уже не видать. Но я же упрямый, я же остался. Зря остался. Полгода мешали с грязью, двойки ставили, гадости говорили. А когда окончательно вбили в голову, что я ничтожество, я ушёл. Сам. Бросил всё. С тех пор к инструменту не прикасаюсь.

Володя молчал, а Юрка, как заворожённый, смотрел на реку. Думая о том, как тяжело, почти невозможно было после позорного вылета из школы заставить музыку замолчать, а потом научиться жить в тишине. Он до сих пор не поборол рефлексы и бил себя по рукам, до боли стискивал пальцы, лишь бы отучить их барабанить любимые произведения и произведения собственного сочинения по любой поверхности. Вот и сейчас он невольно колотил пальцами о вёсла, не узнавая, да и не стараясь узнать мелодию.

— Но почему это выявили только в восьмом классе? — осторожно поинтересовался Володя. — Неужели раньше?..

— Да потому что я и мой талант тут вообще ни при чём! — фыркнул Юрка.

Володя раскрыл рот:

— В смысле?

— В прямом! Учился у нас сынок главы горисполкома. Посредственность полная, и школу прогуливал, но в консерваторию поступить хотел. Вот его и продвинули на моё место. — Юрка схватил вёсла и издевательски ухмыльнулся: — Как тебе такой расклад: Конев живёт музыкой, но учиться он недостоин — «среднячок» же, а Вишневский школу прогуливает, но ему можно, он ведь — талант? Причём никаким талантом он не был! Каково, а?

— Да уж… — протянул Володя, явно не зная, что на это ответить, стушевался и отвёл взгляд.

Юрка старательно, но безуспешно душил в себе злость, которая вырывалась наружу, проступая красными пятнами на щеках, звуча желчью в его голосе, сверкая лихорадочным блеском в глазах. Призывать к благоразумию настолько раздражённого Юрку — даже его гребки были такими резкими, что лодку мотало, — бесполезно, наверное, поэтому Володя и молчал. А у Юрки слова нашлись, он начал сдавленно:

— А каково было мне, когда на следующее лето я попал в «Ласточку» с этим номенклатурным уродом в одну смену, в один отряд? А этот ублюдок, говнюк!..

— Эй, потише с выражениями, — осадил Володя, но охваченный гневом и обидой Юрка не обратил на него никакого внимания. Налёг на вёсла и принялся грести с остервенением, обливаясь потом, но совершенно забыв о жаре.

— Это всё из-за него, из-за него меня турнули! Это он мне жизнь сломал! И ведь моего унижения в школе ему оказалось мало! Он решил ещё и здесь подговнить — при всём лагере назвал меня жидёнком! Тут уж я не выдержал, вмазал по роже, тоже при всех. Хорошо вмазал, нос расквасил, кровь хлестала… Я никогда так сильно не бил, — Юрка горько усмехнулся, — руки берёг. Мне ведь бабушка с самого детства твердила: «Юра, береги руки. Юра, береги руки». А что их беречь? Для чего беречь?

— Погоди, а почему «жидёнок»? Ты разве еврей? — спросил Володя, пытаясь увести его от болезненной темы.

— По матери, — не глядя, кивнул Юрка.

— Но как Вишневский об этом узнал? По тебе этого вообще не видно, русский как русский: имя, фамилия, лицо, волосы — ничего еврейского.

— Не знаю, наверное в ду́ше увидел…

— Как это? — не понял Володя.

Юрка хмыкнул и легкомысленно пожал плечами:

— Семейная традиция.

И тут Володя сообразил. Вздёрнул бровь и протянул, бессовестно разглядывая Юрку с ног до головы:

— О-о-о… Вон оно что… Интересно…

У Юрки едва не вырвалось: «Показать?» Но под непомерно любопытным, въедливым взглядом он растерялся: «Что он там себе воображает?!» И из дерзкого стал застенчивым. Судорожно улыбнулся, покраснел, опять стало жарко.

А Володя смотрел ему в лицо полными какого-то священного трепета глазами — видимо, дошло, видимо, примерил на себя его шкуру. И, скривившись, оторопело прошептал со свистом:

— Ёлки-палки, какой ужас!

Это и рассердило, и возмутило, и оскорбило Юрку так, что он принялся отчитывать себя за излишнюю откровенность в столь щепетильных вопросах. Ведь из-за Юркиного длинного языка Володя невольно влез в его интимное и, судя по заинтригованному виду, убираться оттуда не спешил. «Значит, про журналы говорить Володя запрещает, а про мои интимные места думать — это пожалуйста?!» — мысленно негодовал Юрка. Своей реакцией Володя всё-таки сильно его задел. А тут ещё и внутренний голос вкрадчиво напомнил про казус на вчерашней зарядке и полный мурашек сон и вдобавок к жаре внешней обдал жаром внутренним, да так, что лёгкие скрутило.

— Я этого не хотел! — вслух раскаялся Юрка и, глядя в ошарашенные глаза Володи, опомнился и залепетал по теме разговора: — Во-первых, меня никто не спрашивал. Во-вторых, я был маленьким и ничего не помню. И в-третьих… это… не воображай тут! Это вообще никого не касается! И никакой это не ужас!

— Нет-нет, что ты. Я ничего такого! — Володя замотал головой, краснея до корней волос. — И вообще, в этом на самом деле нет ничего особенного, это старая традиция, ей несколько тысяч лет, это нормально… в принципе… А ты религиозный?

— Дурак, что ли?

— Тогда тем более…

Юрка фыркнул и оглянулся, лишь бы отвлечься. Вокруг не было ни следа цивилизации: ни домика среди зарослей, ни крыши на горизонте. Они проплыли уже не первый километр. Лагерь и станция давно скрылись за крутым поворотом реки, и теперь ребят окружал красивый, но скучный пейзаж — одинаковые редкие леса и дрожащие в жарком мареве поля. Взгляду было не за что зацепиться. Пожалуй, только за виднеющийся вдалеке высокий холм и крохотную беседку на нём. Но их путь лежал не туда. Юрка прикинул, уже совсем скоро они прибудут к месту назначения.

Негромкий Володин голос вырвал его из размышлений:

— И всё же я очень рад, что ты рассказал мне об этом. В смысле, о музыке. Оказывается, я совсем тебя не знаю.

— Как и я тебя, — пожал плечами Юрка. — Я рассказал тебе про музыку не потому, что ты спросил… Точнее, ты, конечно, спросил, но я мог бы умолчать или как-нибудь обойти этот вопрос. Но тебе решил довериться.

Володя посмотрел на него с благодарностью.

— Знаешь… — тихо сказал, — я тоже могу открыть тебе самую страшную тайну, но о ней никому никогда ни в коем случае нельзя узнать. Обещаешь?

Юрка кивнул, недоумевая — разве он успел дать повод для недоверия? Конечно же, он не расскажет, в чём бы Володя ни признался.

— Вот ты, Юра, отказываешься жить так, как велят, — Володя склонился к нему ближе и совсем понизил голос, хотя их некому было услышать посреди реки, в шуме камышей. — Говоришь, у тебя родственники в ГДР… А сам ты никогда не хотел из страны уехать?

Этот вопрос походил на риторический, но Юрка ответил:

— Ну… бабушка пыталась вернуться в Германию, это ведь её историческая родина. Но не пустили. У меня там дядя, но двоюродный, так что вряд ли…

— А я хочу уехать, — перебил Володя. — Вернее, не просто хочу, а это и есть моя главная цель!

У Юрки отпала челюсть:

— Но ты же комсомолец, ты же такой… правильный, партийный, ты же…

— Именно поэтому я, как ты говоришь, «правильный» и «партийный» — чтобы добиться этой цели! Юр, логика ведь проста — из СССР свободно выпустят только коммунистов, ещё свободнее — «проверенных» коммунистов и само собой, «проверенных» коммунистов-дипломатов с дипмиссией.

— А чтобы стать дипломатом, ты поступил в МГИМО… — закончил за него Юрка. Володя кивнул.

Пусть в округе на несколько километров вокруг не было ни души, от его тихого голоса, от взволнованного тона и от того, что он несколько раз опасливо оглянулся по сторонам, по Юркиной коже пробежал мороз и зашевелились волосы. Услышь кто-нибудь Володю, его бы мигом выгнали из комсомола с позором. Вся жизнь и цели под откос! А он рассказал о таком Юрке. Не потому он просил молчать, что не доверял, просто правда слишком опасная.

— И куда ты хочешь? — спросил Юрка.

— В Америку.

— На мустанге по прериям? — нервно хохотнул.

— На мотоцикле. «Харлей Дэвидсон» — слыхал о таком?

Юрка не ответил. О таком мотоцикле он не слышал, а про работу дипломатов ничего не знал, но за Володю стало тревожно. Тут же вспомнилось его «не при Сталине живём» — но ведь это так себе отговорка.

Всё еще пребывая в легком шоке, Юрка чуть не пропустил нужный поворот.

— О, а вот и оно! Вот тут, — воскликнул он и указал пальцем на стену камышей.

Весло ударилось о дно — глубина в этом месте была небольшой. Юрка развернул лодку и направил её аккурат в камыши.

— Ты чего делаешь? — удивлённо спросил Володя.

— Всё в порядке. Помоги мне. Раздвинь камыши перед носом, только не порежься.

Лодка прочесала дном по отмели, прошла сквозь заросли, и взору ребят открылась небольшая заводь, густо покрытая ряской и кувшинками. Течение сюда не заворачивало, и вода застаивалась, давая водной флоре разрастаться. Вёсла путались, Юрке то и дело приходилось их доставать и снимать налипшие куски осклизлых водорослей. Но он знал это место и знал, зачем привёз сюда Володю. Оно того стоило, несмотря даже на специфический запах заболоченной воды и тучи жужжащей мошкары.

По поверхности воды сновали водомерки, из камышей раздавалось надрывное кваканье, а некоторые особенно наглые лягушки расселись прямо на восковых листьях кувшинок, наблюдая за проплывающей мимо лодкой. Кувшинки тут были жёлтыми, такие везде встречаются, и Юрка внимательно всматривался вдаль, обшаривая заводь взглядом.

— Смотри, цапля! — крикнул он, махнув рукой в сторону заросшего густым камышом берега.

— Где? — Володя ткнул пальцем в переносицу и прищурился, глядя в указанном направлении.

— Да вон же она, — Юрка ткнул пальцем в камыши, но сообразил, что Володя, как ни напрягается, не видит. — Маскируется хорошо, зараза, от камышей почти не отличить. — Юрка схватил его руку, навёл на стену бурых растений, откуда торчал длинный клюв, и скомандовал: — Палец вытяни!

Володя послушно вытянул палец, и Юрка окончательно скорректировал направление.

— А… Вон, вижу! — воскликнул Володя радостно. — Ух ты!

— Что, никогда не видел раньше?

Он покачал головой:

— Не-а. Какая забавная, на одной ноге стоит! Притворяется, что её тут и нет вовсе.

Володя следил за цаплей, а Юрка поймал себя на мысли, что всё еще держит его руку и отпускать совсем не хочет… Впрочем, и Володя руку не убирал… Но разомкнуть пальцы всё же пришлось, чтобы снова взять вёсла и направить лодку ближе к берегу.

— Приехали, — объявил он. — Смотри, какая тут есть красота.

Володя оглянулся по сторонам, непонимающе посмотрел на Юрку, а тот кивнул на воду. Он развернул лодку поперек заводи, бросил вёсла и расслабился, разминая плечи.

Повсюду, куда ни глянь, на воде качались белые цветы. Десятки крупных белоснежных кувшинок с густо-жёлтой, точно яичная, сердцевиной, плавали посреди тёмно-зеленых лопухов-листьев, а над ними то замирали, то стремительно пролетали перламутрово-голубые стрекозы.

Володя любовался заводью, его взгляд то замирал на цветах, то устремлялся за насекомыми, то искал среди листьев лягушек. А Юрка любовался им. Завороженно наблюдая за нежной улыбкой, которая блуждала на его губах, Юрка готов был хоть сто раз грести сюда против течения и терпеть жалящую мошкару, лишь бы хотя бы ещё один раз увидеть такое же восхищение в его взгляде.

— Речные лилии! Как здорово! — Володя перегнулся через край и пальцами коснулся белых лепестков — так нежно и трепетно, будто трогал нечто хрупкое и драгоценное. — Как их много… Они прекрасны. Будто из сказки о Дюймовочке.

Юрка вскочил со своего места, лодка под ним опасно качнулась.

— Давай сорвём одну? — предложил он. Потянулся к цветку, взял его под соцветие и собирался дёрнуть, но Володя шлёпнул его по запястью.

— Ну-ка перестань! Ты вообще знаешь, что эти цветы занесены в «Красную книгу»?

Юрка испуганно моргнул, уставился ему в лицо.

— Вот поэтому ты и искал их так долго, — нравоучительно продолжил Володя. — Плавают всякие, обрывают, а потом такие кувшинки оказываются вымирающим видом! А смысла в этом, между прочим, никакого нет! Это же лилии — водные растения, только вытащи их из воды, мгновенно вянут. Прямо у тебя в руке сжимаются и умирают. Их не получится держать в горшке или в вазе, как какие-нибудь розы.

— Ладно, ладно, — Юрка примирительно выставил руки перед собой, как бы показывая, что вот они — пустые, ничего не сорвали и не погубили. — Я просто хотел оставить тебе… на память.

— Я и так их запомню. Спасибо. Это на самом деле стоило того, чтобы плыть сюда.

Любуясь цветами, они посидели ещё немного. Юрка слушал кваканье лягушек, жужжание перламутровых стрекоз и думал о том, что ужасно устал жить в тишине. Не внешней, разумеется, а внутренней. Но, несмотря на печальные мысли, здесь ему было до того спокойно и легко, что хотелось остаться до самого вечера, но Володя взглянул на наручные часы и забеспокоился:

— Уже час прошёл, наверное, не успеем сегодня к барельефу?

— Доплыть доплывём, но от берега до барельефа прилично топать…

— Жаль… — грустно вздохнул он. — Тогда что, сразу обратно?

— Это уж как хотите, у нас есть ещё полчаса до горна.

— Тогда давай посидим в теньке хотя бы десять минут? Вон там, у берега есть, видишь?

— Вижу, — угрюмо кивнул Юрка. Он и сам хотел бы охладиться, от жары всё тело горело изнутри. — Но если поплывём туда, мы лилии повредим…

Юрка ожидал, что Володя покорится судьбе, а вернее — жаре, и велит плыть обратно, но тот вдруг воспрянул духом и воскликнул, сверкая горящими глазами:

— Юр, а давай искупнёмся? Тут есть где? Река же, должно быть…

Юрка задумался. Кажется, вон там за поворотом было местечко. Пляж — громко сказано, но лодку пришвартовать можно. Одна проблема — у него не было с собой плавок.

— Мне не в чем, Володь. Плавки в отряде, а трусы… — Юрка замялся. Семейники… Намочить их значило насквозь промочить

шорты. — Ну… не голышом же в шорты потом.

— Зачем голышом в шорты, если можно голышом в реку? — подмигнул Володя, в предвкушении расстёгивая рубашку, хотя ребята ещё не двинулись с места. — А что? Ни одной девчонки за километр, никто не увидит.

— Резонно, — признал Юрка и повернул лодку в сторону пляжика.

Но всё-таки он растерялся. Раздеться… Нет, в действительности и правда ничего такого в этом не было, мальчики же. Юрка сто раз купался нагишом. И не только купался — и в душ ходил, и в раздевалку, и никогда при этом не стеснялся перед товарищами. Но то товарищи, а то — Володя, это совсем другое. Впервые в жизни такое — другое.

Но нет, он ничуть не стеснялся. Несмотря на все эти рассказы про религиозные традиции и кажущийся непристойным Володин интерес, стыдно не было, было до онемения волнительно. Но отказаться? Ну уж нет!

Юрка кивнул. Но, помня вчерашний конфуз, отвернулся, когда Володя стал раздеваться, а сам снял одежду, только когда тот нырнул.

Окунувшись с головой и вынырнув, Юрка едва успел протереть глаза, как Володя рванул на другой берег и уже почти что его достиг. Он бил по воде так сильно, что брызги фонтаном взлетали из-под рук и, переливаясь в солнечных лучах, появлялись и тут же исчезали маленькие радуги. «Вот это брасс! Бодрый, резвый, мне бы так уметь!» — позавидовал Юрка, и его взгляд упал на Володины плечи. Сама собой возникла полная искреннего восхищения мысль — он вроде худой, а какие блестящие и сильные у него плечи!

Юрка так и стоял в тёплой, как парное молоко, воде. Не шевелясь, любуясь тем, как Володя плывет, как грациозно и естественно он выглядит — такой свободный, такой раскрепощенный. Смотрел, как Володя остановился, снял и сжал в кулаке очки, нырнул, и над водою на одну секунду показалось неприкрытое тканью то, чем вчера утром залюбовался Юрка. Одно мгновение, он и разглядеть ничего не успел, но к горлу пробрался ком, а тело свело приятной, каких ещё никогда не было, судорогой. Юрка окоченел.

И тут осознание всего, что происходит с ним, рухнуло на голову и пригвоздило ноги ко дну. Осознание столь чистое и простое, что ошарашило Юрку — как же он раньше не догадался и почему только

сейчас нашёл этот единственный ответ на миллион вопросов сразу? Он же так прост! Ведь кто ему Володя? Друг. Конечно же, друг. Такой, при мыслях о котором сладко засыпать и радостно просыпаться. Тот, на кого так приятно смотреть, тот, от кого взгляда не отвести, любуешься им и любуешься. Самый красивый человек на свете, самый добрый и самый умный, во всём — самый. Тот, с кем интересно даже молчать — такой Володя ему друг. Друг, который «нравится» в том странном, глупом, общепринятом смысле.

«Нет, не может этого быть!» — не поверил Юрка. Такого не бывает в природе, он никогда и ни от кого о таком не слышал. Даже ребята со двора об этом не шутили, а они знали всё обо всём и шутили над всем. Юрка попросту не верил в то, чтобы друг так сильно стремился к другу, что…

Он думал, что раньше ему было страшно. Вот, например, после зарядки, но на самом деле тогда это была так, тревога, а настоящий страх появился сейчас. Почему это произошло и что это такое? Есть ли у этого название? Юрка — единственный, с кем такое случилось? Нет, чем бы это ни было и как бы оно ни называлось, — это противоестественно, такого не бывает и не должно было произойти с ним! Может, болезнь какая психическая? Или просто усталость? Юрка ж за эту смену так извилины напрягал, так утомился и выдохся, что, видимо, мозг забарахлил. Домой вернётся, поплюёт в потолок, и всё у него снова станет отлично. Вот бы уже домой, только с Володей расставаться совсем не хотелось.

Хотелось другого — поделиться своим страхом и открытием с лучшим другом. Хотелось сказать ему заветное: «Ты мне нравишься, я счастлив, что ты есть». Но даже просто представить, как Юрка будет говорить ему это, страшнее, чем прыгнуть с тридцатиметровой вышки в ледяную воду, хуже, чем нырнуть в бездну. Но если всё-таки решиться? Если всё-таки окунуться в омут с головой и сказать как есть — что тогда будет? В глубине души Юрка знал, что именно: Володя рассмеётся, думая, что смеётся с ним, но на самом деле — над ним. Вот что будет.

И даже если у Юрки откроется дар красноречия и он сможет объяснить, что на самом деле значит «нравишься» и «счастлив» и что Юрка ничего от Володи не требует, а говорит это от радости и только затем, чтобы он просто знал… Володя всё равно не сможет этого

понять. Он сделает всё, чтобы понять, но не поймёт, не уложит в голове. Конечно, не сможет, ведь даже Юрка все ещё не мог.

Как это объяснить Володе и как самому понять? Ясно пока было только одно — теперь Юрка точно его не покинет, не бросит и не забудет. Километры не будут помехой, Юрка останется ему преданным другом всегда и везде, куда бы жизнь его ни забросила, хоть на другой континент, хоть на Луну, хоть на астероид Б-612. Теперь Юрка станет нуждаться в Володе ещё больше и ещё острее ощутит одиночество и пустоту, когда его не будет рядом. А ещё он непременно познает горе. Оно настигнет его, когда Володя тоже переживёт это чувство, но обращено оно будет не к трудному Юрке, а к понятной другой.

Юрка стоял, как вкопанный. Боясь пошевелиться, смотрел на Володю и думал, думал, думал. Голова кружилась, глаза слепило — брызги воды, будто искры, пылали на солнце, плеск стоял шумом в ушах. Ошарашенный, Юрка смотрел, как самый лучший и особенный его друг пыхтит, отдувается и смеётся, а сам не мог сделать и шагу. Замер всем телом по пояс в воде, руки по швам.

Володя вскоре заметил его странное поведение и подплыл. Юрка испуганно уставился ему в лицо и сделал полную глупость — прикрыл руками пах. Зачем прикрыл? От чего прикрыл? Инстинктивно и от стыда — голый всё-таки. Но только ли телом теперь?

Володя нахмурился:

— Юра, всё нормально? — И коснулся холодного даже на солнце плеча. — Что-то с ногой?

Что ему соврать? Порезался? Нет. Володя попросит посмотреть, а предъявить нечего. Голова кружится? Тогда отправит в тень, а чем это лучше? От чего ему теперь вообще может стать лучше?

— Ничего. Нормально, — вяло пробормотал Юрка.

— Ты белый весь… Судорога? Давай помогу… — Володя приблизился и сунул руку под воду.

— Нет, не надо, сейчас само отойдет. Это не судорога, просто… просто я… устал и вообще всё как-то не так. К барельефу, например, не успели. — Юрка покраснел. Точно покраснел — щёки опалило жаром, будто к ним приложили грелку.

— Нашёл о чём переживать, — недоверчиво протянул Володя.

Спустя несколько минут, когда оба оделись и уселись в лодку, Володя, так и не добившись от Юрки правды, попытался успокоить

его:

— В другой раз успеем. Давай мне вёсла. — На что Юрка лишь вяло улыбнулся.

Назад плыли куда быстрее, потому что течение действительно само несло лодку вперёд. Володя тихонько напевал какую-то песенку, Юрка её не узнавал. Он и не старался прислушаться и узнать, смотрел на воду и думал о «нравится».

— Вот это ива! — вдруг воскликнул Володя, тыкая пальцем в сторону высокого берега. — Видишь? Вон та огромная, как шатер… нет, как целый дом! Никогда таких не видел!

Там, куда он указал, берег плавно спускался вниз, к самой реке. Небольшая песчаная отмель, с хорошим подходом к воде, наполовину скрывалась в густых ветвях плакучей ивы, склонившейся кроной в самую реку.

— Давай остановимся, Юр, — попросил Володя.

— Тогда мы к подъёму не успеем, сам же сказал, — поспешил ответить Юрка, но, увидев воодушевление в глазах Володи, предложил: — Может, завтра?

— А если завтра у меня не получится взять лодку?

— Тогда я постараюсь запомнить, как дойти дотуда по берегу. Сто процентов можно добраться без лодки. — Юрка внимательно вгляделся в обрыв и в его верхнюю часть: — Я знаю, что вон там должна быть тропинка, ведущая прямо к берегу. Она начинается от брода, который возле нашего пляжа, я там когда-то гулял… Вожатые туда не пускают детвору, но оно и понятно — это опасно. Берег песчаный, сыплется под ногами, а грохнуться с такого обрыва будет ого-го.

— Давай завтра попробуем туда добраться? — в нетерпении предложил Володя.

Юрка опешил:

— С каких это пор ты такой авантюрист? На приключения потянуло?

Володя пожал плечами:

— Не знаю. С тебя вот пример беру.

* * *

Вечером Юрка отправился искать иву. Пытаясь отвязаться от назойливых пугающих мыслей о «нравится», он запоминал каждый поворот тропинки, каждый подъём и спуск, каждый бугорок и камушек, и на поиски пути потратил немало времени.

Вернулся в кинозал спустя целый час после начала репетиции. Актёры отыгрывали достойно, Володя был всецело поглощён репетицией, а Юрка, скучая, шатался по кинозалу.

В кои-то веки пианино молчало. Видимо, Володя попросил у Маши немного тишины, и теперь она, насупленная, сидела в зале недалеко от сцены.

Юрка то и дело поглядывал на инструмент и жалел о том, что вспомнил ту историю. Теперь ему очень хотелось подойти к пианино, открыть крышку и хотя бы на мгновение коснуться клавиш. Даже звуков не извлекать, просто ощутить прохладное лакированное дерево под пальцами. Пока все были заняты действом, происходящим в левой половине сцены, Юрка осмелился подойти к инструменту, в правую. Открыл крышку. Световой блик пробежал по клавишам, и вдруг Юрку охватил панический ужас. В долю секунды он оказался в паре метров от пианино.

Кусая губы, посмотрел на него затравленно, по старой привычке «потянул» пальцы. Вдруг в голове грянул внутренний голос, только чужой, не Юркин, — экзаменаторши, старой толстой тётки с химзавивкой. Юрка даже удивился, что смог его вспомнить. Он постарался отвлечься или проигнорировать голос, но не смог. Он не хотел слышать, но слушал, и от этого было больно: «Протяни руку и коснись инструмента, вон он стоит. Играй что хочешь и сколько хочешь, всё будет без толку. Всё равно ты — бездарность и посредственность, и у тебя нет музыкального будущего. Играя, только сыплешь соль на рану». Конечно, именно этих слов она ему никогда не говорила. Это Юрка говорил себе сам.

— Ну всё, привет, шизофрения, — ядовито прошептал он и скрылся за кулисами.

Пока не кончилась репетиция, Юрка бесцельно бродил по кинозалу и скучал. Мечтал попасть в рубку киномеханика, но она, как обычно, была закрыта. В огромном здании удалось отыскать всего одно более или менее интересное место — подсобку за сценой. Он забрался в неё

и нашёл там коробку с диафильмами и проектором, а после репетиции предъявил находку Володе.

Несмотря на панику, возникшую из-за Юркиного пугающего открытия, и на плохое настроение, мучившее весь последующий день, после отбоя он, конечно же, отправился к Володе и его малышне. Вместо страшилок всем пятым отрядом выбирали диафильмы. Мальчишки голосовали за «Приключения Чиполлино», а девочки очень хотели «Спящую красавицу». Спустя четверть часа жарких споров юные кавалеры приняли волевое решение: уступить дамам.

Как только дети улеглись и сделали вид, что спят, Юрка с Володей вернулись на «их» место. Юрка был хмурым как никогда. Даже разговаривать о чём-нибудь, а тем более переписывать сценарий, ни сил, ни желания у него не было. Володя снова пытался узнать правду, но Юрка был твёрд и молчал как партизан. После нескольких бесплодных попыток Володя попытался поднять ему настроение, и весь оставшийся до общего отбоя вечер он только и делал, что мычал, причем весьма фальшиво, вальс из балета Чайковского «Спящая красавица» и раскачивал карусель в такт. Юрка сначала молчал. Потом ворчал: «Слишком медленно. А тут — ещё „м-м“. А тут медленнее…» Но потом всё-таки растаял и принялся учить Володю правильно мычать вальс.

Домычался Юрка до того, что всю последующую ночь ему снились балерины, а в голове впервые за полгода зазвучали не слова, а музыка. Таких трудных дней и сладких снов у него не было очень давно.

Глава 9

Как Чайковский

Если до Юркиного «Великого открытия» его тянуло к Володе приятно — в предвкушении весёлых разговоров и интересных занятий, то теперь стало тянуть мучительно.

Это состояние было для него совершенно новым и непонятным, поэтому самым лучшим и безопасным для себя Юрка считал вообще не встречаться и не видеться с Володей. Если бы мог, он так бы и поступил, возможно, даже специально с ним поссорился. Но от одной лишь мысли, что он не услышит его приятного голоса и не увидит обращённую только к нему одному особенную, кротко-ласковую, улыбку, грудь сжимало до боли. Казалось, будто кто-то втиснул под рёбра магнит, который так сильно и так болезненно стремился к Володе, что казалось, вот-вот разорвёт мышцы и вывернет кости. Во всяком случае, всё предшествующее утро Юрка ощущал себя именно так и едва дождался отбоя.

Во время тихого часа они отправились к иве по суше. Вчера в сумерках Юрка исходил берег вдоль и поперёк, благодаря чему найти дорогу днём не составило труда. Но вот дойти по ней до ивы оказалось куда сложнее. Путь петлял через густой лес. К иве не вела ни одна из тропинок, и идти приходилось напролом, путаясь в высокой траве, пробираясь сквозь заросли кустов, перешагивая через торчащие из земли корни. Если Юрка в лесу чувствовал себя как рыба в воде — он знал эти места, — то за Володей нужен был глаз да глаз. Один раз он чуть не свалился с обрыва вниз, в реку, оступившись на зыбкой песчаной почве, а в другой — едва не плюхнулся в небольшое болотце, не заметив его в зарослях камышей.

Каким бы трудным ни был путь, он того стоил. В солнечном свете ива казалась живым шатром, в тени которого так и хотелось скрыться от дикой полуденной жары. Листва водопадом струилась до самой земли, из-за тяжёлой зелёной шапки не было видно ствола.

Раздвинув обеими руками пушистые гибкие ветви, ребята ступили под крону и оказались на крохотной полянке, будто ковром покрытой травой и тонкими опавшими листочками. Покров этот был пушистым и мягким и манил на него улечься.

— Здесь ещё и светло! — воскликнул Володя. Его голос, поглощённый зелёными «стенами», звучал глухо. — Я думал, что под такую густую крону солнце не пробьётся, а ты смотри — вон они, лучи. — И правда, редкие и оттого кажущиеся неестественно яркими косые лучи падали на траву.

Володя прихватил с собой радиоприёмник. Включив его, долго искал волну, а когда нашёл, из динамиков, шипя и прерываясь, полилась классическая музыка. Вивальди.

— Давай найдём другую радиостанцию, — предложил Юрка. — Что-нибудь повеселее и чтобы звучала получше, не слышно ж ничего из-за помех.

— Нет, мы будем слушать классику, — настоял Володя.

— Да ну её! Поищи лучше «Юность». Там твою «Машину времени» иногда включают. — Володя замотал головой, а Юрка удивился: — Неужели не хочешь? Ты же её любишь!

— А ты любишь классику. Кто твой любимый композитор?

— Из русских — Чайковский… — начал было Юрка, но резко прервался: — Да какая разница! Зачем ты это делаешь?

— А почему именно Чайковский? — проигнорировав вопрос, бодро поинтересовался Володя.

Юрка догадался — он принёс приёмник не просто так. Он пытался чего-то добиться от него, но чего именно, Юрка не понимал, поэтому рассердился:

— Володя, что это значит?! — он нахмурился и потянулся к приёмнику. — Дай радио.

— Не дам! — Володя спрятал его у себя за спиной.

— Ты что, издеваешься надо мной? — взорвался Юрка, уверенный, что Володя включил классику специально для него. Но зачем? Чтобы он ещё помучился?

— Юр, а ты не задумывался, что всё равно можешь попробовать поступить в консерваторию? Да, позже остальных, ну и что?

— Нет! Сказано же тебе, не возьмут. Я — бездарность! Не стану даже пытаться. А ну выключи! Зачем душу травишь?

— Ничего я не травлю. Я всего лишь ищу главную тему для спектакля, — ответив, Володя посмотрел на него подкупающе честным взглядом.

— Тогда что это за расспросы про консерваторию? — насупился Юрка.

— Во-первых, не расспросы, а всего один вопрос, а во-вторых, просто к слову пришлось.

— А… к слову, ну да. Ладно, — Юрка решил поиграть по его правилам. — Тогда зачем ищешь что-то ещё, если уже решил оставить «Лунную сонату»?

— Не решил, а отложил решение. А сейчас самое время искать новую.

— Маша не успеет выучить, — хмыкнул Юрка, не в силах сдержать злорадства.

— Успеет, никуда не денется, — отмахнулся Володя.

— Тогда, может, лучше пойдём в библиотеку? По нотам найти быстрее, чем слушая.

— Какая ещё библиотека? Время, Юра! У нас осталось очень мало времени. А так мы совместим приятное с полезным. А если ты прекратишь дуться и поможешь мне выбрать, то «полезное» будет только приятнее. Помоги, а? Я ведь совсем не разбираюсь в музыке. Я без тебя никуда!

— Оно и видно: кто среди симфоний выбирает…

— Разве нельзя сыграть мотив из симфонии на пианино?

— Да можно, только нужно ли? Ну ладно, — Юрка чуть остыл и сдался. — Если уж совсем «никуда», то ладно.

— Совсем, — кивнул Володя.

Они укрылись за зелёной стеной свисающих до земли ветвей. Достали тетрадку и карандаш, намереваясь сегодня доделать сценарий для Олежки, но постоянно отвлекались.

— «Ария из оркестровой сюиты номер три», — в очередной раз не дождавшись диктора, объявил Юрка. Он узнавал все мелодии с первых нот. — Бах.

— Не, не подходит, — вяло пробормотал Володя, они прослушали довольно много композиций, но так и не выбрали ни одной.

— Если только у тебя случайно не завалялось симфонического оркестра, — также вяло заметил Юрка.

Когда «Ария из оркестровой сюиты номер три» закончилась, Юрка снова подал голос:

— «Канон». Пахельбель. Он, кстати, потрясно звучит на фортепиано. Но опять не для нас — слишком весёлый.

— Правда? — приободрился Володя. — Вот бы послушать… Может быть, наиграешь мне? — Юрка бросил на него уничтожающий взгляд, и Володя поспешно заверил: — Шучу-шучу. Хотя… Знаешь, а мне правда было бы интересно посмотреть, как Конев Юрка сидит за пианино в костюме, причёсанный, с прямой спиной прилежно музицирует, — Володя хохотнул.

— Началось, да? Ты теперь от меня не отстанешь?

— Не-а, — он улыбнулся, но, заметив, что Юрка снова начинает хмуриться, вернулся к переделыванию текста: — Так, нужен синоним «спрятать»…

— «Засунуть»? Засунуть в дупло? А что, годится!

Володя хохотнул:

— Давай-ка лучше «положить».

Спустя два предложения и полчаса Юрка отобрал у Володи карандаш и сел на траву. Принялся грызть его и раздумывать над очередным синонимом. Володя устало лёг рядом, закрыл глаза и закинул руки за голову.

— Спать хочу, просто атас, — он зевнул и потянулся так сладко, что на самого Юрку напала сонливость. Веки потяжелели, тело расслабилось, ещё чуть-чуть — и сам бы уснул. Но Юрка сдержался. Тряхнул головой, прогоняя сон. Сдвинул брови:

— Ну ладно, я вчера умотался по лесу бегать, а потом и не выспался, но ты-то отчего устал?

— О, да ты, наверное, думаешь, что вожатые в лагерях отдыхают так же хорошо, как дети, да? И совершенно не устают?

— Ну… Не прям так же, явно, что по-другому, но чтобы вы отдыхали меньше — ни за что не поверю. Вы ж только и делаете, что командуете да поручения раздаёте, а сами, пока другие работают, под ивами лежите и балдеете. — Юрка улыбнулся. — Что, разве не так?

— Тебе ли не знать, как дети выматывают! У меня из-за них нервы уже ни к черту. Так что нам, вожатым, чтобы выспаться и набраться сил, надо больше времени, сна и еды. Особенно еды! — Володя воздел палец вверх. — И, кстати, это касается всех вожатых — опытных и не

очень. Так что когда видишь любого, пусть самого матёрого вожатого, знай — он хочет есть. И спать.

— Никогда не замечал за тобой вялости.

— Это потому что обычно я злой, а когда злой, я бодрый.

Юрку развеселил этот разговор, он рассмеялся и сказал:

— Ну так спи, злой вожатый, пока дают.

— Нет, мы норму ещё не выполнили…

— Я доделаю, спи.

Володю не нужно было долго уговаривать: не снимая очков, он закрыл глаза и тут же глубоко задышал. Похоже, он правда сильно устал, ведь уснул мгновенно.

Играло радио. Сороковой симфонией Моцарта завершилась программа «Час мировой симфонической музыки». Второй фортепианный концерт Рахманинова открыл «Час русской фортепианной музыки». Под нежную вторую часть концерта солнце спустилось к верхушкам крон вдалеке. Особенно яркий луч, сверкнув, пробился сквозь листву ивы и пополз по Володиным скулам к глазам. Заметив это, Юрка пересел левее, чтобы его тень закрыла Володино лицо. Черкая сценарий, он почти не шевелился, лишь бы случайно не сдвинуться и не дать солнцу потревожить или разбудить Володю. Украдкой поглядывал на спящего — не проснулся ли?

Порыв тёплого ветра задрал край Володиной рубашки, обнажив пупок. Юрка уставился на его впалый живот, на белую кожу, тонкую и нежную, как у девчонки. У Юрки явно была не такая. Он залез рукой себе под футболку, потрогал и убедился — правда грубая. Вот бы Володину потрогать. От этой сиюминутной мысли дышать стало трудно, жар опалил щёки. Юрка хотел отвернуться и дальше заняться сценарием, но, замерев, не мог отвести даже взгляда…

Жар опустился со щёк на скулы, скулы свело. Юрка уже не просто хотел, а жаждал коснуться. И одновременно боялся — вдруг Володя проснётся. Но страх этот был до того зыбким и туманным, что развеялся очередным порывом ветра, оголившим ещё один сантиметр Володиной кожи.

Не владея собой, не отдавая себе отчёта, Юрка протянул к нему руку, опасливо и медленно. Володя вздохнул и повернул голову набок. Он всё ещё спал. «Такой беззащитный», — подумал Юрка, навис над ним, занёс руку. Его пальцы оказались над самым пупком. Он схватил

краешек рубашки, и в голове вспыхнула мысль: «А смелости-то хватит?» Не хватило. Юрка вздохнул и накрыл уголком ткани обнажённую кожу. Отвернулся.

Растерянный, сидел, не двигаясь, так долго, что затекли ноги. На радио заканчивался второй фортепианный концерт Рахманинова, шла последняя, лучшая и любимая Юркина минута — самая светлая и невинная. Не то что Юрка.

Он выпрямил спину, попытался встать, но — вот так номер — не смог разогнуться. Тревога колючим холодом пробежалась по всему телу — Юрка не мог осознать, что произошло, и мучился уже надоевшими вопросами: «Что со мной такое?», «Почему мне так тесно?»

— Уже кончил? — Внезапно раздался Володин голос. Юрка подпрыгнул на месте.

— Что? Я? Нет, я случайно.

Он натянул футболку пониже.

— То есть? — не понял Володя. — Не дописал?

— Нет, — настороженно протянул Юрка.

Он вскочил и рывком отвернулся от Володи, не мог на него смотреть — стыдно. Чтобы успокоиться, стал выполнять дыхательную гимнастику. Глубокий вдох, медленный выдох. Вдох. Выдох… Не помогло.

Володя молчал.

Мысли сыпались на Юрку одна страшнее другой: «Почему опять? Вдруг он заметил? Но ведь он не мог — глаза же не открывал. А если всё-таки заметил, что тогда? Скажу, что журналы вспомнил. Некрасиво получится, но он хотя бы поймёт, — решил он, но тут же рассердился. — Да я ничего такого и не делал. Я только подумал. Я, вообще-то, имею право думать, о чём хочу! — А потом принялся успокаиваться. — Володя не мог ни увидеть, ни узнать», — но успокоиться так и не получилось.

Что он там от ребят со двора однажды слышал — нужен холодный душ? Юрка зло сплюнул под ноги и стал раздеваться. Володя тем временем сел, уставился на него подозрительно:

— Юр, ты чего?

— Жарко, — бросил тот через плечо, задрал ногу и плюхнулся в воду.

* * *

В лагерь возвращались не спеша, молча слушая радио. Очередная композиция кончилась, началась следующая, и первыми нотами выбила из Юрки все мысли. Он не головой, а телом ощутил, что знает её, знает так хорошо, как ни одну не знал. Он словно услышал не фортепиано, а родной, полузабытый голос. Сердце стиснуло до того сильно, что стало больно дышать. Юрка резко остановился. Володя, ушедший на пару шагов вперёд, обернулся, но ничего не сказал.

— Слышишь её? — прошептал Юрка, сдавленно, даже немного испуганно.

— Кого? Мы тут вдвоём.

— Не кого, а что — музыку. Это она, Володя! Ты только послушай, какая красивая.

Володя поднял приёмник повыше и замер. Нельзя было сделать и шага, как мелодию заглушали помехи. Ребята прислушивались, боясь пошевелиться. Юрка, грустно улыбаясь, смотрел себе под ноги. Его внезапная бледность сошла, и появился румянец. Володя не отрывал подозрительного взгляда от его щёк — Юрка заметил это боковым зрением, но не обратил должного внимания на то, каким странным и пристальным оказался его взгляд. Юрка вообще ни на что не обращал внимания, он весь погрузился в звуки: то наслаждался ими, то мучился, то грелся в них, то горел.

— Очень красивая! Спокойная, гармоничная… — согласился Володя, когда композиция закончилась. — Что это?

— ПИЧ, — торжественно прошептал Юра, продолжая смотреть вниз. Он не мог заставить себя поднять голову, а тем более сдвинуться с места.

— ПИЧ?

— Пётр Ильич Чайковский. «Колыбельная», это вторая из восемнадцати пьес для фортепиано, — Юрка говорил как робот, без единой эмоции.

А вот Володя, наоборот, воодушевился:

— Знаешь, а эта «Колыбельная» идеально нам подходит… Правильно ты говорил — никаких ноктюрнов и любовной лирики! А это как раз то, что нужно! И как хорошо, что это Чайковский. Его ноты сто процентов есть в библиотеке, надо срочно пойти, поискать…

— Я так её ненавидел и так любил… — невпопад ответил всё ещё потрясённый Юрка.

Эта была та самая конкурсная пьеса, которая всё сломала. Но не воспоминание о провале так сильно его изводило. Юрку душила память о том, каким он был счастливым, когда музыка присутствовала в его жизни, когда была важнейшей, неотъемлемой его частью. И ещё больнее в нём отозвалось напоминание — такого больше никогда не будет. Без музыки вообще ничего не будет. Не будет «будущего», без музыки Юрке осталось только «завтра».

— Та-а-ак… — протянул Володя до того напряжённо, что Юрка насторожился. — В общем, Юра, мне надоело делать вид, что я ничего не замечаю, — громко, чётко, безотлагательным тоном заявил он. Юрка захлебнулся выдохом: «Что он заметил? Что?!» Но Володя не заставил себя долго ждать и продолжил обеспокоенно: — Позавчера ты бегал от меня по лесу, вчера — весь белый ходил, сегодня — дышишь тяжело, румянец какой-то нездоровый. Раз ты сам ничего не говоришь мне о том, что с тобой происходит, то и я больше спрашивать не буду. Хочу только предложить — давай к Ларисе Сергеевне сходим?

— Не-не, не надо. Со мной всё нормально, просто пыль в глаза попала. Я же аллергик, ты не знал? — Юрка не думал, что говорит, лишь бы сменить тему.

— Но аллергия не проявляется… — поспорил было Володя.

— Обострение у меня. Пойдём, — сказал Юрка как отрезал и ринулся вперёд, Володя за ним.

Они прошли больше половины извилистого пути, когда Володя неуверенно пробормотал, что боится, батареек надолго не хватит, и выключил радио. Воцарилась тяжёлая тишина, даже птицы не щебетали. Володя то открывал рот, то, не сказав ни слова, снова его закрывал, будто пытался о чём-то спросить, но не решался. На подходе к пирсу, наконец, решился:

— По поводу этой «Колыбельной»… у тебя с ней случайно не связано что-нибудь особенное? Не пойми неправильно, но так бледнеть от музыки… это странно.

— Володь, я уже всё про себя рассказал, больше нечего. А чего ты всё о секретах, будто у тебя их целый шкаф?

— Ну, шкаф-то вряд ли, — усмехнулся Володя. — Главные мои секреты ты тоже уже знаешь, но, конечно, у меня есть и другие. Всё

как у всех.

— Тогда давай самый страшный!

Володя задумался и чуть погодя протянул неуверенно:

— Таких друзей, как ты, у меня никогда не было и, наверное, не будет. И, потом, в последнее время я узнаю в тебе себя, так что… Как уже говорил, я сторонюсь людей. Этому, конечно, есть причина…

И замолк. Он явно хотел сообщить что-то действительно важное. Юрка не просто слышал по тону, он читал это по его напряжённой позе, по стиснутым в кулаки рукам. Загоревшееся любопытство начало отстранять тревогу и печаль, навеянную «Колыбельной», а чем дольше Володя молчал, тем больше её затмевало.

— Ну? — устав ждать, не выдержал Юрка.

— Я как Чайковский, — отрезал Володя.

— Как Чайковский — что?

Володя обернулся и посмотрел ему в глаза. Так пристально, что Юрке стало неуютно, он моргнул. Но вдруг Володину задумчивость как ветром сдуло, он опять превратился в деловито-надменного вожатого и заявил категорично:

— Музыку люблю.

— О, да, конечно! Ну спасибо тебе за честность!

— Юр, а если серьёзно, ты, что ли, не знаешь? — Володя усмехнулся. Смешок вышел странным — истерическим.

— Что?

— Ну, про Чайковского…

— Как не знать, знаю: где родился, где жил, сколько и чего написал. А! Вот что интересно — последнее его произведение называется «Патетическая симфония». Патетическая — это значит пафосная, о жизни и смерти, — зачем-то уточнил он. — Так вот, он её написал, сам дирижировал, а через девять дней после премьеры умер!

— А, ну и хорошо.

— Что хорошо, что умер? Стой, я чего-то не понимаю…

— Неважно.

— Ну скажи!

Володин таинственный вид раздразнил Юрку. Он стал крутиться вокруг него, умоляя: «Скажи, скажи!» — а Володя сконфуженно улыбался и качал головой, мол, забудь. И Юрка забыл, но не об этом, а о том, что случилось под ивой. Совсем из головы вылетело.

Такой приступ склероза уже случался с Юркой. Вот он расстроился до того сильно, что искренне посчитал, что до конца своих дней будет переживать о причине расстройства… Но вот Володя произнёс пару слов, и поводы для переживаний ушли на второй план. Вот ещё пара слов — и всё забылось!

Когда Юрка в нетерпении уже пригрозил: «С места не сдвинусь, пока не расскажешь!» — Володя посмотрел на лодочную станцию, видневшуюся на другом берегу, и всё-таки сдался:

— Я читал его дневник. Переведённый на английский, зато полный.

— Настоящий? Его рукой написанный? Не автобиография, а прямо дневник-дневник? — обалдел Юрка.

— Ага-а-а… — ответил Володя с хитрой улыбкой. Во всём его виде читалось «Наконец-то я знаю про музыку хотя бы чуть-чуть больше тебя». Ему было явно приятно производить на Юрку впечатление.

Юрка смотрел ему в глаза и взволнованно «растягивал» пальцы, бормоча:

— А я и не знал, что такой есть. А… И что там? А почему не на русском, на русском разве нет?

— Есть, но просто те, что изданы в СССР — купированные. То есть урезанные.

— Как это урезанные? Почему? Ерунда какая-то: с чего это американцам можно знать больше, чем русским? Наш же композитор!

— Да есть там, в этих дневниках кое-что… лишнее.

— Что? — у Юрки загорелись глаза, он схватил Володю за руку и стал трясти. — Что? Ну расскажи, что? Каким он был? Как писал?

— Он был очень капризным, страдал припадками ярости, пил. Много пил. Играл в карты, это у него мания была — карты.

Юрка сразу поник:

— Ну и правильно, что этого в русских дневниках нет. Пусть дальше американцы ищут какие-то гадости о великих русских людях. А нам это не надо! Вот зачем нам знать о Чайковском плохое, зачем это помнить? И вообще… А ты-то почему рассказываешь о нём именно это?

— Ты спросил, я ответил. И я говорю это всё не для того, чтобы очернить, а чтобы показать, что он был таким же человеком, как ты и

я. Скорее даже как я… Ты ведь знаешь, кто такой Боб?

— Его племянник. Он посвятил ему «Шестую симфонию».

— Ты знаешь, он его любил…

— Это же его племянник, естественно, он его любил! — перебил Юрка. — Не за деньги ведь он будет ему целую симфонию посвящать, да ещё и такую!

— Ну да… знаешь, в дневнике есть такой фрагмент. — Володя усмехнулся. — Только представь себе — Чайковский, которому скоро под пятьдесят, вечно болеющий и поэтому раздражительный и злой, лезет на крышу дома вместе с двадцатилетним Бобом смотреть на грозу. А ведь это девятнадцатый век, Юр, тогда гроз боялись. Или… или вот ходит с ним на десятикилометровые прогулки по полям и лесам…

— Нет, это мне тоже неинтересно. Лучше другое расскажи — как он писал?

Володя снова посмотрел на Юрку и кивнул:

— Да, конечно, тебе интересно не это. Правильно. Как писал? По расписанию, каждый день. Расстраивался, если не получалось, но писал. Слушал произведения других. Хорошие, чтобы брать пример. Модные, чтобы быть в курсе. Плохие, чтобы разбирать чужие ошибки и самому их не повторять.

— А часто он был недоволен тем, что написал?

— Очень часто.

— А он слышал музыку? Ну, то есть, когда писал, у него в голове играла музыка? Или перед. Ну, то есть…

— Я понял. Играла. Но тоже не всегда.

Разговаривая о Чайковском, они спустились к реке и перешли брод. Увлеклись так, что, услышав горн, синхронно вздрогнули от неожиданности и только тогда, очнувшись, поспешили к отрядам. Столкнулись с запыхавшейся Машей, сидящей на лавочках возле спортплощадки. Занятые беседой, не ответили на её скромное «Привет!».

Вернувшись в отряд, Юрка построился вместе со всеми в шеренгу, но, в отличие от других ребят, Иру Петровну не слушал. Он думал, что Володя прав, даже великий композитор — в первую очередь человек. Такой же человек, как Юрка. И что если даже двадцатипятилетнего, взрослого — а по Юркиному личному мнению, так и вовсе почти уже

старого, — Чайковского вместо скучного канцелярского будущего ждала музыкальная карьера, то, может быть, и у Юрки ещё не всё потеряно? Эта мысль, хоть и невероятная, воодушевила его. Где-то в глубине души затеплилось желание сесть за инструмент и сыграть что-нибудь бодрое и радостное. Может быть, «Канон»?

* * *

После полдника Юрка был нагружен общественной работой настолько, что рисковал не успеть закончить до самого вечера. И пытался отпроситься у Иры Петровны с общественных работ, объяснить ей, что сценарий нужно доделать сегодня. Но Ира была непреклонна.

— Ира Петровна, ну отпустите, — канючил он. — Мне очень надо сценарий дописать. Ну, давайте я прямо тут рядом с вами буду переделывать, чтобы вы видели, что я не отлыниваю, а делом занят!

Но вожатая на уговоры и мольбы не поддавалась:

— Нет уж, Юра, кровати сами себя не застелют. Не вешай нос, мы с тобой в четыре руки быстро справимся.

— Вы со мной? Неожиданно… — удивился, но в то же время и обрадовался Юрка. Остаться с Ирой Петровной наедине значило иметь возможность задать пару важных вопросов и постараться помирить её с Володей. В последнее время, только Юрка видел её, сразу задумывался об этом.

В четыре руки дело действительно пошло быстро. Юрка подмёл пол, Ира Петровна полила цветы и протёрла подоконники, а когда они проверяли, хорошо ли заправлены кровати, Юрка подал голос:

— Вешать гирлянды меня отправили, потому что самый высокий из пионеров, матрасы с Митькой таскать, потому что самый сильный, спектакль ставить, потому что самый взрослый. А подушки укладывать почему? Самый ленивый?

— Потому, что ещё не дежурил, — ответила Ира, взбивая подушку и отдуваясь. — Прекрати уже. Везде тебе чудится тайный умысел.

— А что, если не чудится? Если умысел правда есть?

— К чему ты клонишь? — напряглась Ира. — Женя?..

Но Юрка перебил:

— Нет, Маша. Почему ты тогда подумала, будто я уходил с ней?

Ира заметно расслабилась:

— Да не бери в голову. Мне просто так показалось.

— Ладно, но почему?

— Из всех ребят в отряде не было только вас двоих. А вы с Машей — самые взрослые, вам наверняка уже интересно… гулять. Да ерунда это, Юр, уже неважно.

— Это очень важно! Вы из-за этого с Володей поссорились!

Ира пожала плечами и отвернулась, а Юрка ринулся в бой:

— Ир, пожалуйста, прости его! Ну распсиховался, глупость сказал. Он же не со зла, Володя вообще не злой. Ведь ты же сама вожатая, должна знать, как тяжело свою первую смену работать.

Ира удивлённо уставилась на него. Поставила парусом взбитую подушку и развела руки в стороны:

— Ба! Юрий Ильич со мной на «ты». Какая честь!

— Ну правда, хотя бы выслушай его.

Несмотря на отговорки и явный протест вожатой, Юрка продолжал оправдывать Володю до тех пор, пока они не закончили дежурство и Ира не начала сдаваться:

— Вот упрямый. А чего это ты за него говоришь? Если хочет извиниться, пусть сам придёт, а не посредников подсылает.

— А что, разве он не подходил? Сегодня после завтрака, вчера после костра…

— Ну… — промямлила Ира, в последний раз оглядывая комнату девочек — палата мальчиков уже была готова. — Смотри-ка, опять цветы у Ульки. Полсмены в лагере, а уже вся в поклонниках, — улыбнулась она. А Юрка продолжал донимать:

— Володя не подсылал. Это я сам. Он ведь первую смену вожатый, это ты — профессионал, а он-то… Ну прости его, утомился, устал…

— Ладно-ладно. Только ты ему передай, пусть сам извинится, тогда прощ… — не досказав, она поправилась, — тогда посмотрим. — Она разгладила покрывало, в последний раз осмотрела палату и довольно улыбнулась. — Мы — молодцы. Можете быть свободны, Юрий Ильич.

Выходя из отряда, гордый собой Юрка решил повременить со сценарием и вместо переделки отправиться к тайнику, чтобы отпраздновать победу. Вернее, её «обкурить».

В прошлом году в заборе у строящегося корпуса Юрка проделал себе лаз за территорию лагеря. Год назад там была только выровненная, готовая к стройке площадка, теперь же высился

здоровенный, в четыре этажа корпус вроде санаторных. Весной, пока шла стройка, лаз заделали, но всё равно это место, огороженное высоким, отдельным забором, осталось самым пустынным в лагере, и пусть для вылазок оно уже не подходило, мест, годящихся для тайника, там осталось выше крыши. Вот Юрка и организовал в свалке бетонных плит тайник, где прятал курево.

Вытаскивая из-под плиты заветную пачку, он трепетал от нахлынувшего адреналина. Курить он вообще-то не очень любил, его больше влекло само таинство — достать пачку, потом, чтобы руки не пахли, найти тонкую короткую веточку, надломить, почти сломать пополам, втиснуть в острый угол сигарету и поджечь. Можно даже не курить — просто поджечь и оглядываться, вдруг заметят. А если заметят, дать дёру, да так, чтобы если даже увидели, уж точно бы не догнали.

Он сунул руку под плиту, в предвкушении «таинства» вытащил пачку. Нашёл ветку, надломил как положено, протиснул папиросу и только собирался поджечь, как увидел на тропинке, ведущей к аллее пионеров-героев, Пчёлкина.

Он рылся в куче мусора.

— Эй! — крикнул Юрка, да так и застыл: с сигаретой в палочке, с палочкой в руке.

— Ага! Я всем расскажу, что ты куришь! — нагло заявил Пчёлкин.

— А я расскажу, что ты по стройке шатаешься. Что ты тут делаешь?

— Я-то клад ищу, а вот ты куришь! — Пчёлкин высунул язык.

— Не курю, а просто держу. Она ведь даже не подожжена, — ответил Юрка, засовывая сигарету в карман.

— А я всё равно расскажу! Или вот что — спой песенку матершинную, тогда не расскажу, — Пчёлкин пошёл на шантаж.

— Не дорос ещё до матершинной. Любую спою, ругательную не буду, — сказал он, понимая, что если малец расскажет, Юрке дома так надерут уши, что отчисление из лагеря и разлука с Володей будут ему казаться несущественной мелочью.

Не удостоив его ответом, Пчёлкин дал дёру по тропинке на аллею пионеров-героев, крича во все горло: «Юрка дурак, курит табак, спички ворует, дома не ночует». Юрка рванул за ним. Пчёлкин свернул к кортам. Пользуясь преимуществами низкого роста, он не оббегал

качели, лестницы и всяческие спортивные снаряды, а перекатывался под ними, легко юркал вниз, перелазил и прятался. Юрке же приходилось их оббегать. Если бы не это, он бы мигом его поймал, но пока только беспомощно орал: «А ну, стой!» — и слышал в ответ: «Юрка дурак!»

— Юра! Петя! — донеслось до его ушей, но не достигло сознания.

Он бежал и бежал, пока, наконец, Пчёлкин не оказался в полуметре от него: руку протяни — схватишь. Но над самым ухом прозвучало грозное:

— Конев! Пчёлкин! Стоять!

Повинуясь рефлексу «Есть приказ? Выполнять!», и Пчёлкин, и Конев остановились как вкопанные. К ним, пересекая корт, стремительно шёл Володя. Лицо бледное, кулаки сжаты. На Пчёлкина он смотрел так, будто хотел придушить его одним только взглядом. Юрка догадался — видимо, Володя его потерял.

— Как это понимать, Петя?! Где тебя носило?

Пчёлкин вопросительно посмотрел на Юрку и шкодливо улыбнулся. Юрка вздохнул:

— Ладно, спою. Но только другую.

— Тогда про кладбище.

— Ладно, про кладбище.

— Идёт!

— Что за сговор? — вмешался Володя. — Что вы задумали? Юра?

Взглянув в его лицо, Юрка понял разницу между Володей злым и Володей свирепым. И поспешил его если не утихомирить, то хотя бы отвлечь.

— Ничего не задумали. Я увидел Петю на дорожке к стройке, он копался в куче строительного мусора…

— Зачем? — перебил Володя, устремив строгий взгляд на Пчелкина. — Травмы есть?

— Я клад искал, — пропищал Пчёлкин, демонстрируя вожатому целые и здоровые коленки, локти и ладоши.

— Петя, в лагере нет никакого клада, — грозно прошипел Володя сквозь стиснутые зубы. Таким образом он старался успокоиться — догадался Юрка. Не очень-то хорошо у него это получалось.

— Юра же сам рассказывал про него, — Пчёлкин обиженно шмыгнул носом.

— Этот клад — выдумка. Юра подтвердит.

Проверив, что травм у ребенка нет, сам ребенок — есть и что стоит напротив живой-здоровый и, как положено, с ног до головы грязный, Володя взял себя в руки. Его тон выровнялся, дышал вожатый ровно, сверкал очками безобидно, молнии из глаз не метал.

— Володя правду говорит, не существует никакого клада, — поддержал его Юрка.

— Существует! Это может не золото-драгоценности, но клад есть. Вот я его и искал.

— Петя, я запрещаю тебе ходить на стройку, там опасно. Ещё раз сунешься туда — до конца смены на речку не пущу. Тебе всё ясно? — Последняя порция ярости вышла из Володи с этим вопросом.

— Сами обманули сначала, а теперь на речку нельзя. Это нечестно! — обиделся Пчёлкин.

— На речку можно. Прощаю на первый раз, но чтобы потом носа не совал… — велел Володя, потом резко повернулся к Юрке и спросил недоверчиво: — А ты что на стройке делал?

— Гулял… — пробормотал он, неподкуренная сигарета прожигала карман, а Пчелкин ехидно улыбался.

У Юрки взыграла совесть — какой пример он подаёт Пчёлкину? Ведь не рассказать Володе правду — значит соврать.

— Курил, — честно признался он и, увидев, как Володя за дужку поправляет очки, вжал голову в плечи: «Сейчас начнётся…» Но, вопреки ожиданиям, Володя не стал поучать и нравоучать, а только беспомощно всплеснул руками и пробормотал устало:

— И ты, Брут… Юра, ну разве так можно? Ты же в лагере, неужели не стыдно при детях?..

— Стыдно. Я больше не буду, честное пионерское.

Володя покачал головой и наставил на Юрку указательный палец:

— Ты же мне говорил, что только балуешься. Ты обещал, что… — и замолк.

Юрка догадался, что если бы не присутствие Пчёлкина, наверняка вожатый устроил бы ему настоящий разнос, но пока вроде бы пронесло. Володя ругался, но пух и перья не летели:

— «Честным пионерским» меня не купишь. Своё личное слово дай.

— Даю личное честное слово, — кивнул пристыженный Юрка.

— Ладно, — но Володя всё ещё хмурился. — Ладно, Конев. Попробуй только не оправдать моё доверие. Пчёлкин, а ты что скажешь?

— Честное октябрятское, больше не пойду на стройку.

Володя покачал головой и хмыкнул тихонечко:

— Пчёлкин и Конев — натуральный зоопарк.

— А террариум для комплекта не хочешь? — Юрка кивнул на приближающихся ПУК.

— Ну ты и язва!

— Я-то тут при чём? Одна Змеевская, вторая — Гнёздова, третья — Клубкова. А я вообще по поводу Орловой хочу поговорить, — вспомнил Юрка об Ире Петровне.

Он хотел рассказать Володе о возможности перемирия, но подошедшие девочки обрушились на Юрку, не дав и слова вставить.

— А что сразу по фамилии? — обиделась Полина.

— Будто имени не знаешь, — насупилась Ульяна.

Ксюша промолчала.

— А что пришли, небось костюмы готовы? — язвительно поинтересовался Юрка, игнорируя Пчёлкина, который дёргал его за руку, мол, про курево я не говорил, ты сам сказал, так что давай уже быстрее читай обещанный стишок.

— Ну… да, — посмотрев на Володю, неуверенно протянула Полина.

— Вообще-то, не совсем, — призналась Ульяна.

— Нет, — подытожила Ксюша.

Ко всей честной компании, стоящей кружком, кто-то незаметно подошёл.

— Гхм… — извинился директор.

— Здрасьте, Пал Саныч! — хором поздоровались все шестеро.

— Здравствуйте, дети. Эм… гхм… Володя, подойди на минутку.

Когда Володя с Пал Санычем отошли, а девчата упорхнули, Пчёлкин принялся канючить:

— Ну давай, давай пой, Юра. Ты же обещал, давай.

Не ответив ему, Юрка понуро затянул:

Тишина на Ивановском кладбище,
Голубые туманы плывут,
И покойнички в беленьких тапочках
На прогулку гурьбою идут.

Со следующего места уже веселее:

Ты приходи в могилу, ты приходи в мой дом,
Ты приходи, родная, мы с тобой споём,
Ты приходи, родная, мы будем вместе гнить,
И земляные черви будут нас любить.

И опять уныло:

Ты прижмёшься ко мне жёлтой косточкой,
Поцелуешь меня в черепок…

— Не хочу песню, — возмутился Пчёлкин, — мне надо стишок! Там про «А на кладбище ветрище, срака… градусный мороз». Там сторожа ещё понос прохватил, и мертвец из могилы вылез.

Юрка вздохнул:

— Ладно. — И начал.

Разумеется, Юрка знал этот стишок. И Пчёлкин знал. Все его знали, и всем он порядком надоел. Просто Пчелкину, видимо, было весело оттого, что такое рассказывает взрослый.

Когда Петя наслушался и отстал, а Володя, освобожденный от Саныча, стоял и оглядывался, ища кого-то. Юрка подбежал к нему рассказать про Иру, но сперва спросил:

— Зачем Саныч подходил?

— Извиниться. При всех он не мог. Он вообще мужик скромный. Матом орёт, но скромный.

— Как это матом? — Юрка решил, что неправильно расслышал. Не верилось, что он, Пал Саныч, на такое способен. Оказалось, способен.

— Он час назад на меня матом при детях наорал. Хороша педагогика, правда? Какого вожатого будут слушаться дети, если при них на него директор орёт?

— Вот он…

— Не выражайся! — рявкнул Володя сердито, но теперь Юрка знал, почему он был так напряжён, и ничего на свой счёт не принимал. — Тут дети.

Действительно, рядом играли в ладошки четверо девочек из пятого отряда, при этом кричали в четыре горла: «Жили были три китайца: Як…»

Юрка нахмурился:

— За что наорал?

«… Як-цедрак, Як-цедрак-цедрак-цедрони…»

— За спектакль. День рождения «Ласточки» в пятницу, а у нас ни черта не готово. Но больше не «за что», а за кого.

«Жили были три китайки…»

— Из-за меня? — ахнул Юрка.

— Нет, другой пациент.

— Кто?

— Догадайся.

«… Цыпа, Цыпа-дрипа, Цыпа-дрипа-дримпампони…»

— Пчёлкин?

— Он самый.

— Вот зараза. На него что, вообще никакой управы нет?

— Он — директорский племянник. Ещё есть вопросы?

«Все они переженились: Як на Цыпе, Як-цедрак на Цыпе-дрипе, Як-цедрак-цедрак-цедрони на Цыпе-дрипе…»

— Давай отойдём? — взмолился Володя.

Они сделали пару шагов в сторону, и сразу стало спокойнее и тише. Девчата выданными в кричалке децибелами выбили из Юркиной головы то, зачем он ждал Володю. Пытаясь вспомнить, Юрка сболтнул первое, что пришло в голову:

— А почему этот Пчёлкин в театральный кружок не идёт?

— Он занят в это время, авиамодельный на щепки разносит.

— Будущий инженер-конструктор?

— Действующий инженер-деструктор.

— О, прям как Матвеев!

— Алёша? А да, наслышан. Только у Пчёлкина узкая направленность, а у Алёши, видимо, жизненная философия такая.

— Ага, только вместо Алёши гирлянду сломал я. А если бы сломал он, его бы за это только пожурили, а мне угрожают!

— А ты научись творить зло с невинной улыбкой на лице.

— Хороший совет. Прям как будто не от комсомольца.

— Такие мы, МГИМО-шники двуличные.

— Янусы, — усмехнулся Юрка.

— Полуэктовичи[3], — подмигнул Володя. — Ладно, шутки в сторону. Саныч предупредил, что завтра они с Ольгой Леонидовной придут посмотреть, как у нас дела со спектаклем. Так что, Юр, сегодня кровь из носу у нас должен быть готов сценарий. У меня сейчас море дел, давай ты без меня переделаешь, а?

— Конечно. Конечно, давай, — протянул Юрка.

— Ты тогда иди подальше от устного народного творчества. Куда-нибудь, где поспокойнее, например, в отряд. В тишине продуктивнее будет, — он кивнул в сторону девчат, которые уже второй раз женили Яка на Цыпе, Яка-цедрака на Цыпе-дрипе и так далее. И в скором времени, Юрка знал, у всех китайцев ещё должны были родиться дети.

— Ладно. Хорошо, — поспешил он ответить.

— Ну ты человечище! Спасибо тебе! На репетицию можешь не приходить, если не успеешь, ничего страшного. — Володя отвернулся и крикнул через плечо. — Вечером на карусели, если что…

— Володь, Володь! — Юрка его догнал. — Я зачем ждал-то. Я уговорил Иру поговорить с тобой. Подойди к ней сегодня, помирись, а?

— Но… разве она ничего не сказала, что за меня просишь ты? — Володе это явно не понравилось. А Юрка подумал, что эти вожатые как сговорились: что Ира, что Володя заявили одно и то же. Спасибо бы сказал, а он нос воротит.

— Я просил только о том, чтобы она не уходила от разговора, — обиделся Юрка.

— Хм… ладно, — задумчиво произнес Володя. Потом оглянулся, будто ища Иру, но нашел не её, а Машу. — О, Маша! Маша, привет! Пойдём со мной, если не занята.

Маша выбежала с корта стремительно, улыбаясь так радостно, будто весь день ждала этого приглашения. С готовностью ответив: «Да, да, свободна», смутилась и покраснела. А Володя, молча кивнув Юрке, развернулся и в компании Маши отправился к Лене, сдавать ей детей на поруки. Всё бы ничего, но один Володин жест так и бросился Юрке в глаза — только Маша подбежала, Володя как-то слишком по-дружески коснулся её плеча рукой. И вроде бы жест был невинным, ничего особенного не значил, но Юрка с неприязнью подумал: «Только свистнет, как Маша уже тут как тут, и хвост трубой». А ему было

поручено в одиночестве переписывать текст, будто его присутствие будет Володе мешать. Юрку это всё чуть-чуть насторожило. Но, оказавшись у себя в отряде, только Юрка занялся делом, как смутное нехорошее предчувствие мигом его покинуло — ведь и правда, в тишине работалось очень хорошо. Как говорил Володя — продуктивно?

Глава 10

Вечер поцелуев

Работать в одиночестве и тишине оказалось действительно продуктивно. Сам того не ожидая, Юрка закончил переписывать реплики Олежкиного героя так скоро, что умудрился не просто явиться на репетицию, а успеть за несколько минут до начала. Радуясь одной только мысли, что сценарий, наконец, закончен, Юрка вбежал в кинозал.

Внутри было почти пусто. В зале присутствовали только двое: Маша и Володя, тогда как остальная труппа ещё не закончила общественно полезную работу и сновала с лопатами, мётлами и тряпками по лагерю. Размахивая бумажками над головой, Юрка бросился к сцене. Сосредоточенный лишь на том, чтобы не запнуться и не рухнуть со всей своей ста семидесяти пяти сантиметровой высоты, он не сразу осознал, что в театре что-то поменялось.

Резко остановившись, Юрка посмотрел на сцену и скривился от незнакомого жгучего чувства — Маша играла на пианино, а Володя склонился над ней и слушал. Юрка будто очнулся ото сна. Он навострил уши и чуть не выронил листы сценария из рук — исполняла Маша отнюдь не «Лунную Сонату», а другую, более красивую, более любимую и гораздо более ненавидимую Юркой мелодию. Незнакомое чувство ужалило ещё больнее, когда он со скрипом и трудом узнал Чайковского, «Колыбельную». Ту самую пьесу, которую они обсуждали с Володей, ту самую, с которой Юрка провалился на экзамене.

Маша играла её неправильно. Маша играла её отвратительно, будто не видела нот: то торопилась, где не следует, то медлила, а то и вовсе промахивалась по клавишам. Звуки то сплетались в гармонию, то скручивались в какофонию, и от этого кошачьего концерта у Юрки заболела голова. А Володе, судя по всему, нравилось. Расслабленный, он стоял, положив локти на верхнюю крышку пианино, и кивал.

Довольная собой Маша, отрывая взгляд от клавиш, влюблённо поглядывала на него и улыбалась.

— Неплохо, но нужно потренироваться ещё, — мягко сказал худрук, когда она закончила. — Но времени осталось мало. Думаешь, справишься?

Маша кивнула:

— Тогда я начну тренироваться прямо сейчас, пока вы репетицией заняты. Ладно?

— Конечно, — ответил Володя.

— Гкхм!.. — кашлянул Юрка как можно громче, чтобы обозначить своё присутствие.

Заметив его, Володя тут же расправил плечи.

— О, привет! Принёс законченный сценарий?

— Да, — сухо ответил Юрка.

— Отлично. Знаешь, я нашёл тебе роль.

— Откуда ты её взял?

— Она была всегда. Просто ты не удосужился прочитать сценарий до конца. — И ведь Володя был прав. Зацикленный только на Олежкином тексте Юрка совершенно забыл о других ролях. — Гестаповец Краузе. Роль второстепенная, но важная. Текста мало, но нужно, чтобы завтра он от зубов отлетал. Думаешь, справишься? — повторил он те же слова, что и Маше. Юрку передёрнуло.

Он не хотел. Немца, даже впоследствии убитого, играть было неприятно, в душе это расценивалось Юркой чем-то вроде предательства, хотя он понимал, что сильно преувеличивает. Но всё-таки его бабушка потеряла мужа, мама — своего отца, а он сам — никогда, даже на фотографиях, не видел деда. Но чтобы отказаться от роли, Володе нужно было это объяснить. А Юрке тем более не хотелось сейчас, при Маше, рассказывать «жалобную» — как он пренебрежительно называл, — историю семьи. Она обсуждалась на каждом семейном празднике, на каждой встрече с родственниками и друзьями, каждый раз с новыми подробностями, так что Юрка вопреки всему начал её стыдиться.

Ему казалось это каким-то пошлым, каким-то слишком еврейским, слишком похожим на истории тысяч других семей, живших в то время в Германии и в других оккупированных странах. Бабушка по многу раз рассказывала другим и самому Юрке о том, как потеряла деда и как

потом искала его. Юрка помнил наизусть, с каким трудом, едва успев до начала радикального холокоста, дед несколько раз пытался выслать её, беременную, из Германии в Россию, как всё-таки выслал и должен был приехать следом за ней, но пропал. Как она ждала его и как фанатично потом искала через чудом выживших в Европе родственников. Как след привёл её в Дахау, чего она наслушалась и какого страха натерпелась, но вопреки здравому смыслу до конца своих дней верила, что дед смог оттуда сбежать.

Бабушка умерла, история больше не звучала, но, видимо, теперь настал Юркин черёд рассказывать. С Володей он мог бы поделиться этим, но с Машей — нет, ни за что, никогда.

— Ладно, — вяло пробормотал Юрка, протягивая руку за бумажкой с текстом, переписанным из Володиной тетрадки Володиной же рукой. И затянул уныло: — «Вы ведь из Ленинград? Ваш город давно взят, и если фройлен согласится оказать небольшие услуги гитлеровскому командованию…»

— Нет, сейчас не надо, — оборвал Володя. — Выучи сначала, потом будем репетировать. Сейчас мы будем тебе только мешать, так что… можешь быть свободен.

— То есть? — Юрка оторопело разинул рот. — Ты что, меня выгоняешь?

— Нет-нет! — поспешил оправдаться Володя. — Просто даю тебе заслуженный выходной. Можешь поучить роль, можешь просто отдохнуть — ты же так много работал. Впрочем, поступай как знаешь.

Юрка, конечно, остался. Весь былой энтузиазм как ветром сдуло, настроение не просто упало, а рухнуло. Даже когда Володя торжественно вручил новый сценарий пришедшему вскоре Олежке, а тот заблагодарил их обоих и начал зачитывать реплики, никакой радости Юрка не испытал.

Когда в кинозале собралась вся труппа, ребята принялись прогонять отдельные сцены спектакля. Володя со знанием дела командовал юными артистами, Полина и Ксюша с заинтригованным видом о чём-то шушукались, а удручённый Юрка сидел на привычном месте в первом ряду и боролся с желанием заткнуть пальцами уши. Маша, бренча на пианино, заучивала композицию, а Юрка не мог слышать, как кто-то другой исполняет его конкурсное произведение.

Он столько раз играл «Колыбельную» раньше, что ощущал себя не исполнителем, а композитором. Столько часов она звучала в голове, столько часов он провёл за фортепиано, запоминая и экспериментируя, ища идеальное звучание и пытаясь угадать, каким это произведение представлял сам композитор. Так много сил было отдано «Колыбельной», что Юрке казалось, будто она — его собственная. А теперь её играл кто-то другой!

Маша. Она прокручивала её в голове, сживалась с ней, подстраивала биение своего сердца под её темп и ритм, делала её музыкой своей души и своего времени. А самое страшное — она играла «Колыбельную» только затем, чтобы угодить Володе, чтобы понравиться. И ведь ему нравилось! Он то и дело отрывался от репетиции, подходил к Маше, удовлетворённо кивал и говорил что-то негромко. Юрке казалось — хвалил.

Похоже, один лишь Юрка понимал, что Маша играет не так, как надо, играет плохо и совершенно неправильно! Он знал, что мог бы сыграть куда лучше и Володе понравилось бы куда больше. Но заставить себя даже приблизиться к клавишам было для него смерти подобно.

А Маша всё играла и играла. Заканчивала, начинала заново, снова заканчивала, снова начинала. И Юрка, наконец, не выдержал.

Он забрался на сцену прыжком и еле сдержался, чтобы не захлопнуть крышку, прибив Маше пальцы.

— Перестань! — выкрикнул он. — Хватит играть, говорю!

Маша убрала руки от инструмента и испуганно уставилась на Юрку. В зале воцарилась напряжённая тишина. Все присутствующие побросали свои дела: Олежка замер, глядя в скрученный трубочкой сценарий, как в подзорную трубу, Володя — в полуприсяде над креслом, Полина и Ксюша — с ладошками у ртов, Петлицын — с гармонью в руках. Все повернули головы и теперь пристально наблюдали за Юркой. Но ему было всё равно. Собой он больше не владел.

— Маша, это отвратительно! — раздражённо воскликнул он. — Ты играешь «Колыбельную» как какую-то польку! Куда у тебя аккомпанемент летит? Почему он заглушает основной мотив? А дальше что? Вот тут, — он ткнул пальцем в ноты, — должно быть нежнее. А педаль почему не жмёшь? Ты вообще музыку не

чувствуешь? Совсем не понимаешь, каким должно быть это произведение?! — Он перевёл дыхание и чуть тише, но куда злее процедил сквозь зубы: — Маша, ты полная бездарность!

Первые пару секунд она, замерев, переваривала услышанное, затем губы у неё задрожали. Юрка прочитал по ним «Кто бы говорил», но Маша не могла произнести это вслух, лишь беспомощно хватала ртом воздух. А потом тихо заплакала.

— Реви сколько хочешь, это не меняет дела! — заявил Юрка и тут же почувствовал, что его берут под локоть и тянут в сторону.

— Пойдём выйдем, — прошипел Володя, утаскивая его со сцены, а после — к выходу из кинозала.

Они отошли к боковой стене эстрады, так, чтобы их нельзя было услышать в открытые окна кинозала.

— Юра, что это такое?! — разозлился Володя. — Как это понимать?

Но Юрка, насупившись, молчал.

— Ну ты дал! Не находишь, что это уже чересчур? — чуть спокойнее сказал Володя.

Он навалился спиной на стену и устало закрыл глаза. А Юрка ощутил такое опустошение внутри, что был не в силах даже повысить голос.

— Хватит меня воспитывать, — вяло огрызнулся он. — Ты поэтому просил меня уйти? Знал, что заору на неё?

— Да, — просто ответил Володя.

— Я что, такой предсказуемый? — От этой мысли Юрка ещё больше пал духом: неужели он и правда так прост, что даже настолько личные, глубинные реакции можно предугадать в два счёта?

— Нет, — не задумываясь, ответил Володя. — Просто мне не плевать на то, что ты говоришь.

Юрка поднял на него удивлённые глаза. Похоже, Володя предвидел и эту его реакцию, раз тут же кивнул, не глядя. Повисла неловкая тишина.

Юрка не знал, что сказать, и надо ли было вообще что-то говорить. Одно знал — он не хочет, чтобы Володя сейчас уходил. Но ему нужно было возвращаться на репетицию, а перед уходом он, конечно же, прочитает Юрке нотацию. Так и вышло. Пусть всего пару минут назад

Юрка просил Володю больше его не воспитывать, тот всё равно включил вожатого:

— Ты хотя бы понимаешь, что поступил жестоко? — Володя, наконец, удостоил его взглядом. Прямым — в глаза — и как никогда строгим.

— Жестоко? — Юрка фыркнул. — Это Маша поступает жестоко. Она же вообще не понимает, что играет, Володь! Это классическая музыка, она сложная, её невозможно понять за десять минут! Нельзя просто взять ноты, посмотреть в них и заиграть. Нужно чувствовать. Нужно погружаться в музыку, вкладывать себя в неё, пропускать через себя. У меня сердце кровью обливается, когда я слышу Машины потуги! Сам Чайковский в гробу бы перевернулся от этого!

Володя слушал его, то поднимая, то опуская бровь.

— Понимаешь? — на последнем издыхании спросил Юрка. — Ничего ты не понимаешь… Нужно жить музыкой, как жил я, чтобы понять…

— В принципе понимаю, — сказал Володя. — Наверняка не так хорошо, как ты, но всё же… Тебе сложно, но это не отменяет того, что с Машей ты обошёлся плохо. Юр, ведь о твоём музыкальном прошлом по-настоящему хорошо знаю только я! А Маша тут вообще ни при чём. Когда раздавали роли, её назначили играть, мне теперь что… — он запнулся. — Нет, я не буду её выгонять!

— Я не прошу, чтобы выгонял! Не давай ей «Колыбельную», это же невозможно слушать!

— А давай без «давай»? Раз тебе так тяжело слушать её игру, играй сам! Ты знаешь эту композицию, ты умеешь лучше…

— Нет! — резко оборвал его Юрка. — Даже не думай.

— Почему?

— По кочану! Не могу и всё!

— И что предлагаешь делать? Как играет Маша, тебе не нравится, сам играть ты не хочешь…

— Да пусть играет Маша, только не её!

— Но она нам идеально подходит! И Маша нам подходит, а ты… Ты должен попросить у неё прощения!

— Вот ещё! Я ничего ни у кого просить не буду! Никогда.

— Да-да, «сами предложат и сами всё дадут!»[4] — Володя закатил глаза и вдруг покачал головой и улыбнулся: — Ну и ребёнок же ты.

— Сам ты ребёнок! Я не боюсь извиняться. Просто эта Маша, она… она меня бесит!

Володя невесело усмехнулся и развёл руками:

— Куда ни глянь, тебя все девчонки бесят.

— Неправда! — воскликнул Юрка, хотя к своему ужасу понимал, что Володя прав.

А Юрке ужасно хотелось, чтобы он ошибся, хотелось, чтобы кто-нибудь «нравился» так же сильно, как этот ехидный, вредный, всегда и во всём правый вожатый. Но нет. Здесь и сейчас Юрку на самом деле не влекло ни к кому, кроме него. Здесь и сейчас Володя на самом деле не ошибался. И Юрка решил, что пусть он хотя бы думает, что ошибается. Но врать пока не решался.

— Нравилась одна, — честно признался он. — Аня. В прошлом году здесь отдыхала, но в этом не приехала.

— Ах… вон оно что, — Володина улыбка из надменной стала искусственной. — А в этой смене совсем никого?

— Ну… нет, наверное. — Юрка задумался, но вдруг, повинуясь не здравой мысли, а какому-то шальному импульсу, почти выдал сам себя с потрохами: — То есть… есть кое-кто, но для… неё я не существую.

И своими же словами сам себе перекрыл кислород. Голова закружилась, замутило, липкий страх стиснул шею. В голове билась мысль: «Сейчас! Скажи ему сейчас. Такого случая больше не представится!» Но он не мог решиться. Молча, пристально смотрел Володе в лицо.

Улыбка окончательно сошла с него. Володя столь же пристально смотрел Юрке в глаза, но, в отличие от него, не мягко, не просяще, а требовательно.

— Кто такая? — серьёзно спросил он.

— Девушка со двора, — ответил Юрка.

Сказать Володе правду он не мог, потому что сам не знал всей правды. А в глубине души надеялся — всё пройдёт.

Но всё же, а если рискнуть и рассказать — что тогда будет? Не прямо, а как-нибудь абстрактно. Ведь это никому не повредит. В конце концов, то, что ответит Юрке старший товарищ, может пригодиться в будущем. У Юрки ведь, говоря по правде, близких друзей нет — одни лишь «ребята со двора», а с ними только хиханьки да хаханьки, ничего

личного и честного. Правда, Юрка и с Володей не полностью честен, но это другое дело — это вынужденно.

— Просто нравится? Или… или больше, чем просто? — голос Володи сделался холодным и хриплым, до того чужим, а тон до того грубым, что Юрка его не узнавал.

Ни к Володиному лицу, ни к обстановке этот тон не подходил. Впрочем, и обстановка казалась Юрке какой-то нереальной: лагерь, пионеры, лето, жара. А внутри него — холод. Будто Юрка был не здесь, а в каком-нибудь хмуром ноябре, и только смотрел на себя и Володю со стороны, будто видел два фильма одновременно: из одного картинка, а из другого — звук.

— Больше, чем просто… — выдохнул он и отвернулся не в состоянии выдержать Володин мрачный взгляд.

— М… Это хорошо, — ровно ответил тот.

— Хорошо? — обалдел Юрка. — Да ничего хорошего! Я, похоже… я, наверное, влюбился… Не знаю, не уверен. Просто такого со мной никогда не было. И в этом ничего хорошего нет! Мне тяжело, непонятно и вообще не очень-то и приятно!

— Но почему ты решил, что не существуешь для неё? Ты ей признавался? — Володя шаркнул кедом по асфальту. Ни его лица, ни позы Юрка не видел — он разглядывал кусты.

— Нет. Это бессмысленно, — прошептал он грустно. — Она из другого кхм… круга. Ей такие, как я, никогда не нравились и никогда не будут нравиться. Меня она просто не замечает, смотрит, но не видит. Для неё меня будто вообще не существует. Но на самом деле её не за что винить и меня, наверное, тоже не за что. Просто так сложилось.

— Конечно, ни она, ни ты не виноваты. Но знаешь, мне почему-то не верится, что на такого забияку, как ты, можно не обращать внимание, — Володин тон изменился, стал теплее.

И это тепло, его слова и Юркино понимание, что Володя искренне хочет поддержать его, придало смелости. И Юрка решился на самый важный вопрос:

— Что бы ты делал на моём месте? Как бы поступил? Признался бы, зная на тысячу процентов, что взаимности нет?

— А что ты потеряешь, если признаешься?

— Всё.

— Ну не стоит мыслить так категорично.

— Я не мыслю категорично, всё так и есть. Если она узнает, то её отношение ко мне изменится и ничего не будет как прежде. А это значит, что я потеряю то, что имею сейчас. А лучше того, что есть сейчас, у нас никогда не будет.

— Всё настолько безнадёжно?

— Совсем, — кивнул Юрка и поторопил Володю: — Ну так как бы ты поступил?

Володя вздохнул, хрустнул пальцами. Юрка поднял взгляд и увидел, как Володя поправляет очки. Не как всегда — за дужку, а как когда нервничает — нелепо тыкая себя пальцем в переносицу.

Ощутив на себе чужой взгляд, Володя отвернулся от Юрки и высказался жёстко, не задумываясь:

— Если я влюблён, то заинтересован в том, чтобы любимый человек был счастлив, — Володя выделил последнее слово. — Причём заинтересован в его счастье больше всех остальных, даже больше него самого. Поэтому я буду делать только то, что принесёт ему благо. И если для этого нужно не мешать, я не буду мешать. И даже больше — если этому человеку будет лучше с кем-то другим, я не просто уступлю, а даже подтолкну его к другому.

— Делать, как ты говоришь, наверное, правильно и хорошо. Но самому как жить-то тогда?

— Как жил, так и жить, — пожал Володя плечами.

— Делать всё только для него, жертвуя собой? Сумасшествие какое-то… — фыркнул Юрка. Похоже, Володя действительно был слишком взрослым, а он — полным ребёнком, ведь не понимал его совершенно. Или не хотел понимать? Или боялся такой участи?

Володя ответил жёстко:

— Почему ты решил что «жертвуя» — это именно то слово? Жертва добровольна, её можно и не приносить. А тут совсем другое — у тебя нет выбора, и другого выхода тоже нет. Юра, задумайся вот о чём. Если у тебя есть всё, чего хочешь, и ты полностью счастлив, но несчастлива она, как будешь себя чувствовать? Да ты начхаешь на всё, если узнаешь, что любимый человек мучается! — Володя говорил решительно, с ожесточением, произнося каждое последующее слово громче предыдущего. — Юр, знаешь, если, делая что-то для любимой, ты переживаешь о том, что тебе чего-то не достанется, то ты — эгоист.

Тогда у меня хорошие новости — никакая это не любовь, потому что в любви нет эгоизма.

Юрка выслушал его внимательно, но не нашёл, что сказать. Стало ясно одно: будь у Юрки Володин ум, он и без подсказок сообразил бы, что никаких «любовей» у него нет, а то, что есть — детский лепет. Всё же логично, всё просто, всё так и есть!

Волна радости нахлынула на него, Юрке вмиг полегчало. Вслед за радостью пришла твёрдая уверенность, что чувства к Володе непременно пройдут. Что всё хорошо, что всё временно, что мир с самим собой обязательно восстановится, надо только подождать.

Но это будет потом, а сейчас Юрке требовалось что-нибудь ответить. Хотя бы только затем, чтобы не закончить разговор на такой неприятной ноте.

Едва сдерживая улыбку, Юрка пробормотал первое, что пришло в голову, и тут же пожалел о сказанном:

— Ты говоришь так, будто… знаешь, что такое — безответная любовь. Ты ведь это не с неба взял, правда? У тебя уже было такое?

— Было, — ответил Володя, не глядя на Юрку. После небольшой паузы он скрестил руки на груди и сердито прохрипел: — И есть.

На Юрку лавиной обрушились двойственные чувства. Он радовался, что Володя доверился ему, радовался, что узнал его новую, скрытую от других сторону. Но в то же время его стала терзать лютая зависть, что эта девушка — не он.

— Почему ты не с ней? — промямлил Юрка, поникнув.

— Потому что так правильно.

— Но с чего ты вообще взял, что твоей любимой будет лучше с кем-то другим, а не с тобой?

— Не «взял», а знаю.

— Но разве ей не будет лучше с тем, кто ради неё готов на всё, кто так сильно её любит?

— С кем-то другим, да. Но не со мной.

— Но почему?

— Да потому, что я не святой, Юра! Не заставляй меня что-то тебе доказывать. Я всё равно не буду.

— Как хочешь… Ладно, — Юрка замялся, а потом вспомнил и повторил деревянным голосом Володин вопрос: — Кто она?

— Не скажу. Это слишком личное, — грубо ответил тот.

— Не доверяешь мне? Друг называется.

— Думай что хочешь, я ничего не скажу.

— Назови хотя бы имя. Нам же придётся как-то её называть, когда мы снова загово…

— Мы больше не будем о ней говорить.

Юрка хотел бы обидеться, но не смог. Уж он-то прекрасно понимал, что такое — бояться раскрыть даже имя. Но, с другой стороны, Володин дословный ответ «не скажу» прозвучал так, что не думать о нём было невозможно.

Володя мог бы ответить неопределённо, например, как Юрка: девушка со двора, или одногруппница, или назвать любое имя. Но нет! Он ответил именно «не скажу», будто имя или характеристика в два слова могла указать на конкретного человека. И что за тайна такая? Она что, известная личность или… или Юрка её знал? Знакомая? Из лагеря?

Размышления прервал Володя:

— Хватит обо мне. Ты как, на других смотреть вообще не хочешь? Много красивых девчат вокруг.

— Таких, как она, нет. Да и что мне? Даже если бы и нравился кто, я им не нравлюсь, — он пожал плечами. — Я же не ты. В тебя вон все поголовно втюрились.

— Да брось, так уж и все, — скептически переспросил Володя.

— Большинство. Да у нас театр — не театр, а гарем имени Владимира Давыдова! — Володя прыснул. Обрадованный тем, что на его лице промелькнула улыбка, Юрка принялся доказывать: — Рассказывал же, как девчонки упрашивали, чтобы я тебя на дискотеку привёл.

— Помню такое, да, — ответил ещё чуть повеселевший Володя.

— Ксюша за это должна была меня поцеловать при всех… в щёку… два раза!

— Ого! — Володя цокнул языком.

— Ага! Но я про это уже и забыл как-то…

— А хочется?

— А то!

Володя задумался на пару секунд.

— Слушай, — негромко произнёс он, на что-то решаясь. — Раз такое дело, хочешь, я пойду на дискотеку? Прямо сегодня.

— Конечно, хочу! — Юрка представил удивлённое выражение лица Ксюши, когда он заявит ей, что свою часть договора он выполнил и ждёт, когда она выполнит свою.

— Договорились! Как только закончим, пойду уговаривать Лену поменяться. А пока давай-ка вернёмся на репетицию, ещё полчаса до конца.

— Ты иди, — Юрка махнул рукой. — Во-первых, у меня сегодня отгул, а во-вторых, я всё равно не нужен. Проветрюсь чуть-чуть перед дискотекой. Встретимся у ваших корпусов на карусели.

Володя кивнул ему и ушёл в театр, а Юрка бросился на стройку, к тайнику. Нужно было перепрятать сигареты, с которыми его застал Пчёлкин. Не зря же он не один раз говорил о каком-то кладе, вдруг имел в виду Юркины сигареты? Возвращаться на место преступления днём Юрка не решился, но сейчас для этого было самое время.

Вернувшись с уликой, он обогнул здание кинозала, пролез сквозь росшие за ним кусты и добрался до своего второго тайника. Второй был не чета первому — маленький и узкий. Отвалившийся кусок цемента в нижней части стены, который легко вставал на место, а если его отодвинуть, открывалась небольшая щель, в которой можно спрятать сигареты. Но избавляться от них Юрка пока не спешил.

Время занятий в кружках вот-вот должно было закончиться. Пользуясь тем, что пионеры скрылись кто где, кто в домиках, кто на спортплощадках, а на улице было пустынно, Юрка извлёк из кармана пачку «Явы» с фильтром и коробок спичек, чиркнул, прикурил и с удовольствием затянулся. Хоть он и пообещал Володе, что больше не будет курить, сейчас, после такого эмоционального потрясения, ему попросту требовалось немедленно успокоить нервы. Он хотел немного прийти в себя, а ещё — понять, кто она такая, Володина тайная незнакомка, и незнакомка ли вообще?

Кроме отдыхающих девочек, в «Ласточке» находились только две девушки — обе вожатые, Лена и Ира Петровна. Юрка отказывался даже представить, что ею может быть откровенно некрасивая, очень полная Лена. Он понимал, что думать так — нехорошо, он стыдился своего мнения, но ничего не мог с собой поделать — они совершенно не подходили друг другу, никак. К тому же с Леной Володя вёл себя исключительно по-деловому. Юрка понимал, что полностью

сбрасывать её со счетов нельзя, но против воли мысли обращались к более привлекательной на его взгляд Ире.

Но и теория про Иру трещала по швам, ведь вежливый Володя никогда не обидел бы любимую. Впрочем, помня его слова, что ради блага возлюбленной он способен её оттолкнуть, Юрка не исключал, что Володя мог сказать это намеренно. Выходило, что Ира всё-таки могла быть его пассией.

Юрке живо представилось, как ночью, пока все спят, Володя идёт на свидание с Ирой Петровной. В темноте и тишине маска спокойствия спадает с его лица, и вот Володя уже совсем другой — искренний, пылкий и взволнованный шепчет ей о своих чувствах. Может быть, даже целует её, обнимает, просит быть ласковой с ним…

Юрка задохнулся от отвращения. Не пойми откуда взявшаяся злость заставила кулаки сжаться. Он едва сдержался, чтобы не треснуть по стене кинозала, но вместо этого почесал кулаком нос.

Но, с другой стороны, зачем им скрываться? Юрка знал из лагерных сплетен, что ни у Иры, ни у Лены мужей нет. Из-за Жени? Но разве что-то мешает им с Женей расстаться? Ответ был очевиден — сам Володя мешает, он говорил, что с другим человеком его любимой будет лучше.

Но в остальном, что тут такого — она вожатая, он вожатый? Если не станут выделываться у всех на виду, никто и не подумает их судить. Не мог же Володя попросту бояться слухов? А если боялся, уж он-то точно знал, что Юрка умеет хранить секреты. Володя открывал ему такие тайны, за которые могут исключить из комсомола, чего только стоила история с Америкой! Роман с вожатой — даже близко не такая вещь. Он не может быть более страшной тайной, чем то, что Юрке уже доверено. Выходит, что это не вожатая. Но кто же тогда? Пионерка?

Уж за что, а за роман с пионеркой Володя не расплатился бы даже исключением из комсомола. Себе и, самое страшное, ей он мог испортить репутацию на полжизни вперёд. С такими вещами не шутят, такие секреты не выдают под пытками, особенно когда счастье любимого — а это именно то, о чём беспокоился Володя, — под угрозой… На его месте Юрка бы и сам молчал. Молчал же о себе.

Но всё-таки, кто она? Если это действительно пионерка, то тогда кто?

Зажав сигарету в зубах, щуря правый глаз от лезущего в него дыма, Юрка убрал заначку в тайник, закрыл куском цемента щель и вышел из кустов. Его взгляд случайно упал на окно, в котором был отчётливо виден весь зрительный зал театра. Происходившее там заставило слезящийся от дыма глаз нервно задёргаться.

Юрка будто смотрел немое кино. Труппа строем вышла из кинозала, внутри опять остались всё те же двое — Маша и Володя. Она до сих пор не успокоилась, сидела в кресле первого ряда и, спрятав лицо в ладонях, вздрагивала. Когда за последним актёром закрылась дверь, Володя сел рядом. Сказал ей что-то на ухо. Юрка ждал, что он поднимется и уйдёт, но вожатый остался сидеть рядом. Продолжая говорить, гладил её по плечу и волосам. Это выглядело… романтично. Слишком романтично и даже интимно, будто они — пара.

«А что, если они действительно пара?» — подумал Юрка, и странное жгучее чувство ужалило его так больно, как никогда прежде. Из крохотной точки под ложечкой боль растекалась по желудку и рёбрам и стала жечь, распирать и пульсировать, как нарыв. Не в силах больше смотреть на них, Юрка зло затоптал окурок и бросился прочь, в отряд.

* * *

Вошёл в спальню, упал на кровать, уставился взглядом в потолок и силой заставил себя успокоиться. Только вспомнил свой недавний спасительный вывод — эти чувства непременно пройдут, — как сразу же стало легче. Ведь он — эгоист, а значит, чувства его и правда ненастоящие, это просто блажь. Скорее всего, Юрке так сильно не хватало Анечки в эту смену, что он нечаянно переключил всё внимание на единственного близкого и приятного ему человека — Володю. Кто бы мог подумать? Вот вожатый и стал предметом Юркиной сильной, но дружеской симпатии. Вместо Ани — Володя. Как нелепо.

В спальню толпой завалились парни из первого отряда и загалдели, рассказывая, как Алёша Матвеев чуть не повалил баскетбольное кольцо. Хохоча со всеми, Юрка ощутил, как с каждой минутой злость и обида уходят, а настроение, наоборот, возвращается к норме. Но его всё ещё нельзя было назвать хорошим — в Юрке играли отголоски досады, — а в такой вечер, как сегодня, настроение должно быть

отличным. Рассчитывая его поднять, Юрка сразу после ужина заявился в палату девчонок, рассказать Ксюше, что сегодня наконец приведёт Володю. И не прогадал.

В палате стояли шум, гам и крики. Все девочки, даже Маша, рассредоточились по углам и повжимались в стены, оставив в центре палаты место для едва не дерущихся ПУК.

— Зачем ты выбросила мой лак? — кричала взбешённая Ксюша.

— Да не было там ничего! — оправдывалась побледневшая Ульяна. Видимо, не ожидала такой реакции от подруги.

— Было! Там ещё на донышке оставалось, мне бы как раз на чёлку хватило! — Ксюшина стоящая колом чёлка тряслась в такт подбородку. — Иди теперь, вытаскивай его из помойки!

— Девчат, я посмотрела в ведре, там нет, — принялась мирить подруг Полина, — Уль, может, в мусорные баки ещё не выбросили? Посмотри там?

— Сама в помойку лезь! — возмутилась Ульяна, бледная не от страха, как сначала подумалось Юрке, а от злости.

Услышав такое, он сразу же развеселился.

— Девчонки, ну не ссорьтесь, — Поля снова попыталась их помирить. — Я у мамы просила, она привезёт лак, целых два баллончика. Точно-точно привезёт!

— Так когда это будет? — Ксюша почти плакала. — День рождения «Ласточки» только в пятницу, а до него что делать?

— Мой начёс прекрасно держится и без лака! — заверила миротворец Поля.

— Ксю-у-уша! — высунулся Юрка из-за двери. — А у меня для тебя новости. Одна плохая, вторая хорошая. С какой начать?

— Что? — спросили хором все трое. Остальные Юркины одноотрядницы уставились на него, заинтригованно прищурившись.

— Ладно, тогда с хорошей. Угадай, кто сегодня придёт на дискотеку?

— Что?! — Ксюша аж села. Лохматая чёлка пластом упала ей на лицо. Похоже, для Змеевской хорошая новость оказалась плохой. — Ну что ты за человек такой, Конев? Ну почему сегодня? Почему не вчера, или не в День рождения лагеря, или в какой угодно день, когда у меня есть лак?!

— Спасибо можешь не говорить, — разрешил великодушный Юрка. — Ты кое-что должна мне вместо «спасибо», помнишь? И это — плохая новость.

— Ну что ты за человек такой, Конев? — опять завопила она. — Да помню я, помню!

— А что не один раз, а два, не забыла? — больше не в состоянии сдерживаться, Юрка расплылся в широченной, ехиднейшей улыбке.

Все девчонки, кроме ПУК, переводили ошалелые взгляды то на Юрку, то на Ксюшу. Наглая Змеевская от этого даже не покраснела. А Юрка покраснел. Но не от стыда, а от еле сдерживаемого смеха — уж очень забавно она сокрушалась.

— Сказала же — да! Уля, ну почему, ну по-че-му ты выбросила лак?!

* * *

Яблони вокруг танцплощадки были увешаны электрическими гирляндами. Огни светились, сверкали и переливались, разукрашивая жёлтыми и красными цветами синеву вечера. Из колонок лилась музыка. Установленной на эстраде аппаратурой управлял завхоз Саныч. Дежурные вожатые с повязками на руках патрулировали дискотеку, а пионеры уже вовсю танцевали.

Тут и там мелькали знакомые лица из старших отрядов. Парни — нарядные, причёсанные, пахнущие одеколоном — бросали по сторонам ищущие взгляды. Девчонки — накрашенные, разодетые по последней моде и, все как одна, с начёсами — пребывали в томном ожидании, кокетничали, строили глазки и скромно пританцовывали.

Чтобы не привлекать внимания, Володя с Юркой минут десять наблюдали за всеми, стоя в сторонке, под яблонями. Но стоило вожатому обогнуть ряд стульев в дальнем углу танцплощадки и выйти в лучи светомузыки, как по толпе будто прошёлся ветерок. Первой их заметила Катя из второго отряда. Показывая на Володю пальцем, она склонилась к уху одной подруги, затем — к другой, и новость разлетелась со скоростью звука. Минуты не прошло, как Володю обступили щебечущие ПУК-и, Маша и ещё парочка самых смелых девиц. Юрке даже стало его немного жаль — на лице Володи ясно читалась безысходность.

Кое-как отделавшись от назойливых дам, он схватил Юрку за плечо и отвёл в сторону. Уселся на стул и перевёл дыхание.

— Чего это ты? — спросил его Юрка. — Разве танцевать не собираешься?

— Зачем? — удивился тот.

— Что значит «зачем»? За тем, что мы на дискотеке. Тут танцуют. Весело же!

— Не очень, когда танцевать не умеешь, — заскромничал Володя.

— Ну пойдём просто подёргаемся под музыку. Смотри, вон, как Матвеева гнёт.

Алёша Матвеев считал себя прогрессивным парнем, поэтому и танцевал он необычно, мудрено и ломано — сначала крутил обеими руками над головой, имитируя то ли сломанную марионетку, то ли исправного робота. Потом плюхнулся на асфальт и так же закрутил ногами. Сам Алёша однажды объяснял Юрке, что это вовсе не конвульсии, а танец: «Он очень модный сейчас в Москве, Ленинграде и Прибалтике, „брейк-дэ-э-энс“ называется. Просто блеск! Атас какой сложный танец». Юрка решил при случае поинтересоваться у Володи, знает ли о таком столичная молодёжь. Но, видя его явно скептический взгляд, решил спросить как-нибудь потом.

— Ну уж нет, «дёргаться» я точно не стану, — хмыкнул Володя.

— Да ладно тебе! Вообще, что ли, не будешь танцевать? Даже медляк?

— Да с кем мне?.. — Володя покраснел.

Юрка прыснул:

— Хочешь сказать, не с кем? Смотри, сколько желающих! Да тут каждая мечтает, чтобы ты её пригласил.

И действительно. Оглядываясь по сторонам, Юрка ежесекундно ловил заинтересованные девичьи взгляды. По большей части смотрели на Володю, с надеждой. «А вдруг? — наверняка думала каждая вторая. — Вдруг именно меня пригласит?»

Но Володя помотал головой:

— Будет некрасиво танцевать только с одной из девочек, вдруг на неё обозлятся другие? Так что… Да и вообще, я сюда не танцевать пришёл, а посмотреть, как тебя Ксюша поцелует. Иди зови её, вон она, — он показал в сторону, где стояли ПУК-и. — Я здесь, а значит,

что свою часть сделки ты выполнил. Пусть теперь расплачивается, — Володя явно пребывал в хорошем настроении: говорил, посмеиваясь.

Юрка хмыкнул и отправился к девчонкам. Смелости ему было не занимать, как, впрочем, и наглости.

— Ксюха! — громко позвал он. — А вот и я!

Все трое удивлённо уставились на Юрку.

— Что? — не поняла Полина. — О чём ты… А!

— Ага! — передразнил Юрка. — Уговор есть уговор. Я его привёл, выполняйте обещанное.

— А обещанного три года ждут! — пискнула Ксюша. Ей явно не хотелось ничего выполнять.

— Ну нет, девочки, мы так не договаривались. Если ты, Ксюша, меня сейчас не поцелуешь, я сделаю так, что Володя уйдёт. Да-да, вот так-то! Но… — Юрка взял театральную паузу, — если он останется, то… вдруг пригласит на танец кого-нибудь из вас?

Юрка был уверен, что этого не случится, но глаза Поли и Ульяны заинтригованно блеснули. Одна только Ксюша не пылала энтузиазмом. Но вмешалась Уля: взяла её под локоток и подвела к Юре.

— Давай, — шепнула она, кивая в его сторону.

— Э, нет! — Юрка остановил девчонок. — Ты обещала при всех. Пойдём в центр площадки… — Он протянул Ксюше руку: — Потанцуем?

Она вздохнула и с угрюмым видом побрела за ним.

Волосы светлые в косы вплетённые, а глаза,
Неба бездонного синь, в улыбке весна.
Стройная, милая, очень красивая девушка…

— Лилась из динамика задорная песенка «Весёлых ребят».

— Песня будто про тебя, — расщедрился на комплимент Юрка. Ксюша сконфуженно улыбнулась.

Их неловкие телодвижения и танцем назвать было сложно. Единственное, что позволила Ксюша, — по-пионерски взяться за плечи и топать в такт музыке, держась на расстоянии полуметра друг от друга.

— Почему ты так сильно меня ненавидишь? — спросил её Юрка.

— Не ненавижу, но ты сам виноват. Нечего было на Вишневского бросаться, — сердито пробормотала она. — Это ведь из-за тебя он не

приехал.

— Не из-за меня. Он всю прошлую смену хвастался, что отец достал ему путёвку в Болгарию на целое лето, — сухо ответил Юрка.

И тут Ксюшу будто прорвало. Она завалила его вопросами, но Юрка не просто не отвечал, он даже её не слушал.

Он украдкой поглядывал на сидящего в конце танцплощадки Володю. Развалившись на стуле, тот сложил руки на груди и улыбался, наблюдая за ними.

Юрка то и дело ловил на себе завистливые взгляды других ребят. Ванька с Михой, те вообще чуть не зааплодировали, когда заметили, что он на них смотрит.

Песня закончилась, но Ксюша не спешила ни уходить, ни целовать.

— Ну, давай, — поторопил её Юрка. — Чего ждёшь? Два раза!

— У тебя случайно нет его адреса?

— Нет. Целуй!

Она закатила глаза, выдохнула и подошла ближе. Юрка услужливо повернулся боком и подставил щёку, чтобы Ксюша, встав на носочки, смогла до него дотянуться. Перед тем как чмокнуть его, она задержала дыхание. Юрка счастливо зажмурился: первое нежное прикосновение к щеке, двухсекундная пауза, затем — второе, ещё приятнее. Ему очень понравилось.

Когда он открыл глаза, увидел лишь её спину — Ксюша стремительно уходила обратно к подружкам.

Ошарашенные Ванька и Миха пылко замахали руками, подзывая Юрку к себе. Он повиновался.

— Как? — воскликнул Ванька. — Как ты смог сделать это?!

— Ну почему тебе так везёт?! — жалобно проныл зелёный от зависти Миха.

— А что тут такого? — наигранно удивился Юрка.

— Ну… Это же Ксюша! Она же настоящий Горыныч! Ты только ей не говори, что я её так назвал, ладно? — опомнился Миха. — Она меня полотенцем лупит, а ты… а тебя… Она тебя поцеловала! — доказывал он, будто Юрка не знал.

— Ага, — поддакнул Ванька. — Нам о таком только мечтать…

— Ой, тоже мне, красавица писаная, — отмахнулся Юрка. — И получше видали.

— Вот это правильно! Так с ними и надо! — показательно захорохорился Миха, но тут же добавил испуганным шёпотом: — Только ты ей не говори, что я так сказал, ладно?

— Но всё-таки, как? Есть же какой-то подвох? — недоумевал Ванька.

Юрка помотал головой:

— Неа. Я заслужил, — и, гордо вздёрнув подбородок, развернулся и потопал к Володе.

Но Володи на стульях уже не было. Юрка растерянно оглянулся по сторонам.

«Может, к эстраде пошёл, с Ирой мириться? К себе в отряд вряд ли уйдёт без предупреждения». Уверенный в том, что Володя где-то здесь, просто нужно его найти, Юрка отправился к дальнему краю танцплощадки и забрался на яблоню — ту самую, на которую в начале смены вешал гирлянды. Подтянулся на суку, перекинул ноги через разветвление ствола и, чувствуя себя пиратом на мачте, стал оглядывать окрестности.

Народ внизу расшевелился: кто-то приглашал девчонок танцевать, — Юрка им немного позавидовал, это же такой адреналин! Кто-то веселился вовсю без пары, а кто-то топтался на месте одинокий и напряжённый как, например, Митька.

Ведущий лагерной «Пионерской зорьки» стоял под украшенным красной гирляндой деревом и смотрел на Ульянку, то розовея, как поросёнок, то, когда лампочка гасла, бледнея, как мел.

— Сделаем небольшую паузу, — когда очередная песня закончилась, Саныч отвлёк Юрку от созерцания Митьки. Пионеры заулюлюкали. — Сейчас Ольга Леонидовна объявит результаты Зарницы, а потом у нас будет белый танец!

Ольга Леонидовна вышла на сцену ровно на одну минуту и без предисловий громогласно объявила в микрофон, что по результатам подсчёта голосов победила дружба!

Послышались жидкие аплодисменты. Но как только раздались первые звуки шлягера восемьдесят шестого года — песни Аллы Пугачёвой «Паромщик» — шепоток оживления прошёлся среди парней, а девчонки разом заозирались по сторонам. Они упорно кого-то искали.

«Вожатого пятого отряда», — догадался Юрка. И, проследив, куда направилось большинство взглядов, действительно его отыскал.

Он стоял возле эстрады, скрытый высокой колонкой — поэтому-то Юрка заметил его не сразу. Как и предполагалось, Володя разговаривал с Ирой Петровной. Издалека нельзя было ни расслышать голоса, ни рассмотреть эмоций на лице вожатой, зато Юрка увидел, что в их сторону медленно и неуверенно направляется Маша. Она остановилась и, заламывая руки за спиной, переминаясь с ноги на ногу, что-то сказала обоим. Володя кивнул Маше. Ира похлопала его по плечу и, улыбнувшись, отошла. Володя чуть наклонился к Маше и галантно протянул руку.

Время превратилось в тягучий кисель. Замерев в неудобной позе, Юрка смотрел, как медленно, очень медленно, Володя выводит Машу в центр танцплощадки. Как завистливо смотрят им вслед девушки. Как он аккуратно, на расстоянии приобнимает её за талию… И внутри Юрки опять поднялась горячая волна злости и обиды.

Пионеры расступились, Володя и Маша кружились на танцплощадке одни. Юрка наблюдал за ними растерянно. Фантазия дорисовывала ему, будто они там — в кругу света, и будто десятки пёстрых гирлянд, и все звёзды, и луна — светят только на них, выделяют…

«Ревность», — подсознание услужливо прошептало название этого жгучего чувства. Это — оно, то самое ужасное ощущение, которое Юрка испытал сегодня, подсматривая за ними в окно кинозала. Это — ревность, и сейчас ревность жалила куда сильнее и больнее, чем прежде.

«Предатель! Врун! — злился Юрка. — Сказал, что ни с кем танцевать не будет, и обманул! Да и не танцует он, а тискается! И с кем — с Машей! С этой глухой курицей Машей! Друг, называется! Такой вот он друг!»

Пугачёва меж тем пела из динамиков медленно и, Юрке казалось, заунывно:

Разлук так много на земле и разных судеб,
Надежду дарит на заре паромщик людям,
То берег левый нужен им, то берег правый.
Влюблённых много — он один у переправы.

Песня подходила к концу, а она всё повторяла и повторяла:

Влюблённых много — он один, влюблённых много — он один…

«И я один — болтаюсь на дереве, как макака, как дурак!» — вконец рассвирепел Юрка. Схватил висящее рядом яблоко, дёрнул, срывая. И, не прицелившись, запустил им в Володю. Он был уверен, что промахнётся, что яблоко шлёпнется на землю и разлетится, забрызгав их обоих соком. Но оно проделало практически идеальную дугу и… врезалось Володе точно в плечо.

Дальнейшее произошло в считанные секунды.

Юрка сообразил, что оставаться на яблоне ему ни в коем случае нельзя, ведь если его застанут — выкинут из лагеря к чертям! Он никогда не спускался с дерева так быстро. С ловкостью акробата-циркача шмыгнул вниз и со скоростью бегуна-олимпийца скрылся с территории дискотеки.

Вернее, Юрка только подумал, что скрылся. Спустя минуты три он остановился и, красный, как рак, оглянулся по сторонам. Неподалёку стояла низенькая постройка без окон. Юрка завернул за угол. Оперевшись о побелённую стену, перевёл дыхание и только тогда унюхал сладкий запах сирени и услышал гул щитовых.

— Юра! — раздался оклик неподалёку. — Я знаю, что ты здесь! Я видел, как ты свернул.

«И как только догнал?» — раздосадованно подумал Юрка, но решил, что снова сбегать нет смысла — если он смоется сегодня, всё равно придётся оправдываться завтра.

— Ну тут, тут! — отозвался он.

Володя подошёл к нему. Приняв очень виноватый вид, Юрка втянул голову в плечи. Но по Володе нельзя было сказать, что он злился, скорее недоумевал. Потирал рукой ушибленное плечо, смотрел озадаченно.

— Ты зачем в меня яблоко швырнул?

— Прости, — искренне попросил Юрка. — Я правда не хотел, не думал, что попаду. Очень больно?

— Ну… ощутимо… — пристыдил он. — Ты зачем на яблоню полез?

— Тебя искал, а оттуда видно лучше.

— И?.. — протянул Володя, ожидая дальнейших разъяснений.

— Меня взбесила Маша, — честно признался он. — Она тебя пригласила, а ты согласился.

— Ну и что?

— Ты говорил, что не будешь ни с кем танцевать! И ведь пошёл именно с ней, прекрасно зная, как она меня раздражает!

— Юра, я не понимаю, в чём дело, — Володя устало потёр глаза. — Объясни нормально.

— Да в том, что я видел вас сегодня в театре — как ты её успокаивал!

— Ты подсматривал?

— Да, подсматривал!

— Зачем?

— Да какая разница! Сначала ты её обнимаешь и по голове гладишь, теперь вот танцуешь… А дальше что? Она тебе нравится?

— Нет, — твёрдо ответил Володя. — Да и вообще тебе-то какое дело, что у меня и Маши…

— Но ты говорил, что мы друзья!

— Конечно, друзья, но при чём здесь это? Юра, последние три дня с тобой что-то происходит. Я спрашивал, ты молчал. Потом взъелся на Машу. Но то, что ты сейчас сделал, — это уже чересчур!

Да, Юрка понимал, что ведёт себя крайне странно. Головой понимал. Не должны были Володя и его отношения с Машей вызывать такой ураган эмоций. Но вызывали. Сердце одновременно и болело, и сжималось. В груди пекло и давило. Горели щёки, а по коже бегали мурашки холода, пальцы подрагивали.

Володя был спокоен. Стоял, сложив руки на груди. Юрка приблизился к нему и, не разрывая зрительного контакта, сказал:

— Хочу, чтобы я был у тебя один!

— Ты и так один. Кроме тебя, у меня нет друзей, — произнёс Володя мягко, даже ласково. — Юра, если тебе нравится Маша, только скажи, я отступлю.

— «Только скажи»? Может быть, лучше ты сам мне всё скажешь?

— Что мне тебе сказать?

— Правду. Про неё. Это ведь она! Почему ты мне сразу не признался, что это она?! Почему скрываешь? И ведь что скрываешь — то, что тебе не терпится всего-то годик подождать? Ты подожди, и всё у тебя будет. Всё! А у меня никогда ничего не будет!

— «Годик»? Я не понимаю, — Володя и правда теперь выглядел растерянно, даже опустил руки. — Постой. Или… — он ненадолго задумался и вдруг резко хлопнул себя ладонью по лбу. — Во я дурак! Так вот почему ты странный, вот почему избегаешь меня и кричишь на Машу — она тебе нравится, но ей нравлюсь я! — Володя рассмеялся.

Глядя на цирк, который он тут устроил, Юрка начал злиться. Вдруг всё вокруг стало слишком ярким, будто разом обострились все органы чувств.

Гул щитовых казался оглушительным, запах сирени — приторным, и даже тусклый свет луны и звёзд его ослеплял. Володино лицо в этом свете стало белее, а серо-зелёные глаза засияли изумрудами. И, может быть, Юрке только показалось, но, помимо фальшивой радости, было в них что-то ещё. Будто Володя понимал больше, чем должен, будто он знал о том, что происходит с Юркой, гораздо лучше его самого. Но, несмотря на это, врал и устраивал клоунаду.

— Твоя «девушка со двора» — это Маша! Юр, я с радостью… я не стану мешаться! Дерзай, и всё у тебя будет!

— Да что ты несёшь?!

Юрка больше не отдавал себе отчёта в действиях. Время второй раз за вечер замедлилось. К гулу в ушах прибавился грохот сердца. Пытаясь перекричать его, Юрка набрал полную грудь воздуха:

— Да не Маши у меня не будет, а тебя! — и отвернулся.

— Стой, что? — Володя схватил его за руку и развернул к себе. Нахмурился, глядя глаза в глаза. — Повтори! Что ты сказал?

— Как мне тебе объяснить?.. — сдавленно прохрипел Юрка.

Он взял Володю за плечи, потянулся к лицу, замер на одно мгновение и прижался своими губами к его.

Володя подавился вздохом, его глаза расширились от удивления. А Юрка будто умер. Его будто больше не существовало. Единственное, что он чётко осознавал и чувствовал, — Володин запах. Яблоки. И совсем чуть-чуть — тепло его кожи.

Это продлилось пару секунд, а потом Юрка почувствовал ещё одно — руки на своих плечах. Он даже обрадоваться не успел, как Володя аккуратно, но настойчиво отодвинул его от себя.

Ещё несколько секунд Володя растерянно смотрел в его пылающее лицо. Потом, так и не убрав рук, держа Юрку на расстоянии, строго сказал:

— Ты это прекрати.

Глава 11

Здесь зазвучит музыка

Стряхнув кителем осколки стекла с подоконника, Юра выбрался из вожатской. Без сожаления покинув одуванчиковую поляну — уж очень тоскливым был её вид, — он вышел туда, где раньше была спортплощадка. В юности она казалась ему огромной, теперь же — жалким заросшим травой пятачком.

«В детстве всё кажется больше и значимее», — подумал он, обходя корты по кругу. Вздохнув, покачал головой — в неё настойчиво лезли мысли о том, как неизбежно летит время, беспощадное ко всему. Оно, как чума, убивало всё, к чему прикасалось.

Боясь запнуться о валяющиеся в мокрой траве куски асфальта, Юра смотрел под ноги, на рваную ржавую сетку-рабицу, что лежала пластом, будто вросшая в землю. Когда-то эта сетка обтягивала корт, когда-то за неё так отчаянно цеплялся Володя, извиняясь за журналы, рассказывая ему про МГИМО.

«Интересно, он его закончил?»

Взгляд зацепился за тёмный сгусток в густой поросли у стены столовой. Юра подошёл ближе. Между кусками разбитого кирпича и опавшей листвой валялись узкие прямоугольники: чёрные — поменьше, белые — побольше. Клавиши пианино. И сам инструмент был тут: поломанный, с отвалившимися панелями и разбитой крышкой. На куске деревяшки, которая когда-то была передней панелью, сохранилась золотая надпись-название «Элегия», молоточки тоже были разбросаны вокруг, а из самого нутра пианино торчали разорванные струны.

Юре было почти что физически больно смотреть на столь изломанный инструмент его детства: «Как он попал сюда? Кинозал неблизко… Наверняка это деревенские из Горетовки начудили. Пока Горетовка здесь ещё была. И хватило же ума вытащить его и докатить на площадку. Но раз уж вытащили, зачем бросили? Хотя

люди не оставили камня на камне от целой деревни, что уж про пианино говорить…»

«Элегия»… Он помнил эту модель пианино — в СССР она была одной из самых популярных. Во все садики, школы и прочие учреждения чаще всего закупали именно такие. Пионерлагерь «Ласточка» не был исключением. Точно такое же, коричневое, находилось в кинозале и использовалось на всех репетициях. Именно за ним играла Маша, и…

Юра протянул руку, коснулся разбросанных клавиш. Он помнил их не такими, как сейчас, а чистыми и блестящими. Если бы они имели память, то тоже не узнали бы его рук. Тогда руки были другими — юными. Юра заворожённо смотрел на печальную картину постаревших рук на старых клавишах. Как они были похожи.

Перед его мысленным взором вспыхивали старые картинки из памяти, нечёткие, необъёмные. Но вдруг будто время помчалось вспять, и клавиши побелели на глазах, вот уже и пальцы на них — молодые и неопытные.

Картинка ожила и как наяву обрела чёткость и детали, наполнилась звуками и запахами — кинозал, вечер, лето 1986 года, и он, юный, в кинозале, в лете. Он и взрослый был там же, всеми своими мыслями.

* * *

— Юр, вставай! Ну Конев, ну вставай уже! Если хоть кто-нибудь на зарядку опоздает, не видать нам звания лучших.

Зарядка. Завтрак. Линейка. Общественные работы. Театр. Володя будет везде. От него нигде не скрыться. Юрка всё ему рассказал, Володя теперь знает все места, где он мог бы спрятаться. Володя его найдёт и спросит: «Почему ты это сделал?»

Не надо вставать, не сегодня — точно.

— Юр! Ну Юра, просыпайся и пойдём, — ныл Миха, стягивая с него одеяло. — А почему ты в одежде? — удивился он, но Юрка ничего не ответил.

О том, что Володя не станет просто стоять на месте и непременно найдёт его, где бы тот ни прятался, Юрка догадался ещё вчера. Поэтому побежал туда, где вожатый станет его искать в самую

последнюю очередь — в свой отряд. И, не раздеваясь, прыгнул под одеяло. Володя явился, когда все уже спали, и не осмелился будить.

Юрка не помнил, спал он тогда или нет. Он в целом не знал, что делал этой ночью. Глаза закрывал, но спал ли?

Он поднялся с кровати, стряхнул яблоневые листочки с простыни — с дискотеки принёс, — молча переоделся и побрёл на зарядку.

Оказалось, что это очень удобно — ходить строем: совсем не обязательно поднимать взгляда от земли. Волочишься себе, смотришь под ноги впереди идущему, будучи абсолютно спокойным — строй куда-нибудь да приведёт. И привёл. На спортплощадку, где на зарядку собрался весь лагерь. И Володя тоже. Вот бы сбежать отсюда!

Как удобно оказалось смотреть за тенью впереди стоящего и повторять его движения. Юрка физически не мог поднять головы, хотя его ругали, что подбородок надо тянуть вверх и что спину нужно держать прямо, но Юрка не мог. Володя везде. Они обязательно, вынужденно, неминуемо встретятся, их взгляды встретятся. Конечно, замертво Юрка не упадёт, но и просто стоять не сможет. Ноги пригвоздит к земле, а тело парализует, но Юрка всё равно обязательно сделает что-нибудь. Выместит на себе всю злость и ненависть — например, откусит язык, если остальное окоченеет. Но язык ему не враг. Такого, за что можно себя ненавидеть, Юрка не сказал, а сделал. Ну зачем он это сделал?!

Линейка. Первый отряд традиционно стоял напротив пятого. Он и Володя — самые высокие среди всех присутствующих, как и все, они должны были смотреть прямо. Но Юрка не подчинился правилу, чувствуя Володин взгляд. Этот взгляд не морозил и не сжигал, а душил, да так, что вот-вот лицо посереет.

Гимн. Флаг. Нужно было поднять руку в салюте. Допускалось смотреть вверх, и это хорошо, удобно, потому что не прямо перед собой.

Раздали наряды, Юрку отправили дежурить в столовую. По пути он заметил, что на аллее пионеров-героев отличный асфальт. Серый и ровный, разрисованный тенями от растущих вдоль берёз, пестрящий пятнышками пробившегося сквозь листву солнца. И что странно — эти световые кусочки порой то сливались в маленькие кляксы, то расплывались каплей акварели в воде. Или с асфальтом всё было в

порядке, а проблема — в Юркиных глазах? Проблема вообще в Юрке. Ну зачем он это сделал?

Расставляя стулья в столовой, он пытался смириться с мыслью, что будущего у них не будет. Что после вчерашнего поступка Юрке останется лишь прошлое, — их недолгая дружба ушла во «вчера», всё светлое ушло: снисходительность Юрки к себе, самоуважение, самолюбие. И его непонятное чувство к Володе должно остаться там же.

Расстилая скатерть, Юрка решил, что это чувство — как бы оно ни называлось, — нужно скорее забыть. Ведь что бы он ни делал, любое воспоминание о Володе непременно замарается памятью о позорном поступке. Потом и ответ вспомнится: «Ты это прекрати!» Нет, чувство не даст Юрке жить спокойно. А жить-то хочется!

Но Юрка знал, что где-то там, за забором лагеря, без стыда и риска встретиться, у него обязательно будет жизнь. Где-то далеко расстилалась зовущая терра инкогнита, где Юрку непременно ждала свобода. Но свобода — там, а не здесь, не в лагере, не рядом. Вот бы сбежать отсюда далеко за горизонт. Нет, не «вот бы», а «надо». Он должен отсюда сбежать!

Юрка возил ложкой в тарелке. Медленно, но послушно ел, только не понимал, что именно — не обращал внимания. В тарелке плавился большущий кусок масла, жёлтое пятно в чём-то пресном, белёсом. В левой руке точно крошился хлеб, рядом точно стоял стакан, но что остывало в нём, чай или какао, Юрка тоже не разобрал. Кто-то сидящий напротив пил — тогда и Юрка пил, ел — тогда и Юрка ел, не потому что хотел, а потому что кто-то сказал «надо».

Он встал с места, только когда весь пятый отряд во главе с обоими вожатыми вышел из столовой. Пока другие дежурные стирали со столов, Юрка таскал подносы с грязной посудой и думал, что будет делать дальше.

Зарядки, линейки, работа — всё это он переживёт, сегодня же пережил как-то. Но театр? У него слишком мелкая роль, с ней любой справится, тем более в ссоре с Володей Юрка там вообще не нужен. Может быть, Володя сжалится над ним и исключит его из труппы? Это было бы хорошо. Ведь тогда будет меньше встреч, меньше слов и меньше раскаяния. Может быть, Юрка даже научится жить так, чтобы вообще не попадаться ему на глаза? Может быть, привыкнет к тому,

что его нет рядом? Володи в любом случае рядом не будет. Того Володи, каким он был с Юркой до вчерашнего вечера, — доброго, интересного, светлого, родного. Но ведь рано или поздно Юрке всё равно пришлось бы пережить эту разлуку. Рано или поздно ему пришлось бы его разлюбить.

Чтобы девчонки могли помыть пол, они поручили Юрке поставить стулья на столы. Покорно выполняя приказ, он раз от раза удивлялся, почему стулья такие тяжёлые, ведь ничего, имеющего большой вес, в них нет — одни только тонкие, будто фанерные, сиденья и алюминиевые ножки. Он быстро устал, но упорно продолжал поднимать один за другим — при столь нудной работе думалось очень хорошо.

Что он будет делать, когда они всё-таки встретятся и Володя спросит: «Почему ты это сделал?» Ведь он обязательно спросит, это же Володя.

Юрка взмолился неведомо кому: «Пусть он никогда не заговорит со мной! Пусть не подойдёт даже близко, пусть делает вид, что меня не существует, пусть даже в мою сторону не смотрит, только бы не спрашивал ни о чём!» Да, это было бы страшно. Да, это было бы настоящее горе, но Юрка сильный, он вынесет и презрение, и ненависть. В презрении и ненависти к Юрке они с Володей даже товарищи. Пусть хотя бы это останется последним общим.

Пусть произойдёт что угодно и как угодно, лишь бы не спрашивал. Но он спросит! Это же Володя! А что ответить на вполне разумный вопрос «Зачем?» Ну зачем он это сделал?

Юрка пошёл в центр зала, собираясь расставить там стулья — пол уже помыли. Протянул руки и вздрогнул — из-за спины раздался негромкий, до боли знакомый голос:

— Юра?

«Пришёл!» — Юрка уставился прямо перед собой, сердце ушло в пятки.

Просторный зал столовой с кафельной плиткой на полу, с простой, белой, невесомой мебелью, светлый и чистый, как операционная, мигом превратился в тёмный склеп. Чёрные стены покрылись трещинами, осели и медленно повалились на плечи.

— Юра, что с тобой происходит?

Подавленный, лишённый дара речи Юрка не мог ни пискнуть, ни вздохнуть, ни шелохнуться.

— Выйдем, надо поговорить.

Он положил руку Юрке на плечо и легонько встряхнул, но Юрка лишь молча вжал голову в плечи. Зато девчата ПУК, тоже дежурные в этот день по столовой, обступили их. Володя, так и не отпуская Юркиного плеча, говорил с ними и вроде бы даже улыбался, но Юрка чувствовал, как от раздражения подрагивает лежащая на его плече рука.

Кое-как отвязавшись от девчат, Володя прошипел сквозь зубы Юрке на ухо, и от холода в его голосе будто вздрогнул пол:

— Юра, я сказал — пошли!

Так и не дождавшись хоть какой-нибудь реакции, он сжал Юркину руку и потащил его из столовой.

Юрка не заметил, как оказался на улице. Белый вестибюль, скрипучая дверь и серая лестница быстрыми кадрами пролетели перед глазами, как, впрочем, и вся Юркина жизнь. Влажный утренний воздух коснулся его щёк, Юрка оказался на скамейке — Володя его усадил, а сам навис над ним огромной мрачной тенью.

— Объясни мне, что произошло вчера? Что всё это значит?

«Я поцеловал тебя. Видимо, потому, что влюбился», — силился ответить Юрка, мысленно повторяя, будто пробуя «влюбился» на вкус. Вкус ему не понравился — пресный и фальшивый, вот только другого объяснения дать не получалось. Тогда Юрка попытался ответить: «Ты мне нравишься» — но слова застряли в горле, он только и смог выдавить:

— Я не знаю.

— Как это ты можешь не знать? Это что, шутка такая была?

Юрка невольно вздрогнул. Он не мог поднять на Володю взгляда. Да что взгляда — голова оказалась такой тяжёлой, что непонятно, как не переломила шею. Юрка упрямо старался подобрать слова, он всеми силами искал ответ везде, шарил по серому асфальту взглядом — если в себе не нашёл, вдруг там отыщет?

Володя ждал, шагая из стороны в сторону, в нетерпении шаркал кедами по асфальту и громко дышал. Ожидание давалось очень непросто. Но что ему ответить, Юрка не знал до сих пор и, блуждая взглядом по своим рукам и кроссовкам, еле слышно сопел. Молчание,

похоже, начало выводить Володю из себя, он зашаркал громче, задышал злее, вдобавок начал хрустеть пальцами. Потом резко сел перед Юркой на корточки, заглянул в глаза и начал натужно ласковым тоном:

— Пожалуйста, объясни мне, что с тобой происходит? По крайней мере, пока мы всё ещё друзья, и я услышу тебя, обещаю. Скажешь, что пошутил, или что это была издёвка, или пусть даже месть — я пойму, скажешь, что случайность или что не хотел — я поверю.

Юрка издевательски улыбнулся — Володя дал шанс их дружбе, предпринял наивную попытку сохранить хотя бы что-то. Юрка это понимал, но вместо того, чтобы играть с Володей в ложь, он наплевал на всё, собрался с силами и выдохнул правду:

— Хотел.

— Что? — растерялся Володя. — «Хотел»? Как это — ты хотел?

Да, он дал им шанс, но Юрка ни секунды не сомневался, что в этом нет никакого смысла. Прошлого уже не вернуть. Того светлого и чистого, что теплилось между ними, больше не будет. Им останется только стеснение, фальшь и неловкость. И во всём этом он, Юрка, виноват.

— Юра, но так нельзя! — Володя был с ним того же мнения. — Это баловство очень опасно! Даже думать об этом забудь!

Володя рывком поднялся и, отвернувшись, замер. Постоял так, не двигаясь, а потом опять принялся ходить взад-вперёд. Юрка смотрел на его мечущуюся из стороны в сторону тень и ощущал всем телом, что мир вокруг него рушится.

Крушение началось вчера, когда своим глупым поступком он запустил стихийное бедствие. Оно надвигалось на него неминуемо и, наконец, настигло не больше получаса назад в столовой, покачнув пол и повалив стены. Теперь же Юрка был в эпицентре.

Он собрал последние крохи самообладания и мёртвым, низким до хрипоты голосом пробормотал, ни на что особенно не надеясь:

— Но ты же сказал, что поймёшь, что мы ещё друзья.

— Да какие мы после этого друзья!

Всё замерло и внутри, и снаружи. Ветер пропал, звуки утихли, но вдруг издалека, будто из другой вселенной, донёсся детский крик. Не весёлый, как было обычно, а напуганный.

Володя замер на месте и приказал:

— Подожди меня здесь.

Но только сделал пару шагов, как Юрка вскочил и рванул в сторону. Володя мигом схватил его за запястье и заставил сесть на место. Руку так и не отпустил.

— Я ещё не закончил.

— Так мы же больше не друзья. Всё!

— Нет, не всё. Я сто раз тебе говорил, ты играешь в глупые и опасные игры. Но *это*!.. — его голос сорвался. Володя едва сдерживался, чтобы не закричать, зашептал сдавленно: — Никогда никому не говори о случившемся, даже не намекай, и вообще, лучше забудь всё это как страшный сон. И в будущем не смей допустить даже мысли о чём-то подобном!

Он до боли стиснул его запястье, Юрка, вздрогнув, не проронил ни звука.

— Володя! — раздался писклявый девичий вопль. Юрка не узнал голоса, сейчас он и не собирался никого и ничего узнавать. — Пойдём скорее!

Впервые на Юркиной памяти Володя изменил себе и, вместо того чтобы, не задумываясь, броситься куда зовут, не двинулся с места и закричал:

— Не видишь, я занят?!

— Прости, но там… Володя, там Пчёлкин опять. Там Сашка упал!

Володя рыкнул ей: «Сейчас!» — наклонился к Юрке и отчеканил:

— Жди меня здесь. И чтобы ни шагу в сторону!

— Володя! — девочка зарыдала. Юрка только тогда узнал голос — это была Алёна из пятого отряда, она играла Галю Портнову в спектакле. — Воло-о-одя! Там Пчёлкин карусель взорва-а-ал! У Сани нос разбит, вся площадка в крови-и-и!

Володя побледнел и, наконец отцепившись от Юркиной руки, несильно оттолкнул его. Прошипел сквозь зубы: «Вот сука!» — и побежал, куда указывала Алёна. Юрка остался один.

Как стыдно. Он всё испортил, он только мешает и вредит. Хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, пропасть, чтобы Володя никогда больше его не увидел. Стереться из памяти, чтобы он даже не вспомнил о нём.

Они больше не друзья. Володя ещё раз, ну, может, два, вот так же посадит Юрку перед собой и станет расспрашивать. Сам того не

желая, будет мучить, заставит раскаяться, хотя больше уже некуда. Но потом удовлетворит своё любопытство, вытащит из уже и так униженного Юрки всю подноготную, и что дальше? Станет издеваться? О нет, Володя не станет! Он поступит ещё хуже — одарит тем самым презрением, на которое Юрка готов был пойти какой-нибудь час назад. Но ведь это было до того, как Володя сказал «Какие мы после этого друзья», до того, как Юрка понял, что в самом деле уничтожил их дружбу. Верно, теперь они друг другу никто. То есть Юрка Володе никто. А сам он пока ничего не забыл.

И как ему ещё целую неделю жить рядом с Володей, стараясь не смотреть на него и не показываться лишний раз самому, чтобы не напоминать о том унизительном поцелуе? Смотреть на него, таясь? Говорить с ним только на репетициях и только о них, без малейшей надежды услышать хотя бы одно доброе слово о себе? Ведь всё это стало для Юрки жизненно важно, он теперь нуждался в понимании и мягкости, если уж не в ответном чувстве. Но получит он совсем другое. Холод от того человека, который за каких-то две недели стал ему ближе, чем кто-либо, от которого он видел и ощущал заботу и даже нежность. Ведь Юрка неизбежно сойдёт с ума. Да он же уже сходит!

Зачем ему этот лагерь без Володи? Зачем ему мучиться, живя здесь рядом с ним, но без него? Страдать угрызениями совести и внутренне полыхать от стыда? Ведь Юрке и так здесь не нравилось с самого первого дня смены.

Навязчивая мысль, что крутилась в голове всё утро, снова всплыла на поверхность и закрутилась, зазудела: «Я должен отсюда бежать!»

Он поднялся, сорвал с руки повязку дежурного, бросил под ноги и рванул от этой проклятой скамейки прочь. Он бежал по дорожке к аллее не помня себя. Движимый только одной целью и понимая только одно: ему нужно убраться из этого лагеря — и лучше, чтобы навсегда!

Остановился, только когда очутился перед бюстом Марата Казея[5]. Поёжился, взглянув на лицо пионера-героя — даже он, гипсовый, смотрел на него осуждающе. «Паранойя какая-то», — подумал Юрка и обернулся налево — аллея вела в самый центр лагеря, на площадь. Нет, Юрке там делать нечего. Он посмотрел прямо — дорожка на стройку, там пустой тайник с куревом, посмотрел направо, а там — ворота, выход из лагеря, там свобода! И кстати, нет ни дежурных

пионеров, ни сторожа. «Наверное, сбежались на устроенный Пчёлкиным переполох. Ну и влетит же им!» — подумал Юрка и бросился к выходу.

Тяжёлые ворота скрипнули, открывая дорогу и густой, не чета светлому лагерному, лес. Здесь даже пахло иначе — чище, и дышалось легче. Вот она, свобода — сначала просто пахнет и кружит голову, но разумом ощущается только потом. Юрке она «ощутилась» мыслью: «Здесь нет Володи, здесь мы точно не встретимся!»

Он устремился в чащу. Специально отправился через лес — боялся, что постовые ушли недалеко и могли заметить его уход. Прячась за деревьями, топал вдоль лагерной тупиковой дороги к трассе, по которой ездили машины и ходили автобусы, составлял план побега. Путь предстоял неблизкий, времени было достаточно.

Первый вопрос — когда сбежать? Точно не сейчас, с собой нет ни одежды, ни денег, ни ключей от дома. Лучше попробовать ночью, пока все спят. Нет, лучше под утро. Надо будет спрятаться где-то неподалёку от лагеря и подождать, когда пойдёт первый автобус. Где переждать — неизвестно, все его места знал Володя, нужно искать новое. Может быть, в этом лесу? Идти — так же, как сейчас, вдоль дороги по лесу, ведь на дороге Юрку легко заметить. Желательно взять с собой воды и хоть какой-нибудь еды. Сегодня Юрка решил сделать следующее: дойти до остановки, запомнить путь к ней и посмотреть расписание автобусов. Много ли их здесь ходит? Ну, хотя бы один точно должен идти до городского автовокзала. Оттуда домой.

Вдруг вспомнился запах дома. На кухне — чуть душный и сладковатый. В гостиной — пыльный, бумажный из-за большой библиотеки, стоящей вдоль стены на открытых стеллажах. Потом в память ворвался запах его комнаты — аромат дерева и лака от пианино. Как там тихо и спокойно, как хорошо, а ведь раньше Юрке казалось, что скучно.

Следующая мысль была тревожной — Юрку ведь там не ждут, а он явится. Скажет прямо — я сбежал из лагеря, принимайте. Мама закричит и, может быть, даже заплачет, а отец начнёт манипулировать Юркиной совестью — посмотрит на сына полным разочарования взглядом и промолчит. И долго ещё будет молчать, может быть, до самой осени. Лучше бы своим солдатским ремнём отходил пониже спины, но нет, он ничего не сделает и не скажет. Он примется

издеваться над сыном, мучая долгим, полным тоски взглядом, кричащим: «Я в тебе разочарован». Этот взгляд хуже всего.

Юрка на мгновение задумался, может, не домой бежать, а к «папиной» бабушке? Она любит Юрку любым, она даже слова против не скажет, наоборот, втайне обрадуется и никому его не выдаст. Идея казалась очень заманчивой, но Юрка одёрнул себя: «Прятаться за бабушкиной спиной? Струсить? Вот ещё! Будто мне одного стыда мало. Родители с ума сойдут, когда им скажут, что их единственный и любимый ребёнок пропал, и окажется, что пропал-то он на самом деле. Что с матерью будет? Ой, а отец! Он ведь немым до конца жизни останется!»

Юрка брёл медленно. В километре от лагеря лес одичал, местами приходилось перелезать то через кусты, то через поваленные стволы. Дорога выходила тяжёлой. Однажды Юрка даже провалился в рыхлую влажную землю и завяз, будто лагерь не хотел его отпускать и требовал повернуть обратно. А сам Юрка хотел другого — плакать. Жалобно так, по-детски, ведь, как бы он ни отвлекал себя планированием побега, как бы он ни подавлял болезненные, полные тоски и обиды мысли о Володе, они всё равно всплывали на поверхность. Таким нервным тоном он говорил, так посмотрел на него, когда присел на корточки, прямо как отец — разочарованно и с тоской. Нет, не надо думать об этом. Лучше о побеге. Лучше о преступлении и о наказании.

Что Юрке за это сделают родители? Ну что они могут — запрут дома? Вряд ли, Юрка уже слишком взрослый для таких наказаний. Не будут деньги давать? Это обидно, но не смертельно — у Юрки и так в кармане обычно и двадцати копеек не бренчало, он привык. А может, вышлют его из города в сад к бабушке? Пожалуй, этот вариант будет для них самым заманчивым, не зря же мать, сердито вытирая руки о передник, грозилась, что, если Юрка опять подерётся с кем-нибудь в лагере, до осени в саду просидит. Юрка тогда нахмурился, весьма правдоподобно сделал вид, что угроза подействовала, он даже супом захлебнулся. Только на самом-то деле вовсе не испугался — в саду у него есть друзья, есть Федька Кочкин и Колька Целлулоид. Будут, как в прошлом году, втроём ночью шататься по саду, дежурить-сторожить, ловить хулиганов и ежей. Не только Федькой и Колькой хорош сад, есть ещё их двоюродный брат Вова. Если те двое помладше, то Вова старше даже Юрки. Да, точно старше, он уже точно окончил школу, он,

скорее всего, ровесник Володи и такой же рассудительный и немного скучный. Его ведь и зовут так же — Владимир.

Нет, этот мир, безусловно, жесток и ужасен! В нём везде напоминание о Володе, в нём живут одни Володи. Хотя, что удивляться, если вождь мирового пролетариата не кто иной, как Владимир, ещё бы полстраны его имя не носило. Имя, кстати, весьма красивое — Вла-ди-мир. Музыка, да и только.

Мысленно пропевая это имя, Юрка запнулся о корягу и едва не вытянулся во весь рост. И всё-таки он будет страшно скучать. Он будет жалеть о том, что всё разрушил. Он больше никогда не увидит его. Никогда. Вообще. Ведь у Юрки не останется даже фото на память — их печатают под конец смены.

В просвете за деревьями показалась дорога, а метрах в двухстах — остановка. Серая, как бетон, массивная, монолитная, будто вытесанная из камня, очень красивая — козырёк голубой крыши торчал расправленным то ли самолётным, то ли ласточкиным крылом. А прямо под козырьком толстыми, железными, местами ржавыми буквами значилось «Пионерлагерь».

Дорогу перейти труда не составило, запомнить расписание — тоже. Здесь проходил всего один маршрут «410». Юрка удивился: ни разу в жизни не видел трёхзначных номеров. В рейс автобус уходил в шесть с небольшим утра, на эту остановку прибывал в семь десять. Юрка кивнул, запомнил. На прощание ещё раз пригляделся. Табличка старая, там, где был написан номер маршрута, — широкая трещина, так что, может быть, и не четыреста десятый. Но это неважно, главное, что конечная в городе, на автовокзале — вот где Юрка определённо увидит множество трёхзначных номеров.

Собрав информацию для плана побега, он оглянулся вокруг и неожиданно для себя успокоился — такое здесь царило умиротворение. Идиллия пустынной трассы, шуршащего леса вокруг, прохлады под крышей старой остановки довершалась чистым голубым небом, в котором белыми зонтиками невесомо опускался на землю с десяток лёгких куполов парашютов. Юрка улыбнулся: как здесь, вдалеке от тревог, хорошо. Сел в тень на лавку и в последний раз повторил про себя решённое и утверждённое. План был такой: вечером сломать забор за новостроем, сделать лаз, как в прошлом году. Собрать вещи, а утром, пока все спят, сбежать. Добраться до остановки, сидеть,

ждать. Потом домой. Получить по первое число от мамы, ждать кары небесной от отца. И тосковать. Так тосковать по Володе, что выть, что рыдать в подушку, что кататься не по полу, а по потолку. Ну зачем же он сделал это?!

Юрка спрятал лицо в ладонях. Ну зачем? Как же теперь он будет совсем один с этим непонятным, сладко-горьким чувством? Виноватый, одинокий, до полусмерти загрызаемый совестью?

Когда жажда, мучившая его битый час, стала невыносимой, Юрка встал с места, сплюнул густую слюну и повернул назад, в лагерь. Брёл точно так же по лесу, снедаемый новыми сомнениями. Точно ли он был готов к этому — к тому, чтобы его не видеть? Чтобы сжечь все мосты, не оставив даже малейшего шанса на примирение, не попрощавшись, не сказав «прости».

«Как я вообще додумался сделать такое? Как вообще смелости хватило? Как ему в глаза смотреть? Как простить то, что он оттолкнул? — десятки этих „как“ роились в голове: — Как я его унизил этим! Но как приятно было его целовать!»

Юрка всё брёл и брёл, казалось, что дороге нет конца. Обратный путь обычно пролетал быстрее, но у Юрки всё не как у всех, у него даже сотня метров исчислялась километрами.

Услышав неподалёку журчание родника, Юрка углубился в лес. Без труда нашёл ручеёк, попил. Жажда ушла, но от усталости начало клонить в сон.

Вспомнилась Володина реакция, там, в сирени за электрощитовыми, и в голове зазвучало одно слово — «оттолкнул», заиграло, повторяясь, одно действие — оттолкнул. С одной стороны, правильно, что оттолкнул, с другой — так обидно, что хочется обвинить Володю во всех бедах. Юрка совершенно не понимал, что происходит с ним, чувствовал себя потерянным и рассеянным. Он не знал, что делать до завтра, куда ему идти в лагере, где спрятаться. Как бы он ни хотел остаться в тишине леса, возвращаться всё равно пришлось.

Июльское солнце, пробиваясь сквозь густую крону диких лесных деревьев, падало на кожу, палило и противно щипало. И внутри Юрки тоже всё жгло, ныло и скребло. Он чувствовал себя заброшенным пыльным пианино, на котором давным-давно не играли, а использовали только как подставку для всякого хлама. Натянутые

струны внутри ослабли, на часть из них попала вода, и они проржавели, педаль, которая должна была делать звучание более долгим, сломалась и запала… Сейчас открыть бы крышку — которая тоже, скрипнув, поддалась бы с трудом, коснуться пожелтевших от старости клавиш… Да только вместо трогающих душу звуков получилась бы ужасная какофония, пианино ведь давно расстроено, молоточки искривлены. Нажмёшь на «си», а зазвучит смесь с бемолем, «до» второй октавы и вовсе будет молчать, а при попытке сыграть залпом октаву вышла бы череда скрипучих и западающих нот.

Их дружба с Володей была будто насквозь пронизана музыкой. Она звучала всегда: когда он увидел Володю на площади — гимном пионерии; в первую встречу в театре из радио «Каноном» Пахельбеля; на репетициях, — когда Маша играла на пианино; во время вечерних посиделок на каруселях она доносилась с танцплощадки, а потом зазвучала из динамиков радио уже под ивой. Чувства к Володе постоянно перекликались с музыкой, где Володя — там всегда была она.

Скрипнув тяжёлыми воротами, Юрка проигнорировал вопросы дежурных, откуда он тут взялся и куда ходил, и поплёлся куда глаза глядят. Вокруг бегали дети. На их лицах не осталось ни следа тревоги из-за происшествия с Пчёлкиным. Так же как и ни следа не осталось от его с Володей дружбы.

Она закончилась вчера, но смена была в самом разгаре. Так, может, оставался шанс хотя бы проститься полюбовно? Может быть, не надо вот так, сломя голову, бросаться в крайности и бежать от Володи? Никогда не увидятся же.

Итак, план побега был, но, кроме плана, появилась растерянность, усталость и голод. Полдник Юрка пробегал в лесу. Ждать ужина оставалось ещё долго, в столовую идти смысла не было, там не дали бы и корочки хлеба — неудивительно, в смену Зинаиды Васильевны ему никогда ничего не перепадало. Можно было пойти на корты, но сил для игры не было, а смотреть, как играют другие, не хотелось. Можно было пойти в какие-нибудь кружки, но делать там нечего. Можно было на речку — и встретиться там с Володей. Нет, видеть его сейчас — самое худшее, что только можно придумать.

Но Юрке так хотелось его увидеть именно сейчас.

«Ничего не понимаю!» — прошептал он, а ноги сами повели его в театр.

На площади девчонки прыгали в резинки, мальчишки стащили где-то бельевые прищепки и мастерили из них самострелы. Погружённый в себя, Юрка брёл, не замечая никого вокруг, только инстинктивно убрал руку за спину, когда кто-то маленький и юркий пробежал слишком близко и быстро. Юрка думал о кинозале. Там точно ещё никого не было, и там стояло пианино, и вдруг Юрке ужасно захотелось сесть за него, открыть крышку, положить руки на клавиши и, задержав дыхание, хотя бы невесомо провести по ним пальцами, почувствовать их. А может, сыграть что-нибудь? Что? Что бы он сейчас хотел услышать? Поглощённый мыслями о музыке, Юрка понял, что только за любимым инструментом, только так и никак иначе, он сможет разобраться в себе. Что ничто другое, кроме музыки, не способно его успокоить. Что только она может пройти сквозь него, поселиться в душе, навести там порядок и выудить из самых глубин понимание того, что с ним происходит. Только музыка способна успокоить душу, примирить с собой, образумить чувства, объяснить ему всё.

Чтобы заставить себя коснуться фортепиано, Юрке нужно было побороть кажущийся непобедимым страх. Но что такое тот редкий, колющий страх перед этим — тупым, ноющим, который Юрка испытывал всю прошедшую ночь и весь сегодняшний день? Сильный ли страх — неважно, важно то, что Юрка боялся слишком долго. Как кожа со временем грубеет и теряет чувствительность, Юркино сердце огрубело, ему стало почти всё равно, что-то внутри него притупило эмоции. Так вдруг у него наконец получится?

В кинозале было прохладно и темно. Все его помещения освещались лишь редкими лучиками солнца, пробивающимися из-под плотной ткани задёрнутых синих штор. Зал будто бы спал, в умиротворении и тишине, но пусто там не было. На сцене, уткнувшись носом в тонкую стопку бумаги и что-то тихо шепча, шагал из угла в угол Олежка.

— Вы разве не на речке? — удивлённо и довольно громко спросил Юрка.

Олежка вздрогнул и остановился.

— О, Юла! А мы всё, велнулись уже.

— Ясно. А где… Володя? — Юрке стало тревожно — вдруг он где-то здесь?

— Занят он. Пчёлкин устлоил дивелсию. Он соолудил бомбу из калбида, хотел отплавить Саньку на Луну. Санька ведь у нас мечтает лаботать на Байконуле. Но у Петьки не вышло, летательный аппалат взолвался.

— Калбида? — повторил, будто передразнил Юрка, но Олежка ничуть не обиделся.

— Ну да, калбид.

— А, карбид! — Юрка с трудом угадал любимый химикат детства и подумал вслух: — Ну правильно — карбид. Так вот что искал Пчёлкин на стройке! Вот зачем в камнях копался. И лак пропал у девчонок не просто так! «Там совсем чуть-чуть оставалось, на донышке». Ну правильно — на донышке, вот бомба и взорвалась раньше времени. Её из пустых баллонов делать надо.

— Да-да-да. Там та-а-к шалахнуло! Девчонки в кусты, мальчишки в кусты, Саньке нос лазбили, кловь хлещет, всю площадку залил. Лена давай визжать. Ух как стлашно было! Ну вот Володя его к дилектолу и повёл. Там до сих пол и сидят. А ты почему на лечку не плишёл?

— Да так, дела были.

— А завтла плидёшь? — спросил Олежка с надеждой. — А сюда зачем плишёл? Тоже дела?

— Я… я поиграть на пианино хочу. Ты не говори никому, ладно? Я плохо играю, стесняюсь. Вот и решился, пока никого нет.

— Вон оно что. Ну ты иглай тогда, я пойду. У меня тоже кх… дела, — улыбнулся Олежа и умчался вприпрыжку, Юрка не успел ему и слова крикнуть вдогонку.

Вот он остался один. Вот оно — пианино. В Юркиной комнате стояло такое же, с одной разницей — его пианино покрылось пылью и было завалено чем попало: одеждой, игрушками, книжками, до самого верху, так, что крышки не видно. А это чистое, блестящее, красивое.

В два шага Юрка оказался у инструмента. Включил настольную лампу, что стояла на крышке, и только увидел освещённые тёплым жёлтым светом клавиши, как его снова охватила паника.

«Этот страх — ничто после ужаса, пережитого вчера. И чувство собственной ничтожности — ничто после того унижения, когда

Володя меня оттолкнул», — подбодрил он себя странным, но оказавшимся действенным способом. Снова шагнул к пианино.

Сел, поднял руку и осторожно нажал на клавишу. Предвкушение глубокой, низкой «до» электрическим разрядом прошло от пальцев к груди. Казалось бы, какая мелочь — выдать один единственный звук, но чего ему стоило перебороть себя. Сердце радостно затрепетало — он смог. «До» грянула и покатилась по залу.

Не зная себя от радости и наслаждения, Юрка негибкими без тренировок пальцами не ударял — погружался в клавиши, выдавая другие ноты, пытаясь вспомнить и наиграть что-нибудь простое.

— Как же там было? — задумался. — Фа-диез, ля-диез. Фа или ля? Не ля, фа. Фа, фа-диез. Или соль? Да что же это!

Он пытался вспомнить мелодию, которую сочинил сам. Тогда она казалась ему такой простой, что он играл её с закрытыми глазами, радуя родителей и особенно «мамину» бабушку, которая мечтала, чтобы внук стал пианистом. За год без музыки Юрка забыл мелодию так прочно, что теперь она вспоминалась с большим трудом. А ещё беда — пальцы не гнулись.

Юрка принялся их разминать и вспоминать мелодию визуально.

— Фа-диез, ля-диез второй октавы, фа, фа-диез третьей октавы. Фа-бемоль третьей, ля второй, фа второй, ля второй. Да! Точно! Вспомнил!

Вдруг все невзгоды ушли на второй план, вдруг все проблемы показались ничтожными — Юрка вспомнил, Юрка играл! Он наконец-то играл, он подчинял своей воле клавиши, он извлекал прекрасные звуки, он чувствовал, что может всё! Знал, что нет таких вершин, которые был бы не в состоянии покорить! Восторг унёс его из этого мира в другой, уютный, тёплый и звучный. Юрка будто взметнулся в космос и парил там, зачарованный белыми и жёлтыми вспышками звёзд. Только в его космосе звёздами были звуки.

Дверь кинозала тихонько скрипнула, но Юрка не обернулся.

— Фа-диез, ля-диез, фа, фа-диез. Фа-бемоль, ля, фа, ля… — шептал он, наигрывая то же самое снова и снова, перебегая рукой от второй октавы к третьей, вспоминая забытые движения.

Вдруг раздался яростный топот.

«Взрослый, — предположил Юрка, — шаги тяжёлые» — но тут же об этом забыл. Всецело поглощённый музыкой, он больше не

отвлекался, не смотрел вокруг и не слушал ничего, кроме музыки.

Шаги резко замолкли, потом одинокие, заглушённые нотами, стали негромко приближаться к нему. Кеды нежданного гостя чуть поскрипывали на лакированном паркете, руки протирали платочком очки, платочек шуршал, но всё это было безразлично Юрке.

Фа-диез, ля-диез второй октавы, фа, фа-диез третьей октавы, фа-бемоль третьей, ля второй, фа второй, ля второй…

— Никогда больше так не делай, — дрожащим голосом попросил Володя.

Юрка замер — не показалось ли? Нет. Выходило, что и топот был его. Юрка повернулся. Володя стоял в круге света возле сцены, тяжело дыша. Глядя в пол, он медленно, глубоко вздохнул и только надел очки, как тут же, будто по волшебству, стал совершенно спокойным.

«Вот он, пришёл, — произнёс Юркин внутренний голос. — Сам пришёл. Ко мне пришёл. Опять. И зачем?»

— Чего именно не делать? — негромко пробормотал Юрка.

— Не пропадай. Тебя не было пять часов!

— Ладно, — только и смог пробормотать Юрка, наблюдая, как Володя осторожно садится рядом с ним на широкий пуфик.

— Думал, убью тебя, как найдёшься, — грустно хмыкнул он. — Я ведь искал. Сначала сам, а потом ещё шпионов расставил, чтобы передали мне, где ты. Если бы не Олежка, до вечера бы не знал, где ты и что с тобой. Не знаю, что бы тогда стал делать.

— Это хорошо, — подал голос Юрка, — что ты пытаешься делать вид, будто ничего не случилось. Я тоже так хочу, но не получится.

Руки задрожали, в голову опять ворвался кавардак мыслей и эмоций. Юрка снова положил пальцы на клавиатуру, стал вспоминать вторую часть мелодии. Только так он и мог сохранить самообладание.

«Фа, фа-бемоль. Чёрт, нет, не так. Фа, фа-диез. Или бемоль? Чёрт!»

Володя проигнорировал его выпад и продолжил:

— Я не пытаюсь делать вид. Наоборот… Я вообще зачем пришёл. Конечно, кроме того, чтобы узнать, что ты жив-здоров… — Он смущённо прокашлялся. — У меня было много времени, чтобы подумать о произошедшем. Всю ночь решал, как и что буду делать. Целую ночь — и всё зря, всё не о том! Мне ведь и в голову не приходило, что это может быть всерьёз. То есть нет, конечно, приходило, но я гнал эти мысли — слишком фантастические. А

оказалось, что всё наоборот. И я запаниковал. Сказал совсем не то, что нужно говорить. И не то, что на самом деле хотел бы сказать. Но пока искал тебя, — он выделил последнее, — пять часов, снова обдумал всё. На этот раз правильно. Ну, и пришёл сюда, чтобы сказать, что решил.

«Фа, фа-диез…» Стоп.

— Какая теперь разница? Мы ведь больше не друзья.

— Конечно нет. Какие мы после этого «друзья»?

«Да, не друзья. После этого, конечно, мы больше не друзья», — Юрка весь сегодняшний день понимал это, но нужно было услышать это от Володи, чтобы окончательно утратить надежду.

Они замолчали. Володя сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на Юркино отражение в лакированной передней панели. Юрка и сам боковым зрением наблюдал за ним. Не хотел наблюдать, а наблюдал. Не хотел сидеть рядом — уж очень тесно, когда он так близко, — но сидел.

«Фа-диез, ля-диез, фа, фа-диез на октаву выше, фа-бемоль, ля нижняя, фа…» — звучало неуверенно, запинаясь.

— Юра, неужели тебе совсем не страшно?

— От чего мне должно быть страшно?

— От того, что ты сделал!

Конечно, ему было страшно. А ещё — непонятно и очень больно, но куда страшнее и больнее было понимать, что своим поступком он потерял Володю. Вот так вот взял и всё разрушил.

— Какой же ты всё-таки ребёнок, — не дождавшись его ответа, вздохнул Володя. — Но на самом деле я тебе даже завидую.

Юрка молчал.

— Твоя безрассудность и правда вызывает зависть. Ты с такой лёгкостью нарушаешь правила, плюёшь на всё и совсем не думаешь о последствиях… Мне бы тоже так хотелось. Чтобы хотя бы раз… хотя бы раз поступить не так, как «надо», а как хочется. Знал бы ты, как надоело постоянно думать о правильности своих поступков! Иногда я становлюсь настолько зацикленным на самоконтроле, на том, что делаю, говорю и как веду себя… что порой это доходит до паранойи и панических атак. В такие моменты я физически не могу трезво оценивать происходящее, понимаешь? А твой поступок вообще

показался мне катастрофой. Но… может, всё не так плохо? Может, я преувеличиваю?

Юрка не понимал, к чему Володя клонит. Он побоялся прерывать этот монолог, ведь сейчас был способен лишь на то, чтобы просто выплеснуть эмоции и, не обдумав, высказать, что есть на душе. Побоялся снова смутить его и себя и окончательно доломать то, что уже сломано. И не нашёл ничего лучше, чем снова промолчать. Тем более что в горле давно стоял тугой ком, который не давал не только говорить, но и даже дышать.

Володя же выжидающе уставился на отражение в лакированной панели. Его растерянный взгляд блуждал по Юркиному лицу, подолгу задерживаясь на глазах, будто Володя искал в них ответ. Но, не найдя его, он ещё раз смущённо прокашлялся:

— Юр, я вот о чём думал и хочу узнать твоё мнение. Существуют же очень близкие друзья, которые… ну, очень близкие, особенные. Например, я в школе и в институте видел, как ребята под ручку ходят или вообще в обнимку сидят.

— Ну и что? — наконец, Юрка проглотил застрявший в горле ком и заговорил. — Ну ходят и пусть себе ходят. На то они и близкие люди, им можно. Не то что мы.

— Как думаешь, они целуются?

— Ты что, издеваешься? Мне-то откуда знать, у меня никогда не было никаких «особенных» друзей!

— А я? — прозвучало чуть жалобно.

— А ты к Маше иди. Она небось заждалась.

— Юр, ну перестань. Маша — это просто отдыхающая, такая, как все.

— Такая, как все… — передразнил Юрка.

При упоминании её имени он принялся колотить по клавишам, чтобы звучало громче, чтобы не слышать внутреннего голоса, его монологов, снова пробуждающих ревность.

Юрка не осознавал, что играет всё увереннее: «Фа-диез, ля-диез ниже, фа, фа-диез выше, фа-бемоль, ля, фа ниже и ля». Что играет уже по памяти и не глядя: «Фа, фа-диез, фа-бемоль, ля-диез вниз и ещё фа диез, ля, фа и фа-диез вверх».

Он не мог отвести взгляда от Володиного отражения. Тот сидел бледный, робко поглядывал на него и кусал губы:

— Мне не хочется думать о случившемся плохо. Но, как ни стараюсь, думаю. Возможно, у меня опять паника и паранойя и я снова раздуваю из мухи слона, но мне очень страшно. Юра, скажи, а ты-то что об этом думаешь?

— О чём именно?

Володя пододвинулся ещё ближе, Юрка заиграл ещё громче.

— Ты это сделал потому, что… — Володя запнулся, вытер ладонью испарину на лбу. — Ты будешь?.. То есть ты хочешь быть для меня не простым, а особенным… другом?

Юрка ударил совсем громко:

«Фа-диез, ля-диез, фа, фа-диез вверх, фа-бемоль, ля второй, фа и ля вниз. Фа, фа-диез выше, фа-бемоль, ля-диез вниз, фа диез и ля, фа и фа-диез вверх!»

— Да хватит! Я не могу кричать о таком!

«Фа-фа-фа-фа», — у Юрки задрожало всё внутри.

Володя схватил его руку и прижал к клавишам. Всё замерло: музыка, дыхание и сердце. Юрка обернулся. Володино лицо было в паре сантиметров от его, он снова чувствовал его дыхание на своих щеках. От Володиной близости замирали даже мысли, по телу бежали мурашки. Его холодные пальцы подрагивали, сжимая Юркину руку, глаза за стёклами очков лихорадочно блестели.

Володя натужно сглотнул и прошептал:

— Может, на самом деле нет ничего плохого в том, чтобы поцеловать… особенного друга?

И тут до Юры дошло, о чём последние десять минут Володя пытался сказать. Не просто дошло, а рухнуло камнепадом. Не по голове, а по сердцу — оно приняло удар на себя, Юрку аж качнуло.

— Володя… ты чего? — он задал самый дурацкий на свете вопрос только для того, чтобы убедиться, не послышалось ли. — Ты чего говоришь, ты кого обманываешь — меня или себя?

— Никого.

— То есть… ты уверен, что это даже не самообман?

Володя покачал головой, облизнул сухие губы:

— Нет. А ты?

Едва дыша, Юрка захлопал выпученными от волнения глазами и сжал его пальцы. Сердце забухало в горле, Юрка прохрипел:

— Да, — он не понял сути вопроса, ему просто хотелось сказать «да».

Юрка не мог поверить в происходящее. Володя сам приблизился к нему и чуть склонил голову. Зрачки у него расширились, смотрел он взволнованно, держал Юрку за руку. Он держал его за руку! Не так, как обычно, а нежно и трепетно. Водил по кисти пальцами. Губы у него сухие, пахло от них приятно. Разве всё это возможно?

А ему-то, Юрке, что было делать — губы сворачивать трубочкой? У электрощитовых он об этом не думал. Но то было вчера — очень-очень давно и не с ним. А сейчас Юрке бы главное — не задохнуться от восторга и не оглохнуть от сердцебиения. Он закрыл глаза и наклонился. Ощутил дыхание уже не на щеке, а ниже.

Но тут крыльцо кинозала скрипнуло.

— Алые звёзды на рельсах горят, трамвай переехал отряд октябрят… — скандировал снаружи Сашка.

Юрка резко отвернулся, неуклюже ударился бровью о дужку Володиных очков, вскочил на ноги и встал позади. Руки у Володи дрогнули, сами собой взметнулись вверх и с грохотом рухнули на клавиши. Какофоничное на все лады «брям-с» разнеслось по залу.

— Фу какой дулацкий стишок! — ответил Олежка Сашке.

Дверь открылась, на пороге толпилась вся малышня из труппы, старших ещё не было. Юрка дышал надрывно, будто только что бежал. А Володя сидел за пианино и, хлопая глазами, непонимающе смотрел то на клавиши, то на вошедших.

— Вы так рано сегодня… время общественных работ ещё не прошло… — пробормотал он севшим голосом.

Юрка внутренне взвыл: «Как хорошо, что ступеньки скрипят!» — но вслух ничего сказать не решился.

Глава 12

От лирики к физике

Юрке вспомнилось вечное вожатское «Дети не должны слоняться и самостоятельно развлекаться!» Вот уж верно! Так верно, что, когда он смотрел на вбегающую в зал малышню, едва не рычал. Но делать было нечего, пришлось заниматься с актерами.

Володя старался не подавать виду, что пару минут назад между ними чуть не произошло нечто особенное. Юрка же искал любой возможности остаться с ним хоть на минутку и всю репетицию был как на иголках. Нервно ходил туда-сюда между рядами кресел, потому что усидеть на одном месте просто не мог, то и дело поглядывал в сторону Володи и ловил ответные взгляды. Вечно строгий худрук растерял свою строгость и казался немного рассеянным.

В самый разгар репетиции ступенька у входа скрипнула, в кинозал зашли ещё двое. Первым их заметил Олежка — драматично глядя вдаль, он зачитывал пафосный монолог, как запнулся на полуслове.

— Гхм… — поздоровался Пал Саныч.

— Здрасьте, Павел Александрович, — не отрываясь от своих дел, ответили дети.

— Ой. — Следом за директором вошла Ольга Леонидовна. Что-то черкнула в блокноте, пробормотала одними губами: «Починить лестницу» — и только затем поздоровалась со всеми во весь голос: — Здравствуйте, ребята!

Хором поздоровались и с ней. Воспитательница направилась к Володе, к ним немедля присоединился и Юрка.

— Пришла вот посмотреть, как у вас тут дела продвигаются. Послезавтра день рождения «Ласточки», спектакль должен быть полностью готов.

Володя задумался.

— Даже не знаю, — ответил он извиняющимся тоном. — Мы стараемся, но материала много, а времени мало. Да и декорации ещё…

— Гхм! — возмутился Пал Саныч.

— Володя! — перебила Ольга Леонидовна. — Я не спрашиваю, будет ли готово, мне нужно, чтобы всё уже было готово! Ладно, показывайте, что есть, а там посмотрим.

Начался прогон. Ольга Леонидовна мерила актёров холодным взглядом, молча отмечала что-то в блокноте и то и дело закатывала глаза. Наблюдая её реакцию, Юрка к своему огорчению понимал, что дела их не очень-то хороши. Он присутствовал на каждой репетиции и следил за тем, как ставится спектакль. Вроде и малышня уже выучила свои слова, и Маша медленно, но уверенно играла — кстати, «Колыбельной» даже не касаясь, — и ПУКи не отставали, но всё ещё было слишком сыро. Некоторые сцены так и вовсе прогонялись каких-нибудь пару раз. А декорации! Пусть декораций в спектакле предполагалось не очень много, но некоторые из них нужно было рисовать с нуля, и всё это только в планах!

Конечно же, Ольга Леонидовна и Пал Саныч остались недовольны. Юрка знал их обоих уже целых шесть смен и, как ни старался, не смог вспомнить, когда они хоть чем-то были довольны. Но самое страшное другое: Ольга Леонидовна была недовольна Портновой.

— Настёна, ты ведь знаешь историю своей героини?

— Гхм… Что за вопрос, Ольга Леонидовна? — вмешался директор. — Она не может её не знать.

Дети согласно кивнули — ответ на этот вопрос был очевиден, все знали истории каждого пионера-героя наизусть.

— Конечно, — подтвердила и Настя, — я даже учусь в классе её имени.

— Тогда ты должна помнить, что до войны Зина была обычной советской девочкой. Но ты играешь её как былинного богатыря, а ведь она — реальный человек, у неё родственники до сих пор живы. Зина не родилась героем, она им стала, и твоя задача — показать это становление, а не заявлять с ходу: «Я — герой и точка, не плачу, не боюсь».

— Ольга Леонидовна, давайте пересмотрим сценарий? — вклинился Володя, видя, что бедная Настя уже дрожит. — Выделите реплики, которые не нравятся, мы с Коневым перепишем.

— Со сценарием всё в порядке, это Настя играет не так.

Настя побледнела, на глаза мигом навернулись слезы. Заметив это, Ольга Леонидовна сменила гнев на милость.

— Настена, не расстраивайся, всё получится, ты просто представь саму себя в таких обстоятельствах. Допустим, так: ты — Зина, ты чуточку старше, чем есть сейчас, тебе пятнадцать. Ты добрая и весёлая, любишь учиться, но, как все дети, больше всего ты обожаешь играть и развлекаться. Вместе с подружками выдумываешь что-нибудь интересное: то стенгазету затеешь, то танцевальный кружок организуешь, ведь ты отлично танцуешь, то малышам кукольные спектакли показываешь…

Тут вклинился Юрка, по-мужски похлопал удручённую Настю по плечу — она пошатнулась — и заверил:

— Настя на самом деле такая и есть.

Настя деланно улыбнулась, а Ольга Леонидовна будто не видела и не слышала, она продолжала гнуть свою линию:

— В Ленинграде твой дом, там друзья, семья и школа, а в Оболь ты приехала вместе с сестренкой Галей к бабушке на каникулы.

— А тут началась война! — исклеенный пластырями, как телефонный столб объявлениями, Сашка вскочил на сцену, заверещал и замахал руками. — Обстрел! Трах-бабах-тра-та-та-та…

— Шамов, это, по-твоему, весело? — Воспитательница уперла руки в боки.

— Н-нет-нет, — Сашка выпучил глаза и попятился.

— Шутить над великим горем не только советского народа, но и всего мира!..

— Саша и не думал шутить! — заступился Володя. — Ольга Леонидовна, в мирное время всё это кажется очень далеким, кажется, что это будто не про нас. Но ведь так и должно быть…

Тут вмешался и директор:

— Гхм… Но тогда люди тоже не знали, что будет война. Они бы тоже не поверили, скажи им, что завтра начнется война. Дети отдыхали в деревнях или… гхм… как мы сейчас, в пионерлагерях.

— Именно! — поддакнула Ольга Леонидовна. — И кстати об этом, первым объектом, уничтоженным фашистской авиацией, был не вокзал или завод. Это был пионерский лагерь!

Юрка больше не мог сидеть в стороне. Ему решительно не нравилось всё: и разговор дурацкий, и детей обижают, и скучно.

— И зачем лагеря бомбить? — вклинился он, глядя на Ольгу Леонидовну с вызовом. — Это ведь только боеприпасы тратить. Надо

аэропорты, транспортные узлы…

— Лагерь находился в городке Паланга, который в те времена стоял на самой границе СССР и Германии. Фашисты напали глубокой ночью двадцать второго числа. Вели прицельный обстрел по лагерю, и все это засняли на кинопленку. Слуцкиса почитай, Конев, если интересуешься. А мы отошли от темы. Итак, Зина с сестрой в деревне в Обольском районе. Начинается война. Вдруг. Внезапно. Деревню тут же оккупируют немецкие войска. И вот она, то есть ты, Настя, такая же, как сейчас, светлая и добрая, теперь видишь вокруг только кровь и смерть. Через год ты вступаешь в ряды «Юных мстителей» — отряд детей местных жителей. Учишься стрелять и метать гранаты…

«Чехонь вяленая», — разозлился Юрка про себя, когда словесный поток воспитательницы иссяк, а сама она угрюмо покачала головой и потребовала, чтобы и Юрка прочитал свои реплики.

Послушав его, она заявила:

— Нет, Конев, ты тоже играешь неправильно.

— Да-а-а? — недоверчиво протянул Юрка. На его счастье, Ольга Леонидовна не распознала скепсис.

— Да, он у тебя выходит слишком человечным. А ведь он же чудовище, а не человек! Все немцы — чудовища!

— Да-а-а? — ещё раз протянул Юрка, на этот раз удивлённый по-настоящему. Но быстро опомнился и подчинился: — Ладно, и что мне сделать?

— Ну не знаю, скорчи какую-нибудь гадкую рожицу.

— Так пойдёт? — Юрка широко, довольно улыбнулся.

Труппа захихикала. Воспитательница глупо моргнула и вдруг тоже рассмеялась:

— Ну нет, не такую.

И больше она не улыбалась. С поджатыми губами и каменным лицом она прослушала всех остальных и, нахмурившись настолько, что на её лбу можно было бы стирать белье, вынесла вердикт:

— Нет, это никуда не годится! Такое уж точно нельзя показывать на публике… Володя, от тебя я ожидала гораздо большего!

— Гхм-мда… — согласился директор.

Володя сначала растерянно захлопал глазами, потом нахмурился, а потом сжал зубы так, что на щеках проступили желваки. Его очень задели эти слова. Они просто не могли не задеть, ведь Володя, всей

душой радеющий за свою репутацию, сейчас получил в неё небольшой, но все-таки минус. Не от Пал Саныча и без мата, но снова прилюдно.

— Ольга Леонидовна, но сценарий действительно очень сложный и тема серьёзная, — попытался оправдаться он.

— Я знаю, Володя! Но я рассчитывала на тебя и думала, что ты справишься.

— Я справлюсь! Мы все справимся, только нам нужны ещё актёры! Мальчишки к нам вообще не идут, хоть зазовись, я говорил вам об этом вчера и позавчера.

Воспитательница задумалась. Кивнула.

— Тогда давайте переносить премьеру! Покажем спектакль в самый последний день, перед прощальным костром.

— Но это идет вразрез с начальными планами — мы же хотели в день открытия лагеря, мы специально брали старый сценарий и искали музыку. — Володя бросил такой виноватый и умоляющий взгляд на Юрку, что того будто обдало кипятком.

— Либо ставим в последний день, либо не ставим вообще, — заявила Леонидовна.

— Ладно, — сдался Володя. Делать всё равно было нечего. — А мальчики? Поспособствуйте набору, Ольга Леонидовна. Мы всей труппой уже за руки их хватали, всё равно не идут. Нужна-то всего лишь массовка, там ни одной реплики нет.

— Поспособствую, — кивнула Чехонь, записывая что-то в блокнот. — Но в таком случае пусть это будет даже лучше, чем я ожидаю.

Воспитательница снова кивнула, снова записала что-то себе в блокнот. Давая ещё пару наставлений, мельком взглянула на часы, ахнула: «Ужин скоро!» — и наконец ушла.

Юрка тоже узнал время — до конца репетиции оставался почти час, но взбудораженные критикой актеры совершенно не знали, куда податься и что делать. Труппа бесцельно бродила по кинозалу до тех пор, пока Володя громогласным рёвом «Все сюда!» не собрал ребят и девчат возле себя.

Юрка думал, что худрук начнёт с остервенением гонять их по сцене, заставляя выкладываться по полной, но он лишь сказал:

— Так, ребята, слушайте все. Ольга Леонидовна совершенно недовольна проделанной работой. Но! К счастью, она разрешила перенести премьеру на последний лагерный день.

По труппе прошёл ропот. Ребята рассчитывали выступить именно на дне рождения, ведь к некоторым из них должны были приехать родители. Глядя на погрустневшие лица, слушая жалостливые шмыгания носов, Юрка очень сочувствовал актёрам. Володе, судя по его виноватому виду и установленному в пол взгляду, — тоже было обидно. Повисла неловкая тишина.

— Это я виноват, — пискнул Олежка, — это потому, что я калтавлю…

— В этом виноваты мы все! — перебил его Юрка. — И ничего страшного не случилось. Ну правда, ребят, пусть переносят. Тем более что у нас нет выбора — не отменять же весь спектакль, в конце концов!

Пока Юрка говорил, с мыслями собрался и Володя:

— Давайте мыслить позитивно. У нас появилось ещё немного времени, плюс нам дадут актёров для массовки. А главное, нам выпала большая честь: выступить на закрытии лагерной смены! — он улыбнулся, а Олежка ещё раз шмыгнул носом и просветлел лицом. — На нас теперь обратили внимание! Это значит, что будут помогать и спектакль получится гораздо лучше и интереснее, чем сейчас. Ребята, я жду, что вы приложите максимум усилий!

Чтобы ещё немного приободрить малышей, Юрка добавил устрашающим голосом:

— А если не приложите и провалитесь, то потом всю жизнь, каждую ночь за вами будет приходить мстительный дух худрука-самоубийцы и будет пугать вас и не давать спать…

— Что за вздор? — возмутилась Поля.

— Какой такой дух, Юла? — оживился Олежка. — Ласскажи!

Юрка призадумался.

— Хорошо, расскажу. Но не сегодня и даже не завтра… Расскажу, если три следующих дня вы будете упорно репетировать, а потом покажете нам класс! Согласны?

— Согласны! — хором крикнули младшие ребята, а ПУКи одновременно фыркнули и закатили глаза.

Юрка перехватил взгляд Володи — он легонько кивнул ему и одними губами сказал «спасибо». И тут Юрку окончательно охватил мандраж. Он то и дело поглядывал на висящие на стене часы — минутная стрелка будто бы издевалась над ним, ползла так медленно, что порой Юрке казалось, что она и вовсе стоит на месте. А как же хотелось, чтобы репетиция уже закончилась! Чтобы ушли все из зала и можно было… Юрка не знал, что именно можно было бы сделать, но испытывал острую необходимость остаться с Володей наедине.

В очередной раз скрипнула ступенька у входа, в зале опять повисла напряжённая тишина. Юрка обернулся посмотреть, кто пришел. И увидел на пороге Иру.

Она вскинула руки в примирительном жесте:

— Вы продолжайте, я не буду отвлекать, я только… — её голос вдруг сделался строгим, послышалась неприкрытая злость: — Конев! Иди-ка сюда, выйди!

Юрка инстинктивно втянул голову в плечи — знал, что подобный Иринин тон ничего хорошего не предвещает. И, пока неторопливо брел вверх к выходу из кинозала, перебирал в голове, где успел напортачить. А выходило много где: пропустил дежурство в столовой, сбежал из лагеря, неизвестно где шатался на протяжении часов пяти, если не больше… Вряд ли ведь его исчезновение осталось незамеченным. Но, конечно, Юрка до последнего на это надеялся… Хотя головой понимал, что такое невозможно и сейчас ему всыплют по первое число.

Но, к величайшему удивлению, Ира Петровна выглядела скорее обеспокоенной, чем разозленной, и только раздраженно поинтересовалась:

— Ну сколько можно пропадать, Юр? Мы же переживаем!

— Да что за меня переживать…

На фоне всего, что произошло после его возвращения в лагерь, побег казался Юрке незначительным и неважным — совсем не тем, из-за чего сейчас стоило бы переживать. Но, похоже, так думал только он один.

— Знаешь, Юра, у меня уже не осталось сил злиться на тебя…

Ира как-то слишком печально вздохнула, и Юрке стало от этого не по себе. Уж лучше бы она злилась…

— Куда ты сегодня пропал? Вот так просто взял, бросил дежурство в столовой и исчез! Сколько тебя не было? Полдня! Почему ты не предупредил? Разве можно просто вот так брать и сбегать? Ты хоть немного подумал о других? На Володе лица не было, когда он пришёл ко мне и сказал, что ты пропал!

Юрка нервно сглотнул. А ведь он действительно даже не задумался о том, что было тут, в «Ласточке», пока он бродил по лесу, искал автобусную остановку и пытался разобраться в себе. Не задумался и о том, как чувствовал себя Володя, ведь он, когда Юрка вернулся, не ругался и не злился, практически ни слова об этом внезапном исчезновении не сказал, а огорошил его совсем другими словами и действиями…

Ира продолжала:

— Ты только о себе и думаешь, а за тебя страдают другие! Я Володю никогда ещё таким не видела — он ведь чуть с ума не сошёл! Метался по лагерю туда-сюда, куда только не заглянул: недострой излазил, даже на речку ходил! Дежурные физруки ему сто раз талдычили, что тебя не видели, а он всё равно весь пляж прочесал, лодку взял и плавал куда-то! Он ведь всегда спокойный, уравновешенный, а тут его будто подменили — и это всё ты виноват, Конев! Юра! Юра, ты меня слушаешь вообще?

Юрка слушал. Ира задавала много вопросов, но он не успевал придумывать на них ответы, да и вообще сомневался, что нужно отвечать. Ира не столько ругала его, сколько пыталась воззвать к совести — и это у неё получалось в лучшем виде. До этого момента Юрка толком не осознавал, что натворил, сбежав из лагеря. Тогда, подталкиваемый одним лишь желанием оказаться как можно дальше от Володи, он думал только о себе и о своей обиде, а про остальное попросту забыл. Тогда всё казалось незначительным, неважным, главным была только его собственная боль. Сейчас же от одной только мысли о том, как чувствовал себя Володя, узнав, что его нет в лагере, у Юрки волосы на загривке начинали шевелиться. Володя искал его! Он спускался к реке и пытался дойти до ивы? Наверное, не смог добраться по суше — там ведь тропинки нет, да и брод искать нужно… Плавал к ней на лодке? И при всём этом Володя не пошёл сразу же докладывать воспитательнице. И Ира не пошла! А ведь такое халатное

отношение к работе, потеря пионера — это мгновенное увольнение, если вообще не подсудное дело!

Что же он, Юрка, чуть не натворил?

— Почему вы Ольге Леонидовне не сообщили? — тихо спросил он, виновато понурив голову.

— Ещё немного и сообщили бы! Я уже собиралась идти в администрацию, но скажи спасибо Олежику за то, что он сразу доложил, что ты здесь, в зале. Ну и, конечно, Володя о тебе побеспокоился, попросил меня не говорить никому сразу. Если бы узнали, нам с ним по выговору, а тебя — вон из лагеря. Да и потом, — на несколько секунд она замялась, — ты же сохранил мой секрет…

Юрка кивнул и негромко сказал:

— Прости, Ир…

— Да что мне твоё «прости», Юр? Ты же видишь, я даже не злюсь. Но очень хочу, чтобы ты понимал всю серьезность своих поступков! Юра, ты уже взрослый, а ведешь себя как ребенок! Повзрослей наконец!

Юрку покоробили эти слова. Вот теперь и она говорит, что он ведёт себя как ребенок! А ещё час назад то же самое сказал ему Володя, слово в слово!

— Отвечай за свои поступки! Помни, что они не только для тебя могут иметь последствия!

— Хорошо, Ир, я постараюсь, — сказал Юрка виновато. Сказал неискренне, а скорее для того, чтобы Ира уже от него отвязалась и перестала читать нотации.

Она положила руку ему на плечо, сжала и уже ласковее продолжила:

— Я понимаю, что тебе очень нелегко после того, что произошло…

У Юрки всё внутри похолодело. О чём это она?

— Всё это очень неприятно и обидно, но, Юра, Володя ведь тоже не виноват, он не может по-другому…

— Ч-что? — запнулся Юрка.

— Я всё знаю, он рассказал мне, я понимаю.

«Рассказал? Разве такое возможно? Разве мог Володя вот так взять и выдать Ирине такое?»

— О… о чём ты? — спросил он дрожащим голосом.

— О Маше, конечно. О том, что Володя отдал ей твою конкурсную композицию. Я знаю, как много для тебя значит музыка, и помню, как ты переживал из-за неё. Но, Юра, это не повод творить такие глупости! А тем более это не даёт тебе права впутывать в эти проблемы окружающих людей!

Юрка выдохнул: Ира думала, что Юрка бесится из-за музыки и Маши, истинной причины она не знала!

— Прости меня, Ир. Правда прости, — теперь он говорил искренне и куда более просто. — Я действительно не подумал о последствиях, я… я дурак!

Она убрала руку с его плеча.

— Ты совсем не дурак, Юр. Тебе просто надо повзрослеть.

Юрка снова кивнул, не зная, что можно ответить. Иногда он совсем не понимал Иру. Она так часто его поддерживала и выгораживала, была с ним ласковой, несмотря на то, что он порой вёл себя далеко не самым лучшим образом…

— Ир… — Он решился просить то, что давно интересовало.

Она уже отвернулась, собираясь уйти, но вопросительно посмотрела на него через плечо.

— Почему отношения с Женей — секрет? Что тут такого?

Ира натянуто улыбнулась:

— А ты разве не знаешь? Весь лагерь, по-моему, в курсе.

— Нет, сплетни не слушаю.

— Ладно, скажу. Всё равно ведь узнаешь. Женя женат. Нет, он собирается развестись, но когда это будет… Не говори никому, ладно? Не хочу слухов. Ладно — узнают о нём, но если обо мне, что я чужую семью рушу… Дело житейское, но может выставить меня в очень невыгодном свете. Мы же в лагере, тут дети, мы все пропагандируем семейные ценности, и какой я им пример подам?

Юрка опешил от такой честности, но решил, что переварит эту информацию позже.

Ира вздохнула и напоследок сказала:

— Ладно, возвращайся на репетицию, а то скоро уже горн к ужину будет. Пообещай мне, что возьмешься за ум.

— Хорошо.

Уходя, она добавила:

— И перед Володей извинись.

В кинозал Юрка возвращался с твёрдым намерением сейчас же выдернуть Володю из репетиции и поговорить с ним. Прежде всего — действительно извиниться. Но, увидев, как худрук носится по сцене, потрясывая сценарием в руках, услышав его дрожащий от напряжения и усталости голос, Юрка понял, что сейчас — не время. Вспомнил слова, которые пару минут назад произнесла Ира, и решил вести себя как взрослый.

Сигнал горна, зазывающий на ужин, застал труппу врасплох. Актёры во главе с Володей ринулись искать свои отряды и строиться в столовую. Но договорились, что после ужина все, чья игра вызвала недовольство у Ольги Леонидовны, вернутся в театр и продолжат репетировать.

Когда выходили из театра, Юрка ткнул Володю в бок и улыбнулся — хотел как-нибудь обозначить свое присутствие и интерес. Володя тоже улыбнулся, но уж очень сконфуженно и натянуто.

Эта улыбка окончательно сбила Юрку с толку. Володя почти поцеловал его, а теперь был дёрганным и нервным, то бледнел, то краснел. Почему? Вдруг на самом деле не хочет? Вдруг он это из жалости? Но разве целуют из жалости? Ну, почти целуют… Надо было как-то пережевать все это, переварить, осознать.

На полпути к столовой Юрка понял, что у него совершенно нет аппетита, хотя не ел он с самого завтрака. Из-за этой улыбки всё стало ещё запутаннее. У Юрки в голове роилось столько вопросов, мыслей, догадок и сомнений, что он чувствовал себя жутко уставшим. И последнее, чего ему сейчас хотелось, — торчать в столовой среди гомонящей толпы, снова видеть неподалёку Володю, не сметь к нему подойти и только задаваться новыми вопросами.

Быстро перекусив, Юрка вернулся в пустой кинозал. Сперва хотел снова усесться за пианино, попробовать наиграть что-нибудь, но на зрительском кресле в первом ряду увидел забытую тетрадку. Он сразу узнал измятую обрисованную обложку — это была рабочая тетрадь Володи. Неужели забыл её, когда в спешке собирался на ужин?

Юрка поднял тетрадь, без особого интереса стал листать. Нашёл много карандашных заметок на полях. В основном технические: «Уля переигрывает», «пров. декор. лес.», «костюм для бабушки?» И подобные. Юрке почему-то было очень любопытно рассматривать эти заметки, хотя он и так знал многое — Володя озвучивал эти задачи на

репетициях. Дочитав сценарий почти до конца, Юрка добрался до сцены с немцем и заметил перед ней надпись всего в одно слово: «Юрчка». Сердце пропустило удар, на мгновение сбилось дыхание. Володя написал здесь его имя, когда решил отдать эту роль ему, но как написал! Он хотел написать «Юрочка», но в спешке пропустил букву? Неужели про себя Володя называет его именно вот так ласково? Вслух он никогда его так не называл!

Пока остальной лагерь ужинал, Юрка читал и учил свои слова. Их было немного — всего несколько реплик, но те были сложными. Гестаповец Краузе был отрицательным, негативным персонажем, и этот злой образ никак не вязался у Юрки в голове с нежной карандашной надписью над его репликами.

Но Юрке хотелось приятно удивить Володю, и он начал репетировать. Ходил по сцене, читал свои слова пустому залу, воображал, что вот он: сидит за столом, перед ним Зина, и он ведёт допрос… Юрке казалось, что у него даже неплохо получается. Но потом заскрипела ступенька, и в зал вернулись актёры.

Компания собралась немаленькая: сам Юрка, ПУК в полном составе, Настя и Саня. К аутсайдерам присоединился и Олежка, хотя его игрой были довольны все. Ещё очень хотела прийти Маша, но Ира Петровна утащила её в отряд — репетировать танцевальный номер первого отряда для праздничного концерта на день рождения лагеря. Маша брыкалась, но пришлось идти, а Юрка порадовался тому, что вечер пройдет без её заунывного бренчания.

Пока малышня готовилась к прогону сцены с фашистами, Юрка с ПУК-ами и Володей сидели в зрительном зале на соседних креслах. ПУК молчали, но всё равно мешали Юрке, при них он обязан был делать вид, будто ничего особенного не произошло и не происходит, хотя внутри Юрки уже больше часа визжали сирены, гудели поезда, все дымилось и грохотало: «Хватай Володю и беги!»

— В чем-то Ольга Леонидовна права, — задумчиво произнесла потенциальная жертва похищения. — Партизаны находились там под постоянным подозрением. В Оболи две тысячи немецких солдат, колонна карателей. Смерть под пытками партизанам была обеспечена, только попадись… а мы играем так, будто герои вообще страха не испытывают!

— Ей не пионеры нужны, а актеры драматического театра! — возмутился Юрка. — «Мораль этого спектакля в том, чтобы показать, что каждый человек может быть героем», — повторил он слова воспитательницы. — Знаешь что? Мы настоящие не смогли бы воевать и тем более победить, как те дети, которые сражались в войну. А она просит, чтобы мы это сыграли.

— Ой, не болтай, Конев, накаркаешь. Всё мы сможем, — скривилась понурая Ксюша.

— Я же говорила, что надо современное ставить, — протестующе заявила Ульяна и негромко запела приятным голосом:

— Ты меня на рассвете разбудишь…[6]

Полина равнодушно пялилась в пол.

Володя не обратил на протест никакого внимания, взглянул на Юрку и пожал плечами.

— Смогли бы. Война же — так и так убьют, тут либо сдаться, либо мстить за тех, кого уже убили. Ладно, это лирика. К делу.

В зале царила напряжённая атмосфера. Володя, который и так в этих стенах всегда становился натуральным требовательным худруком, теперь и вовсе стал безжалостным: не обращал внимания ни на что вокруг и полностью погрузился в репетицию. Срывался на крик, ругал актёров, гонял малышню, хотя те и без того сегодня были тише воды ниже травы.

А Юрке было откровенно скучно. До сцены с Краузе было ещё далеко, не факт, что Володя вообще собирался прогнать её сегодня. И вот чем ему было заняться? Томиться в ожидании окончания репетиции и надеяться, что Володя будет в настроении поговорить с ним? Ну нет, Юрка устал всё надеяться и ждать — ему последние три часа казались вечностью. Хватит ждать, что Володя всё решит за него. Он и так уже сделал огромный шаг Юрке навстречу, и теперь пришла его очередь брать всё в свои руки.

Посреди репетиции казус случился с Ульяной, когда в очередной раз стали прогонять сцену с «Юными мстителями» и Ульяна в очередной раз переигрывала: читала свои реплики с раздражающим энтузиазмом и выражением.

Юрка наблюдал за реакцией Володи — как тот скрежетал зубами, раз за разом указывал переигрывать сцену сначала, наставлял Ульяну

говорить спокойнее и с чувством… И каждый раз Ульяна повторяла одни и те же ошибки!

Раз на десятый Володя не выдержал. Поднялся на сцену прямо во время одного из коротких монологов и оборвал Ульяну на полуслове криком:

— Неужели ты не слышишь, как ужасно играешь? Ты понимаешь, что ты мститель? Ты партизан, Уля! Почему ты говоришь свой текст так, будто со стульчика на утреннике в детском саду?

Володя, конечно, перегнул палку. Юрка нахмурился — сейчас, среди общего напряжения, после критики Ольги Леонидовны, это было уже слишком. Неудивительно, что Ульяна разревелась: не пытаясь сдержать и скрыть слёзы, хлюпнула носом и громко заплакала. Но Юрке всё же не было её жалко, ведь как ещё ей нужно было объяснять, если она не поняла с десятого раза? А вот Володя тут же пожалел о своём поведении и бросился утешать Ульяну. Приобнял её за плечи, и та не упустила возможности тут же уткнуться ему в плечо, явно пачкая рукав рубашки слезами, соплями и тушью.

— Ульяна, извини меня, я не хотел так… Глупость сказал. Ну всё, ну перестань.

А Ульяна вздохнула и прижалась ещё крепче.

Юрку охватила злоба и ревность — ещё одна такая же, как Маша, ревёт только затем, чтобы Володя бросился лебезить перед ней. И ведь это работает! Совестливый, добренький Володя тут как тут с извинениями, унижается перед ней! «Жалостливый ты наш! — мысленно возмутился Юрка. — Танцует с Машами из жалости, небось и меня из жалости хотел поцеловать!»

Он зло потопал в угол зала, уселся на крайнее кресло, спрятавшись в тени занавеса, и, насупившись, уставился на бюст Ленина, пылящийся в углу. Вспомнив, как пару дней назад Володя заставил его стаскивать этот тяжеленный бюст со сцены, будто какого-то грузчика, Юрка фыркнул и нахмурился ещё сильнее. Украдкой осмотрелся по сторонам и понял, что на его метания никто и внимания не обратил, один лишь Владимир Ильич из угла понуро глядел на него гипсовыми глазами.

— Что смотрите? — тихо спросил Юрка. Его никто не услышал — со сцены всё ещё раздавались надрывные всхлипы Ульяны и виноватое бормотание Володи.

Ленин ему ничего, конечно, не ответил.

Юрка встал и подошёл к бюсту — высотой тот был примерно такого же роста.

— Никому я не нужен, — пожаловался Юрка и протянул руку ко лбу Ленина. Провёл по шероховатой гипсовой лысине, тяжело вздохнул. — Мы с вами похожи, да? Вы тоже стоите в углу тут и пылитесь, никому не нужный… Эх, только вы меня и понимаете, Владимир Ильич. — Юрка взял голову бюста в обе руки и, потянувшись вперед, поцеловал Ленина в лоб. — Спасибо, что выслушали, мне даже полегчало…

— Юра! — зашипел Володя за его спиной. — Ты что творишь?! — судя по тону, он был в ярости.

Юрка повернулся, взглянул на худрука. И правда, тот был разозлён не на шутку — его глаза метали молнии. «Ульяну так он успокаивает, лебезит тут перед ней, а на меня кричит?»

— Чего? Я репетирую! — и начал читать с листа Ленину в ухо: — Милая фройляйн, в стволе этой штуки, — он сложил пальцы пистолетом и ткнул ими Ленину в висок, — находится всего лишь один маленький тупоносый патрон. Его вполне достаточно для того, чтобы сделать ненужными все наши дискуссии и поставить последнюю точку в вашей жизни. Подумайте, милая фройляйн, последнюю точку в человеческой жизни!

— Юра, что это за антисоветские выходки?!

Юрка обернулся и растерянно посмотрел на него. Он сердился на то, что Володя упрямо его игнорирует. На сцене ревела Ульяна, а подруги и малышня хором её успокаивали.

Володя подошёл к нему и сказал в самое ухо:

— Ты ведь понимаешь, как это выглядит, да? Ты оскорбляешь память вождя революции.

— Ой, да было бы что оскорблять! — насупился Юрка.

— Как это понимать?

— Да к черту эту революцию! К чёрту Леонидовну с её партизанами и фашистами! Они с Санычем только и делают, что одних обеляют, а других — очерняют…

— Чего? Ты хочешь сказать, что фашизм очернили? Свихнулся? Что, так ролью проникся, что фашизм теперь не зло?

— А может, наоборот, коммунизм — не добро? А что? Володь, ты никогда не задумывался о том, почему нам так мало рассказывают о фашистской Германии? Все только об одном: война, истребление, концлагеря, а как же социальная и политическая структура? Почему про них — ничего? Не потому ли, что в СССР в то время все было точно так же, только вместо евреев в лагерях — несогласные, а вместо арийцев — партийные? У них даже своя пионерия была. Следовательно, то, что мы тут ставим — неправда, хотя бы только потому, что тут утверждается, что все немцы — мрази.

— К чему ты клонишь? — нахмурился Володя.

Юрка и сам не понимал. Он снова как маленький ребенок нес полную околесицу только ради того, чтобы на него обратили внимание. Юрке это не нравилось, он был противен сам себе, но ничего не мог с собой поделать. Не мог дать Володе снова вернуться к Ульяне.

— К тому, что немцы — такие же люди, как мы, а не мрази.

— Ой, да тебе-то откуда знать, мрази они или нет! Оттого, что у тебя дядя там живет? Ну и что? Это сейчас они нормальные, а тогда целая нация превратилась в убийц!

— Не вся, — воскликнул Юрка.

— Ну, ясное дело, что не вся! Но Юра… Ох, нет, ну ты совершенно несистемный человек! Свободным быть можно и даже нужно, но не здесь! И если не можешь перестроиться, научись врать. Так, как говоришь ты, даже думать нельзя!

— Где-то я это уже слышал, — огрызнулся Юрка. — Но я о другом, Володя. Наш почетный коммунист Леонидовна требует от нас патриотизма только для галочки. Наши полукомсомолки кивают, а потом ревут. Но ты посмотри вокруг, им всем наплевать на этих героев! Эти девки здесь только из-за тебя.

— А ты разве нет? — Володя сверкнул глазами и развернулся, собираясь уйти.

Вообще-то Юрка тоже был здесь ради него, но, пожалуй, только одному ему было стыдно это признать. Стыдно не из-за отсутствия в себе патриотизма, а из-за Володи, ведь ему единственному тут не наплевать на всё это. Володя делал спектакль не для галочки, не для того, чтобы привлечь чье-то внимание — ему просто хотелось

показать, донести до людей подвиг пионеров-героев. Он один был искренним и, наверное, чувствовал себя очень одиноко.

— Нет! Мне не всё равно, — твердо заявил Юрка.

Как бы то ни было, свои ошибки он решил исправить потом, а сейчас Юрка просто не мог позволить, чтобы последнее слово осталось за Володей. И тем более он не мог допустить, чтобы девицы из «гарема Владимира Давыдова» продолжали манипулировать Володей. Но Юрка уже знал, что ему сделать, чтобы оградить Володю от домогательств — отгородить его. Физически. Нечего этим девицам даже сидеть рядом с его, Юркиным, Володей!

— А Ульяну, — сказал он, — я одним махом успокою. Учись, студент.

Он обогнал Володю и плюхнулся на его пустующее кресло рядом с Ульяной. Та икнула, мгновенно перестав плакать. Девчонки заворчали. Володя посмотрел на Юрку и хмыкнул, качая головой.

* * *

Время тянулось и тянулось, будто это были не жалкие тридцать минут, а тридцать часов. Секундная стрелка будто издевалась над Юркой — ползла медленно, запинаясь за каждое деление, что казалось, между каждым её шагом можно было отсчитать ещё пять.

Наконец Володя громко хлопнул в ладоши, встал с места и сказал:

— Всё на сегодня, ребята. — А Юрка отметил, что на часах было только без десяти девять, а заканчивать раньше совсем не в характере худрука, тем более сейчас, когда важна каждая минута. — Идите отдыхайте. Поля, Уля и Ксюша, вам задание между собой ещё несколько раз прорепетировать диалог мстителей. Особенно ты, Уля. Пусть девочки подтянут тебя. Всё уже не так плохо, но ты ещё переигрываешь. Так, а ты, Саня, — мёртвый фашист, запомни это и перестань храпеть, когда лежишь! Мёртвый — не спящий! Понятно?

Все, к кому он обращался, закивали.

— Расходитесь.

Детвора разбежалась, девчонки, шушукаясь между собой, тоже вальяжно прошествовали к выходу, последней со сцены спустилась Ксюша. Юрка в этот момент был в другом конце зала и видел, как она подошла к Володе, но не слышал, о чём спросила. Володя отрицательно помотал головой.

Когда Ксюша ушла, Юрка потребовал ответа от Володи с ревнивыми нотками в голосе:

— Что она хотела?

— На дискотеку звала.

— А ты что?

— Ничего, — Володя легкомысленно пожал плечами. — У нас тут ещё куча работы. Пойдём-ка, кстати, я хотел с тобой декорации обсудить.

Он поднялся на сцену и позвал Юрку за собой. Тот аж бровями зашевелил: «Он что, серьезно решил сейчас декорации обсуждать?» — но таки поплёлся следом.

— Смотри, — указал Володя на левый угол. — Вот тут у нас будет реквизит базы: письменный стол, стулья, тут агитплакаты, в общем, база. А вот тут, — он отошёл к правому краю сцены, — мы не до конца откроем занавес, и тут будет локация улицы. Тут будет полое бревно — тайник. Правда, нужно будет придумать, как спрятать оружие, чтобы его не было видно, бревно-то у нас не полое, как было у них, а обычное.

Юрка слушал его вполуха. Он бы и хотел сейчас вдаться в подробности, но не получалось сосредоточиться ни на чём, кроме того факта, что они с Володей наконец-то остались одни в пустом зале.

— А, ну хотя, в принципе, можно же положить его совсем вплотную к занавесу, а оружие засунуть под него… — Володя скрылся за занавесом, дёрнул плотную портьеру, и с неё тут же посыпалась пыль. — Тьфу ты, чёрт, нужно будет ещё и их выбить перед…

Юрка больше не мог терпеть. Стремительно приблизился, толкнул Володю так, что тот, прижав собой занавес, уперся спиной в стену. Юрка взял края шторы и завернулся в пыльную ткань, спрятав себя и Володю от пустого зала.

— Что ты делаешь? — то ли возмущенно, то ли удивленно спросил Володя.

— Продолжаю с того места, на котором нас прервали. — Юрка хотел обнять его, но заглянул в обескураженные глаза и оробел. А Володя покачал головой:

— Я здесь не буду. Вдруг кто придёт…

— Нас же не видно!

— Да… да, — прошептал Володя и коснулся руками его плеч.

Юрка, зажмурившись, устремился к его губам. Коснулся их и так и остался стоять, задержав дыхание и закрыв глаза, боясь, что сейчас случится то же самое, что и тогда у щитовых, что Володя оттолкнет его. Но он не оттолкнул. Юрка почувствовал его руки у себя на предплечьях и собрался было упорно не дать отодвинуть себя, но Володя сжал пальцы и притянул его к себе. И эти несколько невинных касаний губами к губам вызвали такую бурю чувств в Юрке, что ему казалось, в душе одновременно заиграл и нежный романтичный «Венский вальс», и стремительно-грациозный «Полёт Валькирии». Юрку закружило и подбросило куда-то ввысь, прямиком в небо, почти как пару часов назад из-за музыки. Но до сих пор он и не догадывался о том, что, чтобы взлететь, вовсе не обязательно играть. Что небо начинается в каких-то ста семидесяти сантиметрах от земли, там, где Володины губы. Ещё он понял, что отныне всё будет по-другому, всё поменяется в нём, вокруг него тоже: и ночи теперь станут светлыми, и зимы — тёплыми.

Вдруг Володя напрягся, спина натянулась струной, он отвернул лицо, но прижал Юрку ещё крепче, до боли стиснул. Тот понять ничего не успел и вдруг оглох — Володя чихнул так громко, что зазвенело в ушах. Потом ещё раз чихнул и ещё раз. Выпутываясь из пыльного занавеса, оба смеялись: Юрка — запрокидывая голову, а Володя — сгибаясь пополам то от чиха, то от хохота.

Возвращаясь в пятый отряд, глупо хихикали, а Юрка вдобавок икал.

Малыши в этот вечер не буянили и даже не выпрашивали страшилок — наверное, Володя их слишком загонял. И впервые Юрка совсем не был рад тому, что они так быстро уснули, ведь это значило, что и ему пора уходить.

Прощались немного неловко. Молчали, Володя долго не отпускал Юркиной руки, будто чего-то ждал. Но Юрка не мог действовать — он хотел задать один мучивший его весь сегодняшний вечер вопрос, но никак не решался.

Но когда Володя отпустил его руку и негромко произнес «Пока!», то не оставил ему выбора. Юрка запаниковал — ждать до завтра сил не было:

— Нет, не пока! Я хочу поговорить с тобой, спросить.

— О чём?

— Я не понимаю. Ты говорил, что у тебя есть любимая девушка и что…

— Разве я говорил такое? — Юрка уставился непонимающе. Володя улыбнулся. — Я не говорил «девушка», я говорил «человек».

— Но… тогда кто это?

— Это старая история с очень скучным концом. Забудь о ней, — попросил Володя. И вдруг обнял его, но тут же отпустил. — Тогда и я забуду о «девушке со двора».

— Сложно такое забыть, — пробормотал Юрка.

— И не говори, — невесело усмехнулся Володя. Снова стиснул его руки и с сожалением сказал: — Юрка, тянуть больше нельзя, а то Ирина тебя потеряет. Да и на самом деле спать уже пора. Теперь главное дожить до завтра, да?

— Нет. Я приду к тебе сегодня, — перебил Юрка. — Ночью, когда все уснут. В двенадцать или, может быть, чуть попозже.

— Нет. Нам не стоит рисковать, тем более после сегодняшнего.

— Я не спрашиваю, а предупреждаю. Я приду. Постучу в окно.

— Не надо…

— Даже если не будешь ждать, я всё равно приду.

— Ну… ну ладно. Всё равно после сегодняшнего долго не усну. Только аккуратно, чтобы комар носа не подточил.

Подождать, когда уснут дети, труда не составило, но ждать отбоя у взрослых пришлось долго. Накопленная за день усталость всей тяжестью навалилась на Юрку, как только он лёг в кровать. Несколько раз его затягивало в сладкий и вязкий сон, но каждый раз Юрка делал невероятное усилие над собой и заставлял себя проснуться — слишком сильно хотел увидеться с Володей снова.

Когда лагерь вместе с тишиной накрыла и темнота — часть фонарей выключили, — Юрка понял — пора, поднялся, оделся и вышел.

Он впервые видел, чтобы в лагере было так пусто и тихо. Юркино воспаленное недосыпом и тревогами прошедшего дня сознание представляло, будто враги Советского Союза таки сбросили атомную бомбу где-то неподалёку и всё вымерло. Не слышалось ни уханья сов, ни лая собак из Горетовки, только сверчки ужасающе громким стрекотом выдавали себя. Впрочем, Юрка слышал, что некоторые насекомые могут пережить ядерную войну, тараканы, например.

В окнах отрядов не мелькало ни света, ни тени. Пятый отряд, такой же тёмный и тихий, наконец предстал перед ним.

Юрка мигом нашёл нужное окно, забрался на ступеньку цоколя и постучал. Спустя несколько секунд из темноты показалось бледное лицо в очках. Юрка указал пальцем себе за спину, в кусты, прошептал одними губами, что будет ждать его там.

Володя вышел к нему весь в чёрном спустя пару минут, но даже это короткое ожидание показалось Юрке вечностью. Он бросился ему навстречу и схватил за руки, но Володя отпрянул:

— Ты чего, увидят же! Не здесь.

— Ладно, — недовольно буркнул Юрка и, сжав его запястье, бросился через кусты к спортплощадке.

«Да что же за ящик Пандоры я открыл?» — шипел бегущий за ним Володя.

Оббежав корты и баскетбольную площадку, они вышли к бассейну, дальше которого был только густой лес. Сейчас, в ночной темноте, здесь было жутко. Плещущаяся в бассейне вода казалась чёрной, лунный свет отбрасывал на неё тени высоких деревьев. У дальнего борта бассейна — там, где находились тумбочки для прыжков, — спинами к лесу стояли статуи фигуры пионеров-пловцов. Два гипсовых белых силуэта — девушки в купальном костюме с веслом и юноши, готовящегося к прыжку — белели на фоне мрачного леса, как призраки. Но Юрке было плевать на устрашающие виды, он лишь краем глаза, подсознательно, замечал и фиксировал всё это. Он потянул Володю дальше, обошёл бассейн по кругу, спрятался за пьедестал статуи.

Шагнул к Володе, желая его обнять, но Володя оттолкнул его:

— Погоди, нас видно. Давай сядем.

Он сел на колени прямо на траву у постамента и потянул Юрку вниз. Юрка повиновался, сел на колени, но жутко обиделся:

— Если ещё хотя бы раз оттолкнёшь меня, я пропаду из твоей жизни навсегда. Я… тогда я точно сбегу!

— Ладно, — кивнул Володя, в темноте было сложно разглядеть эмоции на его лице. — Извини. Ты же понимаешь, почему я так… Больше не буду. Значит, днём ты хотел сбежать? И где был?

— Там, — Юрка махнул в сторону дороги, — на остановку ходил.

Володя глубоко вдохнул и протяжно выдохнул, будто пытался совладать с собой, успокоиться.

— Пять часов? Юра, я чуть не свихнулся, пока искал тебя! — зашептал он пылко. — Носился по лагерю как ненормальный. Каждую комнату оббежал в новострое, каждую! А их там штук сорок! И тебя нет нигде. И спрашивать о тебе боялся, вдруг поймут, что ты опять творишь чёрт-те что, Леонидовне доложат — слухи ведь быстро разносятся. А как только она узнает, всё, считай, тебя уже из лагеря выгнали. И это если ты найдёшься, а если нет?! — теперь Володя пытался кричать на него. Шёпотом.

— Да ладно тебе! Ну что со мной могло произойти, я же тут не первый раз, я всё зна…

— Да мало ли что? Мне какие только мысли в голову не лезли!

— Например? Что я пошёл топиться? — Юрка хохотнул.

— Это, по-твоему, смешно? Не хочешь оказаться на моем месте? Я ведь это мигом устрою. Давай прямо сейчас? — Володя явно едва сдерживался, чтобы не закричать в голос: дышал тяжело, чувствовалось, что руки, а может, даже всё тело дрожит.

— Ладно-ладно, успокойся. Я здесь, ничего не случилось, всё хорошо.

— Я думал, увижу тебя, задушу!

— Не надо так переживать. Это же всего лишь я. Нет, я понимаю, ты несёшь за меня ответственность…

— Да какая к черту ответственность! Ты — живой человек и мой… друг. А тем более после того, что случилось вчера…

— Так задуши уже, если хочешь! Только хватит психовать…

Юрка запнулся на полуслове, он растерялся — вдруг Володя обнял его.

— Уже не психую. Перестал, как только увидел, что ты играешь.

Он разомкнул объятия, и Юрка чуть не простонал от досады — ему хотелось ещё, ему хотелось обниматься всегда, вообще не выпускать Володю из объятий. Юрка подполз на коленях ближе, стиснул его дрожащие руки.

— Если бы ты не только видел, но и слышал, как я играю, то снова захотел бы задушить.

— Не говори глупостей. Ты очень хорошо играешь, — сказал Володя и нежно и очень медленно, будто каждой клеточкой кожи

стараясь ощутить тепло Юркиной руки, провел пальцами по его ладоням и прошептал: — Юра, береги руки. Они у тебя и правда хрустальные. — Поднес их к лицу, склонил голову и нежно поцеловал.

Юрка страшно смутился. Лицо обдало жаром, он почувствовал, что заливается краской до самой макушки. Щёки горели, да что щёки — пальцы дрогнули, а потом будто окаменели, не разогнёшь. Это заставило застесняться окончательно. Нужно было что-то ответить. Хотя бы только затем, чтобы Володя не вздумал продолжить смущать его ещё больше. Юрка лихорадочно думал, что сказать, но выдал первое, что пришло в голову. Оно же оказалось и самым глупым:

— У тебя тоже! Ну, то есть мне тоже очень нравятся твои руки. Такие мягкие, как у… как будто… Будто ты их кремом мажешь.

— Нет, — хмыкнул Володя. Похоже, он наконец расслабился. — Ничего особенного с ними не делаю.

От его близости у Юрки всё плыло перед глазами. Он страшно хотел поцеловать его, но стеснялся просить и настаивать. Ерзая на месте, пододвигался к нему аккуратно, исподтишка и лепетал что-то, совершенно не понимая, что говорит.

— Совсем ничего?

Главное было не молчать, отвлекать Володю разговорами, неважно о чём, а тем временем приблизиться ещё чуть-чуть.

— Нет… — протянул Володя растерянно. — Ну, разве что иногда мою в очень горячей воде.

Юрка готов был поклясться, что разглядел в темноте, как Володя поднял брови. Теперь он был очень близко, всего в паре сантиметров, он все так же не спешил целовать Юрку. Будто чего-то ждал. Может быть, стоило прямо спросить, чего?

Но в нетерпении Юрка прошептал другое:

— Очень-очень горячей? — и пододвинулся ещё чуть-чуть.

Володя сидел на том же месте в той же позе, гладил его по руке, смотрел на Юрку, сверкая глазами.

— Почти в кипятке, — он улыбнулся. — А что?

— Может, мне тоже надо? — Володя был уже слишком близко. У Юрки перехватило дыхание.

— Нет, тебе это навредит, — сказал тот серьёзно и вдруг усмехнулся: — Юра, о чём мы вообще говорим?

— Не знаю… — с усилием выдохнул тот и, наплевав на стеснение, прижался губами к его губам.

Задыхаясь от волнения и восторга, боялся, что Володя снова оттолкнет, но этого не случилось. Поцелуй был невинным и очень долгим. Но даже если бы он длился вечность, Юрке бы не хватило. Но о другом он не мог и мечтать. А Володя, видимо, мог.

Он протянул руку и коснулся прядки чёлки на Юркином лбу и сказал:

— Давно мечтал это сделать.

И заправил прядку назад, нежно погладил ухо и висок. Это было щёкотно, но так приятно, что Юрка качнул головой и прижался виском к Володиным пальцам. Вышло, будто поластился как кот.

Володя ласково усмехнулся.

В ответ он снова взял его руки в свои. Молча провёл носом по Юркиной щеке. От удовольствия и нежности, которой в этом жесте было больше, чем во всех поцелуях вместе взятых, Юрку распирало изнутри.

Они пробыли здесь, прячась за памятником, сидя на коленях друг перед другом и держась за руки до тех пор, пока небо из чёрного не стало чернильно-синим. Володя оборачивался на каждый шорох, хотя отчетливо слышалось, что это не люди ходят, а в лесу падают шишки, или дует ветер, или далеко-далеко отсюда хлопает ставня. Но как бы ни было опасно и страшно ему, наверное, не хотелось уходить отсюда так же сильно, как и Юрке.

Потом Юрка долго не мог уснуть — от полных сумасшедшего счастья мыслей сердце выбивало чечетку. Уснешь тут, когда внутри грохочет, а внутренний голос отказывается замолкать, притом не шепчет или бурчит, а верещит от радости. Руки так и тянутся открыть окно, а ноги — помчаться в вожатскую, и хочется обвиться всеми конечностями вокруг Володи и никогда не отпускать. Хотя нет, лучше сначала украсть его, утащить в тёмный уголок и уже там обвиться. А вообще-то все равно где обвиваться, хоть посреди площади, лишь бы никто не мешал! Юрка так и не решил, при каких обстоятельствах собирается превращаться в плющ, как провалился в сон, такой же путаный по содержанию.

* * *

Юра несколько раз моргнул, оглянулся по сторонам. Дождь начался снова, ветер немного усилился, бросая в лицо холодные капли. Потрескавшаяся асфальтовая дорожка вела дальше — к спортплощадке, на которой раньше проходила утренняя разминка. Здесь всё выглядело не многим лучше, чем в остальном лагере. Разве что на подиуме, где стояли, показывая упражнения физруки, на удивление неплохо сохранился большой плакат-растяжка. От ветра и дождей его прикрывал длинный навес, поэтому на выгоревшем полотне можно было разглядеть нарисованных спортсменов, пересекающих финишную прямую, и надпись «Все мировые рекорды должны быть наши».

С другой стороны спортплощадки раньше находился бассейн под открытым небом на двадцать пять метров. В нём часто устраивали

заплывы на скорость, и Юра помнил резкие свистки, всплески и голоса командующих вожатых так хорошо, будто это было вчера. Но в реальности от бассейна осталась только большая и глубокая яма, обвалившаяся у дальнего края. Со стенок осыпалась мелкая плитка, на дне скопилась дождевая вода, которая уже позеленела и заболотилась. Только возвышения для прыжков с полустертыми номерами дорожек могли сказать случайному путнику о том, что когда-то тут был бассейн.

А вот потемневшие, покрытые зелёным налётом сломанные статуи пионеров-пловцов всё еще стояли на своём пьедестале. Лес за их спинами значительно поредел, Юра слышал грохот экскаваторов и вой бензопил, доносящийся из-за деревьев. Пройдя немного вглубь чащи, он увидел большие проплешины посреди когда-то густого хвойного леса — тут полным ходом шла вырубка, а вдалеке виднелась стройка. А ещё дальше — треугольные крыши уже построенных домов.

Юра вздохнул и вернулся к статуям пионеров. Подошёл вплотную к пьедесталу, встал на то самое место, где в тот вечер, двадцать лет назад, они с Володей полночи просидели, держась за руки, не в силах отпустить друг друга. Юра усмехнулся — как же у него потом болели ноги и спина, но улыбка тут же померкла — и совсем скоро это место исчезнет с лица Земли. Юрино детство, самые счастливые воспоминания, неумолимо стираются не только временем, но и прогрессом. Заброшенный пионерлагерь, конечно же, никому уже не нужен, он лишь занимает место и пространство. Юра представлял, как на «Ласточку» огромной ногой великана наступает «новое». Скоро тут ничего не останется. Ничего из того, что ему было так дорого.

Он стоял у подножия статуи и смотрел в землю. Тут они сидели. Володя держал его за руку, обнимал и обещал, что никогда больше не оттолкнёт. Юра улыбнулся сам себе, в его груди потеплело от этих воспоминаний. Каким же он был тогда наивным. Глупым мальчишкой, совершенно не понимающим серьёзности происходящего. Тогда всё для Юрки было одной сплошной эмоцией — восторг от первой любви, радость от того, что она не безответна, сладость взаимности… Может, хорошо, что Юра тогда был абсолютным ребёнком. Ведь благодаря такому невинному и ребяческому взгляду на вещи он не

казнил себя так, как это делал Володя. Не ненавидел себя, не причинял себе вреда, а главное — не совершил страшной ошибки, которую только предстояло сделать тогдашнему вожатому Володе в недалёком будущем, спустя несколько лет после работы в «Ласточке».

Глава 13

«Колыбельная» для вожатого

Утром следующего дня Юрка играл со вторым отрядом в пионербол на пляже. Народу было не протолкнуться. Здесь присутствовали и девчонки из второго отряда, участвующие в спектакле, Настя — Портнова, Катя, играющая Лузгину, и Юля — деревенская предательница. Они хором поздоровались с Юркой. Юрке стало очень приятно.

Счёт вела команда первого отряда, но победила всё равно дружба.

Юрка буркнул Ксюше — она единственная из ПУК играла:

— Надо в следующий раз назвать команду «Дружба», чтобы выигрывать уж наверняка.

— Точно! — весело ответила Ксюша и даже улыбнулась ему. Юрка аж обалдел — Ксюша-то? Ему-то?

Закончив играть, измученный жарой Юрка отправился плавать, а точнее — топить вместе с Ваней Миху. Те обещали быть готовыми, как только объявят счёт, но задержались на пляже. Юрка устал ждать и залез в воду первым, но только расслабился и начал остывать, как на пляж пришла Ольга Леонидовна с Володей.

Воспитательница сосредоточенно вещала худруку что-то, а он в это время сосредоточенно искал глазами кого-то. Юрка догадался, кого именно, сунул в рот пальцы и громко свистнул. Володя заметил его, расправил плечи, помахал рукой и улыбнулся, сверкнув очками. И Юрка вспомнил о том, что было вчера. Он и так не забывал, но сейчас вспомнил особенно остро, до того, что ощутил на губах Володино дыхание и запах. В груди потеплело, Юрка замер с глупой улыбкой на лице, расслабился и чуть было не ушёл под воду, но опомнился и заработал руками.

Ольга Леонидовна дёрнула Володю за рукав — он тоже, как Юрка, не шевелясь смотрел на него, — и потащила к парням из второго отряда, сидящим на полотенцах кружочком. Потом к Паше из Юркиного отряда, Митьке и Ване. Когда ребята испуганно ей

закивали, Ольга Леонидовна подхватила Володю под руку и вместе с ним удалилась.

Визит прошёл довольно быстро, Юрка не успел даже выйти из воды. Крикнул Михе с Ванькой, и те бегом рванули к нему, засыпав песком тех, кто сидел на пляже, и забрызгав водой тех, кто плескался в реке.

— Чего хотела? — спросил Юрка.

— В театр звала на массовку, — ответил Ванька. — Ну как звала, сказала, что придём и всё.

— А-а-а…

— Ага! — передразнил Миха. — Юрец, слушай, а ваш худрук, он… это, строгий, да? Злой? Ты только не говори никому, что я так сказал.

— Володя-то? — усмехнулся Юрка, вспомнив, как вчера вечером и ночью обычно строгие глаза под очками приближались к его лицу, закрывались и не открывались до тех пор, пока не закончился долгий тёплый поцелуй. Юрка аж вспотел в прохладной воде. — Ох… Это… если что-то пойдёт не так, тебе, Мих, не Володя, а Ольга Леонидовна голову оторвёт.

— Вот засада!

— Ой, Мих, да ла-а-адно, — протянул Ванька. — Петлицыну вон вообще роль с текстом выписали. Нам-то с тобой стоять молча и так сойдёт.

— Не сойдёт! — возмутился Юрка. — Парни, Володю надо уважать! Только попробуйте мне…

— Будем-будем, — заверил Миха.

— Ясно-понятно! — подтвердил Ванька. — Ну чего, поплыли уже, а? Так и замёрзнуть недолго.

— Наперегонки! — скомандовал Юрка и рванул первее всех.

А когда они вернулись обратно на пляж, Юрка не спеша вытерся и задумчиво произнёс, глядя на противоположный берег реки в надежде увидеть там иву:

— Петлицыну роль, говорите, с текстом дали? Езавитова, видимо. Плохо — Володя этого не хотел. Нам бы лучше Митьку, у него ого-го какой голосище.

— А где он, кстати? — вальяжно растянувшись на горячем песке, поинтересовался Ванька.

Ответ последовал незамедлительно.

— Здравствуйте, пионеры! Слушайте пионерскую зорьку, — ответил сам Митька из динамика. — Завтра долгожданный праздник — день рождения нашего любимого пионерлагеря «Ласточка». В связи с этим сегодня пройдут два важных мероприятия. Первое — генеральная репетиция концерта художественной самодеятельности начнётся после полдника. Артистам от первого отряда быть на площади в шестнадцать часов, второму отряду — в шестнадцать тридцать…

Митька диктовал время репетиций всех остальных отрядов, а девчата-активистки из первого и второго сосредоточенно записывали за ним. Ольга Леонидовна решила провести хоть какое-то мероприятие вместо спектакля и велела поставить маленький, всего на час, концерт-солянку, состоящий из простых коротких номеров, чтобы артистам хватило одного дня на подготовку. Юрка в нём не участвовал. Знал только, что девочки собираются что-то станцевать.

Митька закончил с этим мероприятием и сразу перешёл ко второму, куда более важному и касающемуся всех отдыхающих:

— Сегодня в течение дня всему лагерю необходимо явиться в медпункт для измерения прибавки веса. Явка обязательна. Лариса Сергеевна примет пионеров только в составе своих отрядов. Информацию о времени посещения сообщат ваши вожатые.

До этого момента Митька говорил сухо и деловито, но вдруг его тон потеплел. Все догадались, что важные новости кончились, а это значит, что вот-вот завершится и радиопередача. Но у Митьки было ещё что сказать:

— В честь предстоящего внепланового измерения прибавки веса разрешите зачитать любимое многими пионерами стихотворение «На весах».

Митька ещё никогда не читал стихов — программа новостная, а не развлекательная, и оба отдыхающих на пляже отряда навострили уши. Митька, откашлявшись, начал:

Есть в нашем лагере весы,
Не просто так, не для красы, —
Мы выясняем по утрам,
Кто пополнел, на сколько грамм.

Нет, мы не ходим в дальний лес:
А вдруг в походе сбавим вес?!
Нам не до птичьих голосов.
Проводим утро у весов.

Ванька прыснул в кулак, Юрка согласно кивнул. Митька продолжал басить выразительно, не забывая ставить паузы:

Нельзя бродить нам по лесам:
Всё по часам! Да по весам!
А в дождь — мы сразу под навес.
Ребята ценятся на вес!

На пляже сдавленно захихикали.

И сколько здесь бывает драм:
Серёжа сбавил килограмм,
И долго ахал и стонал
Весь медицинский персонал.

Вдруг изменился наш режим:
С утра на речку мы бежим…

Вдруг раздался невнятный шелест, потом — ужасающий треск. Потом тишина. Отряды захохотали в голос — у Митьки отобрали микрофон!

Получаса не прошло, как к ним явился сам герой дня — Митька, который с ходу сообщил Юрке важную новость: теперь и сам Митька привлечён к спектаклю. Но в отместку за стихи Ольга Леонидовна поручила ему одну из самых тяжёлых работ — поднимать занавес. Юрке было жаль, что харизматичному Митьке не дали роли, но в целом он всё равно был рад — главное, что занавес поднимать придётся не Юрке.

В отряд как обычно маршировали строем. Юрка по традиции шёл впереди, рядом с Ванькой, а прямо за ними — следующие по росту пионеры — Полина и Ксюша. Девчата громко шептались. Вдруг в разговор вклинилась идущая за ними Ульяна и взволнованно защебетала:

— Девчат, представляете, мне на пляже кто-то записку подкинул. Я одеваться стала, смотрю, что-то выпало, бумажка…

— Что там? — грубо перебила Ксюша.

— Дай почитать, ну дай-дай, — оживилась Полина.

— Вань, у нас завтра соревнования с вожатыми будут перед концертом? Линейка. Потом соревнования — вожатые против пионеров. Потом концерт, так ведь? — совершенно не зная, чем себя занять, спросил Юрка. Он и так был в курсе, последовательность мероприятий назвал верно, просто надеялся, что Ванька может знать что-нибудь ещё. Но тот молчал, подслушивая, о чём говорят девчата.

— «Ты мне нравишься…» Ого! Здорово, Уль! «Ты мне нравишься»! — обрадовалась Полина. — От кого это, не знаешь?

— Юр! Конев! — позвала Ксюша, Юрка аж вздрогнул. Он ни при чём!

— М?

— А ты не видел случайно, пока мы плавали, к нашим вещам кто подходил?

— Конечно, не видел. Дались мне ваши вещи!

— А может, это ты? Ты подкинул записку, а, Юрчик? — захихикала Ульяна.

Юрка лишь цокнул языком и закатил глаза, поймав на себе ревнивый взгляд идущего неподалёку Митьки.

Юрке удалось встретиться с Володей только в отбой. Взглянув в его глаза, он понял, что Володя ждал встречи не меньше, а может быть, даже больше. Чуть наклонив голову, он смотрел пристально и нежно. Молчал, но Юрке и не нужны были слова. Он понимал, что у него самого их не хватит, чтобы хотя бы мысленно описать тот восторг, который он испытывал от Володиной близости. Дух захватывало от понимания, что между ними есть эта самая близость, как она пронзает их и как прочно связывает. Юрка мечтал только об одном — поскорее его поцеловать.

Похоже, что и Володя хотел того же: без лишних разговоров кивнул Юрке в сторону реки, и они, не сговариваясь, отправились к иве.

Оказавшись под её кроной, Юрка подумал, что, наверное, это и есть абсолютное счастье — не помня и не чувствуя самого себя, касаться Володиного лица щекой, тереться носом, прижиматься губами. Слышать его дыхание, чувствовать его запах, видеть, как дрожат его ресницы за стёклами очков. «Это сон», — твердил себе Юрка, но не его, а всего мира вокруг. Говорят, что сон — это маленькая

смерть, и всё вокруг действительно будто вымерло. Только ветер касался кожи, тёплыми порывами колыхал ветви ивы, и из-под них вырывались и вспыхивали солнечные лучи.

Володя хотел спать. Он то и дело давил на усталые глаза пальцами, постоянно зевал, но на предложение Юрки о том, чтобы подремать, резко ответил отказом:

— У нас осталось слишком мало времени. А заняться, наоборот, есть много чем.

У Юрки перехватило дыхание.

— И чем займёмся?

— Давай порепетируем текст.

У Юрки не было конкретных планов. Боясь собственных мыслей, он даже ни о чём не мечтал. Но здесь и сейчас, наконец оставшись наедине, учить роль?..

— Почему бы и нет? — деланно улыбнулся он и начал: — «Фы ведь из Ленинград? Фаш город дафно взят, и если фройлен согласится оказать небольшие услуги гитлерофскому командофанию…»

Текст был интересным и легко отвлекал от полных разочарования мыслей. К тому же Юрка очень забавно пародировал немецкую речь, так что они с Володей оба развеселились, а потом даже расхохотались. Володя отобрал у Юрки текст и сам начал читать, но «фыкал», как говорил Юрка, слишком неправдоподобно:

— Володь, ты переигрываешь. Не надо бросаться в крайность. Тут гармония нужна, как в музыке. Вот смотри…

Но Володя резко перебил его.

— Юр, а знаешь, ты очень красивый, когда играешь…

«Красивый, красивый, красивый» эхом прокатилось в мыслях. У Юрки поплыло в глазах, и всякие немцы, «фыканья» и прочее мигом вылетело из головы. Он сидел и смущённо смотрел на Володю, а тот говорил тихо и ласково:

— У тебя вид такой интересный, одухотворённый, но сосредоточенный. Ты, наверное, даже не замечаешь, что вообще не сидишь спокойно — раскачиваешься, иногда подпеваешь себе, а иногда закусываешь губу. Так это здорово смотрится: вот вроде бы ты здесь со мной, сидишь рядом, но на самом деле ты где-то очень далеко. Я смотрю на тебя и гадаю, где ты? Занимайся почаще, мне это так нравится…

Володя при этих словах смутился, стал таким робким и румяным. Отказать ему, такому доброму, ласковому, такому своему, было совершенно невозможно. Но и ответить что-либо — тоже, слова просто застряли у Юрки в горле.

Володя растянулся на траве, положил голову ему на колени, посмотрел на него снизу вверх до того нежным взглядом, что в груди всё начало плавиться. Не то что говорить, даже дышать стало невозможно, и Юрка отложил сценарий, включил радио, чтобы повисшая между ними тишина не стала тяжёлой.

На радио снова крутили час русской классической музыки, и, когда опять зазвучал Чайковский, Юрка уже не смог сдерживать бурю эмоций внутри. Дрожащим от восторга голосом произнёс совсем не те слова, что так и рвались наружу, но другие, про музыку:

— Чувствуешь, как она погружает в себя? Будто бы тонешь в ней: бас обволакивает, воздух густеет, всё замирает, и мы замираем и медленно, как будто в мёде, опускаемся на самое дно…

— Услышал бы это две недели назад, не поверил бы, что это говорит Юрка Конев, — Володя улыбнулся, но сразу же стал серьёзным. — «Колыбельную» для спектакля должен играть ты!

— Но я её совсем не помню.

— Вспомни! Это должен быть ты, Юра. Очень тебя прошу, сыграй.

Он весь засиял, морщинки на лбу разгладились, привычную, уже ставшую чертой его лица усталость как рукой сняло. Залюбовавшись им, Юрка не удержался, попросил разрешения погладить Володины волосы.

Володя кивнул. Касаясь висков, накручивая на пальцы тёмные локоны, Юрка наклонился ближе и, ужасно стесняясь, спросил шёпотом:

— А можно я за это сниму с тебя очки? Ни разу не видел тебя без них…

Каким это оказалось интимным занятием — снимать с Володи очки! Таким будоражащим и волнительным, что подрагивали пальцы, будто сейчас Володя предстанет перед Юркой обнаженнее, чем просто голым. Очки оказались неожиданно тяжёлыми, а его лицо без них — непривычно сонным и усталым. Под глазами темнели круги, вдобавок Володя забавно сощурился.

— Что это? — он повозил головой по Юркиным коленям. — У тебя в шортах что-то твёрдое, что это?

— Мел, — просто ответил Юрка, он всё время забывал вытащить кусочек из кармана шорт. — У Алёши Матвеева взял.

— А зачем тебе мел?

— Как это зачем? Вот ты уснёшь, я им вместо пасты тебя намажу. Это знаешь, как почётно! Это тебе не над пионерами шутить. Такой адреналин — намазать спящего вожатого! Не каждый осмелится и тем более не каждый сможет.

— И ты каждый день его таскаешь в кармане? — хмыкнул Володя и вдруг спохватился: — Кстати! У меня есть для тебя подарок!

Он поднялся и осторожно вынул из кармана рубашки белый, большой, размером с яблоко комок.

— Вот. Сорвал вчера, а отдать забыл. Ты же хотел на память. Держи, — он разомкнул протянутую Юрке руку, и в ней показалась увядшая белая речная лилия.

— Ты и до заводи добрался? — прошептал Юрка, когда лилия оказалась в его протянутой ладони, лёгкая, как бумажная, и ещё более хрупкая. — Ты всё-таки её сорвал. А говорил: «Красная книга, Красная книга…»

Володя задумчиво пожал плечами:

— Мне показалось, что тебе это важно. А она… да всё равно когда-нибудь умрёт.

— Не то чтобы это было важно тогда, но сейчас… Сейчас, наверное, да, важно. Спасибо. Я её сохраню.

Они немного помолчали. К Юркиному разочарованию, Володя больше не ложился к нему на колени, а продолжал сидеть. Он смотрел на реку, думал о чём-то своём и вдруг, будто вспомнив ещё что-то, выпалил на одном дыхании:

— Юра, когда ты понял, что относишься ко мне необычно? Это произошло тогда, в заводи, когда я предложил искупаться и… разделся?

Юрку ужасно смутил этот вопрос. Покраснев, он протянул тихо и неуверенно:

— Понял, может быть, там, но началось всё это раньше.

— Раньше? — Володя вздохнул с облегчением и уставился Юрке в глаза. — Когда — раньше? Что я сделал? Тогда, когда разрешил тебе

поспать у меня на плече?

— Нет, ещё раньше. На каруселях, может быть.

— Когда я трогал тебя за колено?

— «Я, я, я», — раздражённо пробормотал Юрка. — Да при чём здесь ты? Это само произошло, ты ничего не делал.

— Точно ничего? — Володя взволнованно закусил губу, взгляд его стал умоляющим.

— Точно, — кивнул Юрка.

— Хорошо… — протянул Володя, наконец ложась на землю и снова устраивая голову на Юркиных коленях. — Это хорошо.

Не желая больше сдерживаться, Юрка осмелился снова протянуть руку и коснулся его головы. Володя наконец закрыл глаза, а Юрка стал гладить его волосы, замерев всем остальным телом на несколько долгих, сладких минут.

— Выключить радио? Может, всё-таки поспишь? — чуть погодя спросил он.

— Всё равно не смогу.

— Волнуешься из-за спектакля?

— Да нет, просто когда долго не спишь, засыпать становится труднее и труднее, а я не спал уже две ночи.

— Если не можешь уснуть ночью, спи днём. Прямо сейчас, а я тебя покараулю.

— Зачем меня караулить? — он улыбнулся. — Я никуда не уйду.

— А я прослежу за тем, чтобы никто не пришёл к нам. А ещё — поучу сценарий, — хмыкнул Юрка.

Володя кивнул:

— Давай попробуем.

Юрка убрал руку с его волос и только взял тетрадь в обе руки, как Володя, не глядя, снова забрал у него левую и положил её обратно к себе на голову. Юрка усмехнулся. Но на Володином лице не отразилось ни следа эмоций.

Юрка пытался учить роль, но сосредоточиться на тексте не получалось. Он то и дело опускал взгляд вниз, на Володино лицо, заглядывался, наблюдая, как дрожат его веки и ресницы. Любуясь и переживая одновременно.

— Всё равно не можешь? — тихо спросил Юрка.

— Никак, — со вздохом ответил Володя.

— Спеть тебе колыбельную? — хохотнул Юрка.

— Да. Но лучше сыграй. На спектакле. Я так хочу увидеть самого необыкновенного, самого лучшего на свете Юрку за фортепиано и услышать «Колыбельную». Ты же её так любишь, а я… так хочу посмотреть на тебя. Полюбоваться. Очень хочу. Сыграй её для меня.

Юрка бы скорее ивовый ствол зубами перегрыз, чем отказал бы ему сейчас. После таких слов он почувствовал себя лучшим на всей планете. Разве можно было не почувствовать? Разве можно было не стать лучшим? И Юрка стал.

— Я сыграю. Для тебя.

Вернувшись в лагерь сразу после отбоя, он нарисовал на длинном листе бумаги клавиатуру и начал тренировать визуальную память. А ещё раздобыл нотный лист, переписал ноты «Колыбельной» и сунул их в карман, чтобы всегда были с ним, чтобы повторять их при любом удобном случае.

Только вот этим вечером не успел потренироваться, потому что Ольга Леонидовна завалила его работой по самые уши. А когда он её выполнил, будто издеваясь, дала ещё. Видимо, рассудив, что оболтус Конев и есть причина Володиных неудач, эта вяленая чехонь начала гонять его и в хвост, и в гриву по всему лагерю с тысячью поручений и задач.

Володя же с головой окунулся в вожатские дела — пятый отряд тоже готовил сценку к родительскому дню. У Юрки совсем не было ни времени, ни возможности ему помочь, увидеться. Огорчённые донельзя, вечером они кое-как улучили десять минут, чтобы побыть вдвоём. Юрку соблазняла мысль, что они могли бы встретиться ночью, но после новости, что Володя не спал двое суток, он даже мысленно не заикнулся предложить погулять после отбоя. А ведь Юрка в последнее время тоже спал плохо. Но он-то мог уснуть хотя бы на пару часов, а Володя не мог вовсе. И Юрка знал, что это не преувеличение — то, на что он не обращал должного внимания раньше, сейчас стало бросаться в глаза: тёмные круги под глазами, Володина вялость и подавленность. Как бы Юрка ни хотел быть с ним всегда, он не имел морального права требовать, чтобы Володя не спал вообще.

* * *

На следующий день, день рождения «Ласточки», Юрка даже не надеялся выкроить и получаса перед началом праздника, чтобы побыть с Володей наедине. Но вышло ещё хуже: у них не нашлось ни минуты. С самого утра Юрке поручили выполнить миллиард мелких дел, сдать пять пятилеток за три года, построить пару БАМов[7] и перетащить пианино. По поводу последнего он возмущался больше всего — расстроится же. Тем не менее настроение у Юрки было боевое.

— Быстрее, выше, сильнее! — услышал он голос физрука Семёна, доносившийся со спортплощадки. Голос у того гремел будь здоров, на площади слышно.

Юрка впервые в жизни официально — с благословения Ольги Леонидовны — пропускал зарядку, шёл к эстраде украшать её к концерту и слушал физрука. Ждал, когда от этого голосища затрещат деревья, и думал, что он, Юрка, и так всех быстрее, выше и сильнее, а ещё лучше — и вовсе всемогущ. Разве можно было считать иначе, если с ним, с оболтусом Коневым, происходили просто сказочные события? Володя, тот самый комсомолец-красавец-умниц Володя, целовал его в щёку, брал за руку и говорил: «Ты такой красивый, когда играешь». Да, случалось оно редко, но не по их вине. «Дай волю, — сказал вчера вечером Володя, — никогда бы тебя не отпустил».

Перетащить пианино оказалось не такой уж и трудной задачей — у Юрки в помощниках был ушастый Алёша и завхоз Саныч, у пианино — колёсики, а у чёрного хода кинозала и у эстрады — специальные пандусы. Но инструмент всё равно было жалко. Пока волокли, Юрка беспомощно бурчал себе под нос: «Магнитофона им мало, а если дождь?» — а как установили и проверили звучание, выругался — как пить дать расстроено, «си» вообще не звучит.

— Ну и кто теперь настраивать будет?

— Да мало ли у нас умельцев, Юрок, найдём человека. — И завхоз бодрым шагом направился в административный блок.

— А ты не умеешь? — наивно поинтересовался Алёша.

— Настраивать? Конечно нет. Но как-то раз, кстати, попробовал — просто я ненавидел, когда оно звучит не так, а дождаться настройщиков терпения не хватало, вот и полез сам. Меня тогда чуть

лопнувшей струной не прибило, — не без хвастовства заметил он. — Видишь шрам на подбородке?

— Ничего себе! Вот ты смелый, Юрка! Знаешь что, вот говорили про тебя всякое, а я не верил. Отвечал, что Конев хороший парень — и правда же, так и есть!

— Что это ещё за «всякое» и кто говорил?

— Разное говорят: одни, что оболтус, другие, что, наоборот, в подвожатника метишь. Не обращай на это внимание, пусть что хотят, то и говорят.

— Кто говорит? — спросил Юрка, думая на Ксюшу.

— Ну… только по секрету, ладно?

— Буду молчать как партизан.

— Маша Сидорова Ольге Леонидовне на тебя жаловалась, что худрука от работы отвлекаешь, а ты вон пианино настраи…

— Маша?! — выкрикнул опешивший Юрка. И добавил тише: — Ну Маша… Ну получишь у меня!

— Эй, ну только по секрету, ты же обещал!

— По секрету, Алёш, по секрету.

Подошло время завтрака. Первым делом Юрка бросился искать Машу, чтобы выпытать, почему она на него наговаривает. Но Маши нигде не было видно. ПУКи сидели вдвоём, без Ксюши. Юрка подошёл к ним, спросил:

— Вы не знаете, где Маша?

Ульяна кокетливо улыбнулась:

— А зачем тебе?

— Да вот хотел сообщить ей, что в спектакле она больше не участвует, аккомпанировать буду я!

— Во дела… — протянула Уля. — Посмотри в здании кружков. Они там с Ксюшей стенгазету рисуют к празднику.

Спонтанная идея напакостить Маше так понравилась Юрке, что он решил не искать её. Знал, что через сарафанное радио новость об исключении Маши из спектакля разнесётся быстро, Сидорова сама его найдёт. Надо только Володю предупредить…

Предупредив Володю и позавтракав, Юрка вернулся на площадь. Туда же явился и третий отряд во главе со своим вожатым. Они стали ждать музрука — был в лагере и такой специалист. Он отвечал за радио и концерты и должен был принимать у них номер. Юрка же

уселся ждать завхоза Саныча. Тот явился довольный, радостно сообщил, что музрук настроит инструмент, и бодро отправился по своим завхозным делам. Музрук явился с аккордеоном, выслушал Юрку и потыкал по клавишам. Согласился и попросил подождать, пока не прогонят номер. Юрке скучать не дали — отправили помогать Алёше украшать сцену.

Июльская жара мариновала пионеров третьего отряда, они уныло тянули песню из кинофильма «Гостья из будущего»:

Слышу голос из прекрасного далёка,
Голос утренний в серебряной росе,
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель.

Под этот унылый аккомпанемент Юрка с лопоухим товарищем вешал тяжёлые синие шторы. Оба умаялись — тонкие петли то сваливались с крючков, то рвались, и приходилось пришивать их прямо на весу. Музрук не хотел отпускать подопечных, и они продолжали не петь, а стенать грустную детскую песню о счастливом будущем.

Юрка нет-нет, да отвлекался на неё. Он не особенно любил этот фильм, «Гостья» казалась ему слишком нудной, и если в первый раз смотреть было интересно, то во второй Юрка уже скучал. А посмотрел он все серии и не раз — дочка маминой подруги Тонька обожала этот фильм, но была ещё слишком мала, чтобы ходить в кино в одиночестве, и потому Юрка, мотивированный пятнадцатью копейками «на мороженое», исправно водил её на каждый сеанс. Он знал этот фильм едва ли не наизусть. Он знал и эту песню, но ни разу не вслушался и не вник в текст. А сейчас прислушался и загрустил — она напомнила ему о том, что время идёт, что скоро закончится эта смена и им с Володей придётся расстаться.

Ребята всё повторяли и повторяли последний куплет:

Я клянусь, что стану чище и добрее,
И в беде не брошу друга никогда,
Слышу голос и спешу на зов скорее
По дороге, на которой нет следа.

От сумасшедшего солнца плавилась даже тень, но по Юркиной спине пробежал холод: «По дороге, на которой нет следа», — мысленно повторил он. И понял вдруг, что эта песня жуткая! Что она совсем не про счастливое будущее, а про утрату понятного, доброго настоящего — детства. Юрка уже утомился, голова кружилась от голода, а в воображении развернулись бредовые картины: он увидел широкую серую дорогу, себя, Володю и каждого из присутствующих здесь. Они шли вперёд, не догадываясь, что этот путь — путь в никуда, что идут они не сами, их тянет влекущая в неизвестность чёрная дыра будущего, которая неизбежно поглотит и его, и Володю, и всех этих детей.

Он помотал головой и поспешил отвлечься:

— Осталось повесить всего одну шторину.

Юрке казалось, что они с Алёшей возятся бесконечно долго, а ребята всё поют и поют эту жуткую песню. Наконец горн позвал всех на обед.

Юрка ел без аппетита, всё смотрел в дальний конец столовой на своего Володю. Тот стоял спиной, как обычно в шортах, белой рубашке и красном галстуке. Юрке подумалось вдруг, что пройдёт всего ничего времени и Володя уже не будет их носить. Что Володя изменится и Юрка тоже изменится, они оба неизбежно повзрослеют. Он понял, что не хочет взрослеть, не хочет в это «далёко» и даже хуже — боится.

Меньше чем через неделю они расстанутся. Может быть, не навсегда, может быть, даже не на годы, а только на месяцы, но расстанутся. И каким Юрка увидит его следующим летом? Станет ли Володя выше ростом и шире в плечах? Реже или чаще будет улыбаться? Станет ли его взгляд строже или более усталым, чем сейчас, а может, наоборот, — мягче и добрее? Столько вопросов, и никто не сможет дать на них ответа.

Обед закончился, десертный сухарик с изюмом немного поправил Юркино настроение. Он свистнул ещё один, решив перевести с его помощью настроение из нейтрали в плюс, но глянул на полуголодного Володю — ребята опять расшалились, не дав ему нормально поесть, — и решил оставить сухарик ему.

На выходе встретились, Володя запротестовал, настаивая, чтобы Юрка жевал его сам, но Юрка был непреклонен. Володя поблагодарил

и обещал, что, как разберётся со своей босоногой ордой, встретится с Юркой у эстрады, если успеет до начала торжественной линейки.

Юрка шёл обратно и думал: «Тоже мне новость — смена кончится. Конечно, кончится. Всё кончается, и она кончится. Но почему так скоро?» А ему-то казалось, что всё это навсегда. В лагере, где день идёт за два, многим так кажется. Юрке не верилось, что меньше чем через неделю изменится вся его жизнь: не будет ни леса, ни лагеря, ни друзей, ни театра, ни Володи. И уже не будет того Юрки Конева, которого мама посадила на лагерный автобус, ведь он уже изменился. Какой-то месяц назад он и помыслить не мог, что будет заниматься тем, чем занимается: помогать, активничать и особенно, что снова станет играть на фортепиано. Вот мама обрадуется, когда Юрка уберёт бардак с инструмента! Вот только будет ли он сам рад, вернувшись в тесную комнату старой квартиры в серой девятиэтажке, одной из тысяч в его пыльном городе?

Уже опостылевшая тоска снова охватила Юрку, и, чтобы её развеять, он отправился к прекрасному инструменту, помогающему забыть о чём угодно.

Алёша и другие ответственные за украшение площади разбежались по своим отрядам. Время близилось к отбою, в лагере царила тишина. Только повариха Зинаида Васильевна, гремя, тащила из кладовых кастрюли, да оба физрука, Женя и Семён, разгадывали кроссворды, сидя на лавочке в тени яблони. Юрка поднялся на пустующую сцену. Проверил, настроено ли пианино, удовлетворённо кивнул, вынул из кармана мятый листок с «Колыбельной», уселся за инструмент, поставил ноты. И жизнь засияла новыми красками.

Нежная мелодия потекла по раскалённому воздуху мёдом. Юрка сосредоточенно склонился над клавиатурой. Пальцы парили над клавишами и замирали, едва их касаясь. Чёрные «соль-бемоли» и «ля-диезы» сменялись между второй и третьей октавами глубокими «до», и пальцы тут же порхали обратно — к светлым «ля» и «фа». Но Юрка был недоволен. Пьеса непростая, после долгого перерыва давалась ему с трудом. Ничего не получалось, он то и дело фальшивил и раздражённо дёргал головой. Снова и снова повторяя, перебирая пальцами клавиши, Юрка начал думать о том, что, может, права была экзаменаторша тогда в школе. Может, он правда бездарь?

Вдруг перед глазами потемнело — кто-то, подкравшийся сзади, закрыл ладонями его лицо.

— А так можешь? — негромко спросил Володя. По голосу было слышно, что он улыбается.

— Эй, отпусти! — деланно возмутился Юрка.

— Не-а. Вот скажи, Юр, — начал он, не убирая рук, — ты собой доволен? У нас спектакль через три дня. Давай, тренируйся усиленно, чтобы всё успеть и смочь.

— Я смогу, только не прямо сейчас, у меня настроение не то. Ну Володь, убери! Или давай так — я сыграю её с одним закрытым глазом.

— Вот ещё! Тоже мне нашёл дурака. Нет уж, оба.

— Не буду!

— Ладно, давай тогда так? — он чуть-чуть раздвинул пальцы. Юрке стало видно клавиатуру.

— Во-о-от! Другое дело! — Юрка засмеялся. Оглядевшись по сторонам, убедился, что танцплощадка совсем опустела, откинул голову и упёрся затылком Володе в живот. Посмотрел на него снизу вверх, улыбнулся. Володя улыбался тоже.

Они играли так до тех пор, пока Володя резко не убрал руки и не отшатнулся в сторону. Юрка вздрогнул от неожиданности, открыл глаза, проследил за его взглядом. У края сцены, уставившись на них округлёнными глазами, стояла бледная Маша, сжимая в руках метлу.

Юрке стало неловко, но при взгляде на испуганного Володю страх передался и ему.

— Куда летишь? — брякнул Юрка, чтобы разрядить атмосферу и перевести всё в шутку.

— Что? — зло протянула Маша.

— На метле, — объяснил Юрка. — Стоишь тут, делаешь вид, что метёшь чистую площадь.

— Это, по-твоему, смешно, Конев? И вообще, что всё это значит?

— Ты о чём? О том, что ты ведьма, или о том, что стукачка?

— Юра, прекрати! — вмешался Володя. — И ты, Маша, тоже! Я тебе уже объяснил, что он пошутил. Юра на спектакле будет играть только «Колыбельную»!

— А зачем он тогда девочкам сказал…

Их прервал горн, поднимающий пионеров с отбоя. Если бы не он, Юрка бы Маше голову откусил — так на неё рассердился.

Вскоре Митька по радиопередаче объявил о сборе на торжественную линейку.

День пролетел незаметно. Сначала линейка: флаг, пионерский салют, «Синие ночи». Потом все ринулись на спортплощадки соревноваться. Прыгали в мешках, тянули канат, бежали эстафету — Юрка, кстати, обогнал вожатого третьего отряда, — играли в лапту. Потом всех взрослых мальчишек позвали на футбол. В команде соперников был и Володя, и тогда Юрка, сосредоточенный только на мяче и воротах, задался целью победить команду вожатых даже в одиночку, но вышла ничья.

Последнюю часть праздничного дня, концерта, Юрка ждал меньше всего. Всё-таки участвовать всегда было интереснее, чем просто смотреть, а тут и смотреть-то было не на что. Единственным, что заинтересовало и заставило посмеяться, оказался номер пятого отряда, где ребята представляли сценку про запуск ракеты с космодрома Байконур. Лётчиком и одновременно космическим кораблём был Сашка. Он, помещённый в серый картонный цилиндр с головы до пят, гордо взирал на зрителей из круглого отверстия для лица и потрясал надетым на голову конусом в цвет корабля. За пультом управления стоял Пчёлкин и яростно тыкал по красной, тоже картонной, кнопке. По сигналу Сашки «Вжух!» его запустили в космос, вокруг забегали девочки-звёздочки, а все остальные ребята из пятого отряда запели песню про Землю в иллюминаторе.

Юрке было совершенно непонятно, при чём здесь день рождения лагеря, но смешно.

Во время выступления следующего отряда Юрка заскучал. Стал вертеться на месте и искать глазами Володю. Нашёл очень быстро — он сидел позади Юрки на два ряда, склонил голову, глаза его были то ли опущены вниз, то ли закрыты. Володя выглядел в точности так, как иногда на репетиции — будто читал лежащую на коленях тетрадь. Но сейчас не репетиция, и тетради у него на коленях не было. Номер закончился, второму отряду зааплодировали, и вдруг Володя клюнул носом, вздрогнул и резко поднял голову. По тому, как он захлопал глазами, Юрка догадался — вожатый уснул. Ему не удалось уснуть в

тишине под ивой у Юрки на коленях, но получилось здесь — в грохоте концерта, сидя рядом с Ольгой Леонидовной.

А она, разумеется, не могла этого не заметить. Тут же озабоченно уставилась на Володю, что-то у него спросила, но, услышав ответ, не стала упрекать, как ожидал Юрка. Наоборот, она поманила Лену, сказала что-то ей на ухо и кивнула Володе. Тот тут же поднялся и ушёл. Юрка догадался — спать.

«Ну и хорошо», — подумал он и стал в очередной раз слушать унылую песню про прекрасное далёко.

Вечера Юрка ждал, как манны небесной.

Когда началась праздничная дискотека, он тут же бросился к корпусу пятого отряда. Оказавшись внутри, сделал всего пару шагов по тёмному коридору, как подпрыгнул на месте — кто-то уткнулся ему в живот и пискнул от неожиданности.

— Саша? А ты чего не в палате? Опять за смородиной охотишься?

— Да нет, — пытаясь отдышаться, просопел Сашка, — я пописать пошёл. Володя спит, а у нас Женя сидит, страшилки рассказывает…

— Что, — хмыкнул Юрка, — такие страшные?

— Да нет, — уныло повторил Сашка, явно не понимая шутки. — Наоборот, про ССД. Так скучно! Юра, спаси нас!

Разрываясь между желанием прийти в комнату Володи — тем более что он там один, — и долгом помочь спящему вожатому уложить детей, Юрка долго сомневался. Опомнился лишь тогда, когда оказался на пороге спальни, и не сразу заметил, что Сашки рядом с ним уже нет.

В спальне было темно. Возле двери на стуле, зажав в руке фонарик, сидел Женя и вещал устрашающим голосом:

— Машина с надписью ССД, которая значит «смерть советским детям», остановилась рядом с мальчиком, и из неё вышел дяденька. Он подошёл к мальчику и стал уговаривать, чтобы тот сел в машину, он обещал подарить щенка, конфеты, игрушки. Но мальчик не соглашался. Он испугался и побежал, а машина поехала за ним…

— Юла! — радостно заверещал Олежка. Физрук подпрыгнул. Мальчишки весело загалдели: «Давай к нам!», «Ласскажи стлашилку!», «А это правда, что такие машины есть?»

— Давайте послушаем Женю, — предложил Юрка, усаживаясь на Сашкину пустую кровать и лихорадочно соображая, что делать

дальше. Перспектива просидеть с мальчиками до общего отбоя, а потом провести ночь в одиночестве Юрку не прельщала.

Женя продолжил замогильным голосом: «Мальчику удалось спрятаться в заброшенном доме и не попасться в руки шпионов, но если бы они его поймали…» Но ему не дали закончить. Дверь спальни распахнулась, на пороге появился сонный, лохматый и помятый Володя, за его спиной маячил довольный Сашка.

Не в силах сдержать вспыхнувший внутри него восторг, Юрка невольно шагнул Володе навстречу и схватил его за руку. Володя стиснул его ладонь в ответ, делая вид, что это простое рукопожатие. Дети возликовали: «Сейчас будет хорошая страшилка!» Даже Женя обрадовался приходу вожатого, закатил глаза и простонал:

— Ну наконец! Мне можно идти?

— Можно, — прогнусавил сонным голосом Володя. — Спасибо, что подменил.

— А теперь расскажешь страшилку? — пискнул, хитро прищурившись, Сашка.

И тогда Юрка догадался, что проснуться вожатому помогли. А сообразив, что Володя ещё и, должно быть, голодный, он вовсе запаниковал: куда бежать и что делать, чтобы накормить его?

Тем временем Володя неловко плюхнулся на край незанятой кровати, попытался пригладить рукой всклокоченные волосы, но на деле, наоборот, только взлохматил их. Растерянный, он прошептал Юрке на ухо:

— А что рассказывать-то? Мы давно ничего не придумывали.

— Так придумай! — велел Юрка. Он коснулся его уха носом, делая вид, что случайно.

— Я сейчас не соображаю совсем, — буркнул Володя.

И будто в подтверждение недавнему Юркиному страху, что Володя хочет есть, по комнате разнёсся новый звук — это урчал от голода его живот. И тут на Юрку снизошло озарение — почти каждому ребёнку родители передают передачки, а это значит, что у детей есть еда! Юрка оживился:

— Даю фору в пять минут. Придумывай.

Давая Володе время, он встал посреди комнаты и начал командовать:

— Слушайте все! Чтобы мозг вашего вожатого мог думать, ему нужно топливо, то есть еда. Лезьте в закрома, скребите по сусекам, вашего вожатого надо накормить!

— А что такое сусек? — спросили в правом углу у окна.

— А закорм? Или закром? — спросили в левом — возле двери.

— Передачки ваши, — объяснил Юрка. — Осталось что-нибудь из передач или слопали всё? Саня, я точно знаю, что у тебя под подушкой есть печенье, — он ткнул пальцем на Сашкину кровать. — Меняю полпачки на отменную страшилку.

— Откуда вы знаете, что у меня есть печенье? — насупился толстяк.

— Оттуда, что я каждое утро проверяю ваши кровати, — вклинился, подтвердив Юркину догадку, Володя.

На удивление Саня не стал спорить, вытащил пачку «Юбилейного», прижал печенье к груди и спросил с сомнением:

— А страшилка точно отменная?

— А это смотря какое печенье, — Юрка скрестил руки на груди.

— Но главное, что она свежая и основана на реальных событиях! — Володя дал понять Юрке, что придумал, о чём рассказывать.

— Ого! — Санька довольно кивнул, но его рука всё равно дрогнула, когда он протягивал Володе печенье. — Если страшилка всё-таки плохая будет, то вернёшь печенье обратно!

Володя кивнул и, быстро сняв обёртку, захрустел печеньем.

— Жёваное? — хмыкнул Юрка. — По рукам!

— Нет, не жеван… — Только и успел возмутиться Сашка, как Володя, толком не прожевав, начал рассказывать.

— Вот буквально позавчера под утро, представляете, проснулся я от какого-то странного шороха в комнате. Открываю один глаз, смотрю на пол, там какое-то странное чёрное пятно по полу ползёт, размытое, со страшными острыми очертаниями! И ползёт аккурат к Жениной кровати, да ещё и при этом устрашающе шуршит так… — Он захрустел очередной печенюшкой. — А Женя спит как ни в чём не бывало. Меня ужас сковал, я не понимаю, что это и что оно может сделать! А пятно внезапно остановилось! Потом стало вертеться на месте, развернулось у Жениной кровати и направилось ко мне! А я даже очки на тумбочке нащупать не могу — двинуться страшно! Ну,

кое-как нащупал книжку вместо очков, отполз на край кровати, готовлюсь к атаке… Пятно всё кружится по комнате, снова к Жене ползёт. Воспользовавшись ситуацией, я вскочил и подобрался к нему, но только замахнулся… пятно бросилось мне в ноги! Я вскрикнул, отскочил. Проснулся ничего не понимающий Женя. Я ему пальцем ткнул, он его увидел и как давай ругаться! А потом стянул с кровати плед и набросил прямо на пятно! И говорит мне: «Володя, надень очки!» Я пробрался к тумбочке, нацепил очки, а Женя в это время смотал плед в комок и взял его в руки. Я смотрю, а оттуда высовывается… розовый нос! И фырчит! Признавайтесь, кто нашего Фыр-фыра из зелёного уголка сюда притащил? Чуть до инфаркта вожатого не довели!

Юрка не удержался — засмеялся в голос. Его смех подхватили ребята.

— Это никакая не стлашилка! — весело пискнул Олежка. — Это смешилка!

— Какая еда, такая и страшилка. Вас же предупреждали! — заявил Юрка и, подражая Володиному начальственному тону, велел: — Всё. А теперь пора спать.

— Под одеяла. И без разговоров, — подхватил Володя.

Уложить детей спать удалось только спустя полчаса. Оказавшись на улице, вдохнув свежий, ещё тёплый воздух, Володя весело спросил Юрку:

— Как ты? Как день прошёл? — и стиснул его ладонь второй раз за день.

— Я соскучился! — вырвалось у Юрки.

Будто со стороны услышав, что сказал, Юрка мгновенно залился краской и охрип — сболтнул уж очень откровенное. Кашлянул и похлопал по сиденью карусели, приглашая Володю сесть рядом. А тому, похоже, понравилось услышанное, он улыбнулся и, рисуясь, поправил очки.

— Я тож… — не успел Володя закончить, как его прервали.

Из женской палаты раздался истошный визг двадцати голосов. Володя бросился на крыльцо, стал дёргать ручку двери, но дверь оказалась закрытой изнутри. Юрка помчался к окну, подпрыгнул и увидел, как по комнате «летают» привидения в простынях с фонариками.

— Володь! Всё нормально, это не диверсия. К девчатам приведения залетели, — сообщил он, смеясь.

Володя прибежал к нему, тоже заглянул, и Юрка почувствовал, как между делом Володя обнял его за талию.

— Шесть привидений! — воскликнул вожатый так, будто ничего особенного не происходило, мол, ну обнял, так и должно быть. — Давай ловить!

Он отцепился и с азартной улыбкой рванул к другой двери — в комнату мальчишек, которая оказалась не заперта. Юрка стоял под окном и смотрел, как несколько секунд спустя Володя с диким воплем «Ага!» вломился к перепуганным девчатам, отодвинул растерянную и растрёпанную Лену и поймал первое привидение. Остальные с перепугу полетели на улицу и открыли запертую дверь. А там их ждал Юрка.

Они вышли из отряда, только когда все привидения были обезврежены, доставлены в свою палату и уложены по кроватям.

— А чего ты такой весёлый? — удивился Юрка.

Раньше Володя всегда сердился на непослушание, а Юрку это забавляло, но теперь всё получилось наоборот. Он и не заметил, когда они успели поменяться местами.

— Во-первых, наконец-то выспался, во-вторых, понял, что если не научусь относиться к шалостям с юмором, этих мелких я просто поубиваю, — хмыкнул Володя. — Видимо, страшилка в этот раз на самом деле оказалась плохой. Не сработала, — Володя взял Юрку за руку и повёл за собой в кусты.

Густые заросли то ли сирени, то ли какого-то другого кустарника — Юрка не разобрал в темноте, — кучковались на отдалении. В них было темно и тихо, казалось, здесь можно спрятаться ото всех, даже от привидений с фонариками. При том что Володе с Юркой был виден весь двор.

Но они больше никого не стерегли, не ждали и ни за кем не следили. Наконец оставшись наедине, они были заняты только друг другом и трепетно обнимались, перешёптываясь о всякой ерунде.

Спустя не больше получаса на тропинке, ведущей к корпусу пятого отряда, раздались чьи-то шаги. Юрка услышал их первым и отпрянул от Володи:

— Слышишь?

Володя прижал палец к губам и выглянул из кустов, слегка отодвинув ветку. Так что Юрка тоже увидел. По тропинке шагала Маша.

Она заглянула в окно спальни девчат, долго смотрела, видимо, искала кого-то в слабо освещённой ночником комнате. Юрка и сам догадался кого — Володю. Не найдя там вожатого, Маша подошла к другому окну — мальчиков. Посмотрела, подождала, прислушалась. Сообразив, что и там его нет, побрела через клумбу к третьему окну.

— Моя комната, — прошептал Володя.

Там было абсолютно темно, Маша быстро вернулась на крыльцо и, тихонько скрипнув дверью, осторожно пробралась внутрь. Володя заметно напрягся.

— С ума сошла? Куда она лезет? — Володя дёрнулся в сторону и выскочил бы, если бы Юрка не схватил его за локоть.

— Постой! У тебя там есть что-нибудь не то? В смысле компромат какой или что-то такое?

— Да нет вообще-то, — задумался он.

— Вот и не вылезай. Увидит, что ты по кустам шатаешься, что подумает?

— Да чёрта с два я буду тут прятаться, пока кто-то роется в моей комнате!

Володя выскочил из-за кустов вовремя. Маша вышла минуту спустя и столкнулась с Володей в дверях. Юрке выходить было уже слишком поздно. Тревога росла с каждой секундой, ужасная догадка не давала спокойно стоять — неужели влюблённая Маша спятила настолько, что теперь следит за Володей?

Борясь с безумным желанием наброситься на неё и высказать всё, что думает, Юрка замер в кустах и чувствовал себя беспомощным идиотом. Крыльцо было слишком далеко, он не только не слышал разговора, Юрка не мог и прочесть его по губам — слабая лампочка мерцала из-за кружащегося комарья, разглядеть что-нибудь было невозможно. Одно было ясно — Маша ответила Володе такое, что свело на нет всё его возмущение.

Они закончили. Маша не торопясь вышла на тропинку и только спустилась вниз, как Юрка вынырнул из кустов и подбежал к Володе:

— Ну? Что сказала? — выпалил он, задыхаясь от волнения.

— Она искала тебя… — ответил Володя обескураженно. — Сказала, что Ирина тебя ищет и раз тебя не было в театре, Маша подумала, что ты можешь быть со мной. Не могу сказать, что это странно. Вы в одном отряде, она часто помогает Ирине, и это как раз таки нормально, но… я не ожидал.

— Нет уж, все это как раз таки странно! Знаешь, мне сказали тут, что Маша на меня наговаривает. Она вообще очень странно себя ведёт, ты заметил? Слишком часто появляется рядом с нами…

— А ты не преувеличиваешь?

Увидев чуть снисходительную улыбку Володи, Юрка смутился. Наверняка он подумал, что Юрка слишком хорошо помнит их танец и до сих пор ревнует, поэтому готов обличить Машу в чём угодно. И если Володя действительно думал так, то он был прав. Пылкое Юркино желание выскочить из кустов и поймать шпионку с поличным было вызвано именно ревностью. Но аргументы в защиту своей теории у Юрки тоже нашлись:

— Она не первый раз гуляет по ночам. Помнишь, тогда Ира пришла в театр и на меня набросилась, мол, что я с Машей делал и где гулял? А ведь и правда, где бы мы ни были, она всё время рядом. Володь, мы должны рассказать про её прогулки!

— Разберись сначала с Ириной.

И Юрка отправился к ней почти сразу. Всё равно настроение у него было испорчено, а на Володю опять нашла паранойя, и он постоянно замирал, прислушиваясь, оглядывался по сторонам и не позволял касаться даже своей руки. А вечер уже подходил к концу.

Наскоро попрощавшись с Володей, Юрка вернулся в свой отряд и нашёл вожатую. Ожидал, что она с порога нахмурит брови и закричит, уже приготовился лепетать оправдания, но Ира уставилась удивлённо и ответила:

— Вообще-то нет, не искала. — Юрка уже подставил руки ловить челюсть, как Ира ойкнула. — А где ты, кстати, был?

— С Володей.

— Ты вообще видел сколько времени?! Юра, отбой для кого играют?! Если ты задерживаешься, то должен предупредить!

Юрка засыпал, борясь со смешанными, полными тревоги чувствами. Вокруг Володи постоянно вилось много девушек, но Юрке казалось, что Маша мелькает уж слишком часто. Должно быть, это всё-

таки ревность. И вдобавок он, видимо, заразился Володиной паранойей.

Глава 14

Клянусь. Никогда!

До премьеры спектакля осталось всего ничего времени. Стоя у умывальников, сонный и продрогший от ледяной воды Юрка аж вспотел и проснулся, как только услышал из уст Володи страшное слово «послезавтра». Впрочем, страшным оно оказалось не только для Володи с Юркой, но и для всей труппы в целом.

Пропустив зарядку, Юрка удрал в театр, чтобы всецело заняться повторением «Колыбельной», и остался там на весь день, поэтому нервозность Володи мало его затронула. Чего нельзя было сказать об остальных ребятах, а им пришлось очень несладко. Ужасно негодуя, что вчерашний день выпал из-за праздника в лагере, худрук с самого утра принялся выдергивать актеров по трое, по двое и даже поодиночке с общественных работ и развлечений, чтобы без устали прогонять с ними отдельные сцены по десятку раз.

К спектаклю привлекли два кружка — кройки и шитья и художественный. Если вооруженные Ксюшиными эскизами портные работали в поте лица, то художники, по мнению Володи, филонили. Ребята не успевали нарисовать столько декораций, сколько требовалось для спектакля, и Володя забрал у них несколько эскизов и набросков, чтобы раскрасить самому с помощью актёров и волонтёров вроде Матвеева.

Юрка же в отношении спектакля оставался совершенно спокойным. Он не сомневался, что такими темпами они всё успеют. Его мучило совсем другое: время заканчивалось не только у актёров, но и у них с Володей тоже.

Володя это понимал и действовал. Он умудрился в таком плотном графике найти окна и дважды забежать к Юрке в кинозал, чтобы быстро чмокнуть в щёку и потрепать по голове.

Но Юрка всё равно грустил. В грусти «Колыбельная» звучала великолепно, но даже это не радовало. По-настоящему его радовало только одно: время, которое они проводили вдвоем, было

исключительно их временем. И если мгновения рядом, нежные, но молниеносно быстрые взгляды наполняли его душу счастьем, то двухчасового отбоя Юрка ждал с замиранием сердца. Наконец они смогут по-настоящему побыть вдвоем! Остаться наедине и наплевать на все эти репетиции, декорации и прочее. Наслаждаться жизнью и дышать полной грудью, чтобы запомнить друг друга и это лето как самое волшебное, что было в их жизни.

* * *

— Мы всё никак не доплывём до барельефа из твоей страшилки, — подмигнул Володя, бренча в кармане ключами от лодочной станции. — Это уже стало какой-то традицией — искать поводы, но даже не попробовать добраться дотуда.

Юрка хотел было возразить, что сегодняшний день выдался пасмурным, что может полить дождь, но передумал — велика ли беда промокнуть?

Они спустились по тропинке до лодочной станции, сели в лодку и отправились в том же направлении, что и раньше. В этот раз Юрка усадил за вёсла Володю — пусть теперь он гребёт против течения. Володя не жаловался, но на полпути стало заметно, что устал, и Юрка его сменил — до места, где стоял барельеф, плыть пришлось гораздо дольше, чем до заводи с лилиями.

«Руины», как Юрка называл это место, представляли собой неровное заросшее травой поле, окруженное редким сосновым бором. Неизвестно, усадьба стояла здесь раньше или церковь, но на то, что здесь действительно что-то было, указывали остатки стен и холмики фундамента. Стоит только приглядеться, и вот они — торчат в высокой траве.

Но их путь лежал дальше, к пролеску, у подножья которого раскинулись заросли дикого вьюна. Из пышной живой изгороди, усыпанной, словно звездочками, маленькими белыми цветками, проглядывала обычная замшелая стена. Подойдя вплотную, Юрка посмотрел на ничего не понимающего Володю и, раздвинув пушистые ветки, хмыкнул:

— Эта стена и есть барельеф.

— Она, конечно, очень старая, но явно не… Погоди-ка!

Володя прищурился и, разглядев под тонким слоем мха едва заметную выпуклую фигуру, охнул, но не успел и слова сказать, как Юрка упал на колени и принялся отрывать вьюн и мох.

— Осторожнее, вьюн — это лозинка, она ядовитая!

— Откуда ты всё это знаешь? Ботаник, что ли? — Юрка задумчиво почесал затылок.

— Да просто бабуля у меня цветовод-любитель.

Пожав плечами, Володя вынул из кармана шорт тетрадку, которую неизменно носил с собой, и вырвал оттуда пару листов. Вооружившись бумагой, ребята принялись снимать с барельефа лозинку и отрывать мох. Вскоре из-за живого бархата показался женский профиль, затем шея и грудь, а ниже — фигура младенца, которого женщина прижимала к себе.

— Поза как у Богородицы, — удивился Володя. — Интересно… но ведь это светская дама. Хозяйка?

— Это и есть мое привидение. Видишь нераскрывшиеся бутоны? — Юрка указал пальцем на маленькие остролистные цветочки-звездочки. — Когда я нашёл ее, лозинка еще цвела, и я увидел вот тут, — Юрка коснулся ключицы женщины, — большой белый цветок, будто брошь. Вот так я и придумал эту страшилку. Только вот никогда не слышал, чтобы здесь на самом деле была чья-то усадьба.

— Может быть, это надгробие?

— Не похоже. Но кто его знает…

Барельеф и окружающая его живая изгородь были таинственно, готически красивы, но кроме того, чтобы любоваться ими, здесь больше нечего было делать. А времени по Юркиным подсчетам оставалось еще прилично.

— Скажи точно, через сколько мы должны вернуться в лагерь? — задумчиво протянул он. У него возникла куда более интересная идея.

— Через час с лишним. Почти полтора, — подсчитал Володя.

— Отлично! — Юрка оживился. — Я знаю тут одно место…

— А ты откуда всё это знаешь? Столько мест!

— Я же обалдуй и разгильдяй, — хмыкнул Юрка. — Вечно трогаю что не нужно и шастаю где не нужно, вот и нахожу всякие клёвые штуки.

— Как скажешь, — улыбнулся Володя, — ну, поплыли.

— Плыть недалеко, а потом пешком наверх, во-о-он туда, — Юрка указал на конус лесистого холма, возвышающегося на востоке.

— А что там? У меня впечатление, что там сплошной лес и ничего больше.

— Видишь, шпиль торчит? Там на самом верху есть небольшая беседка.

— Уверен, что туда можно добраться?

— Всё в порядке, там есть тропинка. Правда, по ней местами карабкаться придётся…

— А змей там?..

— …нет, — закончил за него Юрка.

Чтобы подняться на склон, местами приходилось карабкаться. Слишком опасные участки ребята обходили, но, когда они забирались на крутые подъемы, всё равно приходилось цепляться руками за торчащие из земли корни. Одно происшествие заставило Юрку сильно испугаться — сучок, за который он уцепился, не выдержав его веса, отломился и едва не отправил Юрку катиться кубарем вниз. В остальном путь прошел без приключений, и вскоре они вышли к выдолбленным в земле ступеням, ведущим прямо к беседке.

Невысокая, хлипкая постройка не представляла собой ничего особенно красивого: простая деревянная будочка, выкрашенная зеленой, местами облетевшей краской. Внутри — небольшой столик, вокруг — неудобные узкие скамейки, всё очень просто и заурядно. Но эта беседка была уникальна не конструкцией, а другим — все её поверхности были испещрены надписями: стены, балки, скамейки, стол, пол. Они были везде, внутри и снаружи:

«Серёжа и Наташа, 1-я смена. 1975 г.»
«Дима + Галя, 4-я смена, 1982 г.»
«Тут были Света и Артур, „Ласточка“, 1-я смена, 1979 г.»

Повсюду пестрело великое множество имён, дат, цифр, написанных разными почерками, разными цветами, красками, карандашами, ручками, многие были вырезаны в самом дереве, многие — заключены в сердца.

Юрка подошел к дальнему углу беседки и подозвал к себе Володю. Перегнулся через край и указал вдаль:

— Вот, что я тебе показать хотел. Посмотри.

Беседка будто висела у самого обрыва — отвесного, земляного, срывающегося на много метров вниз в густой подлесок, который тоже стремился вниз, к самой реке. А дальше, на много километров вперед, до самого горизонта лежала степь, разрезанная тут и там нитками виляющей реки. Вода, отражавшая пасмурное небо, окрашивалась в серо-белый цвет, но там, где на неё падали пробившиеся сквозь облака лучи, она сверкала и переливалась солнечными бликами. Высохшая от летнего зноя трава раскинулась желтым ковром докуда хватало глаз, но кое-где нет-нет, да и пробивались зелёные пятна.

Отсюда можно было разглядеть и место, где они недавно побывали, поляну с барельефом, и заводь, в которую плавали смотреть лилии, и, конечно же, лагерь.

Юрка украдкой посмотрел на Володю, наблюдая за его реакцией. Тот зачарованно смотрел вдаль, дышал глубоко и спокойно, его лицо выражало полное умиротворение.

— Красиво, правда? — спросил Юрка, отойдя от края.

— Очень. А откуда ты узнал об этом месте?

— Странно, что ты о нём никогда не слышал. Вожатый все-таки. — Юрка подтянулся на руках, уселся прямо на стол и, болтая ногами, стал рассказывать: — Это место называют беседкой романтиков. Мне про него два года назад рассказали девчонки из старших отрядов, да и все вожатые, кто не первый раз в «Ласточке», знают. У парочек в лагере всегда считалось вроде как традицией приходить сюда под конец смены и писать имена… Я никогда не понимал этого, но любопытства ради как-то раз пришел, чтобы посмотреть собственными глазами.

— Почему не понимал? — спросил, подойдя к нему, Володя. — Всё очень символично. Смотришь на эти надписи и на самом деле ощущаешь дух романтики. Представляешь, сколько чувств концентрировалось тут на протяжении многих лет, сколько добрых слов было сказано?

Юрка хотел было хихикнуть и обозвать его романтиком, но встретился взглядом и застыл. Володя смотрел на него так искренне и мечтательно, будто… будто говорил о них? Наклонился, уперся руками в столешницу по обе стороны от Юрки и ткнулся кончиком носа в его нос. Закрыл глаза, выдохнул, глубоко вдохнул… У Юрки так бешено в этот момент грохотало сердце, что казалось, разорвёт ему грудину. Он

до минимума сократил расстояние между ними и быстро чмокнул Володю в губы.

— Хочешь, — шепнул он, — и мы оставим здесь свои имена?

Володя мотнул головой, снова потёрся кончиком своего носа о Юркин и тихо сказал:

— Не нужно. Увидит кто из нынешней смены, будет не очень хорошо. Я и так запомню, Юр, без всяких надписей.

Юрка обнял его и уткнулся губами в шею, но вдруг Володя вздрогнул и разомкнул объятия. Отпрянув, Юрка опустил взгляд вниз и заметил, что обе Володины руки покрылись мурашками. Обе, полностью, до самых кистей. Володя отвел взгляд. Обоим вдруг стало неловко, но, чтобы не смущать его еще больше, Юрка сделал вид, что ничего не заметил. И чтобы Володю вообще больше так не смущать, Юрка решил никогда так больше и не делать — не трогать шею.

Возвращались в лагерь тем же путем, что и поднимались сюда. Хоть Юрка и знал более простую дорогу, ребята оставили лодку у берега, а её требовалось вернуть назад.

Когда они спустились к реке, поднялся ветер, вода пошла рябью, а небо на востоке потемнело.

— Скоро начнётся дождь, — сказал Володя, глядя вверх, — нужно быстрее плыть обратно.

— По течению сейчас быстро домчим, — успокоил Юрка.

Он влез в лодку, взялся за весла, Володя толкнул её с берега и запрыгнул сам.

Доплыли они действительно быстро. Юрка налегал на вёсла, лодка мчалась, и четверти часа не прошло, как они причалили.

Ветер усилился. С сизого неба сорвались первые капли дождя.

— Сейчас польет! — повысил голос Володя. — Наверное, не добежим до лагеря, давай укроемся на станции?

— Привяжи пока лодку. Я схожу за брезентом, — Юрке уже приходилось кричать, чтобы ветер не заглушал его слова.

Юрка рванул с причала и отворил двери складского помещения. Схватил брезент, но, собираясь возвращаться на пирс, взглянул в выходящее на пляж окно — во дворе станции кто-то был.

На всякий случай спрятавшись за откос, Юрка присмотрелся и увидел, как к складу движется Маша.

— Твою мать! — прошипел тот сквозь зубы. — Только её тут не хватало!

Он бросился обратно к пирсу — тот, скрытый зданием станции, уходил в реку, — и Маша не могла его увидеть до тех пор, пока не войдет на склад.

Юрка действовал не раздумывая. Подбежав к Володе, схватил его за локоть:

— Ложись в лодку, быстро!

— Что?..

— Там Маша идёт!

— Но мы ничего такого не сделали, чтобы прятаться.

— Ложись, говорю! — приказал Юрка.

Володя растерялся, но мигом прыгнул в лодку и улёгся на дно. Юрка — за ним. Оглядываясь назад, он кое-как закрепил брезент у носа и, ложась рядом с Володей, укрыл им лодку.

И только тогда Юрка осознал, что Володя прав — до того, как они спрятались, их не в чем было уличить. Теперь же получалось, что, раз затаились, значит, есть что скрывать. А если Маша увидит, как они, растрепанные и помятые, вылезают из накрытой брезентом лодки, то подумает чёрт-те что и начнутся расспросы и разбирательства. Юрка негромко выругался — он сам их подставил, вынудил лежать, не высовываясь.

— И чего её принесло? — простонал, когда закрепил брезент и всё вокруг погрузилось во мрак.

— Понятия не имею, — ответил Володя. — Не самое хорошее время выбрала, чтобы гулять.

— Я же говорил! Она следит за тобой!

Юрка осторожно приподнял кусок брезента и посмотрел наружу. Обзор был слабым, виднелся только небольшой кусок пирса, но Юрке удалось разглядеть Машины ноги в черных туфельках и белых гольфах. Она два раза прошлась туда и обратно вдоль пирса. Затем остановилась рядом с их лодкой — Юркино сердце сделало кульбит, — постояла минуту, сделала шаг к ней… Но в этот момент в небе оглушительно громыхнуло и полил дождь. Тяжелые капли забарабанили по брезенту. Маша, громко ойкнув, побежала обратно на склад.

— Ушла? — встревоженно спросил Володя, когда Юрка сполз обратно.

— Да. Но, блин, мне показалось, что она что-то заметила.

— Ты сможешь отсюда увидеть, когда она уйдет?

— Конечно нет. Она же в домике станции. Как я ее увижу? — раздраженно прошептал Юрка. — В окно разве что. Да и то, если повезет.

— Ясно, — помедлив, произнес Володя. — Значит, придется валяться тут до горна.

Только сейчас Юрка почувствовал, как им тесно вдвоем. Предельно медленно и осторожно, чтобы не качать лодку, он перевернулся на бок, оказавшись своим лицом напротив Володиного. Глаза еще не успели привыкнуть к темноте, и если бы Юрка не ткнулся носом Володе в лоб, то даже не понял бы, где и как тот лежит. Юрка сполз еще чуть ниже, а когда глаза пообвыкли, смог рассмотреть очертания Володиных очков.

По брезенту бил дождь, под него задувал холодный мокрый ветер, но Юрке было жарко, потому что Володя оказался слишком близко. И хотелось дотронуться до него, а не лежать, как оловянные солдатики. Юрка нашел Володину ладонь, неуверенно сжал, почувствовал, какая она у него сухая и теплая. Володя прерывисто вздохнул, сжал Юркины пальцы в ответ.

— Юр, — произнёс он сипло.

— Что?

— Поцелуй меня.

Сердце ёкнуло, по телу разлилась сладкая волна. Вокруг пахло водой — дождевой и речной, и именно так пах Юркин первый настоящий поцелуй.

Володя позволил ему больше, чем обычно — не быстро, невинно коснуться своими губами его губ, а прижавшись, задержаться подольше. Этот поцелуй длился то ли несколько секунд, то ли целую вечность, сопровождаясь бешеным стуком сердца — и непонятно, чьего, Юркиного или Володиного. А потом Володя разомкнул губы. Юрка хотел было отпрянуть, подумав, что на этом всё кончится, но почувствовал еще более мягкое и мокрое прикосновение.

Юрка не умел целоваться по-настоящему. Он никогда этого не делал. А Володя, наверное, уже умел. Он поймал его губы и утянул в

поцелуй — взрослый, нежный, головокружительный.

Дождь ослабевал и успокаивался, но Юрка успокаиваться совсем не хотел. Не хотел отпускать Володиных рук и губ. Плюнув на все, на сбившееся дыхание, на жар и истому во всем теле, он не хотел останавливаться, разрывать это мгновение. Если бы можно было навсегда остаться в этой лодке, под этим брезентом рядом с Володей, Юрка остался бы не раздумывая.

И Володя тоже не хотел, чтобы всё закончилось. Он отпустил его руку и обнял, прижался к нему так, что Юрка почувствовал — не только ему жарко. Не понимая, что делает, положил руку Володе на бок, пробрался пальцами под его рубашку, коснулся кожи. По руке будто пустили электрический ток, а Володя вздрогнул. Их поцелуй стал грубым и жадным.

Далекий звук горна, трубящий подъем, показался Юрке оглушительным. Он попытался сделать вид, что ничего не услышал, но Володя первый оторвался от него и, вздохнув, сказал:

— Пора, Юр. Надо идти.

Будто цепляясь за последнюю ниточку, Юрка спросил:

— Думаешь, Маша уже ушла?

— Дождь кончился, да и горн она слышала… Сейчас проверю.

Он сел и, так же как Юрка до этого, приподнял угол брезента. А Юрка в этот момент очень хотел, чтобы Володя увидел там Машины ноги и вернулся сюда, к нему. Чтобы хотя бы еще минутку можно было обнимать и целовать его.

— Никого нет, — сказал Володя и сел, скидывая с лодки брезент.

Яркий дневной свет ослепил Юрку. Вокруг было сыро, мокро, но небо посветлело, между облаками вдалеке пробивалось солнце.

Володя вылез из лодки, Юрка последовал за ним. И пока они крепили брезент, Юрка боролся с желанием подойти к Володе со спины, обнять его и, замерев, долго-долго стоять вот так.

* * *

— Всё, все молодцы. Можете быть свободны, — объявил Володя, заканчивая репетицию. Бледные от усталости актёры зааплодировали. На пятый раз труппе наконец удалось прогнать всю постановку от начала и до конца так, чтобы получилось относительно сносно.

Если актёры вымотались за этот день так, что буквально падали от усталости, то как худрук все еще держался на ногах, Юрка не мог понять. Володя пахал как каторжник, не слыша, не видя и не замечая ничего вокруг. У него даже галстук перекрутился узлом на спину и повис на шее удавкой.

Заметив это, Юрка прыснул. Встал из-за пианино, подошел к худруку, протянул руки, чтобы поправить сбившуюся ткань.

— Вот бы и мне посколее галстук повязали!

Юрка аж подпрыгнул от неожиданности, убежденный, что все актёры вышли из кинозала. Но проворный Олежка выскочил из-за бюста Ленина как чёртик из табакерки.

Володя отшатнулся от Юрки, сам поправил свой галстук и, натянуто улыбнувшись, объяснил:

— Олежка у нас мечтает, чтобы его первым в классе, а лучше — во всей школе, приняли в пионеры.

— А-а-а… — протянул Юрка и повернулся к Олежке: — И как, клятву уже выучил?

— Ага! — Олежка покраснел, стал по стойке смирно и с выражением начал: — Я, Лылеев Олег Ломанович, вступая в ляды Всесоюзной Пионелской Олганизации имени Владимила Ильича Ленина, пелед лицом своих товалищей толжественно обещаю: голячо любить свою Лодину. Жить, учиться и болоться, как завещал великий Ленин, как учит Комму… — Олежка жадно вдохнул, — …стическая палтия. Свято соблюдать Законы Пионелии Советского Союза!

— Молодец! — похвалил Володя. — А как отдавать пионерский салют, знаешь?

— Знаю! Показать?

Юрка цокнул языком — ну нашли время! Откровенно скучая, он уселся на сцену, свесил ноги и показательно всхрапнул. Володя его проигнорировал.

— Покажи, — кивнул вожатый и выкрикнул призыв: — К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

— Всегда готов! — рявкнул Олежка и вскинул руку в пионерском салюте.

Володя поправил его ладонь — так, чтобы оказалась выше лба, а не на уровне носа.

— Руку нужно держать выше головы. Это значит, что ты блюдешь интересы пионерской организации выше своих. А еще во время присяги тот, кто повязывает тебе галстук, задает каверзные вопросы.

— Мамочки! — испугался Олежка. — Сложные? А ты задавал?

— Задавал. Я спрашивал будущего пионера, сколько стоит пионерский галстук.

— Пятьдесят пять копеек! — отчеканил, очухавшись, Юрка.

— Юр, ну ты же прекрасно знаешь, что этот ответ — неправильный. Зачем человека с толку сбиваешь? — с досадой спросил Володя. — Пионерский галстук бесценен, потому что он — частица красного знамени. Запомнил, Олеж?

— Ага, запомнил! — Олежка закивал. — Ну я пошел. Еще поучу клятву пелед сном!

— Лучше сценарий поучи!

— И сценалий тоже!

Олежка умчался, а Юрка задумался о том, что зря Володя обманывает мальца. Ведь пионерский галстук столько и стоил — пятьдесят пять копеек, не больше, потому что на самом деле был всего лишь крашеной тряпкой. В этом были убеждены все Юркины ровесники. Ребята носили галстуки как попало, будто издеваясь над ним: рваными, мятыми, исписанными, истыканными значками, по-ковбойски — подобно тому, как только что он был повязан на шее у Володи.

Может быть, еще лет десять-двадцать назад галстук что-то и значил, символизировал ценности и идеалы. Но сейчас всё это ушло в прошлое. Сам же Юрка впервые заподозрил, что ни идеалов, ни ценностей у людей не осталось, когда его завалили на экзамене. Скоро и Олежка непременно убедится в том же самом, но уже на своем примере. Юрке стало заранее жалко Олежку за то, какое жуткое разочарование его, такого одухотворенного и мечтательного, ждёт впереди.

Юрка хотел поделиться с Володей своими размышлениями, но не успел: двери кинозала снова отворились, и ребята из художественного кружка внесли несколько ватманов декораций.

— Вот водонапорная башня и паровоз, — сказал Миша Луковенко — руководитель рисовальщиков. — Как ты и просил, с нас контуры, а разрисовываете вы.

— О, спасибо огромное, — поблагодарил Володя. — А краски принёс?

— Да, вот тут, — Миша протянул ему большую коробку с банками и кистями и предупредил: — Завтра заберу.

Только художники ушли, Володя повернулся к Юрке и сказал:

— Ну что? Будем разрисовывать?

Юрка обреченно застонал:

— Сейчас? Володь, ты вымотанный и уставший, я тоже хочу спать…

— Время не ждёт! Тут работы минимум на два дня — пока раскрасим, пока высохнет. А там еще и поправлять что-то придётся…

— Может, всё-таки потерпит до завтра? — безо всякой надежды спросил Юрка.

— Нет! Но если ты устал, то я могу и сам. — И в его голосе не было подвоха, Юрка знал, что Володе хватит энтузиазма остаться ночевать в театре, но сделать всё самому. А разве мог Юрка позволить ему такое?

И они остались рисовать. Разложили огромные листы прямо на полу сцены и, ползая по ней, как партизаны по полю, орудовали кистями. Работа была несложной, но долгой и местами тонкой. За окнами давно стемнело, горн уж час как протрубил отбой, а они всё рисовали и рисовали.

На часах было за полночь, когда Юрка, посмотрев, что они сделали около половины, сдался. Отбросил в сторону кисть и распластался по полу.

— Всё, устал. Володь, давай заканчивать, так же и коня двинуть можно. Конев двинет коня! Представляешь?

Но Володя, как заведенный, продолжал мазать кистью по ватманам:

— Нет, нужно сегодня доделать. Ты же слышал, завтра краски отдадим…

— Нужно, нужно, нужно, — огрызнулся Юрка. Он рывком вскочил на ноги, подошел к нему и вырвал кисть из рук. — Нет, не нужно!

Володя сердито посмотрел на него, попытался забрать кисть обратно, но Юрка отскочил назад и спрятал руки за спину.

— Смотри-ка, а ты уже мимо контуров мажешь! Ты устал!

— Нужно…

— Да у нас еще целых полтора дня впереди!

— Всего лишь полтора дня!

— Да никуда не денутся твои декорации!

Юрка швырнул кисть в сторону и сделал три шага, оказавшись с Володей нос к носу. Посмотрел ему в глаза и намного тише сказал:

— А вот мы еще как денемся… Напомнить, что будет послезавтра, кроме спектакля?

Володя нахмурился и отвёл глаза. Но тут же поднял взгляд, и в нём промелькнуло и понимание, и сожаление одновременно.

— Я помню… — печально ответил он. — Ты прав, да.

Юрка положил руки ему на плечи. Погладил их, затем — шею и зарылся пальцами в волосы на затылке. Володя обнял в ответ: обвил руками талию и прижал Юрку к себе, потянулся к его губам. Но поцеловал вовсе не так, как рассчитывал Юрка.

— Нет, поцелуй меня, как в лодке, — попросил он, прижимая Володю еще крепче.

— Не стоит, — серьёзно ответил Володя и, задумавшись, добавил чуть позже: — Юр… Юра, может, зря мы это делаем?

— Зря? Почему? Ты больше не хочешь? — Юрка ожидал, что Володя начнёт убеждать его в обратном, но он только молча пожал плечами. Юрка разволновался не на шутку: — Володя, но я не хочу прекращать. Мне это нравится! Неужели тебе больше нет?

Володя отвернулся. Посмотрел сначала в потолок, потом на пол и только после этого ответил:

— Нравится.

— Тогда почему зря?

— Вдруг руки опять распущу? Да и все-таки это странно. Это против природы, это неправильно и гадко.

— Тебе гадко? — оторопел Юрка.

Он задумался. Да, возможно, со стороны они и правда выглядят странно. Но это только со стороны. Быть «внутри» их отношений, их дружбы и, может быть, даже любви казалось Юрке совершенно естественным и прекрасным. Ничего не было и не могло быть лучше того, чтобы целовать Володю, обнимать и ждать встречи с ним.

— Не мне, — понуро кивнул Володя, — остальным гадко. Но дело даже не в этом. Мне кажется, что всем этим я сбиваю тебя с правильного пути, Юр.

Юрка рассердился:

— Напомни, кто кого у щитовой поцеловал? — он сложил руки на груди и насупился.

Уголки рта Володи поползли наверх, но он сдержал улыбку и чуть погодя снова серьезно спросил:

— Юр, а ты-то что об этом думаешь?

— Я стараюсь не думать, — в тон ему ответил Юрка. — Какой смысл — сдерживаться ни ты, ни я не можем. А тем, что целуемся, мы никому не причиняем вреда.

— Кроме себя.

— Себя? Что-то я не вижу, чтобы от меня убыло. Наоборот, мне это приятно. А тебе?

Володя сконфуженно улыбнулся:

— Ты и так знаешь ответ.

Юрка не стал больше просить или уговаривать, а просто взял инициативу в свои руки. Это был их второй настоящий взрослый поцелуй — и он оказался совсем не таким, как первый. Тогда, в лодке, было жарко и волнительно, она плавилась под грохот сердец и стук дождя, а теперь было тихо. Совершенно тихо. За окнами — ночь, в огромном зале — пустота, всё будто бы замерло, и только они вдвоем плавно, медленно и тягуче снова узнавали друг друга через движения губ.

Но вдруг что-то грохнуло у входа, застучало и покатилось вниз. Ребята отпрянули друг от друга так быстро, будто между ними ударила молния, отбросив их в разные стороны. По ступеням зала вниз катился небольшой фонарик. А в дверях, округлив глаза, пятилась назад Маша.

Первой Юркиной реакцией была паника, потом парализующий ужас. Казалось, что земля ушла из-под ног, что сцена ломается, что всё вокруг переворачивается вверх дном. Затем пришло непонимание и неверие — может, у него фантазия разыгралась? Ну откуда тут, почти в час ночи, взяться Маше?

Но она была — живая и настоящая. И собиралась как можно быстрее исчезнуть — уже нащупывала за спиной ручку двери.

— Стой! — крикнул Володя, первый отошедший от шока.

Маша замерла, а он побежал со сцены и в несколько прыжков по ступеням оказался рядом с ней.

— Не убегай. Пожалуйста.

Маша не могла сказать ни слова — открывала и закрывала рот, глотала воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Маш? — Володя протянул к ней руку, но она дёрнулась от него, как от чумного. Только пискнула, задыхаясь:

— Не трогай меня!

— Ладно, хорошо… — Володя судорожно выдохнул. Он пытался говорить спокойно, но безуспешно. В голосе звенели натянутые нервы. — Только не паникуй. Спустись, пожалуйста. Я все объясню.

— Что? Что вы мне объясните… Вы… Вы… Что вы тут вообще… Это отвратительно!

Юркино сознание будто отключилось, он не мог решать что-либо, делать выводы. Он даже не чувствовал рук, а ватные ноги не гнулись. Но медлить было нельзя. Невероятным усилием воли Юрка заставил себя решиться и подошел к ним. Маша уставилась на него еще более дико и испуганно, чем на Володю.

— Маш, — произнес Юрка, с трудом выговаривая слова, — ты только не думай ничего плохого.

— Вы ненормальные, вы больные!

— Нет, мы нормальные, просто…

— Зачем вы это делаете? Это же неправильно! Так не бывает, так не делают, это совсем… совсем…

Маша задрожала и всхлипнула. «Ещё чуть-чуть, — понял Юрка, — и у неё начнётся истерика! Прямо сейчас она пойдёт и всем!..»

Он не закончил мысли. Тут залихорадило его самого. Перед глазами поплыло и потемнело. Казалось, Юрка вот-вот упадёт в обморок, а потом сразу под землю — от ужаса ноги не держали. Худо-бедно сохраняя хотя бы внешнее спокойствие, он не мог отвязаться от страшных картин, непрерывно всплывающих в воображении, картин того, что ждёт их с Володей, когда Маша всем расскажет: позор и осуждение. Они станут изгоями, их накажут, страшно подумать — как!

— Это баловство, понимаешь? — нервно хохотнул Володя. — Шалость от нечего делать, от скуки. И в этом нет ничего серьёзного. Ты права, такого не бывает, у нас ничего на самом-то деле и нет.

— Тебе девушек мало? Что ты в нем ищешь такого, чего в нас нет?

— Конечно нет! Сама подумай: природой заложено, что парни любят девушек, мужчины — женщин, так и есть… Машенька, я ничего не ищу и не собираюсь. И не найду. Мы же… мы же с Юркой просто…

мы друг другу никто, разъедемся из «Ласточки» и забудем. И ты забудь, потому что эта ерунда ничего не стоит, это придурь, блажь…

Юрка слышал его глухо, будто через стену. Не чувствуя ни рук, ни ног, не в состоянии ровно дышать, он закрыл тяжёлые веки и вздрогнул от боли. Она жгла всё тело, не концентрируясь в одном месте, она растеклась повсюду, кажется, даже за пределы его тела. Ведь Володя мог бы сказать, что они это сделали на спор, да что угодно мог сказать, хоть «учимся целоваться», вдруг она бы поверила? Юрка открыл глаза, посмотрел ей в лицо и прочёл — нет. Машу не провести отговорками, шутками и обещаниями. Чтобы поверить, ей нужна была правда, хотя бы крупица, но правды, а в словах Володи правда была: законы природы, расставание, «мы с Юрой просто…».

Юрка уставился на Володю, ища ответ на страшный вопрос: «В том, что ты говоришь, есть хотя бы капля лжи?» Ему было больно слышать всё это и еще больнее понимать, что сказать именно так — единственный выход.

— Пожалуйста, Маш, не говори об этом никому. Если о таком узнают… Это пятно на всю жизнь и испорченное будущее. Понимаешь? — продолжал Володя. Юрка стоял немой, как и прежде.

— Ла… ладно… — всхлипнула Маша. — Поклянитесь, что вы больше никогда такого…

Володя глубоко вдохнул, будто собираясь с мыслями:

— Клянусь. Больше никогда.

— И ты, — Маша повернулась к Юрке. Её взгляд из умоляющего стал злым. — Теперь ты!

Юрка перехватил на мгновение Володин взгляд и увидел в нём чистое, абсолютное отчаяние.

— Клянусь. Никогда, — задохнулся Юрка.

Глава 15

Горькая правда

«Поклянитесь, что вы больше никогда…» — голос Маши до сих пор звучал у Юрки в ушах. И Володин ответ, и собственная клятва — никогда, никогда, никогда… Как они могли пообещать такое? Разве так можно было? Но Маша не оставила им выбора. Чёртова Маша! У них с Володей оставалось так мало времени, и даже эти крохи отобрала какая-то выскочка!

Прошёл всего один день, всего день они не были вместе, всего день прожили в оторванности друг от друга, но Юрке, мучимому одиночеством, этот день показался месяцем. Он не раз порывался наплевать и на Машу, и на то, что она может рассказать, потому что в груди клокотала буря, которой нужно было дать выход, иначе она его разорвёт! Юрку тянуло к Володе, хотелось его увидеть, услышать, коснуться… Но он останавливал себя. Понимал, что единственный такой порыв может стоить слишком дорого им обоим.

Конечно, в театре они виделись. Заканчивали с декорациями и репетировали часами напролёт — Ольга Леонидовна официально отпустила всю труппу со всех мероприятий и работ, чтобы ребята полностью сосредоточились на премьере. Конечно, Володя всегда находился рядом, и Юрка слышал его, видел его, руку протяни — мог коснуться. А нельзя. Нельзя было даже позволить лишний раз взглянуть друг на друга. Маша постоянно мельтешила где-то рядом, будто тюремный надзиратель не спускала с них глаз. Стоило только подумать, только понадеяться, что вот он — шанс, как Юрка тут же натыкался на её подозрительный взгляд.

А Юрка чувствовал себя так, будто у него забрали жизненно важный орган. Он вроде бы жил, решал поставленные перед ним задачи, выполнял указания, ходил, ел, говорил. Дышал, а надышаться не мог. Не хватало воздуха, будто перекрыли часть кислорода, будто подмешали в него ядовитый газ. И каждый новый час без Володи отравлял его существование. Ему казалось, будто весь мир погрузился

в сумерки, цвета смешались, тени поблекли и расплылись. Жить одному в этом мрачном, пустом мире становилось страшно. Но страшнее всего было видеть, как больно от всего этого Володе.

Тот старался не подавать виду. Вёл репетицию как обычно, прикрикивал, командовал актёрами, раздавал указания, но… не осталось в нём былого энтузиазма. Володя будто бы погас изнутри и снова стал походить на запрограммированного робота. Он больше не переживал, не паниковал и вроде даже не заботился об успехе спектакля, а единственной его эмоцией была грусть — когда он нет-нет, да кидал взгляды на Юрку. И столько там, в его глазах, было этой грусти, что хватило бы на полжизни вперёд.

Даже засыпая, Юрка видел как наяву его подавленное, измученное тоской лицо и сам с тоской понимал, что пролетел ещё один день. Целый день, который они могли бы провести вместе, ушёл в никуда. Целый вечер — в никуда и ночь — в никуда.

* * *

Утром перед Юркой была поставлена задача съесть кашу даже через «не хочу». Он возил ложкой в тарелке клейстера, зовущегося овсянкой. Обычно она пахла приятно, но этим утром Юрку воротило от любой еды, исключая ватрушку. Вот она-то была отличной: пышная, начинки много, блестела румяными боками. А каши совсем не хотелось. Вообще-то Юрке многого не хотелось и больше всего не хотелось, чтобы в одном лагере, в одной плоскости, в одной с ним геометрии существовала Маша. Впрочем, по лицу её было ясно, что ей тоже и невкусно, и несладко.

А Юрке в глаза будто песок насыпали — моргать больно, смотреть — тоже, но он не мог не смотреть. Во всяком случае, не за стол пятого отряда.

Дети опять суетились: Сашка махал руками, Пчёлкин жужжал что-то соседке на ухо, та вскрикнула и подскочила. Очередь смотреть за ними во время завтрака, то есть не кушать во время завтрака, выпала Володе. Лена сидела рядом, тоже приглядывала, но не срывалась с места по любому поводу. А Володя поднялся и пошёл разбираться. Он выглядел сонно, бледно и блёкло. Уставшим голосом начал допрашивать девочку, в чём провинился Пчелкин. Юрка видел, что эти разбирательства даются Володе очень тяжело. Пока Юрка ковырялся

ложкой в каше, пока Володя разбирался с хулиганом, а Маша смотрела на них, обалдуй Сашка доел и понёс убирать за собой тарелку, а сверху поставил стакан. Его одернул соотрядник, Саша остановился над Володиным местом, сказал что-то другу на ухо и расхохотался над своей же шуткой. Юрка понял, что Сашка сейчас махнет руками, что стакан качнётся, вывалится из неглубокой тарелки и грохнется точно на Володину, стоящую на краю стола. Только Юрка открыл рот, чтобы рявкнуть, как стакан уже вывалился и полетел вниз. Брякнул об угол тарелки, та подлетела. Выплёскивая кашу, снесла Володин стакан с чаем и лежащую сверху ватрушку, перекувырнулась в воздухе и упала на пол. Володя молча смотрел, как со страшным грохотом одна половина его завтрака разлетелась на куски, а другая размазалась по серому кафелю.

Юрка ждал, что Володя закричит, но он лишь обратил на Сашку полный беспомощности взгляд, устало вздохнул и даже слова против не сказал. Видно, не выспался и так устал, что сил на злость попросту не осталось. «А теперь ещё полдня будет ходить полуголодным», — проворчал про себя Юрка. Ясно, что каша ещё осталась на кухне, а вот ватрушки кончились — Юрка уже спрашивал, хотел ещё одну умыкнуть. Да ладно голодным, Володя вечно голодный, наверное, уже привык. А вот таким печальным и отчужденным Юрка не видел его даже вчера. У Юрки пропали последние остатки аппетита — так стало жалко Володю.

Пока вторая вожатая Лена, отчитывая Сашку, строила отряд на выход из столовой, а Володя звал дежурных, чтобы убрали разведённый бардак, Юрка завернул свою ватрушку в салфетку.

— Возьми, — он протянул её Володе, когда тот вернулся с дежурной из третьего отряда.

— Спасибо, ешь лучше сам. Ты же так их любишь.

— Не хочу, я наелся, — заупрямился Юрка, тыча ватрушкой Володе в лицо.

— Мне тоже хватит.

— Бери, это тебе!

Юрка хотел сказать ему больше. Надеялся, что сейчас уйдут ребята и выговорится: «Всё тебе: ватрушка тебе, тебе даже компот сейчас раздобуду. Всё тебе, улыбнись только». Но за спиной послышалось Машино «кхе-кхе».

— А тебе-то что надо? — спросил Юрка угрюмо.

— Ничего, просто тебя жду.

— Меня? Зачем?

— Так просто.

— На кой чёрт я тебе нужен? — Юрка начал сердиться.

— Вы обещали не встречаться и больше так не делать! — взвизгнула Маша.

Володя вздрогнул и залепетал, не дыша:

— Маша, мы ничего не делаем. Но совсем не встречаться мы не можем, — он развел руками, — это же лагерь.

— Так ты что, теперь ещё и разговаривать нам запрещаешь? — вклинился Юрка.

— Юра, не начинай, — попросил Володя напряжённо. — Пожалуйста. Не ссорьтесь. Только этого не хватало, — он нервно качнул головой, резко моргнул, развернулся и стремительно пошёл на кухню.

Юрка принялся помогать дежурной собирать с пола крупные осколки, исподлобья глядя на Машу. Та стояла, уперев руки в бока, пока её за локоток не дёрнула Ксюша и не оттащила в сторону — к остальным ПУК.

Воспользовавшись ситуацией, Юрка рванул следом за Володей.

На кухне было тихо, только булькала греющаяся в чанах вода для мытья посуды. Юрка сгрузил осколки в мусорный бак, прошёл вглубь помещения и увидел Володю. Он стоял у плиты над огромным, будто котёл, чаном. Лица было не разглядеть в клубах поднимающегося пара. Володя оцепенел, держа правую руку так низко над водой, что его кожа начала краснеть.

— Эй, ты чего? Горячо ведь! — Юрка шагнул к нему и уставился непонимающе.

Володя резко обернулся — лицо тревожное, будто сведенное судорогой, очки запотели. Следом за непониманием Юрку охватила тревога — чем бы он ни занимался, это очень странно! Потом нахлынул страх: «Что он делает? Зачем он это делает?»

Пар заволок линзы Володиных очков туманом, и Юрка не видел его глаз. Юрка сам будто плыл в тумане, растерянный, напуганный нереальностью происходящего. В какой-то миг ему даже показалось,

будто пар холодный, и, чтобы проверить, Юрка тоже сунул руку к чану, опустил почти к самой воде…

— Ай!

— Убери! Обожжёшься! — Володя рывком отвёл его руку в сторону от горячего. — Я ничего, я… закаляюсь.

Его голос прозвучал так резко, что тут же вернул Юрку на землю. Ещё секунда — и линзы Володиных очков отпотели, пелена схлынула с них, показался его неожиданно спокойный и даже чуть отрешённый взгляд.

— Но разве так закаляются?.. — усомнился Юрка, но договорить не успел.

— Я давно этим занимаюсь, а ты — непривычный, можешь навредить себе, — предостерёг Володя в своем вожатском репертуаре, Юрка аж выдохнул и окончательно пришёл в себя. А Володя аккуратно взял его за запястье, поднёс к губам, нежно сжал кисть и подул на неё, шепча: — Береги…

— …руки, — Юрка закатил глаза.

— Себя, — улыбнулся Володя и быстро чмокнул его большой палец.

Юрка так смутился, что не нашёл ничего лучше, чем отшутиться:

— О, я слишком сильно себя люблю, чтобы…

— Я тоже, — перебил Володя.

Но Юрка не успел понять смысла этих слов.

— Вы чего это тут?! — по кухне прокатился возмущённый визг. Маша стояла посреди зала, и казалось, пар валит у неё из ушей, а не от воды.

— Да ты заколебала уже!.. — Юрка только зашёлся, чтобы выплеснуть на неё всю свою злость, когда почувствовал недолгое, но очень горячее прикосновение к предплечью — Володя быстро сжал и отпустил его.

— Хватит. Не надо опять, — негромко произнес он, но Юрка, не дослушав, вышел.

Ярость закипела в нём куда сильнее, чем вода в чанах, но, раз Володя попросил, он прекратил. Юрка бы что угодно для него сделал. Всё бы отдал ему: самое вкусное — ему, самое лучшее — ему, небо — ему, воздух — ему, музыка — ему. Весь Юрка — ему. Всё, что у него есть, было и будет. Всё, что есть в нём хорошее и ценное, всё лучшее и

светлое, вся душа, всё тело, все мысли и память. Всё бы подарить, лишь бы Володя не был таким подавленным и нервным.

Но Маша… Маша посмела запретить им даже говорить друг с другом! Если на протяжении всего вчерашнего дня она постоянно оказывалась рядом, то после сцены в столовой, видимо, решила преследовать в открытую, ходить за Юркой по пятам, не стесняясь и не таясь.

Юрка брёл от столовой, слыша Машины шаги позади него, и раздражался больше и больше. У них осталось всего два дня — сегодня и завтра, но даже эти крохи времени им нельзя было провести вместе из-за неё. Из-за неё приходилось только смотреть друг на друга издалека и вместо обожания испытывать жалость, а после Володиного странного поступка ещё и тревогу.

«Вот зачем он это сделал? — волновался Юрка. — Это он из-за неё. Всё это из-за неё!»

Каждый удар её каблука об асфальт гремел в Юркиной голове набатом. От каждого её вздоха гадкой судорогой сводило тело, будто он слышал не дыхание, а скрежет мела по стеклу.

Нервы натянулись, как струны: «Теперь нам нельзя говорить…» За спиной стучали низкие каблучки. Шаг, ещё шаг. «Решила, что может управлять нами?» Шаг, ещё один и ещё шаг. «Теперь ходит за мной. Запрещает стоять напротив него!» Шаг. Шаг. Ещё один. «Нет уж. Хватит!»

Юрка больше не мог терпеть. Он рывком остановился посреди дороги.

— Да что тебе от меня надо? — не в состоянии сдерживаться, закричал он.

— Чтобы ты от него отстал. Он — хороший человек, комсомолец, а ты — урод и отморозок, ты его портишь!

— Кто, я? А сама-то ты кто тогда? Не тебе решать, какой он и что с ним делаю я!

— Не мне, а всем решать! Весь лагерь и так знает, каким он был хорошим, пока ты не прицепился к нему!

— Мы — друзья, а друзья…

— Это не дружба! — закричала она. — Ты сбиваешь его с пути, ты превращаешь его в психопата, ты совращаешь!.. Да, ты совращаешь его!

— Да что ты вообще понимаешь?!

Юрка и сам удивился, но этот вопрос поставил Машу в тупик. Она покраснела и уставилась на землю.

— Понимаю… представь себе.

— Да ты влюбилась в него! — злорадно хмыкнул он.

Маша уставилась на Юрку, стояла не шевелясь. Вокруг проходили пионеры, и, чтобы они не услышали, Юрка взял Машу под руку и отвёл в сторону от дорожки.

— Не трогай меня! — воскликнула Маша, когда Юрка уже остановился.

— А ты не лезь не в своё дело, тогда мне даже смотреть на тебя не придётся.

— Отстань от Володи, или все узнают!

— Влюбилась, да? Ответь, да или нет? Одно слово.

— Перед тобой не отчитываюсь!

— Да или нет?

— Да! Да! Доволен? Да!

— И что, ты думаешь, если будешь следить и шантажировать, он полюбит тебя в ответ? Думаешь, это так делается? — Юрка зло захохотал.

— Твоего совета не спрашиваю. В последний раз говорю — отстань, или я всё расскажу!

— И чего ты этим добьёшься? Ты хоть понимаешь своей тупой башкой, что с ним сделают, если обо всём узнают? Ты понимаешь, что сломаешь ему всю жизнь? Его из института, из комсомола, из дома выгонят. Он лишится всего, чего хотел, и всё из-за тебя! Чёрт с институтом и комсомолом, а если хуже? Если дурдом или тюрьма, ты об этом подумала?

Юрка уже не мог остановиться, злоба больше не кипела внутри, а хлестала наружу диким потоком. До истерики остался один шаг. Юрку трясло, тело его вообще не слушалось, и, не понимая, что делает, он схватил Машу за плечи и сильно тряхнул. Заорал в голос:

— Ты думала о том, как он тебя возненавидит? Какими словами будет вспоминать? Этого ты хочешь? Так ты его любишь?!

Маша тоже закричала, но от страха, и этим взбесила Юрку окончательно. Ещё чуть-чуть — и он бы бросил её на землю, но вдруг кто-то перехватил руку и грубо оттолкнул в сторону. Володя.

Юрка с Машей орали чересчур громко, неудивительно, что Володя услышал, доедая завтрак в столовой. Найти их тоже не составило бы труда — увидев среди кустов потасовку, сюда сбежалась половина детей со спортплощадки. Благо среди зевак не было руководства, только вожатая Лена и Ира Петровна.

Володя оттащил брыкающегося Юрку в сторону, Ира закрыла Машу собой.

— Конев, ты что, сдурел?! — рявкнула Юрина вожатая.

— Володя, расскажи ей все! Расскажи! — заметив Иру, взмолился Юрка.

— Успокойся! — приказал Володя.

— Ира, эта тварь в него влюбилась. Полсмены за ним бегала, а сейчас совсем с ума спятила — следит за ним и угрожает, что наговорит всяких бредней, если я не отстану.

— Конев, да что с тобой? Ты сам-то в своём уме?

— Володя, мне никто не поверит! Расскажи им всё: что она за нами на реку бегала, как к тебе в комнату ночью лазила. Ну?!

Володя отвёл его в сторону и заговорил очень тихо:

— У тебя истерика. Давай вдох-выдох, вдох-выдох, — пытаясь успокоиться, он и сам глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

Но Юрка физически не мог дышать ровно, от злости трясло, глаза слезились.

— Расскажи им, прошу тебя, — пылко прошептал он.

— А ты выбора мне не оставил, теперь придётся рассказать. А ты иди в медпункт, пей пустырник или что там Лариса Сергеевна даст.

— Я никуда не пойду!

— Юра, нам всем и так на ковёр к Леонидовне. Пожалуйста, иди к врачу, пусть она подтвердит, что у тебя переутомление и нервный срыв. Скажем всем, что случилась истерика из-за спектакля и ты сорвался на Машу, потому что ходила за тобой.

— Да не устал я! Я соскучился. Пожалуйста, пойдём вместе, тебе ведь тоже к Ларисе надо! Вот что ты делал на кухне? Зачем?

— Сейчас это неважно. Иди в медпункт, надо, чтобы врач засвидетельствовала…

— Пойдём вместе! — перебил, повторяясь, Юрка. — У медпункта кусты есть, спрячемся там.

— Юр, сейчас не до этого, вдруг Маша всё расскажет? Не могу я уйти! При мне она, может, не станет болтать. А если станет, у меня хотя бы шанс будет что-нибудь сразу соврать. Иди один, пожалуйста. Не подливай масла в огонь, только хуже сделаешь.

И Юрка не стал подливать — посопротивлялся ещё немного, но все-таки послушался.

В медпункте рассказал, как и договорились: что у него, видимо, случилась истерика из-за спектакля и он накричал на Машу.

На ковёр, конечно, вызвали. Юрка и там рассказал всё по придуманной Володей легенде. Странных, лишних и личных вопросов не задали, смотрели сочувственно, и даже Ольга Леонидовна не сердилась. Сердились на неё — нечего так сильно детей перенапрягать. Юрка узнал в приёмной, что Володя с Ирой тоже были. Что позже, конечно, приглашали и Машу. Но вроде бы руководство не стало поднимать шума. И это хорошая новость — значит, не проболталась. Пока.

Ещё одно доказательство того, что о происшествии пока никому ничего неизвестно, предоставили ПУК.

Только Юрка появился на крыльце кинозала после ковра, как Ксюша призывно замахала руками, крича:

— Юр, Юрчик, пойди сюда!

Юрка хмуро взглянул на неё и помотал головой, но Ксюша, а за ней и Ульяна с Полиной поднялись и побежали к нему. Взяли под локти и завели в уголок возле сцены:

— Что у вас случилось? — зашептала Ксюша.

— У вас что-то случилось! — закивала Ульяна.

Полина же молча уставилась полными азартного любопытства глазами.

— Да так. Не хочу говорить. Это личное, девчат.

— Да ладно, мы же всё равно узнаем, — попыталась убедить Ульяна.

— Это ведь Сидорова что-то отчебучила, да? — спросила Ксюша.

Полина закивала, подбадривая.

— Да просто поссорились мы с ней, — махнул рукой Юрка. — Ничего особенного.

— Из-за пианино? — Ксюша сощурила хитрые глаза.

— Ой, ну тогда это скучно, — протянула Ульяна.

— Юра, но ведь завтра же последний день! — неожиданно вклинилась Полина. — Помиритесь! Обязательно помиритесь! Послезавтра ведь уже всё, по автобусам и домой. Не надо расставаться на такой ноте.

— Кстати о нотах! Вам ведь завтра играть вместе! — поддакнула Ульяна.

— Не вместе, а по очереди. И всего один раз, — раздражённо объяснил Юрка. — Будто вы не знаете.

— Кстати, Юр! — оживилась Ульяна. — А ты можешь сыграть что-нибудь из мюзикла «Юнона и Авось»? Всего разочек, пока репетиция не началась.

— Нет, я ничего оттуда не знаю.

— Тогда что-нибудь из эстрадной музыки. «Последний раз» «Веселых ребят», например? Очень хочется попеть, ну сыграй, а! Давай: «Время пройдёт, и ты забудешь…» — запела она, пританцовывая.

— Извини, Уль, совсем нет настроения. Как-нибудь потом, ладно? Или… или вон Митька пришёл, — Юрка обернулся и заметил на себе полный зависти Митькин взгляд, — его попроси, он тебе на гитаре что хочешь забацает.

Отвязавшись от ПУК, Юрка сразу бросился к Володе. Пока Юрка разговаривал с девчонками, он вернулся в кинозал и уже сидел на зрительском кресле в центре первого ряда.

— Растрепала про нас? — спросил сходу.

— При мне ничего такого не говорила.

— А у директора?

— Не знаю. Но если бы проболталась, меня бы тут уже не было. Директору рассказать у нее вряд ли смелости хватит. Меня другое волнует: потом они с Ириной вдвоём ушли…

— Думаешь, ей сдала?

Дверь скрипнула, на пороге появилась заплаканная Маша. Володя, ничего не ответив Юрке, поднялся и ушёл на сцену. Но Юрка и без слов понял — могла. Но убедиться в этом не получилось — некогда. Помучив «Лунную сонату», Маша принялась помогать Ксюше с костюмами и провозилась до самого вечера. Володя до наступления темноты прогонял с актёрами сцены и оттачивал реплики. Юрка играл, потом дорисовывал декорации и готовил реквизит к спектаклю. Он

заставил себя снова переключиться в режим робота — хорошо, что работы было хоть отбавляй и найти, чем занять себя, не составляло труда.

Ночью пошёл мелкий дождь. Юрка не спал. Действие выпитого утром пустырника закончилось ещё к обеду, а ночью, только Юрка лёг в кровать, с трудом сдерживаемое волнение охватило его снова и стало мучить сильнее, чем днём. «Рассказала или нет? Кому? Ире?»

Стараясь отвлечься, Юрка принялся болтать с ребятами, собравшимися мазать девчонок зубной пастой. В спальню первого отряда умудрился пробраться и радиоведущий Митька. Всей компанией они сидели на кроватях, грели тюбики под мышками и перешёптывались. Звали и Юрку, но он отказался.

— Ну и зря, такое веселье пропустишь! — Митька предпринял последнюю попытку его убедить.

— Молча мазать и стараться не заржать — где ты тут веселье нашёл? На результат смотреть веселее, если, конечно, это «Поморин».

— Нет у нас «Поморина», Ирина отобрала. Эх, как жаль-то… — пригорюнился Паша.

— Во вы даёте! — покачав головой, Юрка полез в чемодан. — И в чем тут соль — мазать обычной пастой? Но вам повезло, самая лучшая на свете паста есть у меня!

Под всеобщее ликование он вынул целых два тюбика «Поморина».

— По гроб жизни, Юрец!.. — Митька прижал руку к груди и раскраснелся от радости.

— Осторожнее жертву выбирай, — напутствовал Юрка. Он догадался, кого Митька хочет намазать. — Завтра спектакль, и *кое-кто* с ума сойдёт, если ей придётся выступать с раздражением в пол-лица.

— Я ее успокою… — Митька подмигнул.

— Ну-ну, успокоишь. Для начала говорить при ней научись.

Митька терял дар речи, стоило ему только увидеть Ульяну. Но, ясное дело, парней уверял, что все у него идёт строго по плану.

— Машу разрисуй от моего имени, — шепнул ему Юрка напоследок.

В ответ тот снова заговорщицки подмигнул и скрылся за дверью. За ним на цыпочках вышли остальные.

Юрка упал на кровать. Напряженно вслушиваясь в глухой стук капель о крышу, смотрел в темный потолок. Оставшиеся в отряде

ребята не давали уснуть: то храпели, то скрежетали зубами во сне. Последнее раздражало ужасно, но заставить себя не обращать на скрежет внимание Юрка никак не мог. Он взбивал тонкую подушку, ворочался с бока на бок, боролся с упрямо лезущими в голову мыслями, но ежеминутно проигрывал в этой борьбе.

«Как долго мы не были вместе и сколько ещё не будем? Завтра последний день смены… Завтра — конец! Нет, к чёрту эти мысли, лучше зубовный скрежет Ватютова».

Ватютов застонал, повернулся на другой бок и наконец умолк. А дождь то утихал, то усиливался.

«Лишь бы дождь к утру кончился. Завтра костёр. Будет весь лагерь. Может быть, затеряемся там и поговорим? Может быть, хотя бы попрощаемся? Как это глупо — избегать друг друга из-за этой дуры! Чтобы ей так же, как мне, из-за какой-то ревнивой мра…» Юрка замер, прислушался — вдруг в хаосе звуков пробился ритм. Вдруг пропал.

Спинка его кровати упиралась в подоконник. Юрка сел, повернулся левым ухом к окну — не послышалось ли? Не послышалось, кто-то действительно барабанил по стеклу. Он выглянул — в темноте, едва разбавленной грязно-жёлтым светом фонаря, стоял некто, как ниндзя, закамуфлированный в чёрное: брюки, куртка, капюшон… очки. Володя! Увидев Юрку, тот с облегчением опустил плечи.

Юрка едва сдержался, чтобы не подпрыгнуть от радости, и прижался носом к стеклу. Поднял руку, хотел открыть окно, но Володя яростно замотал головой, полез в карман и вынул лист бумаги. Прижал его к стеклу и подсветил часами сбоку.

«Недострой. Сейчас!» — прочитал Юрка и кивнул. А Володя, прежде чем прошмыгнуть в кусты, одними губами, но разборчиво произнес: «Жду тебя там».

Юрка собирался, как учил отец — по-солдатски, пока горит спичка. Спешил ещё и потому, что Митька с ребятами вот-вот должны были вернуться, а лишние вопросы Юрке ни к чему. Он так торопился, что надел первое попавшееся под руку — тёплый свитер и легкие шорты, но не забыл о главном — самому по-шпионски облачиться в куртку с капюшоном.

Он по-шпионски заглянул в окно девчачьей спальни, убедился, что Машу мажут пастой, и по-шпионски же оглядывался весь путь до нового корпуса, боясь заметить её где-нибудь в кустах. Его охватила

настоящая паника, хотя Юрка точно знал, что Маша спит в отряде. Ведь если бы она не спала, подняла бы чудовищный визг, стоило парням только шагнуть к девочкам в спальню.

Тропинка на строящийся корпус вела почти от самого начала аллеи пионеров-героев. Протоптанная, но очень узкая, она уходила в лес и петляла между деревьями. Юрка не взял с собой ни зонта, ни фонаря и, с трудом пробираясь к забору, окружавшему новострой, то тонул в лужах, то запинался о кочки.

Пустой четырёхэтажный корпус в безлунную дождливую ночь казался серым гигантским пауком с десятком пустых глазниц-окон. До двенадцати здесь работали фонари, но времени было далеко за полночь, и ни единого лучика света не падало на разбросанные по двору куски арматуры, бухты кабелей и какие-то трубы, кажущиеся в темноте кривыми паучьими лапками.

Высокие ворота были не заперты и, скрипнув, открылись, но Юрка, пересекая необитаемый двор, сомневался, правильно ли понял, что надо встретиться сейчас и здесь? На Володю это не было похоже.

Узкая дверь парадного входа легко поддалась. Вместо тёплого, присущего прогретому жилому дому воздуха Юрке в лицо ударил сырой и холодный поток. Темнота здесь царила полная, плотная, даже осязаемая. Продвигаясь по ней медленно, с усилием, будто в воде, Юрка брёл куда-то вперёд. Вдруг под ногами что-то зашелестело, и он посмотрел вниз. Не сразу, а как только привыкли глаза, увидел, что на полу, размывая тьму, проявляется фотографическим снимком узкая бледно-серая полоса, ведущая вперёд. Будто лунная дорожка из детских страшилок, она светилась на чёрном фоне. Но совсем не как лунная, дорожка то стелилась ровным лучом, то резко расширялась, то слишком сужалась, то петляла туда-сюда, кое-где становясь светлее, кое-где зияя тёмными провалами. Чтобы сообразить, что это на самом деле, Юрке пришлось присесть и присмотреться. Всё оказалось обыденно — кто-то разложил по полу газеты. Юркин взгляд уцепился за один из заголовков «Правды» за шестое мая этого года: «Станция и вокруг неё: наши специальные корреспонденты передают из района Чернобыльской АЭС».

Гадая, для него ли выложили эту дорогу указателем или разбросали газеты ради чистоты, Юрка брёл по ней как по единственному видимому в коридоре. Время тянулось медленно, в голову лезли

странные мысли, что, шагая по газетам, Юрка будто шагал по времени. Ведь у каждой газеты была дата, у каждой статьи — тема, на каждой странице — событие. Дат Юрка не видел, и тем страннее было перешагивать одно и замирать на другом: страницы, а с ними будто бы сами события и фотографии людей, прилипали к подошве, приклеивались к нему самому и не желали отпускать. «В жизни ведь так же бывает, — философски заметил Юрка. — Вот бы тут были газеты из будущего. Пусть не очень далёкого, а так, хотя бы за лето восемьдесят седьмого… Или через пять лет, или через десять. А через двадцать?..» Не закончив мысли, Юрка повернул направо и оказался в комнате. Успел отметить только, что здесь довольно холодно, хоть окна и застеклены, как кто-то стремительно бросился к нему и обнял.

Конечно, это был Володя. Юрка узнал его запах, узнал и тепло. Какое-то оно, Володино тепло, особенное, совсем родное и узнаваемое. Хотя такого ведь не бывает — нельзя узнать по теплу.

Они молчали. То бережно обнимали, то жарко стискивали друг друга. Утыкались то носом, то губами всюду, куда достанут: в щёки, они у обоих были холодными, в шеи — те были тёплыми, в мокрые волосы. К Юркиному лицу постоянно прилипали Володины прядки, и очень мешались очки. Но он думал, что пусть бы каждую минуту до конца жизни прилипали, щекотали и мешали, ведь это Володины волосы, ведь это Володины очки, ведь это он! Юрка радовался бы любому неудобству, только бы оно напоминало о нём.

Лишь обняв его, Юрка осознал, как сильно скучал. Воображая их встречу, он и представить не мог, что сердце зайдётся так сильно и что глаза защиплет, а дыхание схватит. Не ожидал, что от всего этого он не сумеет выдавить ни единого слова, а когда попытается и сможет, то не найдёт что сказать. Но если даже найдёт, если произнесёт хотя бы крупицу из того, о чём на самом деле думает и что чувствует, то расплачется. А плакать — это стыдно и ни к чему. Так Юрка и стоял, надрывно дыша, сжимая и прижимаясь, молча, боясь каждого звука — вдруг прервёт это горькое счастье, вдруг сломает его, вдруг их разъединит.

— Сколько же времени мы потеряли! — едва слышно простонал Володя.

— Да, потеряли. И много, — кивнул Юрка и потянулся к его губам. — Но ведь ты ей слово давал, что больше не будешь со мной…

Володя чуть наклонил голову и тоже привлек его к себе, но, услышав последнее, отпрянул и хмыкнул:

— «Слово дал»… Пф! Вот именно, это всего лишь слово! Пустая условность и ничего больше. И к тому же, кому я его давал? Никому. Она ведь мне — никто.

— Так ты и не собирался его держать? — удивился Юрка.

— Нет конечно, — ответил Володя, прижимаясь своим лбом к его. — И не смотри на меня так. Будто ты сам никогда не нарушал обещаний… Но знаешь… — он хотел сказать что-то ещё, но передумал. Или не решился? — Давай сядем?

Убрав одну руку, второй продолжая обнимать Юрку, Володя повёл его в дальний угол пустующей комнаты. Там на полу возле окна, образуя подстилку толщиной в палец, была разбросана кипа газет. Здесь можно было сидеть, лежать — места мало. И ребята опустились на колени на пол друг напротив друга.

— Юра, сейчас я расскажу тебе кое-что нехорошее, но важное. Мне неприятно говорить это, поэтому не перебивай, ладно?

— Что случилось? — всполошился Юрка.

— Я считаю, что… — произнёс Володя и замялся. Перебивать его и не нужно было. Он и без вмешательства Юрки делал большие паузы, долго собираясь с мыслями и подбирая правильные слова. — Я думаю, что, наверное, Маша права. Наверное, всё это к лучшему… Ну, в смысле всё: и что она нас поймала, и что мы так долго не виделись, и что завтра разъедемся по своим сторонам…

Нет, Юрке не показалось, в этой комнате действительно стояли лютый холод и сырость. Он бы даже не удивился, если бы пар пошёл изо рта. Или, наоборот, это в нём всё замерзло?

— Что? — не веря своим ушам, выдавил Юрка. — Да я представить не могу, как буду дальше жить без всего этого, а ты говоришь — к лучшему! Как это может быть к лучшему?!

— Это к лучшему для меня, — ответил Володя и снова надолго замолк.

Юрка уставился на него так, будто увидел впервые. Володины слова не имели смысла, Юрка просто не поверил им. Он хотел сказать многое, но в то же время понимал, что лучшее, что он может сделать сейчас, — это промолчать.

Володя продолжил спустя бесконечно долгую минуту:

— Я много думал о нас и о себе. И, конечно, о том, что буду делать со своей ненормальностью. Это ведь ненормально, Юр! Что бы ты ни говорил, Маша права — это против природы, это психическое отклонение. Я читал об этом кое-что, что удалось найти: медицинский справочник, дневник Чайковского и статью Горького. И знаешь, то, что мы делаем, — это правда плохо. Настолько плохо, что даже ужасно!

— Ужасно? — обалдел Юрка. — Обнимая меня, ты чувствуешь себя ужасно?!

— Да нет же, не в этом смысле! Как бы объяснить?.. — он задумался и вдруг воскликнул: — Это вредно! Да, именно вредно. И не только для тебя и меня, а даже для общества! Вот, например, фашистская Германия. Горький писал, что тогдашние немцы — сплошь педерасты и именно педерастия — есть зерно фашизма. «Уничтожьте гомосексуалистов — фашизм исчезнет», — так и писал. Это исторический факт.

— Но ты не такой, как они. И я не такой! Просто так сложилось, что мы встретились и… вот, — с жаром выпалил Юрка.

Ему будто проткнули мозг раскаленной иглой, когда он услышал это некрасивое гадкое слово — «педерасты». Ведь он уже слышал его и сейчас отчетливо вспомнил, когда.

Совсем еще маленький, он тогда совершенно ничего не понял, слушая бабушку. Она рассказывала, как во время поисков пропавшего деда узнала о том, что в концлагеря помимо евреев ссылали таких людей, которых помечали розовыми треугольниками и называли «педóрасами». Среди них могли быть даже немцы. Фашисты ненавидели и истребляли их так же, как и евреев.

Эти воспоминания будто бы дополнили мозаику в Юркиной голове, и он твёрдо заявил Володе:

— И ты ошибаешься. В фашистской Германии этих «педерастов» ссылали в концлагеря.

Володя удивленно выгнул бровь:

— Откуда ты это знаешь?

— Я еврей всё-таки, про концлагеря немного наслышан.

— Ладно. Но достоверно об этом всё равно ничего неизвестно. Даже книг в СССР о таком нет нигде. Только заметка в медицинском справочнике, что это — психическое, и статья в Уголовном кодексе.

— И? — Юрка не мог поверить в реальность происходящего. Он чувствовал какой-то подвох. Что это с Володей? Он позвал его среди ночи и просто вывалил все это разом. Он не задавал вопросов, не советовался, не делился переживаниями, а утверждал. Зачем? Чтобы образумить Юрку? «Статья в Уголовном кодексе» — зачем эта статья им двоим сейчас? Юрка потряс головой и выдал Володе единственный хотя бы относительно здравый вывод: — Ты думаешь, что Маша рассказала кому-то и тебя отправят за это в тюрьму?

— Нет, не думаю, это ведь ещё надо доказать. Да и тюрьмы я не боюсь, я за семью боюсь, понимаешь? И поэтому решил… Я, как приеду… я заставлю себя рассказать обо всём родителям, чтобы они помогли найти доктора, который это вылечит.

Стены будто покрылись инеем и засверкали, ослепив Юрку в полнейшей темноте. Иней пополз по полу и коснулся его ног.

— И ты хочешь лечиться? — прошептал Юрка. — Где, как? Если психическое, то тебя же в дурдом положат!

— Ну и пусть кладут, лишь бы помогли. Я много времени потратил и немного узнал о том, как это лечат. И ничего страшного в этом нет. Просто показывают фотографии мужчин… ну, вроде тех, что ты видел в журнале… и колют рвотное. Это повторяют много раз, и в результате должен выработаться рвотный рефлекс. Но меня не это заинтересовало — там проводят сеансы гипноза! Могут внушить интерес к девушкам и с помощью него же могут заставить забыть об *этих* чувствах.

Блестящая ледяная корка поползла по коленям, схватила живот и грудь.

— С ума сошёл? Ты собираешься в одной палате с психопатами лежать? Ты же нормальный, а с ними ты на самом деле с ума сойдёшь!

— Я *не* нормальный! Я хочу избавиться от этого раз и навсегда, мне это мешает! Мне это жить не даёт, Юра! Я хочу всё забыть.

— Ты хочешь забыть… меня?! Вот так вот просто выбросить из головы и всё?!

— Не просто, Юр…

— Ах ты… да ты… Друг, да? Предашь меня, да? Я… я вообще не понимаю, что происходит. Почему ты говоришь мне всё это? Чтобы я отстал?

Юрка вскочил на ноги и потопал к дверному проёму, но Володя бросился за ним и схватил за руку:

— Подожди! Юр, ну пойми же ты, всё очень серьёзно, так серьёзно… Я ведь даже тебе врал, Юра, прямо в глаза! Не могу больше. Ты, наверное, уйдёшь, как узнаешь правду, но, пожалуйста, хотя бы дослушай до конца.

Юрка замер на месте — «я ведь даже тебе врал». Он не раз чувствовал между ними не то чтобы ложь, а некую завесу недомолвок. Того, что не давало им стать ещё ближе, о чём Володя знал, но не говорил Юрке. Или говорил, но не всё. Решение уйти было импульсивным. Юрка не хотел уходить, но и остаться был не в силах, и долго решался, выслушать ли, боялся — вдруг станет ещё больнее, вдруг он пожалеет о том, что завеса падет.

Пока Юрка решался, Володя, откашлявшись, начал шёпотом:

— Ты правильно говорил, никакой ты мне не друг. Мы только встретились с тобой, и всё так завертелось, что я даже не понял, когда именно это произошло. — Вдруг его голос сел. В такой кромешной темноте Володя никак не мог разглядеть Юркиного лица, но, видимо, не желая даже смотреть в его сторону, отвернулся и произнёс чётко и громко: — Я влюбился в тебя.

Услышанное ввело Юрку в ступор. Полное эмоциональное отупение сковало и мысли, и чувства. Он хорошо расслышал и понял его слова, но уложить их в голове не получалось — как это влюбился?

Вдруг иней стал таять. Потеплело сначала внутри, а потом снаружи. А Володя сипло продолжал, и с каждым словом его шёпот становился жарче:

— Так в девушек надо влюбляться, как я влюбился в тебя! И всё это время хотел от тебя того, чего нормальный хотел бы от девушки: нежностей всяких, объятий, поцелуев и… прочего. Я — опасный человек! Я сам для себя опасен, но для тебя — особенно!

«Прочего…» Юрка тоже фантазировал об этом «прочем». Но он считал, что эти вопросы никого, кроме самого Юрки, не касаются, ведь это только его тело, а значит, проблема тоже только его. К тому же, как её решить, Юрка знал. И Володя вроде бы был совершенно к этому непричастен. Да, он — объект желаний, но это вовсе не значило, что Юрка станет их воплощать. Конечно, он давно знал, что «прочим» можно заниматься просто так, для удовольствия. После журнала он догадался, что этим можно заниматься не только традиционно. А позже сообразил, что это возможно не только с девушками. Но чтобы

это касалось их с Володей, чтобы они могли этим заниматься? Нет, это лишнее. Юрка и сам мог справиться со своими проблемами. По правде говоря, он это и проблемой-то не считал!

А Володя считал и, видимо, сам справиться не мог. Он так отчаялся, что был готов пойти даже к врачу, лишь бы забыть. Забыть всё, а значит, и Юрку тоже. Но Юрка не мог этого допустить! Володя очень боялся своих желаний. Но не потому ли, что жаждал их воплощения? Не потому ли высказал Юрке всё это, что подсознательно хотел, чтобы Юрка сам подтолкнул его к *этому*? Чтобы Юрка убедил его, что, в сущности, в «прочем» нет ничего опасного? И что, скорее всего, наоборот — это счастье, доверить себя тому, кто любит?

Наконец Юрка пришёл в себя. Брови поползли на лоб — Володя влюбился! Тяжёлые мысли исчезли, будто их и не было. Володя влюбился! Разве во всём мире есть что-нибудь важнее этого? Нет! Будущее, страхи, ненормальность — всё это ерунда, они ничего не значат и ничего не стоят, если он влюбился. Для «нормального», по его мнению, человека это было бы абсурдом, но Юрке стало так радостно и так захотелось смеяться, что он не выдержал. Хохотнул и силой развернул Володю к себе лицом, толкнул на лежанку из газет и прыгнул на него сверху:

— Чой-то я должен тебя бояться? Что ты мне сделаешь — заобнимаешь до смерти? Да пожалуйста, обнимай сколько угодно.

— Дело не в том, что сделаю — ничего я тебе не сделаю, — дело в том, что хочу сделать. Как маньяк какой-то…

Плохой из Володи вышел маньяк. Невозможно было всерьёз воспринимать угрозы того, кто сидел на полу, безвольно придавленный сверху Юркой.

— И что именно? — Юрка всё понял, но хотел, чтобы Володя признался.

— Это неважно. Всё равно ничего не будет, — но Володя сопротивлялся только на словах, на деле же — не шелохнулся.

— Нет, важно! Скажи мне — что?

— Я не хочу и не буду причинять тебе вред! Юра, ведь это — вред! Это осквернение и кощунство! Я ни за что не…

— Что «это»? Это? — Юрка залез рукой ему под рубашку.

— Юра, не надо!

Володя не выдержал. Грубо схватил Юркину руку и оттолкнул его от себя, потом сел на колени и спрятал лицо в ладонях. А Юрка, окрылённый счастьем — Володя в него влюбился! — отказывался возвращаться на землю. Но вид готового расплакаться Володи остудил его пыл. Юрка попытался взглянуть ему в глаза, но между пальцами смог рассмотреть только нахмуренный лоб.

— Ну зачем ты так, Володь… — он провёл рукой по его волосам, но вместо того, чтобы успокоиться, Володя вздрогнул и разозлился.

— Неужели ты не понимаешь? Неужели не осознаешь, к чему это может привести? Ты не такой, как я. У тебя ещё не всё потеряно! — Володя отнял руки от лица и посмотрел Юрке в глаза. — Юра, обещай, — не для вида, а искренне, дай такую клятву, которую никогда не нарушишь, — обещай, что я останусь у тебя единственным. Обещай, что, как вернёшься домой, возьмёшься за ум и влюбишься в хорошую девушку-музыкантшу. Что не будешь как я. Что ни на одного парня никогда не посмотришь так, как смотришь на меня! Я не хочу, чтобы ты был таким. Это горько и страшно, ты не представляешь, как это страшно!

— Неужели ты так сильно себя ненавидишь? — прошептал в изумлении Юрка.

— Неужели тебе всё равно? Я же больной, я — урод!

У Юрки зачесались руки влепить ему пощёчину, чтобы очухался наконец и прекратил себя оскорблять.

— Нет, мне не всё равно, — вместо пощёчины он обрушил на Володю поток отрезвляющих слов. — Но знаешь что? Когда ты сам — никто и тебе нечего терять, потому что у тебя ничего нет, все эти ужасные мысли очень быстро забываются и приходят другие мысли — трезвые и правильные. Вот, например, я смотрю на тебя и думаю, а что, если они ошибаются?

— Глупости — не могут ошибаться все!

— А вдруг? Я же вижу, какой ты, я же тебя знаю. Это я! Я могу быть неправильным и сумасшедшим, но не ты! Ты — самый лучший на свете, ты самый хороший человек, ты умный и правильный. Это я испорченный, я — какой угодно, я — виноватый во всём, но не ты! Я привык быть во всем виноватым, и от новой вины ничего не будет, это всего лишь капля в море.

— Ты несёшь какую-то чушь.

Юрка не стал отвечать. Чушь? Если Володе станет хоть чуточку лучше, Юрка был готов нести и чушь, и ответственность, готов был врать и скрываться. Но неужели Володе всего этого не было нужно, неужели он хотел избавиться от того, что Юрка столь беззаветно стремился ему отдать? Нет. Вот это настоящая чушь!

Но было больно смотреть на Володю, такого подавленного, почти смирившегося с неизбежным. Было страшно задумываться о том, что он хотел с собой сделать. И жалко его было очень. Так сильно, как себя не бывало жалко.

Юрка слез с него и уселся рядом. Обнял и положил голову ему на плечо.

— А что, если я скажу, что тоже люблю тебя?

В ответ Володя даже не шелохнулся. Чуть погодя выдал холодным тоном:

— Тогда лучше не говори.

— Уже сказал.

— Об этом лучше забыть.

Юрке будто ножом по сердцу прошлись. Как бы Володя ни боялся, как бы ни страдал, неужели не понимал, что слышать от него такое попросту больно?

— Я в таком тебе признался! Неужели ты даже не рад? — ужаснулся Юрка. Володя не ответил, но улыбнулся. Заметив, Юрка продолжил пылко: — Тогда я ещё скажу. Я тоже во многом сомневаюсь, тоже много не понимаю, но одно знаю точно — нельзя разрушать то, что построено. Если всё закончится сейчас и так, как сейчас — ничем, я всю жизнь буду об этом жалеть.

— Нет, ты будешь мне благодарен. Это сейчас ты упрямый, а потом поумнеешь и поймёшь, что всё правильно. Ведь я же говорю тебе это не просто так, я больше тебя знаю.

— Больше знаешь? Так расскажи! Расскажи уже наконец, что ты там такого знаешь! Вечно меня поучаешь, а чтобы рассказать как есть — глуп ещё Конев, поумнеешь, сам поймёшь!

— Неправда. Наоборот, именно ты поймёшь меня лучше всех. Просто я не хотел тебя пугать и… разочаровывать.

— Тогда признавайся! Что у тебя было? Что это была за старая и скучная история?

Володя обреченно вздохнул и начал:

— Ты — не первый, к кому у меня возникло *это*. Первым был мой двоюродный брат, — он внимательно посмотрел на Юрку, ожидая реакции, но тот просто кивнул и скомандовал:

— Говори! Хуже уже не будет.

— Ну, это мы ещё посмотрим… Ладно. Они всей семьей приехали к нам в гости. Мы не виделись много лет, я успел даже забыть, как он выглядит, и тут вижу его. Он вырос, стал таким… не знаю, как сказать, особенным. Он старше меня, и я всегда к нему тянулся и хотел быть похожим. А тогда увидел и обомлел — он стал даже лучше, чем был. Всё связанное с ним казалось мне хорошим и важным. Я себя не помнил, когда он находился рядом. И вдруг возникло *оно*. И не к кому-нибудь, а к брату! — он отвернулся к окну, прижался виском к стене и произнес в отчаянии: — Я ненормальный. Ты только вдумайся, Юр, насколько я отвратительный! На что эта мерзость внутри способна меня толкнуть, ведь это же был мой брат! Моя кровь, родня, сын отцовского брата, у нас даже имена одинаковые — он тоже Владимир и тоже Давыдов, отчества только разные…

— Ты рассказал ему? — глухо спросил Юрка.

— Нет, конечно, нет, — теперь Володя заговорил тихо. — О брате я никому не рассказывал и вряд ли расскажу — даже родителям. Тем более им. Такого ужаса, как тогда, я никогда не испытывал и вряд ли когда-нибудь испытаю. Потому что ещё больший страх — это уже за гранью, это просто разрыв сердца. Доходило до того, что, просыпаясь утром, я смотрелся в зеркало и на полном серьёзе не понимал, почему ещё не седой. Я не шучу и не преувеличиваю, Юр. Я стал бояться себя, стал бояться других ребят — вдруг эта мерзость проснётся от них? А потом стал бояться вообще всех. Я ведь не всегда был таким замкнутым, как сейчас. И я не ненавижу людей, я их сторонюсь, потому что боюсь — вдруг заметят во мне *это*.

Юрка не знал, что ему ответить и надо ли вообще отвечать. Он заставил Володю оторваться от стены, обнял обеими руками, крепко прижал к себе и, погладив по плечу, притих. Дождь за запотевшим стеклом упрямо накрапывал, была уже глубокая ночь, а он все шёл и шёл. Володино дыхание, недавно надрывное, постепенно стало выравниваться. Он начал успокаиваться и, может быть, даже задремал — Юрка не проверял, боялся потревожить. Юрке и самому хотелось спать, но для сна сейчас был не лучший момент. Он и не спал, и не

дремал, просто расслабился. Левая рука случайно сползла Володе на живот.

— Юра, это провокация? Я же просил, убери руку. Я запрещаю трогать там.

Юрка вздрогнул от неожиданности и рассердился — как это запрещает? И, насупившись, высказал:

— А я запрещаю совать руки в кипяток!

— Ой, да ну тебя! — без борьбы сдался Володя.

— Завтра костёр, — сказал Юрка, поглаживая Володин живот сквозь рубашку. — Ты это вообще понимаешь? Завтра мы увидимся в последний раз! Может быть, даже в самый последний раз в жизни!

Володя хмуро посмотрел сперва на его руку, затем Юрке в лицо. Тот понял его недовольство:

— Ладно, как скажешь, я уберу руку! Но знаешь что? Я оставил в «Ласточке» так много, что не сосчитать. Да я оставил тут половину себя! И когда я вернусь домой, больше всего на свете буду жалеть о том, что убрал руку. И не говори, что это ради меня! Что это во благо и я буду благодарен, что ничего не было, и что ты будешь благодарен, что ничего не было. Ты же сам в это не веришь!

Володя вспыхнул:

— Да конечно я в это не верю!

Оказалось, он не успокоился — только делал вид, а на самом деле, видимо, опять о чём-то раздумывал и теперь вылил на Юрку все свои мысли разом:

— Ты говоришь про какое-то «завтра», а посмотри на время — уже пятница наступила. Костёр уже сегодня. Сегодня — конец. Как только мы разъедемся, я на стену полезу от тоски… — он прерывисто выдохнул: — Юра, но пойми же ты меня! Я так запутался, так устал от сомнений и метаний! Бросить бы всё, как сказал, пойти и вылечиться. Но только решусь, как снова швыряет в крайность — я больше всего на свете не хочу, чтобы то, что у нас есть сейчас, заканчивалось! Потом думаю о тебе и снова боюсь — не хочу, чтобы с тобой произошло то же самое…

Юрка прервал его:

— Поздно боишься, оно ведь уже произошло! По-другому, конечно, не как у тебя, но всё-таки. Сто раз тебе говорил, уже не знаю, какие ещё нужны слова. Володя, если бы не ты, я бы не начал снова играть! Музыка вернулась именно благодаря тебе! Добро и смысл вернулись, и это значит, что ты не можешь быть злом. И сегодня никакой не конец, если ты сам этого не захочешь. Володя, ведь я — не брат. И со мной по-другому будет. Я понимаю тебя, и я… я люблю тебя. И не из книжек теперь знаю, как это трудно — стать первыми друг для друга и как тяжело ими быть. Зато оставаться — проще простого. Давай сделаем так, чтобы ими остаться? Мы ведь в первую очередь друзья, и я не предам тебя и не брошу. Буду писать и поддерживать.

Пока Юрка говорил, Володя смотрел на него не моргая. В его глазах читалось, что он очень хочет верить этим словам, хочет верить, что всё у них получится.

— Я тоже буду тебе писать! — наконец улыбнулся он. — Ни одного письма не пропущу. Буду два раза в неделю писать или даже чаще и даже без поводов.

— Вот видишь! Эти разговоры — правильные.

— Твоя правда, — Володя усмехнулся: — Лезть на стену хочется уже не так отчаянно…

Юрка совершенно замёрз и, чтобы согреться, вытянул покрывшиеся гусиной кожей ноги и принялся их растирать.

— Кстати! — вспомнил он. — Неужели Чайковский в своем дневнике тоже писал, что этих педерастов нужно истреблять?

— Нет, — хмыкнул Володя. — Он как раз-таки им и был. Тогда за это в тюрьму не сажали, но он тоже от этого мучился. Называл это чувство «Z» и писал…

— Вот видишь! — перебил Юрка, чтобы не дать Володе снова пуститься в разговоры про страдания и мучения. — А он войн не развязывал. Наоборот, он был гением, — Юрка хотел воскликнуть на слове «гением», но клацнул зубами от холода и поёжился.

Володя, конечно, заметил, что Юрка замёрз, и принялся стягивать с себя куртку, видимо, собираясь накрыть ею Юрку, но тот помешал:

— Лучше потереть.

Володя кивнул и положил руки на его лодыжки. Какие тёплые у него оказались ладони — будто бы совсем не холодно вокруг! Володя принялся растирать ему ноги. Юрка чувствовал, как по телу

расходится тепло, не простое, а то самое тепло, Володино. От наслаждения он прикрыл глаза и не заметил, как Володя наклонился вперёд, но почувствовал жар на коленке. Она так замерзла, что губы Володи на ней казались обжигающе горячими.

Уставившись на Володю, Юрка замер, не смея даже шелохнуться. А тот, перехватив его взгляд, улыбнулся, медленно выдохнул ртом, обдав новой порцией жара Юркину кожу, и потянулся с поцелуем к другой коленке.

Юрка не выдержал — положил руки ему на плечи, потянул на себя, попросил:

— Поцелуй меня. По-взрослому. Как в лодке.

— Юра, не нужно… Не буди во мне… *это*. У тебя и без поцелуев слишком хорошо получается меня будоражить, я потом по полночи не сплю. Я не хочу опять распускать руки и раскаиваться.

— А я хочу! И ты сам… будишь, целуешь меня тут… в коленки!

Володя сокрушенно покачал головой:

— Да, прости, я не хотел… Боже, я ведь совращаю даже самое невинное…

— Хватит винить во всем себя! — взорвался Юрка. — Ты постоянно взваливаешь на себя ответственность и вину, которой нет! Разве плохо то, что мы делаем? Разве кому-нибудь это вредит?

— Нет, но Маша может рассказать.

— О чем? Она же даже не знает, где мы сейчас. Дрыхнет там в отряде, видит десятый сон. Слушай, я не хочу из-за неё портить последний день. Володь, он же последний! А вдруг мы больше никогда не увидимся? Вдруг и правда…

— И всё равно не надо. — Володя прижал Юркину голову к плечу. — Это выльется в… в неприличное. А я несу за тебя ответственность.

— Да ёшкин дрын! Вот прямо сейчас ничего тебе не скажу, пойду и совершу что-нибудь плохое, какой-нибудь акт вандализма. И что тогда? Володя, хватит носиться со мной как с маленьким.

— Давай хотя бы не сейчас, ладно? Я еле заснул тогда, после лодки. Завтра рано вставать, а мы и так засиделись уже.

— Ну так завтра уже наступило, — улыбнулся Юрка.

Он согрелся, а Володя притих. Видимо, опять поглощенный какими-то новыми переживаниями. Но Юрка не противился. Он хотел

только одного — вот бы Володя положил голову ему на грудь, а тогда пусть думает себе сколько угодно, слушая стук Юркиного сердца.

Они снова обнялись, и Юрка превратил своё желание в реальность — он привлёк Володю к себе и прижал его голову к своей груди. Дужка очков больно давила на кожу, и Юрка, не спросив, стянул их с Володиного носа. Володя не сказал ни слова против, только положил себе на голову Юркину руку, как уже делал когда-то под ивой, чтобы тот его погладил. И Юрка не смог ему отказать.

Дождь стихал, и в перезвоне капель вдруг послышалось резкое «Юра, убери руку! Да не эту, другую! Ну не сейчас».

В прорехах серых туч на востоке забрезжили полосы рассвета. Пора было уходить, но расцепить объятия или оторваться друг от друга хотя бы на несколько секунд было слишком трудно, почти невозможно. Прощаясь, они много и часто целовались — в губы, но не так, как в лодке, не по-взрослому.

Плюнув на осторожность, ушли вместе. Но, добравшись до перекрёстка аллеи пионеров-героев с тропинкой на новые корпуса, Володя спохватился — забыл выбросить газеты, которые расстелил, чтобы скрыть следы их присутствия. Он пожал Юрке руку и повернул обратно.

Юрка всё ещё немного сердился на него: за то, что не поцеловал, за то, что запретил трогать живот, за то, что… много за что рассердился. Проще сказать, сердился вообще за всё.

Топая по лужам к своему отряду, он вспомнил свою последнюю угрозу, мол, пойдёт, никому ничего не сказав, совершит акт вандализма. Остановился, огляделся — убедился, что вокруг никого, — и бросился обратно к перекрёстку, где они расстались с Володей. Он вспомнил, что в кармане его шорт всё ещё лежал мел.

Перекрёсток аллеи пионеров-героев был уложен свежей плиткой и образовывал ровный квадрат, будто специально созданный для того, чтобы стать холстом. Юрка прикинул, что написать. Может быть, как в беседке романтиков две буквы их имен и год? Нет, такое писать было слишком рискованно. Понятно, что под «В» может скрываться и Витя, и Валя, и Валера, и кто угодно другой, а под «Ю» не Юра, а Юля. К тому же стихающий дождь вряд ли успеет смыть мел к подъёму. А если не смоет и если об их с Володей отсутствии все-таки узнает Маша, дело примет плохой оборот. Нет, писать буквы их имен было

нельзя. Да и зачем две буквы? Вот, например, «Ю» Юрке никогда не нравилась — какая-то палка с нелепым кружком, другое дело «В»…

Он вынул мел из кармана. Наклонился и стал выводить размашистую, самую красивую на свете букву — «В», букву любимого имени. Обводя её, утолщая и заштриховывая, Юрка сообразил, что мало одной только буквы. В этом его «акте вандализма» должен крыться смысл, должно крыться чувство. То самое чувство, которое до этой ночи он даже мысленно боялся назвать любовью. Но это точно была она, теперь Юрка знал.

Он любил эту букву, любил это имя, любил этого человека и с любовью стал обводить «В» большим, размашистым сердцем. Раньше он смеялся над теми, кто рисует подобное. Раньше он считал это глупостью и детскостью. Но это было раньше, до встречи с его В.

На тропинке, ведущей в недострой, послышались шаги. Юрка узнал их и стушевался — как быстро Володя закончил! А он, Юрка, ещё не успел дорисовать сердце! Он вел мелом косую линию вниз, собираясь соединить с уже нарисованной, чтобы получился острый угол. Вдруг ему стало неловко — что Володя подумает, когда увидит? Может быть, ему, такому серьёзному, станет смешно и он посчитает это наивным ребячеством и опять скажет ему: «Тебе надо повзрослеть!» И тогда Юрке станет уже не стыдно, а больно.

Лишь бы не быть застигнутым, он рванул в кусты, не глядя черкнув мелом по рисунку и случайно испортив сердце — вместо нижнего острого угла получилась дуга. Сердца не вышло, получилось яблоко и заключенная в него «В».

Володя заметил букву. Остановился, его плечи дрогнули — засмеялся? — и покачал головой. Юрка думал, сейчас уйдёт, но Володя постоял над рисунком с минуту, оглядывая его со всех сторон, будто пытаясь запомнить каждый штрих, каждую мелочь. Юрка промок в сырых кустах, но и не думал жаловаться. Он любовался Володей, стоящим над косым, неправильным сердцем.

Только Володя собрался сделать шаг, у Юрки ёкнуло сердце — неужто затопчет? Но Володя не стал ни топтать, ни стирать. Он обошёл сердце по траве. Можно было пройти по плитам, повредив совсем чуть-чуть, самую малость, всего сантиметр мелового сердца — Юрка бы сам так сделал. Но Володя обошёл его по сырой, грязной траве.

Глава 16

Спектакль

Утро спектакля и по совместительству последнего дня второй смены 1986 года в лагере «Ласточка» выдалось пасмурным и хмурым. К началу завтрака небо совсем затянуло, северный ветер пригнал тяжёлые серые тучи, и они нависли над лагерем — такие пузатые, будто вот-вот лопнут. Оставалось только гадать, когда именно небо прорвёт. Но Юрке некогда было думать о постороннем, как и Володе, как и всей труппе театрального кружка. Работа кипела с самого утра, времени не оставалось даже на грусть. Хотя грустные мысли, конечно, то и дело посещали Юрку. Ну а разве могли не посещать — после ночного разговора, после всего, что было сказано?

Он докрашивал декорации, расставлял их по местам, следил за актёрами, договаривался с музруком про звуковые эффекты, наставлял Алёшу Матвеева по техпомощи, таскал стулья из столовой в зал — потому что всем не хватило бы имеющихся зрительских кресел. В перерывах между этой работой он ещё и успевал прогонять свои слова, пару раз прорепетировать сцену с Краузе и повторить «Колыбельную», которую, как казалось, снова мог играть даже с закрытыми глазами.

Ко всему прочему, ещё с утра на репетицию заявилась Ольга Леонидовна, долго ходила с Володей по залу, что-то с ним обсуждала и решала. После этого разговора Володя совсем погрустнел и сказал, что руководить спектаклем поручает Юрке, так как старшая воспитательница потребовала, чтобы худрук присутствовал рядом с ней и директором в зале. Мол, спектакль — это работа пионеров, и нужно посмотреть, на что они способны без помощи вожатых. К тому же актёры не раз настаивали на свободе, заявляли о своей самостоятельности.

Юрка не расстроился от свалившейся на него ответственности — он знал сценарий спектакля наизусть, у него и без того была куча обязанностей: управлять софитами, суфлировать, следить за занавесом и прочее, так что проконтролировать весь спектакль в целом особого

труда не добавляло. К тому же убегать от собственных тоскливых мыслей, занимая себя работой, для Юрки уже стало привычным делом. Он и убежал. Хотя Володины фразы, отрывки их разговора всё равно то и дело возвращались к Юрке, бросая его то в холод, то в жар.

«Я много думал о нас и о себе. И, конечно, о том, что буду делать со своей ненормальностью». У Юрки до боли сжалось сердце. Он как раз выдвигал из-за кулис нужные для первой сцены декорации, попутно командуя Алёшкой и Михой — те помогали. Остановился, посмотрел на сцену, где Володя что-то объяснял Ваньке, играющему одного из немцев.

«За что же ты так с собой? — будто обращаясь к Володе, про себя спросил Юрка. — Ну где же ты ненормальный? Ты себя видел вообще? Какой же…» — и уныло покачал головой.

Юрка с Митькой проверяли работоспособность механизма занавеса. «Я много времени потратил и немного узнал о том, как это лечат», — прозвучало в мыслях, и по позвоночнику пробежал холодок. Юрка замер, втянул носом пыльный воздух, вспомнил, как они с Володей первый раз поцеловались, укутанные в этот самый занавес. Юрку пробила дрожь, только он представил, как врачи будут вытравлять из Володиной головы эти воспоминания, а из сердца — чувства.

«Ты — не первый, к кому у меня возникло *это*». Какой он — тот, первый, ещё один Володя Давыдов — Юрка, конечно, не мог не думать о нём. Такой же, как его Володя? Наверняка такой же — хороший. Не мог же Володя полюбить плохого человека? Юрка ощущал себя двояко по отношению к нему. С одной стороны, Юрка был рад, что он не первый, к кому Володя испытывал это. Но, с другой, наверное, было бы лучше, если бы первым был Юрка? Может быть, тогда Володя не считал бы себя таким монстром, а воспринимал всё иначе, легче?

Но сейчас Володя влюбился в него! «Так в девушек надо влюбляться, как я влюбился в тебя!» — Юрка повторял невыносимо грустную «Колыбельную», но, стоило вспомнить эти слова, как его губы невольно растягивались в довольной улыбке. Хотелось тут же бежать обнимать Володю и заверять его, что — нет, только в него так нужно влюбляться, никаким девушкам Юрка его не отдаст!

После завтрака он пошёл в столовую перетаскивать стулья в зал. С кухни доносился звон и грохот посуды. «Я не хочу и не буду

причинять тебе вред! Юра, ведь это — вред!» — и тут Юрку будто током ударило. Он вспомнил Володины руки над чаном с кипящей водой, и его озарило внезапным осознанием — вред! Но кто и кому его причиняет? Юрка не мог взять в толк, зачем Володя это сделал тогда, а сейчас всё встало на свои места: это наказание! Он умышленно причинял себе боль, чтобы наказать себя? За что? Ну какой же он дурак! Неужели за эти чувства — светлые, возвышенные — нужно было себя наказывать?

Поэтому он так категорически запрещал Юрке прикасаться к себе? Приказывал убрать руки, не хотел целовать по-настоящему… А что было, если бы Юрка не убрал, если бы сам, минуя сопротивление, поцеловал? Ведь ему так хотелось узнать, хотелось попробовать… Юрка не видел в этом ничего порочного, только проявление своей любви, но для Володи, видимо, это было проявлением его испорченности. Или что он там говорил? Боялся испортить и испачкать Юрку? Но это вызывало недоумение и даже немного злило — почему Володя решил всё сам, не спросив? Почему так хотел быть единственным виноватым?

«Ну уж нет, — подумал Юрка, сжав челюсти, — хватит считать меня ребёнком! Я сам могу принимать решения, я умею отличить хорошее от плохого. И что бы там Володя ни говорил, эти чувства — лучшее, что случалось со мной за всю жизнь. Не могут они ничего и никого испортить!»

Но увидеться и по-нормальному наедине поговорить так и не удалось. Всё утро они могли только переглядываться, понимающе или печально, да кидать дежурные рабочие фразы, касающиеся спектакля. Но почти перед самым началом, когда в кинозал уже стал стягиваться народ, Володя всё-таки подошёл к Юрке, пока тот в подсобке переодевался в парадную одежду.

Юрке показалось, что это дежавю: он стоял перед зеркалом и дрожащими руками — его уже начинал бить мандраж — пытался завязать галстук. А Володя приблизился, положил руку на плечо, заставив развернуться, стал завязывать красный узел на Юркиной шее. Всё так же, как тогда, перед Зарницей, отличие было лишь в том, что подсобка кишмя кишела людьми. Юрка испуганно огляделся, ища глазами Машу, но не увидел её. Да и что тут такого-то — в том, что Володя помогает ему завязать галстук?

— Юр, — сказал он тихо, — я очень жду твою «Колыбельную». — И еще тише добавил: — Только её и жду…

Юрка внимательно, долго посмотрел в его грустные глаза.

— Я буду играть её только для тебя. Пообещай, что не отведешь от меня взгляда!

Володя кивнул:

— Конечно. — Он поправил концы его галстука и повернулся к ребятам в подсобке: — Все помнят, что меня не будет с вами за кулисами? Слушайте Юру, он за главного!

Ребята закивали, Володя ушёл, а к Юрке подбежал Олежка. Он зачарованно уставился на галстук и, видимо, буквально поняв Володины слова про то, что Юрку надо слушаться, спросил шепотом:

— Юла, а это плавда, что калтавых не белут в пионелы?

— Да кто тебе такие глупости говорит? — не выдержал Юрка.

— Да так… многие говолят.

— Конечно, картавых берут в пионеры! Сам дедушка Ленин картавил, а он не какой-то пионер, он — вождь мирового пролетариата! Так что все у тебя получится, Олежка! Никого не слушай, и всё у тебя…

— Даже тебя не слушать? — хитро прищурился Олежка.

Юрка только успел закатить глаза, как того уже и след простыл.

* * *

К часу дня зал заполнился до отказа, всем не хватило мест даже с учётом дополнительных стульев, некоторым зрителям пришлось сесть в проходе. Когда выключили основной свет, воцарилась тишина, и на авансцену — игровую часть сцены пока закрывал занавес, — вышел Володя. Честь сказать вступительные слова, как положено, выпадала худруку, и начал он тоже как положено:

— Уважаемые зрители, вашему вниманию представляется спектакль, посвящённый юбилею нашего любимого лагеря «Ласточка» имени пионера-героя Зины Портновой…

Володя говорил заученные слова серьёзным, но довольно равнодушным тоном. Юрка уже слышал этот монолог на репетиции, поэтому сейчас не слушал, а помогал актёрам готовиться к первой сцене.

Володя закончил свою речь «от худрука» и передал слово чтецу — Полине. Она звонким голосом, с чувством начала стихотворение:

Представить бы их всех посмертно к ордену,
Тех, что сказали твёрдо как один:
Мы можем жизнь отдать за нашу Родину,
А Родину за жизнь не отдадим!

Митя, ответственный за занавес, уже стоял наготове — руки в перчатках на тросе, шепнул Юрке, торопя:

— Ну? Кивнешь, когда открывать?

— Тебе точно помощь не нужна? — Юрка не был уверен, что Митька управится с занавесом в одиночку, ведь за весь спектакль его нужно будет открывать и закрывать раз тридцать — запланировано много смен мест действий.

Из-за того, что невозможно было бы успевать каждый раз менять декорации полностью, сцена делилась на две части — по месту действия. В левой разыгрывались эпизоды, которые происходили в помещении, в правой — на улице. И так как очередность домашних и уличных эпизодов по сценарию соблюдалась, при смене декораций закрывалась только «уличная» половина, пока действие разворачивалось в «домашней». И наоборот.

Митька же был серьезен как никогда.

— Я справлюсь! — заявил он, украдкой взглянув на Ульяну, готовящуюся к выходу. Юрка понимал, что сейчас занавес для Митьки — вопрос мужской чести, но всё равно сомневался.

Голос Полины звучал с авансцены:

…Ветры в походные трубы трубили,
Дождь отбивал барабанную дробь…
Ребята-герои в разведку ходили
Сквозь чащу лесов и болотную топь…

— Митя, мы же уже пробовали! Это только поначалу раздвигать легко, а за весь спектакль раз сто придётся…

— Всё нормально!

— Митя, если мы хоть раз что-нибудь просрём… — и Юрка высказался в точности теми словами, какие крутились в голове. А что?

Володи рядом не было, никого из старших — тоже, никто его не одёрнет.

Но Митька упрямо и твёрдо заявил:

— Юра, я справлюсь!

Спорить было некогда, настал момент истины. Юрка очень волновался, несмотря на то, что его выход планировался только через акт. Он ведь сегодня — за главного, Володя рассчитывает на него, и Юрка должен показать, на что способен! Он чувствовал, что вложил в этот спектакль часть себя, и болел за его успех.

«Юные мстители» уже заняли исходные позиции и приготовились к открытию занавеса. Полина перешла к последнему четверостишию из «Пионеров-героев» Павла Железнова:

В мирные дни, побеждая и строя,
Помнит отчизна года боевые,
Славьтесь в веках, пионеры-герои,
Славьтесь, товарищи, вечно живые…

Юрка глубоко вдохнул, пытаясь унять волнение, приоткрыл глаза и кивнул Мите. Скрипнул трос, и занавес поехал в сторону в строгом соответствии с планом, открыв зрителям левую часть сцены — «домашнюю». В первом эпизоде Зина Портнова вместе с девятилетней сестрой Галей приехала в деревню и узнала о начале войны. Чтец Полина сообщила, что деревню вскоре оккупировали, а Зина познакомилась с Фрузой Зеньковой, которую играла Ульяна, и вступила в ряды «Юных мстителей».

Левая половина сцены была очень красочной: на задник прикрепили большой контур деревянного дома, внутри на стенах развесили плакаты, на полу разложили чемоданы и вещмешки, ребята даже посуду принесли. Маша, скрывая волосами щёки, на которых после вчерашнего помазания «Поморином» осталось раздражение, заиграла «Лунную сонату». Юные мстители, собравшись вокруг стола с картой, планировали диверсию. Здесь были все главные герои спектакля, и все они должны были произнести как минимум по одной реплике, а это значило, ошибись один — поплывёт весь эпизод. Пока шло без запинок, но Юрка, внимательно следя за словами актёров по сценарию, приготовился суфлировать.

— Зина, — обратилась к Портновой секретарь Мстителей, Зенькова-Ульяна, — ты уже давно работаешь в офицерской столовой, пришло время дать тебе задание!

Председатель протянула Портновой стеклянный флакончик от духов — другого не нашлось.

— Это крысиный яд, — уточнила она. — Нужно отравить еду.

— Сделаю! — с готовностью ответила Портнова.

— Переходим к следующему вопросу. Был найден тайник с оружием. Илья, сколько всего у нас оружия?

— Я, — вскочил Езавитов-Олежка. — я… я… — заикнулся он.

Юрка прошептал из-за занавеса: «Мы имеем…»

— Мы имеем, — собрался Олежка, — пять винтовок, пулемёт Максим, диски, с полдюжины лимонок.

— Плюс дегтяревский пулемёт без затвора, — не по плану вклинился Езавитов Женя, которого играл Петлицын. Юра скрипнул зубами — ну и для кого сценарий писался?

Фортепианная музыка утихла, зазвучал перестук колёс поезда, а в комнату вбежал Николай Алексеев, подпольщик, работающий на железнодорожной станции:

— Ребята. Уже несколько дней через станцию идут эшелоны, груженные тюками сена. Странно это — из трубы паровоза искры летят, сено может легко загореться. Странно ведь? — Мстители закивали. — Мост сегодня проверял, смотрю снизу вверх и вижу — под сеном танки укрыты…

Всё бы ничего, но ни тени удивления или тревоги в голосе актёра Паши не было, свои реплики он пробубнил. Юрка сердито сопел, а «Юные мстители» по радио сообщали партизанам про танки и договаривались встретиться назавтра, чтобы передать им найденное оружие. Занавес закрылся.

— Ребята, вы чего такие вялые? Соберитесь уже, мы не можем подвести Володю! — зашипел Юрка, когда актеры ушли за кулисы.

Ульяна аж вспыхнула:

— Мы и так стараемся как можем! А вместо благодарности одни придирки! Ты вот, Юра…

— Уля, некогда говорить, бегом в «уличную» часть!

Декорации леса уже были установлены: к заднику прикрепили рисунок ёлок и железнодорожной станции с приземистыми

постройками и колоколом дежурного. Подпольщики пошли, опасливо озираясь вокруг, прятать оружие в тайник — небольшое полое бревно. Но тайника на сцене не было! По плану должен был быть, а нет! Алёша забыл вынести на сцену?

«Хорош из Матвеева помощник! Сколько напрашивался, а толку?» — ругался Юрка, махая руками, показывая, чтобы прятали оружие за пианино! Поняли, спрятали.

На «домашней» части сцены, закрытой от зрителей, тем временем царил хаос. Ребята готовились к следующему эпизоду — отравлению Зиной солдат в столовой. Подвинули и накрыли белой скатертью стол, сорвали агитплакаты. Эпизод в лесу пролетел быстро, там было всего три реплики. Пришло время следующего.

Чтец Полина вышла на левый край сцены:

— Работая посудомойкой в столовой курсов переподготовки немецких офицеров, по указанию подполья Зина Портнова отравила пищу. Погибло более ста офицеров.

Настал звездный час пухляка Сашки, которому поручили играть первого из убитых немцев.

Митька потянул трос, из-за занавеса появилась столовая. Немецкие офицеры сидели за столом, Зина на переднем плане незаметно подлила яд в кастрюлю с супом и стала разливать его по тарелкам. Маша заиграла тяжёлые мрачные ноты из середины «Интернационала». Офицеры съели по ложке супа и попадали на пол.

Зину тут же схватили, она принялась кричать, что ни при чём, и в доказательство этого рванула к столу и попробовала отравленный суп. У неё подкосились ноги, Зина без сознания упала на пол.

На сцене появились деревенские жители, подхватили Портнову под руки и повели к дому — к заранее принесённой на авансцену декорации — крыльцу без двери. Жители уложили Зину рядом с ним, появилась её бабушка и сестра. Бабушка стала хлопотать над Зиной, а маленькая Галя, обнимая её, очень реалистично заплакала и сквозь всхлипы произнесла тонким голосом:

— Зиночка, я же без тебя совсем одна останусь! В Ленинграде голод, там мама и папа…

Девчонки играли замечательно. В целом весь эпизод шёл без запинок, одно расстроило Юрку: Саша, конечно, расстарался, орал и корчился так, что в зале хихикнули.

На крыльце продолжала разворачиваться драма, а отстрелявшийся Сашка прибежал за сцену.

— Саша, очень прошу, поменьше эмоций! Ты хотя бы не кричи так.

А Сашка будто и не слышал, вертелся весь радостный и красный. Ульяна тут же набросилась на него с вопросами:

— Ну? Ну как там зрители? — И добавила самодовольно: — Мне ведь некогда смотреть, я играю главную роль.

Юрка хмыкнул — ну да, главную, как же!

— Ой, хорошо, — заверил радостный пухляк. — Ольга Леонидовна с Пал Санычем довольны вроде, только Володя странный какой-то… будто бы вообще за нас не волнуется!

— Вот ещё! Не верю! — заявила Уля.

Вдвоём с Сашкой они выглянули из-за занавеса посмотреть на Володю, а Юрка остался, где стоял. Следил за установкой декораций «уличной» части к следующему эпизоду. Путать там было нечего — бросить на пол гору «угля», прицепить к заднику рисунок водонапорной башни и всё. Даже старые декорации леса не пришлось убирать.

Уля вернулась обиженная и зло зашипела на Юрку:

— Конев, вот ты гоняешь нас с этим «Не подведите Володю, не подведите Володю». А Володе-то всё равно! Чихал он на этот спектакль!

— Быть такого не может! — Юрка даже растерялся. Кому как не Володе радеть за него?

— Очень даже может! — насупилась Уля.

Декорации были готовы, и у Юрки выдалась минутка выглянуть в зал. Володя и правда не смотрел на сцену. Его взгляд был устремлен вниз, на тетрадь, лоб — сосредоточенно нахмурен, пальцы барабанили по подлокотнику кресла. Он нервничал. Как бы Юрке хотелось сейчас тоже сидеть в зале, пусть бы тоже нервничать, главное — рядом с ним. Но он должен был доказать всем, начальству, Володе и самому себе, что справится, что на него можно положиться, что он сам может принимать решения и координировать действия — свои и актёров.

Юрка вернулся за кулисы. Ульяна, обмахиваясь сценарием, кивнула:

— Ну? Что я говорила?

Юрка упрямо приказал:

— Ульяна, ему не всё равно, он нервничает! Если мы провалимся, нам всем не сносить головы! И Володе — тоже. Ты это знаешь и без меня, так что старайтесь!

Со сцены зазвучал голос чтеца:

— Сорок третий год. Красная армия идёт в наступление. По железнодорожной линии Витебск-Полоцк гитлеровцы усиленно перебрасывают войска на фронт. Через станцию день и ночь идут фашистские эшелоны. Для движения паровозов требуется вода. Все водокачки были уже уничтожены советской армией, осталась лишь одна работающая станция — неподалеку от Оболи, она потерялась в складках местности, уничтожить её не успели.

Открылась правая половина сцены, возле водокачки стоял немецкий солдат — Пчёлкин в кителе и с игрушечным автоматом наперевес.

— Здесь «цивильным» ходить нельзя, — грозно заявил он. — Придется вернуться назад!

— Я-то думала, что солдаты германской армии настоящие храбрецы, — шутливо-капризным тоном заметила Нина Азолина, ещё одна из «Юных мстителей». — А они даже днём боятся. И кого? Безобидной девушки, которая добросовестно служит у них!

То, что она добросовестно служила у немцев, — было её легендой. Азолина была красивой девушкой, и ею увлекся помощник коменданта Мюллер.

Мюллера играл Ванька. Он подскочил к постовому и принялся кричать на него не очень разборчиво, как уж смог, по-немецки. Юрка специально написал ему эту реплику.

— Entschuldige dich bei der Dame! Schnell![8]

А пока он, отвернувшись от Азолиной, кричал на немца, та подкинула в кучку угля для растопки замаскированную под этот самый уголь мину.

Полина зачитала:

— Через три дня водонапорную станцию разворотило до основания. Восстанавливали две недели, и за это время немцы не получили на фронт восемьсот эшелонов. Подозревая во взрыве станции не партизан, а местных жителей, немцы усилили охрану объектов и отправили на улицы больше патрульных.

Следующий эпизод был у Юрки любимым, впечатляющим, но и требующим много внимания. Вся труппа старательно придумывала, как обыграть это на сцене, и придумала.

— Вот бы ещё в кино такое увидеть, а не заставлять воображение дорисовывать огонь и дым… — говорили ребята.

Юрка рванул к пульту управления софитами, приготовился в нужный момент дать сигнал музруку. Глазами нашёл Матвеева — тот стоял рядом с декорациями уличной части, держа в руках верёвки.

Юрка старался не думать о том, что этот эпизод — последний в первом акте и его будет закрывать он своей «Колыбельной». Уже через несколько минут должно было случиться главное событие этого дня, а Юрка был совершенно не готов к нему морально!

На сцене слева снова установили декорации штаба «Юных мстителей» — обычная деревенская изба, рядом с избой — крыльцо, на котором Галя Портнова играла в песке.

— Галка, хорошо запомнила? — спросила Зина. — Увидишь фашистов или полицаев, пой свою любимую «Во поле берёзка стояла».

Галя кивнула, а Зина вступила в дом. Началось заседание. Слово взял Илья Езавитов-Олежка:

— Фашисты боятся нас, но это не значит, что мы должны забывать об опасности!

Вдруг зазвенел тоненький голосок Гали:

Во поле берёзка стояла,
Во поле кудрявая стояла…

По авансцене прошли три немца из массовки и скрылись за занавесом. Председатель Зенькова подбежала к крыльцу и, проверив, что солдаты ушли, вернулась и начала браво:

— Враг хитер и коварен, бороться с ним придется долго. Ему надо нанести ещё более сокрушительные удары! В Оболи работает электростанция, питающая энергией железную дорогу, комендатуру, местные заводы, склады и службы немецких тыловых подразделений. Льнозавод оборудовали немецкой техникой! Сюда свозят сырье не только с Витебщины, но и со Смоленщины. Продукция идёт для военных нужд, кирпичный завод дает более десяти тысяч кирпичей в сутки. Всё это работает на врага, а поэтому должно быть уничтожено!

Юрка посмотрел на музрука, тот кивнул. Взмокший Митька раскрыл «уличную» половину сцены. Там был установлен деревенский пейзаж, избы и огороды, и отдельно четыре больших рисунка: электростанция, льняной и кирпичный заводы, склад. Сзади к этим рисункам и были привязаны верёвки, которые держал Матвеев. Юрка положил правую руку на пульт светомузыки и приготовился давать сигналы музруку и Алёшке.

Полина зачитала:

— Третьего августа «Юные мстители» нанесли по врагу самый мощный удар — в восемнадцать ноль-ноль взлетела в воздух электростанция.

Юрка махнул рукой, и одновременно произошли три действия: прозвучал звук взрыва, софит осветил красным электростанцию, и декорация тут же свалилась вниз. В зале ойкнули, Юрка оживился, снова поднял руку, готовясь дать следующий сигнал.

Чтец объявила:

— Это задание выполнила Зина Лузгина. — На сцене со скамьи поднялась Катя, играющая эту роль. — Через пятнадцать минут после электростанции взорвался льнозавод: сушилки, склады, машинное отделение.

Юрка махнул. Грохнул взрыв — декорация льнозавода вспыхнула красным и упала.

— Это задание выполнил Николай Алексеев, — со скамьи поднялся Паша.

И снова Юрка дал сигнал: вспышка, взрыв, грохот падающей декорации.

— Ещё через час разнесло кирпичный завод. Задание выполнил Илья Езавитов. — Поднялся Олежка, гордо выпятив подбородок.

— За Р-р-родину! — вдруг прозвучал его высокий, но уверенный голос. Юрка обернулся. Он не мог поверить своим ушам — это действительно был Олежка! В начале спектакля, нервничая, он сбивался, но потом стал говорить всё увереннее и увереннее, а в итоге впервые на Юркиной памяти произнес четкую, звонкую «р».

На сцене раньше своей очереди со стула вскочил удивлённый Петлицын — он должен был встать только после слов Полины:

— Через пять минут после взрыва на кирпичном заводе грохнул торфозавод. Задание выполнил Евгений Езавитов.

Юрка дал последний сигнал, дождался, пока громыхнет и упадет декорация, и побежал к пианино.

Осторожно выглянул из-за занавеса. На сцене ответственные за взрывы Мстители продолжали стоять на местах. В зале слышалось оживленное шевеление и возгласы. Володя, заметив его, улыбнулся и кивнул. Юрка гордо выпятил грудь, скрылся за занавесом и чуть не согнулся от хохота — дали же они жару и пафоса, он сам такого не ожидал. Тут и грохот, и свет, и серьёзные лица ребят, и над всем этим Маша гордо колотит по клавишам «Интернационал».

— В тот день не поймали никого, — продолжала чтец. — Двенадцатого августа сгорел склад на станции — было уничтожено двадцать тонн льна, готового к отправке в Германию! Пожар охватил и продовольственный склад, уничтожил десять тонн зерна, предназначенных для фашистских войск! Незадолго до поджога на складе видели Илью Езавитова…

Олежка через всю сцену прошёл за кулисы. Остальные продолжали стоять.

— Илья успел уйти к партизанам. Его бегство окончательно убедило немцев, что в Оболи действует подпольная организация, а диверсии — дело рук не партизан, а местных.

— Власть отреагировала слишком вяло, — громко произнесла Зина Портнова. — Они задержали несколько подозреваемых в поджоге, но быстро отпустили. Они что-то замышляют! — Она встала и ушла следом за Олежкой.

Чтец произнесла завершающую фразу первого акта:

— Зина Портнова ушла в партизанский отряд имени Климента Ворошилова. Двадцать шестого августа гестапо арестовало почти всех подпольщиков и их семьи!

«Вот оно! Сейчас!» — Юрку затрясло. Он стоял рядом с пианино, прикрытый от зала кулисами, весь из себя выглаженный, причесанный, в идеально повязанном галстуке, белой рубашке, серых брюках, но в кроссовках, и дрожал. Маша как раз поднялась из-за инструмента, сердито зыркнула на Юрку, но тому было всё равно. Его колотило изнутри, а пальцы онемели, не разогнуть. Он знал, что сейчас Митька медленно и плавно закроет левую сторону, а правую, где стояло пианино, оставит открытой.

Юрка выглянул в зал, посмотрел на зрителей. Как их было много! Сколько раз он играл колыбельную при труппе и не боялся. Но ладно труппа — не сказать, что они прямо семья, но как ребята со двора — свои.

Перед днём рождения «Ласточки» он играл на эстраде, тогда любой проходивший мимо мог слышать: и Пал Саныч, и все вожатые, и даже пионеры, нарушающие тихий час. Но то была репетиция, его слушали единицы и простили бы, если бы он ошибся. А теперь всё… публика!

И только Юрка осознал, что будет играть её, «Колыбельную», при всех, в памяти сразу всплыли химзавивка и огромные очки, стол с экзаменационными бумагами, приговор… «Слабо!» Он — бездарность, он не справится. Если тогда готовился несколько месяцев, но не справился, что же будет сейчас?

Занавес поехал, и скрип троса означал, что пришёл черед Юркиного выхода.

«Вырвать бы к чёрту это дурацкое сердце, как Данко, тогда хоть дышать можно будет», — подумал Юрка, прерывисто вздохнул и шагнул к инструменту. Ватная нога согнулась и даже разогнулась, а пальцы все ещё нет.

Как хорошо было тогда на эстраде! Повариха гремела кастрюлями, физруки, развалившись на скамейке, разгадывали кроссворды. А главное — Володя стоял позади и мешал ему, закрывая руками глаза. Юрке совсем не было страшно… А сейчас было, хотя все они — и физрук, и повариха, и даже её кастрюли — были здесь, в кинозале. И Володя тоже — здесь.

Юрка, разминая пальцы, постарался сосредоточиться и представил, будто Володя стоит позади него, беззвучно хихикает — разве он вообще умеет хихикать? — и кладет тёплые ладони ему на глаза. Становится темно.

Юрка зажмурился — и правда стало темно.

«Соберись. Ты не на экзамене, ты на эстраде, все хорошо. Нет никакой химзавивки. В твоей жизни вообще никогда не было этой химзавивки, просто не было и всё! А Володя был. И всё это сейчас — для него».

Глубокий вдох. «Только не отводи от меня взгляда, ты обещал», — мелькнула полная мольбы мысль. Но Юрка знал, что она, обращенная

в никуда, все же достигнет адресата. Дрожь отпустила, чуть онемевшие пальцы ожили и начали слушаться.

Выдох.

Стоило коснуться клавиш — и исчезло всё: затихли голоса в зале, да и сам зал будто погрузился во тьму. Остался только один-единственный взгляд — Юрке не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать его. И осталась музыка.

Юрка играл как в тумане — тягучая медленная мелодия сменялась громкими отзвуками основной темы, и казалось, что сердце бьётся с ними в такт. Музыка заполнила всего Юрку, пробралась в самые потаённые закоулки души, разбередила, вынула оттуда всё: грусть, тоску, страх… любовь. Заставила вложить в каждую ноту по чувству и излить их мелодией, которая то нагнетала, то, становясь ласковой, успокаивала.

Юрка впускал в себя музыку, она проходила сквозь него, смывала эмоции. Он касался пальцами клавиш, вкладывал в них себя. Звуки говорили вместо него, и он знал, что тот, к кому обращены эти чувства, поймёт. Музыка рассказывала всё за Юрку: как он любит, как будет скучать, как не хочет расставаться и как невероятно рад тому, что повстречал *его*. Музыка обещала, что Юрка обязательно дождётся и будет надеяться даже тогда, когда надежды совсем не останется.

Он поднял руки над клавишами и только тогда понял — закончил. Из зала донеслись нарастающие овации, а Юрка не понимал, сколько прошло времени. Вздрогнул, повернулся к залу и тут же утонул в Володиных глазах — печальных и счастливых одновременно.

Заскрипел трос, занавес пополз, закрывая Юрку от зала. На край сцены вышла Полина и объявила:

— Конец первого акта. Антракт пятнадцать минут.

У Юрки так громко бухало сердце в груди, что казалось, его стук должны слышать все окружающие. Он справился? Он сыграл так, как надо?

Ответом ему стала зависть в Машиных глазах. Увидев, что Юрка заметил её взгляд, она тут же отвернулась. А Юрке сейчас было плевать на Машу. Ему хотелось смеяться радостно, счастливо и громко. Он закрыл рот руками и захохотал. Чтобы никому не показаться сумасшедшим, спрятался за угол рядом с занавесом.

Его схватили за локоть и куда-то потянули. Юрка обернулся — Володя!

— Эй, ты куда? Увидят же!

Но в коридоре за сценой было пусто — только из-за дверей подсобки доносился приглушённый галдёж актёров. Володя открыл двери хозяйственного помещения — небольшой продолговатой каморки, в которой хранился театральный реквизит. Втолкнул туда Юрку, закрыл двери и обнял его.

Юрка стоял руки по швам, вдыхал тяжёлый пыльный запах, часто моргал, пытаясь привыкнуть к полумраку, и не мог пошевелиться. Володя уткнулся носом ему в шею, шумно дышал, и его сердце билось так же громко и надрывно, как ещё минуту назад у самого Юрки после «Колыбельной».

— Спасибо, — выдохнул Володя.

Юрка сдержался, чтобы не хихикнуть от щекотки — Володя сказал это, обдав тёплым дыханием его шею. Ему было совсем не до смеха, было очень грустно.

Именно так Володя обнимал его — грустно и отчаянно. Сжимал крепко, мял в ладонях ткань Юркиной рубашки. Будто бы в последний раз, будто бы, если отпустит, то больше никогда не обнимет…

В горле застрял ком, глаза защипало. Юрка хотел что-то сказать или хотя бы высвободить руки и обнять Володю в ответ — и не мог сделать ничего из этого.

— Какой ты молодец, Юра! — сказал Володя, не отпуская его. — Отлично справляешься.

Юрка улыбнулся:

— Ну так у меня же нет выбора. Нужно же показать тебе, что на меня можно положиться и я могу самостоятельно принимать решения.

Володя отодвинулся на расстояние вытянутой руки и, держа за плечи, внимательно посмотрел на него:

— Я никогда и не говорил, что…

— Но ты так думаешь! Винишь себя в моих поступках, считаешь себя невесть каким злом… И решаешь за меня, что для нас хорошо, а что — плохо!

Володя ничего не ответил, только нахмурился. Юрка, понимая, что не место и не время сейчас расстраивать его ещё больше, снова потянулся, чтобы обнять.

Они простояли так почти весь антракт. Юрка не ощущал хода времени, а спохватился, только когда услышал топот за дверью.

— Начинается, тебе нужно идти, — с грустью прошептал Володя.

— Угу, — уныло протянул Юрка. — Володь, ребята обижаются, что ты на них не смотришь. Не делай так больше, ладно? Они же очень стараются.

Володя кивнул и убрал руки. Как бы Юрка ни хотел остаться здесь навсегда — в любимых объятиях, ему пришлось отпустить Володю и пойти помогать актёрам.

Он выбежал из подсобки к кулисам, когда как раз открывалась левая часть сцены. Декорации были всё те же: штаб. Все «Юные мстители» были внутри, в доме за столом. На ступеньках крыльца сидела Галя и, напевая «Во поле березка стояла», сматывала бинты. К ней подбежала Зина и чмокнула в щёку.

— У фельдшера скоро обход? — спросила она. А когда сестра кивнула, сказала весело: — Галка, я пошла на задание. Ты не волнуйся, я вечером приду.

Чтец произнесла:

— Зину направили установить связь с теми «Юными мстителями», кто остался в живых.

На сцену вышли деревенские — массовка почти в полном составе. Зина, оглядываясь, подходила к некоторым деревенским, делала вид, что спрашивает. Когда одни отрицательно мотали головами, Зина, опустив плечи, подходила к следующим, снова спрашивала и оглядывалась. Дойдя до центра сцены, остановилась. Услышав слова Чтеца, посмотрела, будто от страха широко открыв глаза.

— В тысяча девятьсот сорок третьем году тридцать из тридцати восьми участников подполья были схвачены и расстреляны. Пятого ноября в деревне Боровуха под Полоцком расстреляли Евгения Езавитова и Николая Алексеева. Через сутки Нину Азолину и Зину Лузгину. Фашисты пытались выбить из них информацию об участниках и планах подполья, но не добились ничего.

По мере того, как читался список убитых, актеры уходили со своих мест за столом. Опустевшие места скрывал собой медленно движущийся занавес. Последние оставшиеся в штабе и выжившие, Илья Езавитов и Фруза Зенькова, вскочили с мест и побежали сквозь толпу деревенских по авансцене и за кулисы.

— Куда ж вы смотрите, тут партизанка свободно по селу ходит! — вперед вышла девочка из массовки и указала на Зину. Её тут же схватили немцы.

Эпизод закончился. Занавес закрыл сцену.

Спектакль проходил отлично, самую трагичную сцену ребята отыграли как надо, с накалом. Из зала даже слышались всхлипы. Но у Юрки хорошего настроения уже не было. Последние десять минут с Володей в подсобке совсем огорчили, свели на нет всю радость от хорошо идущего спектакля и от идеально сыгранной «Колыбельной». И зачем он только вспомнил этот разговор в недострое?

Юрка потёр лоб, будто хотел призвать в голову уместные мысли, ведь дел было ещё немерено — скоро появится Краузе, скоро Юркин выход.

Он выглянул в зал. Володя смотрел на сцену, но во взгляде у него не было ничего — пустота. Пал Саныч позвал его, что-то спросил, Володя дёрнулся, закивал, наигранно улыбнулся.

Юрка спрятал свой галстук под рубашку, накинул на плечи заранее принесённый китель немецкого офицера и вышел на сцену — на пока закрытую занавесом левую часть. Уселся за стол, вальяжно откинулся на спинку стула. Странно, но совершенно никакого волнения он не испытывал. Будто бы все переживания и весь страх он оставил там, за пианино, а сейчас ему нужно будет просто отыграть свою роль, просто сказать несколько реплик…

Полина охрипшим от усталости голосом зачитала:

— В Горанах Зину держали больше месяца. Её долго и изощренно пытали. Шестнадцатилетнюю хрупкую девушку избивали, мучили допросами, морили голодом, но она держалась стойко. После месяца пыток и истязаний Зиной занялся новый гестаповский следователь — обер-лейтенант Краузе. Он резко изменил тактику допросов: больше Зину не избивали, стали даже лучше кормить, а Краузе вел вкрадчивые беседы, кончавшиеся предложением работать на гитлеровцев.

Занавес пополз, открывая сцену, немцы под локти вывели Зину и усадили её напротив Юры.

— Вы ведь из Ленинград? — начал он. — Ваш город давно взят, и если фройлен согласится оказать небольшие услуги гитлеровскому командованию, то можно устроить так, что она будет отправлена в свой родной город и сможет повидать родителей. У фройлен будет

обеспеченная жизнь, самые прекрасные перспективы, — разумеется, если она будет хорошим другом имперской армии.

Зина молчала и угрюмо смотрела на него. Юрка вынул из стола тяжёлый пистолет, повертел его в руке и изрек:

— Милая фройлен, в стволе этой штуки находится шесть маленьких тупоносых патронов. Всего одного патрона вполне достаточно для того, чтобы сделать ненужными все наши дискуссии и поставить последнюю точку в вашей жизни. Подумайте, милая фройлен, последнюю точку в человеческой жизни! — Зина пристально и долго, чтобы заметили зрители, посмотрела на пистолет. — Подумайте о том, что я вам сказал, фройлен, — повторил Юрка.

Он положил пистолет на стол. Не сводя с него взгляда, вытащил пачку сигарет из кармана кителя, достал одну. Зазвучал громкий, резкий звук торможения, Краузе-Юрка вздрогнул и обернулся назад к прицепленному рисунку окна. Выходило так, что он отвернулся от Зины. «Действуй, Настя! — подумал Юрка. — Хватай пистолет!»

Но Настя медлила, а у Юрки выдался случай снова увидеть Володю. Он успел посмотреть на него почти в упор.

На сцене разыгрывалось самое главное. Но у Насти не получилось быстро схватить пистолет — она очень волновалась за эту сцену, но, видимо, растерялась, заметив, что Володя смотрит не на неё. А смотрел он на Юрку. Поджав губы, нахмурившись, будто что-то болит, особенным взглядом — тяжёлым, измученным, с мольбой. Но, когда их глаза встретились, он всего на секунду приподнял уголки закушенных губ.

Портнова схватила пистолет и тут же выстрелила в Краузе. Юрка рухнул без притворства, с грохотом, ударившись затылком об пол. В зале ахнули, Володя привстал. Скривившись от боли, Юрка поднялся и улыбнулся залу — точнее, худруку, дав понять, что всё в порядке. Но затылок болел, наверное, будет шишка.

На выстрел почти мгновенно прибежал немец Сашка — это была его вторая смертельная роль. Очевидно, весь зал догадался, что сейчас будет. Вторая пуля досталась ему, а когда Портнова переступила через стонущего солдата, на сцену выбежала массовка — немцы с автоматами наперевес. Портнова бросилась прочь, но раздались выстрелы, и Зина упала — ей прострелили ноги. Оставив пулю и для себя, Зина приставила пистолет к груди, нажала на курок, но вышла

осечка. Ей не дали снова выстрелить — схватили и потащили за кулисы. Занавес закрылся, Маша заиграла «Интернационал».

— Девочки, краска готова? — поднимаясь с пола, крикнул Юрка актрисам. Те кивнули, посадили Настю-Портнову на заранее принесённый стул, накрыли её одежду целлофаном и стали шустро намазывать белой гуашью волосы, а серой — глаза.

Декорации места расстрела приготовили очень быстро: поверх прикрепленного к заднику деревенского фона прицепили рисунок кирпичной стены. Всё. Это была единственная декорация последней сцены спектакля. Заранее согнали массовку: деревенские встали подальше по краям, в центре сцены у расстрельной стены встали немцы.

Среди фашистов считал ворон Ванька, который должен был выводить Портнову на расстрел. Юрка ругнулся, крикнул ему, а тот не заметил. Соседи дёрнули Ваньку за рукав, он посмотрел на Юрку, но занавес уже поехал в стороны. Юрка снова ругнулся, схватил висящий на спинке стула китель Краузе, быстро накинул и сам вместо Ваньки повёл Портнову на казнь.

Полина говорила:

— В застенках полоцкой тюрьмы Зину жестоко пытали: вгоняли иглы под ногти, прижигали раскаленным железом, выкололи глаза, но Зина выдержала пытки и не предала своих товарищей и Родину. Слепая, она нацарапала гвоздиком на стене своей камеры рисунок: сердце, а над ним девочка с косичками и надпись «приговорена к расстрелу». Через месяц издевательств, утром десятого января тысяча девятьсот сорок четвертого года, семнадцатилетнюю Зину, слепую и совершенно седую, вывели на казнь.

Настя шла, хромая и спотыкаясь. На последнем настоял Юрка — Зине прострелили обе ноги и вряд ли их вылечили. Портнова встала у стены, Юрке передали игрушечный автомат, музрук включил пулеметную очередь. Зина упала.

В зале и на сцене стояла полная тишина. Маша, выдержав паузу, заиграла «Лунную сонату».

Полина произнесла последние слова спектакля:

— В Оболи, где жили «Юные мстители» и с ними Зина Портнова, было расквартировано две тысячи немецких солдат. Подпольщики узнавали о размещении огневых точек, о численности и перемещении

немецких войск. Несколько десятков вражеских эшелонов с боеприпасами, техникой и живой силой не дошли до фронта, сотни автомашин со снаряжением подорвались на минах, установленных «Юными мстителями». Уничтожили пять предприятий, которые немцы собирались активно использовать. В обольском гарнизоне, который считался тыловым, несколько тысяч гитлеровцев нашли смерть от рук «Юных мстителей». «Здесь так же страшно, как на фронте», — писал домой немецкий солдат. В Великой Отечественной войне погибло тринадцать миллионов детей. Из тридцати восьми «Юных мстителей» было казнено тридцать человек, среди выживших остались Илья Езавитов и Ефросинья Зенькова. Зинаиде Мартыновне Портновой в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году было посмертно присвоено звание пионера-героя. Указом Президиума Верховного Совета СССР от первого июля тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года — звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина.

Полина ушла со сцены, занавес закрылся. Через несколько секунд тишины зал взорвался громкими овациями.

* * *

Когда зрители разошлись, в театре осталась труппа и начальство. Юрка уныло смотрел на бардак, оставшийся за кулисами после спектакля, и думал, кто и когда будет всё это прибирать.

Но пока было не до этого. На сцену к актёрам поднялись Володя, Ольга Леонидовна и Пал Саныч. Воспитательница была довольна, улыбалась.

— Молодцы! Спектакль получился очень хорошим! За такие короткие сроки я ожидала худшего… — похвалила она, но тут же добавила пару ложек дёгтя: — Только одно, но очень существенное замечание — показалось, что ваша Портнова не ушла к партизанам, а позорно сбежала, предав товарищей.

У Юрки дёрнулась правая ноздря, он еле сдержался, чтобы не высказать все, что думает — вот знала же Ольга Леонидовна, как испортить настроение! Но усталый взгляд Володи мигом его приструнил.

Директор же не скрывал своего восхищения:

— Гм… — он хлопнул в ладоши. — Замечательно сыграли, молодцы! Особенно отмечу работу в сцене со взрывами заводов. Кто у

нас режиссер-постановщик?

Несколько взглядов метнулось к Юрке, но он пожал плечами:

— Мы все вместе это продумывали.

— Гм… Что ж, командная работа — вдвойне отличная работа!

— Да, Володя, ты большой молодец! — всё же раздобрилась Ольга Леонидовна. — У тебя получилось собрать и организовать всех…

— Спасибо, конечно, но это всё — наша общая заслуга. И вы очень сильно помогли с массовкой, а я так вообще весь спектакль в зале просидел.

— Мы бы без Юрки не справились! — внезапно вклинилась Ульяна. — Он бегал за кулисами как заводной, всем помогал и всё контролировал!

— И на пианино очень красиво играл! — поддакнула Поля.

— И не растерялся, когда Ванька затормозил с расстрелом Зины! — добавила Ксюша.

Юрка сперва опешил, потом почувствовал, как к щекам приливает краска. Его редко хвалили, а тем более вот так — перед начальством, да ещё и кто — ПУКи! Не зная, как реагировать, он растерянно посмотрел на Володю — тот улыбался.

— Да, Конев, приятно удивляешь! Не то, что в прошлом году, — сказала Ольга Леонидовна. — Дружба с Володей влияет на тебя положительно!

Сбоку возмущенно засопели. Юрка зыркнул туда и увидел насупленную, зло глядящую на воспитательницу Машу.

— Ну! В честь такого события… — Пал Саныч ещё раз хлопнул в ладоши и обернулся к Матвееву. — Алёша, неси аппарат! В честь такого события, будем… гм… фотографироваться!

Алёша кивнул и убежал куда-то за кулисы. Вернулся спустя минуту. Сунул директору в руки фотоаппарат:

— Пал Саныч, может быть, лучше я? Вы же знаете, у меня опыт…

— Нет уж, Алёша, оборудование новое, дорогое, позволь я сам.

Рассмотрев фотоаппарат так, будто держит НЛО, Пал Саныч кивнул самому себе с очередным одобрительным «гм» и стал расставлять ребят:

— Так. Те, кто повыше в центр, кто пониже — садитесь на скамейку. Нет, ты, Саша, встань с краю к Юре. Вот… Володя, постой,

ты куда? Давай-ка тоже на скамью в центре. Конев, куда побежал за ним? Стой на месте!

— Подождите меня! — крикнул из-за сцены Митька. — Я сейчас, это, кофту переодену…

— Ой, Митьку Баранова забыли! — хором пискнули девочки.

Митька вышел из-за кулис с глупым видом: растерянный, потный, растрёпанный, с Юркиной красной кепкой в руках. Юрка, только заслышав о том, что будут фотографироваться, вытащил галстук из-под рубашки и расправил его на груди. Но, оглядев себя, подумал, что пионерский галстук с фашистским кителем не вяжется, и бросил пиджак Митьке.

— А это мне, — сказал, забрав у него кепку и нахлобучив себе на голову козырьком назад. Довольный, будто кепка с галстуком — это вяжется.

Митька встал рядом с Юркой. Тот шмыгнул носом и задержал дыхание — понял, зачем тот переодевался, явно сильно упрел, работая с занавесом.

— Приготовились… — завёл директор.

Юрка заметил, как Володя качнул головой, будто сплюнул. Вскочил и, отодвинув Митьку, встал рядом с Юркой.

— Володь… гм… Ну что это? — засвистел с укором Пал Саныч.

— Пал Саныч, так же даже лучше! — заверил Володя.

— Гм… а, ну да. Так даже, да. Так лучше. Итак. Приготовились. Три. Два. Один. — И щёлкнул камерой.

Глава 17

Прощальный костёр

После спектакля небо прояснилось, так и не разродившиеся дождём тучи унесло на восток, а по всему лагерю из колонок полилась музыка. Добрые, светлые и лирические детские песни из кинофильмов и мультфильмов звучали во время и после обеда, замолчав только перед самым началом линейки, чтобы дать старшему пионервожатому Славику скомандовать:

— Лагерь! Внимание! На торжественную линейку, посвящённую закрытию смены, шагом марш!

Нарядные, в белых рубашках, красных галстуках и пилотках, отряды стройными колоннами по трое двинулись на площадь. Первый возглавляли две девушки: веселая, как никогда красивая Ира Петровна и командир отряда Маша. А очень ответственную миссию, нести знамя отряда, доверили Юрке.

Гордый, причёсанный и опрятный, в белых перчатках, Юрка жаждал поскорее увидеться с Володей — его никогда не удостаивали такой чести, он никогда не надевал перчаток, никогда не шёл впереди колонны и никогда так не гордился собой. Заняв своё место на линейке, Юрка уставился на пятый отряд, который ступил на площадь, замыкая длинную цепочку идущих. Приятное тепло разлилось в груди, когда он заметил трогательно взволнованного Олежку, чьи стиснувшие знамя руки заметно дрожали. Юрка переметнул взгляд на не по-детски серьёзную Алёну, которая в спектакле играла маленькую девочку — Галю Портнову, а на деле являлась командиром отряда. И очень надолго взгляд задержался на торжественно-серьёзном лице Володи. Юрка легонько кивнул ему, когда тот, заметив его, чуть приподнял брови и улыбнулся.

Яркие солнечные лучи, пробиваясь сквозь редкие облака и листву деревьев, сквозь листочки на Юркиной яблоне, падали на украшенную флажками площадь. Зина Портнова, чистая и белая, строго взирала с пьедестала на построенных буквой «П» пионеров. За ней на флагштоке

гордо реял флаг лагеря — красная ласточка на фоне лазурного полотна. А над головой в чистом небе белые зонтики парашютов опускались по синеве вниз. Вдалеке, почти у самого горизонта, сбросивший парашютистов самолет чертил белую полосу, похожую на размах ласточкиных крыльев на флаге.

— Внимание, лагерь! Равняйсь! Смирно! — выкрикнул Славик. — Вольно! Командирам отрядов приготовиться и сдать рапорт!

Маша, а за ней командиры всех остальных отрядов выстроились перед трибуной, на которой стояли Пал Саныч и Ольга Леонидовна, и стали по очереди выходить из строя, сдавать рапорты.

— Товарищ председатель дружины, первый отряд на линейку, посвящённую закрытию второй лагерной смены, построен, — вскинув руку в пионерском салюте, чётко и громко произнесла Маша. — Рапорт сдала командир первого отряда Сидорова Мария.

— Рапорт принят, — отсалютовав, ответил старший пионервожатый.

Когда все рапорты были сданы, а открывший линейку директор закончил свою речь, слово передали Ольге Леонидовне. Она говорила куда искреннее, чем на открытии смены, но год от года завершала свою речь одними и теми же словами:

— Ласточка — птица, которая каждый год возвращается из тёплых краёв в родное гнездо… — Это была аллюзия на возвращение пионеров в лагерь — что они обязательно вернутся сюда в следующие смены.

Старшая воспитательница с улыбкой на губах окинула непривычно ласковым взглядом пионеров. Она обращалась ко всем без исключения, но Юрка знал: он сюда больше не вернётся.

По грампластинке зашелестела игла, из колонок, скрипя и фальшивя, зазвучала знакомая с детства каждому советскому человеку мелодия — гимн пионерии. Руки всех присутствующих взметнулись в пионерском салюте. Юрка смотрел на спуск флага и пел со всеми: «Взвейтесь кострами, синие ночи».

Он продолжал считать эту песню бессмысленной и высокопарной, но теперь уяснил другое: важность этого гимна была вовсе не в словах, а в сплочении. Пение гимна должно было объединить всю от мала до велика «Ласточку». И пели действительно все: старые, по мнению Юрки, коммунисты, молодые — комсомольцы, юные — пионеры и

малыши-октябрята из пятого отряда, а с ними их вожатый Володя. Он стоял напротив, смотрел на Юрку и улыбался — ласково, но грустно. Юрка ненароком подумал, что Володя и вовсе разучился улыбаться без грусти — и от этой самой особенной и доброй в мире улыбки у Юрки защипало глаза.

Он устал думать о расставании, устал горевать. Красные после полубессонной ночи глаза резало, напряжение после спектакля и усталость давали о себе знать. А погоде, будто вопреки всякой грусти, прибавили яркости, но она вовсе не радовала Юрку. Погода будто призывала наслаждаться последним днём, как бы говоря ему: «Такого больше никогда не будет».

«И правда не будет», — согласился Юрка. Следующим летом он не поедет в пионерлагерь, он больше не будет петь этот гимн и больше никогда не наденет этот галстук. Не счесть, сколько раз Юрка надеялся, что повязывает его в последний раз, — чем старше становился он, тем ненавистнее становилась для него она, эта удавка. Юрка со средних классов не испытывал гордости от ношения пионерского галстука и, только представлялся случай, старался избавиться от него, чтобы все думали, что Юрка взрослый. А когда он на самом деле стал взрослым, всё перевернулось вверх дном. Наступило сегодня, день, когда с давящей грустью он понял, что не вернётся в пионерлагерь из-за той самой взрослости, к которой когда-то так стремился. Вожатым он не станет из-за поведения и оценок, и шанса хотя бы отчасти вернуться в детство уже не будет. Его детство кончилось.

Оно ушло не тогда, когда Юрка снял галстук и забросил игрушки, и даже не тогда, когда впервые столкнулся с несправедливостью и позволил забрать у него музыку. Детство кончилось недавно — этим летом в «Ласточке», когда он встретил Володю. Любовь поглотила его всецело, со всеми мыслями и эмоциями, отключила органы чувств, да так, что Юрка не услышал — он-то с его-то слухом, — как тяжёлая дверь в детство, лязгнув, с грохотом захлопнулась за спиной.

Стоя на лагерной площади, на последней в его жизни пионерской линейке, Юрка понял, что с этих пор он больше не сможет её открыть, хотя будет знать, где ключ и что этот ключ такое. Детство — время, когда жизнь понятна и проста, когда есть чёткие правила, когда есть ответ на каждое «почему» и «что будет, если». В простоте и

понятности и есть ключ к детству. А Юрка перестал быть понятным самому себе, когда полюбил. Он столкнулся с вопросами, ответы на которые не сможет дать никто. И ни к кому нет доверия, даже к родителям, даже к докторам вроде тех, к которым хотел обратиться Володя.

Теперь-то ему стало ясно, зачем взрослые идут в пионервожатые, почему столь искренне поют «Синие ночи» и гордо носят галстуки и пилотки — всё для того, чтобы оказаться пусть не в самом детстве, но хотя бы очень-очень близко. А Юрку сюда больше не пустят ни вожатым, ни отдыхающим.

Впервые за пять лет он запел со всей искренностью: «Клич пионеров — всегда будь готов» — и флаг опустился.

Линейка закончилась, из динамиков разнеслись нежно-грустные слова песни из Юркиного любимого фильма «Пассажир с экватора». «Кто тебя выдумал, звёздная страна?» — пела Елена Камбурова, пока отряды собирались кучками. Только отдал Ире Петровне белые перчатки, Юрка сразу отошёл от своего и отправился к тайнику у недостроя, оглядываясь по сторонам — не следит ли опять за ним Маша или Пчёлкин, но октябрятам и пионерам на площади было не до Юрки.

Он спускался по аллее пионеров героев к перекрестку, где даже издалека виднелась нетронутая любимая «В» в яблоке. Юрка думал об этой «В» и об этом «В», и тут Володя, лёгок на помине, догнал его.

— Юра! — он подошёл к нему, слегка запыхавшийся. — Ты куда?

— Я… — замялся Юрка. На самом деле он хотел снова пойти побаловаться папиросами, но вспомнил, как обещал Володе, что больше не будет. А потом вспомнил и о том, что сам же нарушил это обещание. Но в этот раз обманывать Володю казалось Юрке совершенно неправильным, и он признался: — Иду достать пачку папирос из заначки.

— Юра! — осуждающе протянул Володя. — Ты же…

— Да я помню, что обещал больше не курить. Поэтому я сейчас пойду, достану её и выброшу! Честно.

Володя одобрительно кивнул, покачал головой и хмыкнул:

— Ну… Молодец. — И резко сменил тему: — Совсем не верится, что завтра мы уже разъедемся, правда?

Юрка нахмурил брови:

— Не надо. Я не хочу ни говорить, ни думать об этом. Совсем.

— Ладно. Тогда сразу к делу. Я тут вспомнил, как после последнего звонка наш класс заложил под деревом в школьном дворе послание для будущих выпускников…

— Капсула времени? И что вы там написали?

— Рассказали о нашем времени, о наших целях, о том, что мы делаем для строительства коммунизма и что делают другие. Завещали помнить подвиги советского народа. Но я не про послание от нашего выпуска хочу поговорить. Давай оставим своё такое же?

— Будущим строителям коммунизма?

— Нет, — усмехнулся Володя. — Конечно, себе.

— Будущим себе? — Юрка воодушевился. — Это будет здорово, но я совсем не знаю, что написать.

— Даже не обязательно письмо, просто памятные вещицы… Например, сценарий спектакля — мою тетрадку с записями… Подумай, что ещё можно? Мы положим всё это в капсулу, а потом, лет через десять, встретимся здесь и вскроем. Представь, как будет интересно совсем взрослыми, можно сказать, состоявшимися людьми держать в руках вещи из смены, когда мы были вместе в «Ласточке». Какая хорошая память об этом лете!

— Да, что-нибудь важное для нашей… дружбы? Для нас… Ноты! — сообразив, воскликнул Юрка. — Я могу положить туда ноты «Колыбельной»! Может быть, через десять лет это всё ещё будет важным.

— Конечно будет! Особенно когда ты станешь пианистом, — Володя хитро сощурился. — Но всё равно ты ещё подумай, что можно там оставить, а мне бежать пора.

— Но где и когда? — спросил Юрка, понизив голос. Они стояли на аллее одни, но ему было тревожно — вдруг кто-нибудь шпионит в кустах? — Вечером? Давай смоемся с костра — там будет такая суматоха, что нашего отсутствия никто не заметит…

— Да, скорее всего, на костре — у меня ещё дел выше крыши, — в тон ему, почти шёпотом ответил Володя. — Но лучше не сбегать, я попробую отпроситься, если получится.

— Но где, Володь?

— Ива, — шепнул он. — Мы подойдём к броду через лес.

— Ночью был дождь, река, наверное, разлилась.

— Проверишь? Мне сейчас бежать надо, на ужине встретимся. И смотри, не забудь вечером принести вещи для капсулы.

— Я не забуду, — пообещал радостный Юрка — они проведут этот вечер вдвоём!

* * *

Как скоротать время? Чем заняться до вечера? Как до него дожить? Несправедливо — время, вещь, драгоценнее которой для Юрки ничего не было, приходилось тратить впустую, пытаясь увлечь себя любой ерундой, лишь бы не думать о расставании. Собирать сумку было ещё рано, к тому же сборы заняли бы не больше получаса — Юрка привёз с собой не так много вещей. Пройтись по лагерю, попрощаться с «Ласточкой», а потом проверить реку?

Размышляя, что положить в капсулу времени, Юрка отправился гулять. Смотрел по сторонам и думал, но только его взгляд падал на до боли знакомые места, он сразу терял мысль. Вот кинозал, с которым было связано так много, вот щитовые в зелёных зарослях сирени, вот карусели, недавно тонувшие в белом пуху одуванчиков, а теперь снова укрытые зелёно-жёлтым покрывалом. Спортплощадка — вокруг суетились люди: кто-то обменивался адресами, по старой традиции записывая их шариковыми ручками прямо на пионерских галстуках, кто-то сидел в обнимку, прощался. Несмотря на толкотню, здесь царил необычный для пионерского лагеря покой. Ребята выглядели притихшими и печальными, говорили негромко, ходили, а не бегали. «Наверное, силы для костра берегут», — хмыкнул Юрка, но спокойно стало и ему. Только одно настораживало — с окончания линейки он ни разу не встретил Машу. Оглядываясь, Юрка в течение всей прогулки не увидел её силуэта вдалеке и не услышал голоса. «Может, что-то задумала?» — с тревогой в голосе вслух прошептал Юрка и отправился дальше.

Со скамеек у корта доносились звуки музыки — там стояло то самое радио, которое они с Володей брали в свои походы. Радио перебивало звучащую из лагерных колонок песню, а столпившиеся вокруг ПУКи, Митька, Ванька и Миха поочередно выкручивали ручки, чтобы избавиться от помех. Юрка провёл рукой по рёбрышкам металлической сетки корта, легонько толкнул её, сетка звякнула. Он

даже не вспомнил, как в середине смены здорово отыграл в бадминтон, злясь на Володю после разговора о взрослых журналах.

«Время пройдёт и…ы забудешь всё, что…ыло с тобой у …ас. С тобой…» — шипя и прерываясь, доносилась из магнитофона песенка из «Весёлых ребят», которая Юрке уже оскомину набила.

— Юра! Конев, иди к нам! — замахала Полина руками. — Давай мы и тебе на галстуке что-нибудь напишем!

Юрка подумал — ну а почему бы и нет? Пусть будет от них память! Снял галстук, протянул девчатам, они в ответ дали ему свои и поделились ручкой.

Юрка, не задумываясь, написал на каждом, не разбирая, где чей:

«Спасибо за лучшую смену в „Ласточке“. Конев, вторая смена 1986 года».

Но вдруг его кольнула совесть — девчонки ему что-то выводили, старались, сочиняли.

— Что написать ему, Поль? — спросила Ксюша.

— Я написала: «Вдохновения нашему пианисту!»

— Тогда я напишу: «Лучшему подвожатнику. Так держать!»

Юрка засмущался. Он заметил, что за эту смену ПУКи очень изменились. Или изменился всё же сам Юрка, а девчата были такими всегда? Вдруг они перестали казаться занозами и змеями, ну разве что самую малость. И Юрке подумалось, что надо спросить у них хотя бы номер школы, в которой учатся, ведь они тоже живут в Харькове. И у Ваньки с Михой спросить, и у Митьки.

Он и спросил.

— В тринадцатой, — почти хором сказали девчата.

— О, а мы в восемнадцатой, — услышав их, обрадовался Ванька, — тоже Ленинский район! Недалеко!

— Правда? Да это же район ЮЖД, можно будет как-нибудь погулять вместе! У вас есть телефоны?

Юрка сдержался, чтобы не присвистнуть — нет, ПУКи действительно изменились! Раньше они нос воротили от Ваньки и Михи, а сейчас, кажется, даже заигрывают.

— Кстати, Юр, ты мне один адрес обещал, — подмигнув, протянула Ксюша.

— Кого? — вклинился Миха.

— Чей? — поправил его Ванька.

— Вишневского, — хмыкнула Ульяна, а Ксюша насупилась.

— Ну… у меня есть, — заявил Митька, похлопав себя по карману. — С собой… Да. И телефон, — добавил он, видя замешательство на лицах ребят.

Митька в последний день смены явно осмелел — только закончил диктовать Ксюше адрес, как отвёл Ульяну в сторону и зашептал ей на ухо что-то такое, отчего та принялась улыбаться и млеть.

— Смотри-ка, Поль, — Ксюша лукаво улыбнулась и кивнула в сторону парочки.

Предвидя какой-нибудь нахальный выкрик со стороны Ксюши, Юрка проявил мужскую солидарность и решил её отвлечь. Вот только чем?

— Кстати, Ксюш, ты не знаешь, где Маша?

Юрка мигом сообразил, что может убить двух зайцев одним выстрелом: и Митьке подсобить, и получить ответ на мучивший вопрос.

— А что, уже соскучился? — ухмыльнулась Змеевская. — А вы с ней случайно не того?

— Что?! Я с ней? — вспыхнул Юрка. — Да никогда!

— Да ладно тебе. Вы же всё время вместе.

— Да я только рад, что её нет. Не представляешь, как заколебала!

— Ну-ну, «мы с Тамарой ходим парой, мы с Тамарой санитары»? Видно ведь, что…

— Мы видели Машу на площадке для костра, — негромко произнесла Поля, перебив Ксюшу.

Но Змеевская, очевидно, собиралась поддеть Юрку ещё раз и снова, хитро прищурившись, открыла рот.

Но и на этот раз её прервали. С площадки, где девочки из пятого отряда под контролем Лены играли в бадминтон, донёсся до боли знакомый детский голос:

— Ты ведь что-то недоблое опять плидумал!

«Ну вот, — подумал Юрка, — звонкого „р“ как и не бывало!»

Прямо по корту, мешая девочкам играть, путаясь между ними, несся Пчёлкин, а его догонял Олежка.

— Эй, Юла! — завидев Юркину компанию, Олежка бросился к ним и чуть не врезался в Ваньку. — Юла! Я видел, как Пчёлкин

стылил с кухни спички! — запыхавшийся Олежка выглядел очень обеспокоенным.

Но Пчёлкина уже и след простыл, а к их компании подкатился жующий что-то Сашка и сердитая — руки в боки — Лена.

— Что опять случилось? — спросила вожатая у Юрки.

Он пожал плечами:

— Олежка говорит, что Пчёлкин снова диверсию задумал, спички с кухни украл.

Лена закатила глаза и вздохнула:

— Ну проказник! Заколеб… — начала она и замолкла на полуслове. Но под лукавыми взглядами ребят добавила: — И в последний день покоя не даст!

Юрка ухмыльнулся:

— Ему бы в инженеры-конструкторы податься, вечно что-то мастерит, Самоделкин.

— Лишь бы его самоделки ничего ему не оторвали! Юр, сходи, пожалуйста, за Володей, скажи ему, а? Я тут отряд не могу бросить.

— А где он? Почему ты одна с детворой?

— Он в лесу, помогает площадку для костра готовить.

Юрке не хотелось идти за ним. Перед смертью не надышишься, а рядом с Володей дыхание собьётся окончательно: не вспомнишь потом, как это — дышать. К тому же народу там собралось много, да ещё и эта шпионка Маша явно крутилась возле него… И что же Юрке останется — опять только смотреть на него, как было все эти дни? А сегодня, в последний день смены, вконец замучиться от мыслей о разлуке? Нет, ему так только тяжелее. Но Лене-то отказать нельзя!

— Кстати, а почему вы, здоровые лбы, сидите тут, вместо того чтобы помочь вожатым делать костёр? — нахмурилась Лена.

Она так сильно напомнила Иру Петровну, когда та не в духе, что Юрка даже растерялся. Он и не ожидал, что она тоже может быть по-вожатски строгой.

— А нас никто и не звал, — виновато промямлил Миха.

— Разве помощь нужна? — удивился Ванька.

Юрка заметил боковым зрением, что Митька с Ульяной, пытаясь удрать, пятятся назад, в кусты.

— Помощь всегда нужна! Марш на костёр, — рявкнула Лена и крикнула вдогонку удаляющейся компании: — И Володе передайте

про Пчёлкина!

Юрка твёрдо решил, что не пойдёт на костёр. Объяснился с ребятами и направился к тропинке, ведущей к реке. Но вдруг, повинуясь внезапному порыву, вернулся к Олежке, положил руку ему на плечо и сказал:

— Ты большой молодец! Я верю, что из тебя получится отличный пионер, а потом — лучший комсомолец!

Олежка расплылся в широченной, гордой улыбке и заявил:

— Спасибо, Юла! А из тебя получится отличный фолтепианист! Я тоже в тебя велю! Обещай, что не блосишь музыку, а я тогда пообещаю, что не буду как ланьше лениться на занятиях с логопедом, а буду сталаться изо всех сил!

— Ладно, обещаю!

— И я обещаю!

Юрка подмигнул ему, потрепал по волосам и пошёл к реке.

Вышел с кортов и не торопясь отправился вниз по дорожке, ведущей к пляжу. В голове было пусто, на душе — почему-то тихо. Юрка будто замер и онемел изнутри, но это состояние ему нравилось. Он просто брёл через подлесок, шагал по квадратным плитам.

Впасть в отчаяние ему не давала надежда. Яркая и тёплая, она горела в нём, как факел в кромешной темноте. Юрка был уверен — они обязательно встретятся. И пусть это случится уже не в летней «Ласточке», а в сером и пыльном городе. Да где угодно, ведь главное — с Володей! И Маши там не будет, и никто не запретит Юрке быть рядом так, как он того хочет.

Когда дорожка из серых бетонных плит закончилась, перед Юркой открылась узкая песчаная тропинка, недлинная, метров десять, и ровная. Он спустился по ней на пляж. Свернув к лодочной станции и собираясь сократить путь до ивы, Юрка не смог пройти мимо памятного места. Он отодвинул деревянную калитку, скрылся в складском помещении и вышел через него на скрипящий под ногами пирс. На воде покачивались лодки. Юрка устремился к той самой, в которой они с Володей прятались от дождя. Казалось, что это случилось целую вечность назад, но до чего же отчётливо помнился тот поцелуй. Юрка коснулся кончиками пальцев губ — от воспоминаний их будто согрело тёплым дыханием.

Чтобы развернуться и уйти со станции, потребовалось сделать над собой усилие. От мыслей, которые нахлынули на него здесь, было одновременно и сладко, и больно. Вот, что хотелось оставить в капсуле времени — все эти моменты: лодку под брезентом, поцелуи в занавесе, Володины тёплые слова, его радостную улыбку и тихие, но такие честные признания… Оставить, закрыть крышкой и закопать в землю, чтобы не сомневаться, что сохранится и не забудется. Чтобы через десять лет, встретившись вновь, достать всё это и снова оказаться тут — в последнем лете уходящего детства.

До ивы Юрка добрался без проблем — ночной дождь, вопреки опасениям, не намного поднял уровень воды в реке, но, чтобы перейти брод, Юрке пришлось высоко задрать шорты. Земля под ивовым куполом была сырая, потому что редкие лучи, пробивающиеся сюда, ещё не успели её прогреть и высушить.

Время близилось к ужину, но Юрка не хотел возвращаться. Хотел сидеть здесь один, совсем один, и незряче смотреть на реку. Он с изумлением заметил, что в ней поразительно много движения: ленивое течение, плавные перекаты волн и яркие вспышки вечернего солнца на них. Он думал, что всё это будто бы не хаотично и бессмысленно. Гадая, как определить системность и взаимосвязь волн в течении реки и какой тут вообще может быть смысл, Юрка остался на берегу до самого горна. Но потом всё же поднялся с земли и решил вернуться — обещал же Володе сообщить.

Пока перебрался обратно через брод и дошёл до лагеря, новый звук горна оповестил о конце ужина. Юрка бросился к столовой. В выходящей на улицу толпе заметил Володю — тот, окруженный мальчишками из своего отряда, оглядывался по сторонам, а увидев Юрку, махнул ему рукой.

— Держи, — Володя протянул ему два пирожка с маком. — Почему на ужине не был?

Юрка сглотнул слюну — до этого он и не замечал, что нагулял такой аппетит.

— Спасибо! — И тише добавил: — К иве ходил. С бродом всё в порядке, но земля под ивой холодная и сырая.

— Понял. Я договорился с Леной, чтобы она одна малышей увела с костровой и спать уложила. Кое-как, но отпустила, так что всё в

порядке. Немного посидим на костре со всеми, а потом пойдём с капсулой к иве. Только у Ирины отпросись!

Из столовой вышла Маша. Заметила их, стоящих рядом, насупленно зыркнула прямо на Юрку. Но тот лишь закатил глаза и, вспомнив, спросил у Володи:

— Тебе про Пчёлкина доложили? Про его диверсию…

Володя улыбнулся:

— Ага. На самом деле там весело вышло: Алёшу Матвеева попросили взять спичек, чтобы принёс, когда костёр будем разжигать. Про это каким-то образом узнал Пчёлкин, стырил их на кухне и понёс нам. А Олежка решил, что Петя планирует диверсию, и захотел поймать хулигана. Олежка, оказывается, тот ещё партизан! Видимо, в роль вжился.

— Надо же! Пчёлкин? И помог? Как-то подозрительно.

— Я тоже сперва так подумал. Но потом Пчёлкин заявил, мол, несправедливо, что все лавры достались Рылееву — тот и в спектакле молодец, и все его со вступлением в пионерию поддерживают и хвалят. А Петя тоже так хочет, и его тоже есть за что хвалить.

— Ух ты! Как ты его воспитал! — Юрка хихикнул.

— Да я-то что? Вряд ли я…

— Да-да, — Юрка горячо закивал. — Ты же вожатый, можно сказать — старший брат. Ты им пример подаёшь. Все люди меняются, а когда рядом такой вожатый, как ты, меняться можно только в лучшую сторону.

На Володиных щеках заиграл румянец, а Юрка смутился. Он хотел бы сказать ему другие слова, среди которых, конечно же, не было бы «вожатый» и «старший брат». Но рядом сновали люди. И Маша. Юрка только попробовал сказать «люблю», не произнося этого слова, но эта проклятая конспирация уже ему опостылела.

* * *

«Взвейтесь кострами, синие ночи…» — пели пионеры.

Наступил вечер, и он действительно был синим. А костёр без преувеличения взмывал в чернильное небо, разбрасывая искры так высоко, что они мешались со звёздами — не сразу и догадаешься, искра потухла или сгорел метеор.

Отряды долго собирались в строй, долго шли на обширную поляну в лесу и долго рассаживались на расставленные кругом скамьи.

Открывающую песню, гимн смены, уже спели и теперь снова затянули «Синие ночи», сидя как первоклассники с прямыми спинами, ручки на коленки — шла официальная часть. Пока администрация в лице директора, старшей воспитательницы, физруков, музрука и других взрослых присутствовала на прощальном костре, пионеры скучали и чувствовали себя скованно. Но Юрка знал: скоро они уйдут и начнётся не то чтобы разгул, но станет поживее. Пока даже подняться с мест не давали, только и оставалось — петь и искать глазами Володю.

Как полагалось, пятый отряд посадили по левую руку от руководства, а первый — по правую. Так что тянуться, выглядывая, Юрке не приходилось, только голову чуть поверни. Володя на него не смотрел. Его строгий взгляд был обращен на малышей из отряда, но те сидели смирные и грустные — им тоже, наверное, не хотелось расставаться с друзьями. Но они-то ещё обязательно вернутся сюда!

Вскоре руководство пожелало всем хорошего вечера и удалилось. Перед уходом Ольга Леонидовна пригрозила, что если пионеры вернутся в лагерь позже одиннадцати, а октябрята — половины десятого, не возьмёт на следующую смену.

Все присутствующие вмиг оживились, пересели так, как им хотелось, но не разбивая отрядов. Кто-то достал гитару. Инструмент гулял между несколькими умеющими играть ребятами. Сперва пели веселые детские песенки — и было действительно весело. Потом перешли на эстрадное. ПУКи хором потребовали «Модерн Токинг», но, как оказалось, если кто-то и знал ноты, то никто толком не знал слов. Володя предложил «Машину времени», на что получил возмущенные «фу» от большей половины пионеров. А Юрка ничего не предлагал. Поэтому пели опять Пугачеву и «Веселых ребят».

Несмотря на всё это показное веселье, грусть буквально рвалась наружу, как бы Юрка ни пытался упрятать её поглубже. И грустно было не только ему, а большинству присутствующих. Ведь этот вечер последний не только для него, а для всех, и все грустили вместе с ним.

Последний вечер особенный многим: все становятся добрее и мягче, все стремятся думать о самом главном и быть с самыми дорогими людьми. Всё воспринимается чуть-чуть по-другому: небо

такое звездное, запахи такие пряные, лица — добрые, песни — глубокие, а голоса — красивые. Всё так, потому что видишь это в последний раз.

Гитару передали Митьке.

— Прощаться всегда очень грустно, — сказал он, беря инструмент в руки. Провёл большим пальцем по струнам, задумчиво протянул: — А давайте вот эту… — Откашлялся, обвёл взглядом сидящих вокруг костра, задержавшись на смелых парочках, которые держались за руки или обнимались. Усмехнулся, ласково посмотрел на Ульяну. — Всем, кто влюбился этим летом, посвящается.

Услышав первые аккорды известной песни, лагерь запротестовал, по рядам прошлась волна негодования.

— Митя, не надо. Давай другую! — взмолилась Ира Петровна, сидящий рядом с ней Женя угодливо кивнул.

Юрка тоже узнал песню и громко, истерически хохотнул — он и саму шутку оценил, и степень её жестокости. Когда-то сам бы догадался так поиздеваться, но Володя… Если бы не Володя.

Митька затянул низким хрипловатым голосом:

Ты меня на рассвете разбудишь,
Проводить необутая выйдешь,
Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь…

У Юрки будто что-то оборвалось внутри. И больно стало, и издевательски смешно над самим собой. Эта песня — последняя капля, контрольный выстрел, будто ему собственных мыслей мало. Захотелось заткнуть уши, да выглядеть это будет глупо.

Звучал только второй куплет, а Юрке казалось, что прошла вечность. У него не получалось больше контролировать свою грусть, она захватывала его в свои объятия, и единственное, что мог сейчас приказать себе Юрка, — не смотреть на Володю.

Я буду сердцем бурю предвещать.
Мне кажется, что я тебя теряю…

Девочки ПУК прижались друг к дружке, легонько покачиваясь. Ульяна сияла счастливой улыбкой — наконец ей дали спеть песню из

«Юноны и Авось» — и пела партию Кончитты. Даже сидящий рядом с Юркой Миха то ли вздохнул печально, то ли всхлипнул.

…Не мигают, слезятся от ветра
Безнадежные карие вишни.
Возвращаться — плохая примета.
Я тебя никогда не увижу…

А у Юрки глаза карие. Он не выдержал — посмотрел ими на Володю. Тот слушал, как заворожённый, глядя прямо перед собой, в пустоту. Шептал губами слова, подпевая, и Юрка отчетливо прочитал по ним: «Я тебя никогда не забуду». Володя не отправлял это послание ему, он говорил это сам себе, и в его взгляде сквозило полное, кромешное отчаяние — он не был рад тому, что никогда не забудет, и Юрка понимал. Сердце больно сжалось от этого понимания и на несколько секунд будто остановилось. Как бы оптимистично он ни заявлял, что всегда будет помнить, никогда не забудет — разве это хорошо? После того, что Володя сказал ему в новострое? Может, лучше и правда забыть, хотя бы постараться выбросить это из головы, заставить себя… Нет, конечно, нет. Он не сможет.

А Митька всё тянул и тянул эту бесконечную песню. Лица вокруг костра, освещённые багровыми всполохами, были переполнены печалью и светлой, тёплой грустью. Казалось, только Юрка чувствовал, что для него всё светлое на этом закончилось.

Володя сфокусировал на нём взгляд, их глаза встретились.

И качнутся бессмысленной высью
Пара фраз, залетевших отсюда…

— хором, перекрикивая гитару, пропели пионеры.

— Я тебя никогда не забуду,

— прошептал Володя. Юрка никак не смог бы расслышать его, но эти слова прозвучали именно его голосом, отчётливо и ясно, в самом сердце.

И вдруг до Юрки дошло — они строчки перепутали! И теперь он должен был ответить *это*, сказать *эти* слова, пообещать…

Но Юрка не хотел! Не хотел это петь, говорить, даже думать, а губы сами по себе прошептали:

— Я тебя никогда не увижу…

Песня закончилась, у Митьки с возмущенными возгласами забрали гитару, «чтобы больше не пел такой кошмар». Володя не моргая смотрел на Юрку, и казалось, что мира вокруг них просто не существует. Юрка не мог разобрать, какие сейчас у Володи глаза, что там внутри за эмоции. Это было больше, чем отчаяние и грусть, Юрке было почти физически больно заглядывать в них.

Володя стремительно поднялся с места, подошёл к нему, потянулся, будто бы хотел взять Юрку за руки, но одернул себя.

— Я всё-таки помогу Лене, отведу малышей в отряд и сразу вернусь… — И, понизив голос до шёпота, сказал: — Выйди минут через двадцать на дорогу, которая ведёт к пляжу, но смотри, чтобы никто тебя не заметил. Сделаем крюк, пойдём через лес, чтобы за нами никто не увязался.

Когда Володя с Леной увели пятый отряд, за гитару снова взялся Митька, но Ира Петровна уговорила его больше не петь грустное.

— Тогда пусть будет белый танец! Дамы приглашают кавалеров! — и заиграл узнаваемого с первых нот «Паромщика».

Юрка хотел было пересесть куда-нибудь в дальний угол поляны и тихо дождаться возвращения Володи, но к нему подошла Ксюша.

— Юра, пошли, потанцуем?

У Юрки сил не осталось, чтобы удивиться. Не думая, он кивнул, взял Ксюшу за руку и вывел к костру, туда, где танцевали другие пары. Ксюша обняла его за плечи и в этот раз совсем не так, как на той дискотеке, не по-пионерски. Случись такое раньше, Юрка бы уже лопнул от гордости, но сейчас он не чувствовал ничего. Просто кружился, топал ногами в ритм музыке, приобнимал Ксюшу за талию, как робот. До него даже не сразу дошёл смысл вопроса, который она задала.

— Юрчик, слушай… Нам тут сказал кое-кто, что у вас с Машей, оказывается, всё непросто и вы…

— Ещё бы было просто! — воскликнул Юрка, перебив. — Только никаких «нас» нет.

— Да? — деланно удивилась Ксюша. — А это правда, что вы поругались тогда из-за того, что она за тобой следит?

— За мной Маша просто ходит, а следит она за Володей.

— Да ладно? — Ксюша удивилась настолько, что толкнула танцующих рядом красного до корней волос Петлицына и Настю и наступила Юрке на ногу.

— Ну да, — просто ответил он. Пробежался глазами по поляне и увидел, что Маша одна-одинёшенька сидит на скамейке у костра, сложив руки на коленях, смотрит в землю. Юрке на секунду даже стало жаль её — настолько одинокий и грустный был у неё вид. Но тут же он понял, что Машина грусть — ничто в сравнении с расставанием, которое предстоит им с Володей. И мысли о ней мигом вылетели из головы.

— За Володей? Какой кошмар! И как ей это в голову пришло? — возмущалась тем временем Ксюша, для неё это действительно было новостью. — Это ж какой нужно быть дурочкой, чтобы следить за вожатым? Да пусть даже не за вожатым, а просто… Где вообще её гордость?

— Влюбленные люди иногда поступают очень безрассудно, — ответил Юрка и почему-то улыбнулся этой мысли. Вспомнил свой самый первый и самый безрассудный поступок — как поцеловал Володю тогда, на дискотеке, у щитовых. И чем всё это теперь заканчивается? Стоило ли это мимолетное быстротечное счастье того, чтобы теперь так болезненно расставаться, а потом всю жизнь вспоминать?

После танца пионеры стали играть в «ручеёк», а потом кто-то собирался прыгать через костёр. Юрку звали тоже, но он отказался, внимательно наблюдая за тем, чем занята Маша. Та вроде бы немного повеселела, когда Светка из третьего позвала её играть к костру. Благодаря ей получилось незаметно улизнуть. По крайней мере, Юрке так показалось.

Володя задержался минут на десять. Только Юрка подумал, что они разминулись, как увидел в темноте знакомый силуэт с рюкзаком за плечами.

— Ну что, готов? — спросил Володя. — Никто тебя не видел?

— Вроде нет, там все играют в ручеёк, специально ждал, когда Маша потеряет меня из виду. А что в рюкзаке?

— Лопатка, капсула и вещи, которые туда положим. И плед ещё… если решим посидеть там. Идём?

Они свернули на петляющую тропинку, ведущую в обход пляжа. В лесу было темно. С поляны доносились голоса пионеров и треск костра. Обычно, когда они ходили к иве, Юрка шёл впереди, потому что лучше знал лес, но сейчас, освещая дорогу фонариком, путь прокладывал Володя. А Юрку не покидало ощущение, что его ведут на казнь.

Они шли прощаться. Они шли туда, чтобы провести последние минуты вместе, сказать последние слова. И сейчас даже огонёк надежды, который весь день грел Юрку, едва теплился и норовил погаснуть совсем.

«Перестань! — приказал себе Юрка. — Мы же ещё встретимся, мы расстаёмся только на время!»

Он знал, что обычно время перед тем, чего очень не хочешь, тянется долго и дорога к иве должна была показаться Юрке длинной, но вот они уже миновали болотистую заводь и вышли из леса к обрыву. Осталось обойти его, опять свернуть в лес, а там — минут пять и брод.

Захотелось остановиться и повернуть назад. Будто если сейчас они никуда не пойдут, то ни расставаться, ни прощаться им будет не нужно. Юрка протянул руку к Володе, хотел вцепиться в пальцы, но запнулся от испуга — сзади окликнули:

— Володя! Юра! Эй! — Ира Петровна, светя фонарём, стремительно их догоняла. За Ирой шла Ксюша и Полина, а за ними — Маша. — Вы куда?

Володя не растерялся. Молча стащил с плеч рюкзак, вынул капсулу — замотанную в целлофан железную коробку с крышкой, в таких хранят крупу.

— Мы идём закапывать капсулу времени. Вот, — он протянул коробку.

— А мне почему ничего не сказали? — рассердилась Ира.

— Юра, ты что, не отпросился?

Юрку будто обухом по голове ударили — забыл! Стало стыдно, ведь Володя предупреждал его, что надо…

— Нет… Извините, Ира Петровна, я опять не подумал.

— Не подумал он! Я же за тебя отвечаю! Вдруг что-нибудь случится, а я даже не знаю, где ты!

Володя вздохнул и тихо попросил:

— Ирин, давай отойдём?

Вожатые отошли на несколько шагов. Девочки молчали. Юрка хмуро глядел на Машу — да как она только уследила, куда они с Володей пошли? Он же видел, что она отвлеклась! И мало того что опять выследила, так ещё и сдала Ирине, стерва! И хвост привела — вот зачем эти две любопытные змеючки за ней увязались?

Спорящим вожатым не пришло в голову, что, пусть они стояли на отдалении, ветер дул в сторону Юрки и девчонок и их разговор был отчётливо слышен всем.

— Вова, если у Конева в голове ветер, то уж ты-то мог бы мне сказать! И капсула эта. Идея-то ведь отличная! Мы бы отрядом свою заложили. Не по-товарищески это, Вов, мы же комсомольцы, мы должны помогать друг другу!

— Извини, Ирин, я не со зла. Просто эта идея пришла в голову совсем внезапно — буквально сегодня днём. А там куча дел была, сама знаешь… Извини, ладно?

— Ладно-ладно… Может быть, завтра с утра успеем… — Ира немного смягчилась.

— Ну так что, отпустишь его под мою ответственность? Честное комсомольское — верну тебе Конева не позже часа ночи в целости и сохранности.

Ира скрестила руки на груди и, переминаясь с ноги на ногу, с сомнением покосилась на Володю.

— Вов, в час — это слишком поздно.

Порыв ветра от реки унёс следующую часть разговора, а когда вожатых снова стало слышно, Ира Петровна, уже куда более сговорчивая, интересовалась:

— Ольге Леонидовне не говорил? — Володя отрицательно помотал головой. — Ну смотри, если кто из руководства заметит, я ничем не смогу тебе помочь.

— Думаешь, им есть до меня дело?

— Ну… по правде говоря, это вряд ли. Но! Вов, если заметят, припомнят это тебе в характеристике.

— Да чёрт с ней. Пусть пишут, что хотят. Ирин, так что, прикроешь? Мы будем тут недалеко, в лесу.

— Ну… ладно, прикро…

Володя уже развернулся и сделал шаг, когда Маша закричала во весь голос:

— Не отпускай их! Я знаю, зачем они туда пошли! Ирина, они ненормальные! Они целуются и обнимаются! Надо, чтобы их наказали, надо рассказать Ольге Леонидовне!

Её крик отразился звоном в Юркиных ушах, в глазах потемнело. Володя так и замер в полушаге, одни только зрачки бегали. Его полный паники взгляд метался по лицам присутствующих. Ирина, разинув рот, смотрела то на Володю, то на Юру. Вдруг она уставилась на Машу и нахмурилась.

— Ха! — хохотнула, будто рявкнула, Ксюша.

В поглотившей лес тишине это прозвучало так громко, что все вздрогнули. После секундной заминки Змеевская залилась издевательским смехом. И, захлёбываясь им, стонала:

— Ну даёт! Совсем чокнулась! Поля, ты слышишь? Нет, ты слышишь, что несёт?

Полина, в отличие от подруги, была серьёзна.

— Ксюша, это ведь мы виноваты. Надо было дружить, а мы… У меня… я знаю, что люди от одиночества с ума сходят. Бредят и искренне верят в то, что говорят! У меня бабушка так…

— Что? — пробормотал Юрка, не веря своим ушам. Несмотря на злость из-за предательства Маши, ему очень не понравилась реакция девчонок. Но те Юрку проигнорировали.

— Ты серьёзно? — икая и всхлипывая, спросила Полину Ксюша. — Думаешь… думаешь, она сбрендила?

— А разве нормальный человек будет следить, а потом говорить такое? — ответила та. — А Маша всё время одна и не спит по ночам — сколько раз видели, что с отбоя сбегала!

— Я… — вид у Маши был напуганный. Она заикнулась и выдавила: — Я же правду…

— Ирин, а она ведь действительно следила за Володей, — кивнула, успокоившись, Ксюша. — Я и сама поначалу не верила — ну сбегает из отряда, подумаешь. Мне казалось, она к Коневу. А тут вон что…

— Сбегала? — прошептала растерянная Ира Петровна.

— Да, — подтвердила Поля, подозрительно оглядывая Машу. — Половина отряда то же самое скажет!

— Да, Ирин, — закивала Ксюша. — Надо, наверное, про это Ольге Леонидовне рассказать. Такие враки плести — это подло! Её за такое из пионерии выгнать нужно!

— Не надо! Это же какое клеймо на ней будет! А так, ну… помешалась немного, это бывает. Поспит и успокоится. И одну я тебя больше не оставлю, Машка, так что… — вмешалась Полина, но её никто не слушал.

Маша всхлипнула. Ира Петровна подошла к ней и строго спросила:

— Маша, что ты такое говоришь? Это же переходит всё границы…

У Маши задрожали губы, она шмыгнула носом, но не смогла сдержать слёз и расплакалась.

— Это правда, И… Ири…

— Это бред несусветный! — закричала Ира. — Распространять такую клевету про вожатого! Про образцового комсомольца! Как ты такое вообще придумала? Целоваться с… Боже! Как у тебя язык повернулся такое сказать? Ведь даже вообразить… *вот это* — ненормально!

Маша заплакала навзрыд. Услышав Иру, Юрка обомлел: да, Володя — её товарищ и друг, да, она думает, что знает его. Но неужели то, что происходит между ними, настолько дико, что люди не верят даже в гипотетическую возможность такой любви? Но ведь такие люди действительно есть — вот же он, Юрка, «такой» человек, а вот другой «такой» стоит, поправляет дрожащей рукой очки и молчит в ступоре.

Юрка вздрогнул — в каком мире он живет? До чего же неправильном, глупом, неправом, ведь это мир неправ, а не Юрка.

Впрочем, если бы ещё какой-нибудь месяц назад он оказался на месте Иры, то тоже не поверил бы.

Тем временем Маша уже рыдала в голос, Ира укоризненно качала головой, а Ксюша снова подала голос и начала издевательским тоном:

— Ты смотри, сама же наврала, а теперь хнычет! У кого что болит, тот о том и говорит, да, Маш? Расскажи-ка давай, чего мы о тебе не знаем?

— Хватит! — рявкнул Юрка. — Зачем ты её травишь?! Чего бы она ни говорила, нельзя так унижать!

Он отошел от шока, и ему стало её жаль. Он ничем не оправдывал её, она поступила подло и нагло. Но ещё Юрка видел, как переменился

в лице Володя, когда Маше никто не поверил: его брови удивленно изогнулись, а уголки губ на мгновение дёрнулись вверх.

Ира Петровна перевела дыхание, взяла Машу под локоть:

— Пойдём-ка, дорогая, в отряд спать. На первый раз прощаю, но если ты продолжишь свои россказни, я сразу отведу тебя к Ольге Леонидовне и расскажу ей всё про твои ненормальные фантазии… — она потащила Машу обратно к костру. — Ксюша, Поля, идёте с нами. И чтобы тоже держали рот на замке. Володя! Чтобы в час Юра был в отряде!

— Ирин, не говори Леонидовне, — звучал, удаляясь, голос Полины. — Это всё мы виноваты, не дружили с ней, не слушали…

— Вообще-то в том году она правда нормальной девчонкой была, когда с Анькой дружила… — едва слышно заметила Ксюша.

— Посмотрим, как будет себя вести. Маша, хоть слово брякнешь… — конец фразы Иры Петровны утонул в лесной тишине.

Глава 18

Последняя ночь

Володя стоял в ступоре, не шевелясь и не моргая, смотрел на тропинку, по которой только что ушли девочки.

— Эй, всё в порядке? — Юрка подошёл к нему, щёлкнул пальцами перед глазами. Получилось плохо — ладони всё ещё были потными от страха.

Он понимал, что нельзя сейчас позволить Володе уйти в себя — это окончательно испортит их последний вечер.

— Не знаю… — Володя будто очнулся. — Машин выкрик теперь будет сниться мне в кошмарах, но… Я не могу поверить, что мы выкрутились.

— Главное, что выкрутились! Или… думаешь, нет? Думаешь, она расскажет Леонидовне?

— Ирина? Нет, — ответил он уверенно. — Иначе она потащила бы нас с собой. Или ты про Машу? — добавил настороженно. — Думаешь, Маша расскажет?

— Да забоится она. Ладно Ире о таком рассказать, а вот Леонидовне с директором — это куда страшнее.

— Вот именно что страшнее! Если кому-то и рассказывать, то именно им. Они старше и опытнее, они знают, что *такое* существует. Не то что Ирина.

— Так… ладно. Допустим, расскажет. И что? Получается, что жертва тут я и меня спросят, в самом ли деле такое было? А я отвечу, что Маша врёт! И ты, и Ира… Да все скажут, что Маша врёт — Поля с Ксюшей уж точно не удержат языки за зубами, насплетничают. Выходит, нам с тобой и предъявить-то нечего, никто ведь не пострадал.

— Тоже верно — состав преступления отсутствует.

— Ну так что, идём к иве?

Володя кивнул, выключил фонарь и свернул с тропинки в лес:

— Чтобы больше за нами точно никто не увязался, — объяснил он. — Хотя теперь уж вряд ли…

Ещё через пару минут, когда миновали обрыв, он остановился и стал заводить будильник на наручных часах.

— Ты ничего на костре не оставил?

— А мы больше туда не вернёмся?

— Возвращаться — плохая примета, — улыбнулся Володя и отправился дальше.

С трудом собирая мысли в кучу, Юрка покорно шагал за Володей. Он чувствовал себя виноватым, ведь это он их подставил: не отпросился у Ирины, не уследил за Машей.

— Ну Сидорова, конечно, зараза, — констатировал он. — Это ведь она Иру за нами отправила, больше некому. ПУКи за ней прискакали. Мне казалось, что она увлеклась «ручейком» и не заметила, когда я ушёл…

— Не стоит оправдываться, Юр. Мы уже успели выяснить, что Маша порой бывает отличным шпионом. Кстати, меня очень удивило, что ты за неё заступился. Ты молодец.

Юрка скривился:

— Даже не знаю, что на меня нашло. Мне вроде как стало её жаль… Как думаешь, а Ира наябедничает Леонидовне на Машу? Всё-таки обвинить в таком комсомольца — шутка ли?

Володя хмыкнул и сказал:

— Вряд ли. Просто представь, во что Ирина ввяжется в этом случае. К тому же она — всего лишь вожатая, а не классный руководитель или ещё какой педагог. Тем более что сегодня — последний день, завтра Ирина станет для Маши, по сути, никем, и никто её слушать не будет. Да и Леонидовне эти разбирательства ни к чему, — Володя усмехнулся: — Ей Конева в прошлом году хватило. А почему ты интересуешься?

— Ну… — замялся Юрка. — Правду ведь Поля сказала — заклеймят ещё Машу…

— Беспокоишься за неё? — судя по тону, Володя удивился ещё больше.

— Ну… — снова протянул Юрка. — Хотя я всё равно считаю, что она — ходячее зло.

— Брось, Юр. Она просто влюблённая девушка. Сама по себе её любовь не может быть злом.

Юрка уныло засмеялся.

— Кто бы говорил о зле, Володя! Именно вот такая любовь — зло, а не та, про которую ты говорил. Она ведь тебя шантажировала, пыталась добиться от тебя ответа, а теперь ещё и такую подлость нам учинила.

— Нет, Юра, — упрямо сказал Володя. — Она просто не знает, как нужно любить, она в отчаянии. Её нужно пожалеть, поня…

— Я тоже в отчаянии и тоже не знаю, как нужно любить! — воскликнул Юрка. — Но я почему-то не шпионю за тобой и не пытаюсь делать гадости!

Володя остановился, повернулся к нему и хитро улыбнулся.

— Это потому, что твоя любовь взаимная. Ну-ка вспомни, Юр, кто ещё совсем недавно кидался в меня яблоками?

Юрка задумался, что ему ответить, но придумать не успел — они подошли к броду.

Чтобы перейти его, пришлось снимать штаны. Днём Юрка бродил тут в шортах и просто их подвернул, а теперь перспектива полночи просидеть в мокрых выше колен джинсах не радовала. Вода в реке была не очень холодной, но ноги покрылись мурашками, стоило вылезти на другой стороне. Володя быстро нырнул в свои спортивные штаны, а Юрке с джинсами пришлось помучиться и в награду получить несколько комариных укусов. Обувшись, он скривился — мокрые ноги противно чавкали в кроссовках.

Пока они брели до ивы по противоположному берегу, Юрка спросил:

— А что ты Ире сказал, чтобы она отпустила нас аж до часу?

— Напомнил, что я её и Женю тоже прикрывал, когда она просила.

— О, так ты знаешь… — удивился Юрка.

Володя на него покосился:

— Женя со мной в одной комнате живёт, как я могу не знать?

— И что ты насчёт этого думаешь?

— Насчёт чего?

— Насчёт того, что Женя женат, но встречается с Ирой.

Володя пожал плечами:

— Он её любит. Не знаю, как другим, но мне это прекрасно видно. Они тут вчера в очередной раз поссорились, а я у них был как сломанный телефон. Ирина приходила жаловаться, спрашивала меня, правильно ли она поступает.

— Ого! Так ты в советчики заделался? — прыснул Юрка.

— Ага, — хмыкнул Володя. — Чуть ли не в свахи. Но я не сам, меня Женя заставил.

— Ну и что ты ей ответил?

— Я… Я сказал ей, чтобы она думала о своей жизни, а не смотрела на других. Окружение всегда будет что-то говорить и осуждать, но, может быть, стоит хоть иногда плевать на других? Ведь если она счастлива с ним — пусть и будет с ним.

Юрка аж остановился.

— Ты действительно такое ей сказал?

Володя тоже остановился, повернулся к нему, улыбнулся:

— Да.

— Ты правда так думаешь?

— Да.

Что-то закипело внутри Юрки — что-то между злостью и обидой. Память о разговоре в недострое была ещё слишком свежа.

— Вон оно что… — сердито протянул он. — Но при этом ты возомнил себя каким-то монстром и не можешь позволить себе быть счастливым, да?

— Это совсем другое, Юр…

— Это то же самое! — крикнул Юрка. — Ты говорил, что ты боишься причинить мне вред, и точно так же Ира боится причинить вред Жене. Ты так же, как и она, оглядываешься на других, считаешь себя злом, потому что они все так считают! А меня не хочешь слушать, когда я убеждаю тебя в обратном! Почему?

— Ты не понимаешь…

— Да всё я понимаю! Хватит относиться ко мне как к ребёнку, ты ненамного старше! Посмотри, как я изменился — это ты меня изменил. Ещё три недели назад я боялся даже подойти к пианино, хотя меня уговаривали: мама, отец, родственники! Пытались силой заставить! Но я смог перебороть свои страхи только благодаря тебе. А ты — не можешь перебороть, хотя я прошу тебя сделать это! Ради меня сделать! Так что не надо говорить, что я чего-то не понимаю. Я

прекрасно понимаю, чего ты так боишься. Я тоже боюсь! Но я могу переступить этот страх! — он запнулся, прерывисто выдохнул, будто вмиг растерял весь свой пыл. И уже тихо, опустив глаза, добавил: — Потому что влюбился.

Володя замер и посмотрел на него, удивлённо приоткрыв рот. И Юрке стало не по себе от того, что наговорил и как наговорил — будто вылил всё на Володю, ещё и так резко… Он понимал, что сейчас не время и не место разбираться во всём, но, с другой стороны, — когда ещё?

И теперь уже Володя, видимо, не нашёл, что ответить. Просто взял Юрку за руку и потянул вперёд — туда, где уже виднелся спуск к воде и пышная крона ивы.

Когда они зашли под ивовый купол, Володя вытащил из рюкзака плед, бросил его на траву, достал капсулу, тетрадку и карандаш. Сказал:

— Вот. Нужно что-нибудь написать нам, повзрослевшим на десять лет.

Юрка уселся на плед, Володя присоединился к нему, стянул сырые кеды с ног, и Юрка последовал его примеру. Он взял карандаш, забрал у Володи тетрадь и написал на последней странице: «Чтобы не случилось не потеряйте друг друга».

— Ошибок-то сколько, Юр! — проворчал Володя. — «Что бы» пишется раздельно, вместо «не» — «ни», и запятая пропущена.

Юрка посмотрел на него с укором. Володя виновато добавил:

— Но это сейчас совсем неважно! Нет, не исправляй, так даже лучше. Видно, что это юный хулиган Юрка Конев писал, — в голосе слышалась улыбка. — Вспомнишь его через десять лет… Так, теперь моя очередь. Ну-ка, посвети.

Одной рукой Володя взял тетрадь и склонился над ней совсем низко, второй вывел убористым ровным почерком:

«Что бы ни случилось, не потеряйте себя…» Вдруг его рука дрогнула. Юрка, не подумав, что может ослепить, навёл фонарь Володе на лицо. Тот резко отвернулся, но Юрка успел заметить, что глаза у Володи на мокром месте.

— Володь, не надо плакать, иначе я тоже сейчас…

Не дав договорить, Володя вцепился ему в плечи и прижал Юрку к себе. Уткнувшись лицом в шею, пробормотал что-то неразборчивое.

Юрка задохнулся от вновь вспыхнувшей боли и, с трудом сохранив самообладание, приобнял его. В невнятном горячем шёпоте в шею разобрал только тихое «Юрка, Юрочка…».

Если бы это продлилось ещё хотя бы минуту, Юрка бы также сорвался — от беспомощности и печали хотелось то ли плакать, то ли кричать. Но Володя быстро взял себя в руки и сказал:

— Правильно, ни к чему это сейчас. Подождёт, всё потом.

Он опять взял в руки тетрадку и продолжил дописывать. Юрка, подсвечивая ему фонарём, шмыгал носом.

«Остаться такими же, какими были в 86 году. Володе — с отличием окончить институт и съездить в Америку. Юре — поступить в консерваторию и стать пианистом».

— Готово. Что ещё будем класть в капсулу времени? — спросил, закончив.

Юрка вытащил из кармана джинсов сырой лист бумаги — ноты, которые переписывал для себя, чтобы учить.

— Вот, «Колыбельная» — это самое ценное, что было у меня в эту смену. — Он положил ноты в капсулу.

Володя, свернув в трубочку, опустил туда свою тетрадь — там был правленый сценарий со всеми пометками, личные записи за смену и пожелания себе-будущим.

— Ещё кое-что, — сказал Юрка, роясь в кармане. — Вот. Думаю, это тоже должно лежать там.

Он достал слегка помятую, местами раскрошившуюся белую лилию, которую подарил ему Володя. Тот кивнул, аккуратно уложил цветок сверху на тетрадку.

— Всё? — тихо спросил Володя.

Юрка задумался — действительно ли это всё? Быть может, есть ещё что-то, что следует оставить здесь на хранение?

Он отрицательно замотал головой.

— Нет, вот ещё.

Юрка вцепился в перетянувший его шею пионерский галстук и стал порывисто развязывать. Но руки дрожали, и вместо того, чтобы ослабить узел, Юрка, наоборот, его затянул.

Володя молча приблизился и потянулся помочь. Юрка грустно произнёс:

— Вот ирония: когда меня принимали в пионеры, галстук мне повязывал комсомолец. Теперь комсомолец его снимает.

Прохладный ветер коснулся голой шеи, заставив поёжиться. Володя неверно прочёл Юркин жест:

— Ты точно хочешь положить его в капсулу?

— Да.

— Но ведь твой галстук стоит всего пятьдесят пять копеек, а мы договорились класть в капсулу только самые дорогие вещи, — съехидничал Володя.

— Это раньше он столько стоил, теперь уже нет.

Володя улыбнулся и сказал Юркиными же словами:

— Вот так номер! И сколько же теперь стоит твой пионерский галстук?

— Он бесценен, — видя саркастическую ухмылку, Юрка уточнил: — Нет, не потому, что частица красного знамени, а потому, что это частичка моего детства.

— Поможешь? — спросил Володя.

Он взял Юркину руку и положил на свой галстук, выглаженный, аккуратный, нагретый его теплом. Когда оба галстука были сняты, Володя привязал их кончиками друг к другу. Юрка молчал. Устремив взгляд на прочный узел, он догадался, что Володя вложил в этот жест какой-то тайный, свой личный смысл, но спрашивать о нём Юрка не посчитал нужным.

Володя вздохнул, положил галстуки в капсулу, закрыл её и сказал:

— Похоже, ты и правда повзрослел, Юра.

Влажная после дождя земля хорошо поддавалась, и даже маленькой детской лопатой яму удалось выкопать быстро. Погрузив в неё капсулу, Юрка смотрел, как комья земли укрывают металлический квадратик крышки. Невовремя вспомнил, что на галстуке ему написали свои пожелания и адреса ПУКи и Миха с Ванькой. Но эта мысль выскользнула из головы так же быстро, как и появилась — сейчас она была совершенно неважной. Куда важнее был Володя, что-то вырезающий перочинным ножиком на ивовой коре, аккурат над тем местом, где была закопана капсула. Юрка навёл фонарь и смотрел, как на дереве в круге света появляется небольшая, неровная надпись: «Ю+В».

Видеть эти буквы было больно, ведь пройдёт всего несколько часов, и только здесь, на этой коре, под деревом, они с Володей останутся рядом. А в реальности разъедутся по разным сторонам, по разным городам, на расстояние тысяч километров друг от друга.

И Юрке стало наплевать на то, что думает о себе Володя и чего боится. Юрке стало необходимо обнять его. И он обнял: крепко, не собираясь отпускать, даже если тот попытается вырваться. Но Володя не оттолкнул. Наоборот, он будто только этого и ждал. С готовностью обнял в ответ, прижался и прерывисто вздохнул.

— Юр… Как же я буду скучать.

Юрке хотелось попросить его помолчать, чтобы не слышать таких болезненно-грустных слов.

И почему нельзя было навсегда остаться здесь, под этой ивой? Почему нельзя было всегда обнимать Володю, дышать его особенным, таким родным запахом и никогда-никогда не расставаться?

Володя мял края Юркиной футболки, обнимая. Погладил тёплыми ладонями по спине, выдохнул в шею — Юрка скривился от щекотки. А потом Володя вдруг вытянул губы и поцеловал впадинку под мочкой уха. Юрка вздрогнул, отшатнулся. Вспомнил, что Володя говорил, как не хочет всех этих прикосновений и нежностей, а тут сам…

Он снял с себя Володины руки, уселся на плед, обнял колени, уткнулся в них подбородком.

— Юр, что не так? — Володя уселся рядом. — Что я сделал?

— Ничего, — он мотнул головой. — Просто… У нас с тобой осталось так мало времени, а я даже не знаю, что мне можно. Ты ведь всё запрещаешь.

Володя придвинулся совсем близко, перекинул руку через Юркино плечо, притянул его к себе:

— А чего ты хочешь? — прошептал.

Юрка повернул голову так, что ткнулся кончиком носа в Володин нос.

— Поцеловать тебя. Можно?

— Можно.

Володя сам сократил расстояние между ними и прильнул к Юркиным губам тёплым нежным поцелуем. Юрка зажмурился, нашёл другую Володину руку, вцепился в неё, переплёл пальцы. Казалось, что стоит только их отпустить, стоит позволить закончиться этому

поцелую, как закончится всё: угаснут чувства, окаменеет сердце, загустеет воздух, и сам мир остановится.

Но поцелуй не заканчивался. Володя разомкнул губы, стало мокро и мягко. Юрка тоже открыл рот, выдохнул — ему хотелось улыбаться. Было так сладко, что все ненужные грустные мысли мигом вылетели из головы. Шум воды в реке, шорох ветра в листве и даже громкий стук собственного сердца — всё затихло, перестало существовать. Остался только этот головокружительный, настоящий поцелуй и отчётливое желание, звучащее в мыслях мольбой — пусть он никогда не заканчивается.

Юрка не понял, как оказался лежащим на пледе, на боку. Понял только, что поцелуй прекратился, потому что по влажным губам прошёлся холодок. Открыл глаза — Володя лежал рядом, обнимал его одной рукой и смотрел в лицо: на щёки, на губы, в глаза. Казалось, что Юрка уснул на какое-то время, но нет, прошла всего пара минут. Он просто забылся, ведь было так хорошо. Хотелось ещё.

Володя перевернулся на спину, посмотрел в небо, а Юрка наблюдал, как слабый свет тонким серебристым росчерком лёг на его профиль. Юрка пододвинулся ближе. Володя не шелохнулся, только вздохнул тяжело. Потом Юрка приблизился ещё и ещё и прижался к его боку вплотную. Хотел попросить разрешения обнять, но тут же сам себя отругал — к чёрту всё это! Только наступит завтра, он пожалеет, что не обнял, и будет слишком поздно. К чёрту стеснение и стыд!

Юрка положил голову Володе на плечо, а руку — на грудь, неуверенно сжал и разжал пальцы. Володя вздрогнул.

— Юра, ты слишком близко.

— Близко к чему?

— Ко мне, — он накрыл рукой Юркину кисть, будто хотел убрать, но передумал и сжал. — Мне очень нравится, когда ты так… У нас был почти целый месяц, а мы ничего не успели. Даже не полежали вот так вместе.

— Да ты бы всё равно не разрешил. Но у нас ещё осталось сегодня.

Володя чуть повернул голову и зарылся носом в его волосы. Вдохнул запах. Отпустил руку, провёл пальцами по шее, за ухом. Юрка задохнулся от удовольствия. А Володя хмыкнул и прошептал:

— Как же тебе ласки хочется. Ты будто наэлектризованный: только тронешь — искры летят. — Он вздохнул и признался: — Я ведь так

же…

Юрке тоже хотелось коснуться его. И пусть он знал, что Володя тут же начнёт сопротивляться, он всё равно решительно приподнял край его рубашки и дрожащими пальцами дотронулся до живота. Володя дёрнулся, закусил губу.

— Не надо, Юр… — вяло запротестовал, но не стал убирать его руку.

Кожа у Володи была гладкая и тёплая. Юрка внутренне трепетал, аккуратно поглаживая её самыми кончиками пальцев.

— Ты будто меня боишься, — ухмыльнулся он.

Володя покачал головой:

— Я себя боюсь. Ты был неправ, когда сказал, что я не могу перебороть свой страх и измениться. На самом деле мне очень сложно сдерживать себя, чтобы не делать тех вещей, которые… о которых потом пожалею.

— И почему ты так уверен, что обязательно о них пожалеешь?

— Потому что они причинят тебе вред.

— Снова-здорово! Опять заладил, да? — Юрка сел и возмущённо, глядя на него сверху вниз, сказал: — Нам остался час побыть вместе, а ты всё думаешь о том, что можешь сделать мне плохо. А мне и без этого плохо! Мне кажется, что ещё чуть-чуть — и я всё потеряю: тебя, себя… — Он перевёл дыхание. — Володя, хотя бы здесь, хотя бы сегодня будь таким, каким тебе хочется. Для меня. Я хочу запомнить тебя — особенного, лучшего, первого. И хочу стать для тебя таким же!

Володя оторопело уставился на него, чуть приоткрыл рот. Приподнялся на локтях, тоже сел.

— Юр… чка… кхм… — он прокашлялся. — Какой я испорченный, совсем не о том дум…

— Да о том, чтоб тебя! О том! — перебил его Юрка. — Володя, я слишком многое оставил в «Ласточке»…

— Я поним…

— Но я хочу оставить здесь всё!

Володя уставился в землю, но после минутного молчания перевёл на него испытующий взгляд:

— Юр, это ведь навсегда. Нельзя будет ни забыть, ни отменить.

— Зачем отменять? Зачем забывать? Чего бояться? Об этом ведь никто не узнает. Только ты и я будем знать: у нас было всё и по-

настоящему. Чтобы и через двадцать лет быть уверенным, что всё это — настоящее.

— Ещё одна общая тайна?

— Не ещё одна, а единственная. Большая и важная.

Володя молчал с минуту: внимательно разглядывал Юркино лицо и глаза, будто пытался найти в них сомнение. Но Юрка смотрел упрямо и решительно.

— Ты точно уверен, Юра? Я… Мне… Послушай, ты в любой момент можешь сказать мне остановиться, и я перестану.

— Ладно.

— Не «ладно», а обещай, что, если хотя бы на секунду засомневаешься, скажешь мне.

— Обещаю.

— Закрой глаза.

Юрка послушно закрыл. Притих в ожидании, что Володя сейчас притронется к нему, но тот, наоборот, отпрянул. Послышалась возня. Юрка, боясь подорвать Володину решимость, добытую таким трудом, замер, едва дыша. Володя приблизился, слабо сжал его руку и нежно, едва коснувшись губами, поцеловал в шею. Опять стало щекотно.

— Будет больно? — вдруг вырвалось у Юрки.

Володя хмыкнул.

— Тебе — нет. Я же говорил, что ни за что не стану тебя унижать.

— Унижать?! — рассердился Юрка. — Да как ты можешь говорить такое? Я люблю тебя, я на все готов! Да я тебя всего, с ног до головы, зацелую!

Володя засмеялся.

— Не хочешь? — Юрка растерялся, он всё ещё не спешил открывать глаза и лишь угадывал его реакцию. — Тогда что-нибудь другое сделаю. Всё что угодно сделаю, только… не знаю, как… Ты скажешь?

— Милый мой Юрочка, — в его голосе послышалась улыбка. Володя погладил его по щеке и поцеловал в нос. — Давай таким страстным будет наш следующий раз? А пока просто сядь. И помоги мне немножко.

Володя снова закопошился в рюкзаке, а закончив, вернулся к нему и прошептал:

— Можно снова тебя поцеловать?

— Не нужно спрашивать разрешения, Володь.

— И правда…

Он ткнулся в Юркины губы своими, и в этот раз поцелуй был не таким нежно-долгим, как несколько минут назад, а настойчивым, быстрым.

Володя оказался совсем близко и не отталкивал, а наоборот — прижимался. Юрка неуклюже обнял его. Получилось так, что задрал рубашку на спине, но не стал одёргивать, а смело повёл ладонью по лопаткам. Володя был горячим. Уткнувшись носом в ямочку над его ключицей, Юрка с упоением вдыхал любимый запах. Осмелился вытянуть губы и поцеловать неприкрытый кусочек кожи где-то у ярёмной впадины. Володя от этого вздрогнул, прерывисто выдохнул, и Юрка почувствовал, как он зарывается пальцами в его волосы.

— Володь, постой, — Юрка открыл глаза и посмотрел на него снизу вверх. Протянул руку и без разрешения снял с него очки, положил их на траву рядом с пледом. Володя забавно сощурился. — Без них ты кажешься таким беззащитным…

— Нет, перед тобой. — Он снова поцеловал его и выключил фонарик.

А через несколько минут Юрка забыл, кто он такой и где находится. Он не мог понять, что ощущает. Было одновременно и приятно, и странно, совершенно непривычно и ни на что не похоже. Он помнил, что может сказать «стоп», но молчал. Не хотел останавливать, да и сил говорить не было.

Володя целовал его — Юрке было жарко, но в то же время голые ступни и лодыжки покрывались колючими мурашками от ползущего с реки холода.

Его бросало то вверх, то вниз. Как легко получалось с Володей взлетать на такие высоты, где нет кислорода и кружится голова. И так же легко было с ним падать на раскалённый песок или в кипящую воду и тонуть в ней. Юрку сдавливало, душило и тут же отпускало, казалось, вот-вот разорвёт на части. Сердце стучало в висках так громко, что ничего, кроме него, не было слышно. А Юра хотел услышать Володино дыхание, хотел узнать — ему так же странно? Одновременно и сладко, и душно, и горячо? И что ему, Юрке, можно делать? И что нужно? Хотелось двигаться, но он боялся всё испортить, сделать что-нибудь не так. Осмелился обхватить Володины колени,

прижаться максимально близко. А потом совсем потерялся в собственных ощущениях, забыл, как дышать, оглох от стука сердца. Когда ощущения стали невыносимыми, пылко зашептал:

— Стой, стой, — видимо, до того тихо, что Володя не услышал.

Но вдруг отпустило. Юрка понял, что зря просил его остановиться.

Володя расслабился, а он обнял его и прижался лбом к плечу, прислушиваясь к шумному, тяжёлому дыханию. Володя хотел отпрянуть, но Юрка обнял ещё крепче:

— Не уходи. Давай ещё чуточку так посидим?

Володя послушался. Прижался всё ещё очень горячим телом, чмокнул в мочку уха — Юрке опять стало щекотно, но приятно.

Недолго просидев так, неподвижно и молча, они начали замерзать. Володя отодвинулся и отвернулся. Хоть и было темно и толком ничего не разглядеть, Юрке всё равно стало неловко. Щёки горели, он, наверное, был весь пунцовый со стыда.

Володя брезгливо одёрнул рубашку.

— Всё нормально? — дрожащим голосом спросил Юрка.

— Запачкался вот, — Володя обернулся.

Бледный лунный свет пробился сквозь узкие ёлочки листьев и упал на его лицо. Необыкновенно милый, изнеженный и смущённый, он тёр рубашку и улыбался, на его щеках играл румянец.

— Вот бы всю жизнь так, да? — спросил Володя негромко. Юрка кивнул.

— Ты говорил, в следующий раз. Это когда?

— Когда мы встретимся. Я приеду к тебе или ты ко мне. Надолго, на целое лето.

У Юрки бухнуло сердце, наполнилось надеждой — так уверенно, без тени сомнения Володя это сказал.

— Будет так здорово! — оживился Юрка. — Я стану будить тебя игрой на пианино, а ты будешь вечно терять очки.

— Но я всегда их ношу и уже давно не теряю. — Володя повертел головой по сторонам, сощурился. Нашёл взглядом лежащие на траве очки, дотянулся, нацепил на нос. И с облегчением заметил: — Чуть не раздавили.

— Так и я давно не играю, — продолжал Юрка.

— Но ты ведь будешь? — спросил Володя и обнял его так нежно, как никогда раньше. Обвив рукой плечо, то поглаживал, то сжимал

предплечье.

— Ха! Тогда ты и трёх дней не выдержишь, не то что всё лето! Ты даже не догадываешься, какое это мучение — жить в одной квартире с музыкантом. Музыка постоянно, постоянно! И это тебе не красивые стройные произведения, это озвучивание, ошибки, иногда одна и та же часть или даже нота. И всё это громко, на всю квартиру. Нет, ты не представляешь, какой это ад!

Володя заулыбался и вдруг снова снял очки. Положил их Юрке на колени и, зарывшись лицом в его волосы, прошептал на ухо:

— Ой, кажется, я очки потерял. Ты не представляешь, какой ад — жить с тем, кто вечно теряет очки!

От его дыхания опять стало жарко.

— Я буду тебе их искать.

— А я буду любить твою музыку.

— А я буду любить тебя…

Звонок будильника вырвал их из прекрасной фантазии, где они жили под одной крышей, где каждое утро просыпались, где завтракали, разговаривали, смотрели телевизор, гуляли и всё время были вместе.

— Сколько времени?

— Ещё есть немного, — сказал Володя и перезавёл будильник.

И действительно — совсем немного. Они сидели рядом, в полной тишине, в бездействии, просто наслаждаясь последними мгновениями рядом. Как бы Юрка ни хотел, чтобы это «немного» длилось подольше, время пролетело слишком быстро.

Писк часов снова резанул по ушам. И не только по ушам, по сердцу. Володе — тоже, иначе он не сказал бы со слезами в голосе:

— Мы пришли сюда прощаться.

И не встал бы, и не протянул Юрке руку.

Юрка не хотел за неё браться, но взял. Поднялся.

Они стояли босиком на холодной траве друг напротив друга. Юрка замер, обмяк, будто напрочь лишился воли, эмоций и мыслей. В ушах шумела река. Володя одной рукой погладил по щеке, второй сильнее сжал его пальцы.

«Увидеть бы в темноте его глаза», — подумал Юрка, и, будто услышав это желание, из-за облака вышла луна. Но светлее не стало. Сиянием тонкого серпа она лишь очертила контуры любимого лица.

Юрка напрягся — ему нужно было запомнить всё: образы, звуки и запахи лучше собственного имени. На много дней или даже лет они станут для него важнее собственного имени.

Он заключил Володю в объятия, вцепился в него, вжался, приклеился, врос. Володя обнял в ответ.

— До свидания, Юрочка, до свидания, — прошептал тёплыми губами.

И всё последующее стало смазанным и незначительным.

Юрка не знал, не замечал, сколько прошло часов, где он был и что делал, не отдавал себе отчёта. Он весь остался там, под ивой, в той памятной, последней ночи, держа Володю в объятиях, чувствуя его тепло и дыша им.

Но последней памятью всё равно остались не звук его голоса, не слова прощания, не шелест ивовых листьев. А картинка за стеклом автобусного окна: взмах Володиной руки, а позади него — солнце, лето, лагерь и развевающиеся красные флаги.

Глава 19

«Друг» по переписке

Это было не лучшее время для того, чтобы ехать сюда — дожди гремели уже неделю, и Юра знал из прогноза, что будут идти еще столько же. Но выбора у него не было — гастроли закончились, в бумажнике лежали купленные на послезавтра билеты на самолёт обратно в Германию. Так что другого времени для посещения «Ласточки» не нашлось.

Замёрзший, промокший из-за непрекращающейся мороси Юра смотрел на замшелые скульптуры, на заброшенную спортплощадку, на обвалившуюся стену пищеблока. Вдруг тучи сгустились, на лагерь опустился сумрак, будто солнце ушло за горизонт. Но это было не так — шесть вечера, сентябрь, слишком рано для заката. И слишком поздно для воспоминаний. Юра качнул головой: «Хватит терять время. Надо идти туда, куда шёл. За тем, за чем приехал».

Путаясь в высокой мокрой траве, он вернулся на дорожку, ведущую к пляжу. Часть её была выложена большими серыми плитами, а только Юра миновал детские корпуса, тропинка сузилась, стала песчаной и под крутым углом ушла вниз.

Глядя на дорогу из бетонных квадратов с проросшими сквозь трещины осокой и одуванчиками, Юра вспомнил газеты, разложенные по полу в недострое. Как он думал тогда: «Вот бы тут были газеты из будущего. Пусть не очень далёкого, а так, хотя бы за лето восемьдесят седьмого… Или через пять лет, или через десять. А через двадцать?..» Юра грустно улыбнулся — теперь он знал.

Восемьдесят шестой год прошёл как в тумане. Первое время было невыносимо грустно. Вернувшись в Харьков, Юрка будто попал в совершенно чужой и незнакомый мир. Казалось, что всё вокруг — дурной сон, а чтобы вернуться обратно, в «Ласточку», достаточно просто проснуться. Но сколько Юрка себя ни щипал и сколько ни пытался обмануть — реальность была здесь, в душном городе, в четырёх стенах старой квартиры. Единственное, что осталось Юрке от

того июля, в котором он был так счастлив, — фотография на ковре над кроватью, воспоминания и письма Володи.

«Когда вернулся в свою комнату и разобрал вещи, — начиналось его самое первое письмо, — мне показалось совершенно диким то, что у меня нет ничего на память о „Ласточке“. Юр, а ведь и правда, мы всё оставили в капсуле, кроме фотографий отряда. Ольга Леонидовна сунула их нам с Леной, чтобы раздали детям, когда автобус уже поехал. Ты бы ухохотался, если бы увидел её бегущей за нами — водитель Леонидовну не заметил и дал по газам. Представь. Представил? Я прямо чувствую, как ты улыбаешься.

Надеюсь, свою ты тоже получил. Высылаю тебе фотографию пятого отряда. Пришли мне в ответ фото первого. Разумеется, если твой отряд там в полном составе».

Юрка отправил ему свою, а фотографию пятого отряда кое-как приладил к ковру над кроватью. Он решил, что она должна висеть именно там потому, что окна его комнаты выходили на восток и первые солнечные лучи падали именно на это место.

На фотографии Володя натянуто улыбался, выглядел напряжённым и собранным. Ближе всего к нему стояли с одной стороны Олежка, с другой — пухляк Сашка. Малыши застыли, вытянув руки по швам — выглаженные, умытые, причесанные. За их спинами возвышался памятник Зине Портновой, а над головами раскинулось чистое небо. Юрка, каждое утро глядя на эту фотографию, думал, что они запечатлены там совсем ненастоящими. И Володя там — ненастоящий. Ведь только Юрка знал, что именно он скрывает за улыбкой и линзами очков.

Первые пару месяцев Юрка держался только благодаря письмам. Нет, он всеми силами пытался скрыть от окружающих свою тоску: улыбался родителям, иногда гулял с ребятами во дворе, ел, пил, ездил к бабушке, помогал маме по дому, а отцу в гараже. Но мыслями Юрка постоянно возвращался в «Ласточку», а время отсчитывал от письма до письма. В них он находил подтверждение тому, что Володя действительно есть, что он до сих пор с ним и вроде бы любит его. Но их разделяла почти тысяча километров. Это было так несправедливо! Юрка всегда считал, что любовь способна победить что угодно, а оказалось, что расстояния ей неподвластны.

Чуть легче стало только к зиме. Юрка смирился, тоска притупилась, будто бы вместе с первыми холодами и его сердце немного подморозило.

Переступив на другую плиту, Юра будто шагнул по временной шкале из восемьдесят шестого года в следующий.

Она, будто газета, датированная 1987-м годом, была почти как новая, целая, без единой травинки и трещинки. В восемьдесят седьмом и отношения были такими же чистыми и цельными, хотя уже больше полугода они тосковали друг по другу в разных городах, продолжая утешаться единственным, что у них оставалось — письмами.

Володя писал часто и обо всём. Поначалу родители удивлялись: что это за письма, почему их так много и приходят так часто. Юрка, конечно, рассказал, что это его друг по переписке, с которым они познакомились в «Ласточке», что он живёт в Москве, поэтому дружить они могут только вот так, на расстоянии.

И если заглянуть в письма, там они действительно казались только друзьями — формулируя свои мысли так, чтобы никто не мог заподозрить неладное.

Юрка учился читать Володю между строк, знал, где за дежурными фразами прятались упоминания общего прошлого и личного настоящего. Он мог, не видя, а представляя себе его мимику, угадывать настроение в буквах, в почерке, в кляксах и отпечатках пальцев на бумаге. Он знал, на каком слове Володя хмурился, на каком резко, тычком поправлял очки. Представлял себе его комнату и самого Володю, сидящего за письменным столом напротив окна. Представлял его на лекциях, как он слушал преподавателей и болтал с одногруппниками. Вот только понять, о чём именно они говорили, не мог. Володя мало что писал об этих обсуждениях — скрытничал, боясь сказать лишнего. Несмотря на то, что говорить теперь разрешили о многом.

Понятия «гласность» и «демократизация» впервые прозвучали из уст Горбачёва в феврале восемьдесят шестого года на двадцать седьмом съезде КПСС. Но Юрка по-настоящему понял и ощутил на себе Перестройку, а с ней и «гласность» и «новое мышление» именно в восемьдесят седьмом году.

Эти понятия звучали везде: на улицах, по телевизору и в домах. Прогрессивное большинство стремилось «перестроиться», хотя многие советские граждане не верили, а некоторые боялись. Но во всеуслышание настояли на изменениях не взрослые, а дети. Их требование словно набатом прогремело и разнеслось по стране. Виданное ли дело: пионеры критикуют взрослых, бойкотируют решение слёта пионерской организации, задаются вопросом, нужна ли пионерская организация вообще? Юрки, три года как не пионера, на первый взгляд, это мало касалось, но где-то внутри зрело предчувствие: если детям позволили критиковать, то скоро что-то действительно изменится. И правда — изменилось.

Восемьдесят седьмой год был годом легализации бизнеса и создания кооперативов. Дефицит товаров из СССР усилился, но появились иностранные *вещи*, рынки стали расширяться. Девушки передавали из рук в руки недавно появившийся в СССР дефицитный журнал «Бурда моден», напечатанный в Германии на русском языке. Молодёжь расхаживала в ярких, пёстрых штанах-бананах, в куртках с кнопками и заклёпками, а Юрка обзавёлся джинсами-пирамидами с верблюдом на заднем кармане. Но ни одной вещи он не радовался так сильно, как принесённой мамой с работы фотографии из «Ласточки». Той самой, которую сделал Пал Саныч после спектакля. Юрка убрал её в рамку и часами вертел в руках, рассматривая лица всей труппы, стоявшей в театре напротив сцены. Но приятнее всего Юрке, конечно же, было видеть Володю, который обнимал его за плечо.

Помимо «формального» объединения молодёжи, Комсомола, появились и неформальные: рокеры, гоняющие по ночному городу, металлисты и панки — самые агрессивные, а также новое поколение тихих, одетых в тёртые джинсы, увешанных фенечками хиппарей. Володя в одном из писем писал про цивильно выглядящих, спортивно сложенных парней из подмосковных Люберец. Которые, наоборот, «очищали» Москву от неформалов и всех тех, кто, по их мнению, позорил «правильный», то есть «их», образ жизни. Любера — именно так называли этих парней — били неформалов, срывали одежду с прибамбасами, стригли им «патлы».

Явно для того, чтобы успокоить Юрку, Володя подчеркнул: «Ко мне не пристают». Юрка на это хмыкнул про себя: «Ну ещё бы».

В Харькове люберов не было. Но Юрка, не считая себя ни неформалом, ни «формалом», повиновался моде и отрастил волосы по плечи. Он перестал тесно общаться с ребятами со двора, снова превратился в домоседа. Вместе с отцом каждую пятницу смотрел программу «Взгляд» и трижды в неделю писал Володе, а Володя трижды в неделю ему отвечал.

Его почерк рассказывал Юрке о многом. Обычно он был убористым и ровным. Когда Володя нервничал, буквы становились косыми, хвостики «у», «д» и «з» — длинными и узкими как чёрточки. Когда Володя злился, то так сильно нажимал на ручку, что продавливал бумагу. Но одно из писем пришло едва ли не каллиграфически идеальным. Юрка сразу заметил это и попросил больше никогда не переписывать письма на чистовики, а присылать какими есть, пусть с помарками, кляксами или даже пятнами. «Они искреннее, — считал он, — и живее».

Вскоре у них появилась интересная привычка закрашивать уголки конвертов, чтобы, заглядывая в почтовый ящик, сразу узнавать письма друг друга. Начал это Юрка. Однажды он решил по-детски написать на конверте «Жду ответа, как соловей — лета» и начал выводить букву «ж» в левом верхнем углу, но, опомнившись, постеснялся и заштриховал. А в ответ ему пришло такое же помеченное письмо.

Так они прожили весь восемьдесят седьмой год. Юрка кое-как готовился к зимней сессии в своём училище, куда поступил, лишь бы не забрали в армию, и в декабре попросился к Володе в гости. Но тот ещё в восемьдесят шестом писал: «Я к тебе не приеду и к себе тебя не приглашу до тех пор, пока не поступишь в консерваторию». И теперь в ответ на Юркину просьбу о встрече напомнил о сказанном тогда.

Юрка давно крутился у пианино, сомневаясь, но с каждым днём всё сильнее хотел продолжить обучение. Володин ультиматум оказался как нельзя кстати — он стал последней каплей, и Юрка послушался и начал учиться. Это было немного страшно, Юрка корил себя за то, что бросил пианино. А когда очистил инструмент от хлама, поставил на него фотографию из «Ласточки» и сел играть, то принялся жестоко ругать за то, что игнорировал мать, отца и всех, кто уговаривал его начать снова, пока было потеряно не слишком много времени.

Юрка быстро понял, что не сможет подготовиться к поступлению в консерваторию самостоятельно. Сказал об этом родителям, и отец

нанял ему репетитора. Им оказался самый злой и нелюбимый преподаватель из Юркиной школы. Больших усилий потребовалось ему для того, чтобы понять — ненавистный Сергей Степанович ругался только потому, что был действительно неравнодушен к его судьбе и таланту. А ругал он его будь здоров! Припоминал лень и самонадеянность, которые тот проявлял, учась в школе. Говорил, что у Юрки слишком мало опыта для того, чтобы импровизировать, он ведь ещё не постиг азы. А прослушав Юрку, вынес вердикт, что «это уже не средне, а на тройку с большим минусом». Но успокоил мать — талант есть. А Юрке высказал, что, чтобы его развить, нужно прекратить выделываться и начать наконец слушаться более опытных.

Юрка сообщил об этом Володе. Тот сухо его похвалил. Обычно Володя писал очень ровно, если не сказать равнодушно — боялся, что письма могут читать. Каждый раз он оставлял приписку, где завуалированно просил не высказываться явно о том, что случилось между ними, и сам был очень скуп в эмоциях. Но иногда эмоции всё-таки прорывались. И именно эти редкие случаи запомнились Юрке лучше всего.

> «Иногда я так сильно скучаю по „Ласточке“, что хоть на стену лезь. Вспоминаю не что-то конкретное, а всё то лето разом. Эти воспоминания какие-то туманные. Помню события, но не помню ни лиц, ни голосов.
>
> А вот тот вечер, когда мы вырезали кое-что на ивовой коре, помню в деталях. Юра, ты как? Всё ли у тебя в порядке? Как здоровье, хорошо ли спишь? У тебя есть друзья? А подруга появилась? Ты совсем ничего об этом не пишешь».

Они никогда не дублировали в ответных письмах вопросы с подтекстом. Если в обычных случаях писали что-то вроде «Ты спрашивал, почему до сих пор не играю. Отвечаю — это потому, что…», то для особенных вопросов у них образовалось особенное правило: отвечать и спрашивать только в последнем абзаце. Володин вопрос про Юркино состояние был написан в последнем, и Юрка ответил ему тоже в последнем коротко, но вполне ясно для Володи:

> «На днях по телевизору крутили повтор телемоста „Ленинград — Бостон“, который вышел, когда мы с тобой были в „Ласточке“. Так вот, советская участница на вопрос американки, есть ли у нас в

СССР программы про секс, ответила: „В СССР секса нет. И мы категорически против этого!“ Ты слышал? Вот умора. Парни со двора — кстати, я раз в сто лет встречаюсь с ними, состав тот же, — по делу и не по делу повторяют всё время: „В СССР секса нет“. И знаешь, это немного надоедает».

Юрка не врал. Он и без телевидения и газет знающий, насколько это неправда, не практиковался ни в восемьдесят шестом, ни в восемьдесят седьмом году.

Юра сделал ещё один шаг. Новая плитка под сапогом, новый 1988 год. Год, который пролетел безумно быстро. Год, в котором им опять не удалось встретиться. Если бы плитка в действительности была газетой, то самыми яркими заголовками 1988-го были бы, пожалуй: «Дефицит усиливается: с полок начинают исчезать товары первой необходимости», «Эпидемия СПИДа! Количество заражённых выросло до 32 человек» и «Рихтер, Дягилев, Чайковский — тоже? Великие гомосексуалисты СССР и России».

Появилась незацензуренная либеральная пресса. В газетах и журналах стали подниматься такие темы, которые раньше не то что не признавались, такое нельзя было даже вообразить! Например, понятие «проституция». Писали не только о том, что она есть сейчас, но и о том, что, оказывается, она была всегда: и в восьмидесятых, и в семидесятых, и в шестидесятых!.. А в следующем году про проституток уже снимали фильмы[9].

Юрка смотрел на Ельцина по телевизору, ходил в кино на «Маленькую Веру», где впервые увидел постельную сцену на экране. Володе этот фильм не понравился, он всей душой полюбил другой фильм, «АССА», и смотрел его очень много раз. На дискотеках крутили «Ласковый май», но Володя проникся «Кино», «Аквариумом» и Бутусовым. А Юрка вообще музыку не слушал, он её играл.

Продолжая готовиться к поступлению в консерваторию, Юрка учил старое и новое, стал сочинять своё. Вдохновлённый памятью о «Ласточке», он написал грустную мелодию и отправил Володе ноты с пометкой: «Это про недострой. Помнишь?» Волнуясь до дрожи в руках, ждал, что тот скажет. К его радости, ответ пришёл быстро:

«У меня получилось попросить одногруппницу наиграть твою мелодию на пианино. Юра, мне очень понравилось! Пожалуйста,

сочиняй ещё! Напиши про иву, про наш театр, про занавес. Ну или о чём хочешь, главное — пиши!

У моего знакомого есть японский магнитофон, я возьму его на денёк, а одногруппницу попрошу сыграть ещё раз и запишу, как она играет. Вот будет здорово слушать и переслушивать твою мелодию, когда захочется! Вспоминать о „Ласточке“ и, конечно, о тебе».

В 1988 году в стране начали открыто говорить про гомосексуализм. Юрка узнал новое определение — «голубой». В газетах наперебой принялись писать о великих деятелях мировой культуры «кто ещё тоже». О гомосексуалистах в народе говорили с презрением, шутили и издевались. Но Юрка не ассоциировал себя с этими людьми, для него всё оставалось по-прежнему: он любит, его вроде бы тоже любят — и точка. А вот Володя начал сходить с ума:

«У тебя есть девушка? Юра, заведи девушку», — советовал он то ли игриво, то ли всерьёз — распознать это Юрка не смог. Но уже в следующем письме совет превратился в требование, которое стало повторяться из раза в раз, запрыгало косым почерком с узкими «з», «д» и «у» из письма в письмо.

«Ты просишь об этом так, будто девушка — это какой-то домашний зверёк, — отшучивался Юрка, а потом добавлял серьёзно: — Видишь, как много среди „этих“ хороших людей. Да что там хороших — великих!»

Но Володя не успокаивался. А последней каплей для него стало сообщение по телевизору про массовое заражение СПИДом в Элисте.

«Юра, ты знаешь про СПИД? Есть такая болезнь на Западе, она смертельная, ей болеют проститутки, бомжи и „эти“. Они умирают в страшных мучениях очень-очень долго! — писал Володя, продавливая бумагу так, что в некоторых местах просвечивали крохотные дырочки. — Природа изобрела неизлечимую болезнь, чтобы истреблять таких, как я! Значит, мне надо к врачу, пока не поздно, иначе я заболею ещё и ей! А сколько тогда вреда причиню! Ты ведь слышал о том, что случилось в Элисте? В больнице проглядели больного СПИДом и заразили нестерильным шприцом пятерых взрослых и двадцать семь детей! Юра, а ведь тот больной был таким же, как я, иначе откуда у него взяться СПИДу?»

Юрка ответил Володе, что у него просто приступ паники, что ему надо успокоиться и прекратить брать на себя ответственность за все беды мира. Что эта болезнь не возникает просто так, Володя и сам об этом прекрасно знает. Что это вирус, а вирус убивает, не выбирая жертв, вирус неодушевлённый, ему всё равно. Но Володя стоял на своём. Страх заболеть стал до того сильным, что, казалось, впечатался в его сознание и стал ассоциироваться с его «болезнью»:

«Во всём виновато *это*, мне надо идти к врачу. А тебе давно пора подружиться с девушкой. А то вдруг…»

Юрка проигнорировал вопрос про дружбу и про «вдруг». Он понимал, что одними письмами не сможет его успокоить, им нужно увидеться или хотя бы поговорить. Раз за разом умоляя Володю о том, чтобы он нашёл человека с телефоном, которому можно было бы позвонить из автомата, Юрка получал отказ.

Уставший от Володиной паники, он и не думал беспокоиться о себе. От каждой строки полученных писем сквозило отчаянием, и, пусть Юрка понимал, что это временно, что Володя непременно успокоится, его страх давил камнем на сердце. Он всё бы сделал, лишь бы Володе стало хоть чуточку легче. Всё бы ему простил и понял, кроме одного — «лечения».

Иногда и Юрка поддавался Володиной панике, и тогда он хватал фотографию из театра и подолгу смотрел на них с Володей: усталых, измученных, невыспавшихся, но улыбающихся, потому что вместе, потому что рядом.

От одного лишь предположения, что на пианино будет пусто, у Юрки в груди начинало противно ныть. Это была настоящая хрупкая, чёрно-белая драгоценность, самая дорогая вещь на свете. Глядя на неё, вспоминая прошлое и воображая их с Володей будущую встречу, Юрка успокаивался. Тогда им тоже не было спокойно и легко, они тоже многого боялись, но всё-таки были вместе и были счастливы. А раз были тогда, то это значит, что счастливы ещё *будут*!

С тоской и отвратительным чувством беспомощности перед Володиным страхом Юрка понял, что всё-таки вынужден отдать лучшее на свете успокоительное средство ему. Надеясь, что, когда Володя увидит их вместе и вспомнит, то хотя бы чуть-чуть успокоится, Юрка вынул фотографию из рамки и скрепя сердце отправил ему.

Фото он никак не прокомментировал, продолжая писать об одном и том же на разные лады:

«По телевизору сообщают, что СПИД передаётся через кровь. А отец говорит, что, чтобы не заразиться, нужно не допускать порезов и не соприкасаться с чужими порезами, то есть с кровью. И пользоваться только своими шприцами, а на операции носить свои скальпели. Мама говорит, что нельзя подстригать в парикмахерской ногти чужими ножницами. Но ведь ты же ничего из этого не делаешь? Нет! Значит, всё хорошо, не нужно никуда идти. Так что выпей успокоительного и поспи подольше».

Юрка хотел спросить Володю про секс. Занимался ли Володя им с кем-то и, если да, пользовался ли презервативами? Но писать такое постеснялся. И вместо вопросов отправил ему несколько буклетов, которые принёс из больницы отец. На каждом из них огромными буквами было написано: «СПИД передаётся половым путём».

Вдобавок ко всему Юрку мучил информационный голод: «Если причиной заражения в Элисте был действительно кто-то из „этих“, то что с ним сделали? СПИД неизлечим, это ясно, но стали ли его лечить не от СПИДа, а от „болезни“ вообще? И если да, то как? И что это такое на самом деле?»

Спрашивать Володю было бессмысленно, но, чтобы хоть как-то утолить этот голод, Юрка пошёл на крайнюю меру — спросил обо всём у отца.

— Это психическое отклонение, — сухо ответил тот, закрыв лицо разворотом газеты.

— Врождённое или приобретённое? — потребовал подробностей Юрка.

— Не знаю.

— Но ты же врач и общаешься с врачами!

— Я — хирург. — Отец вдруг опустил газету и уставился на Юрку строгим, врачебно-ищущим взглядом: — А тебе это вообще зачем?

Юрка натужно вздохнул и уставился в пол. Сказать о Володе *эту* правду значило предать его. А что касается его самого — нет, Юрка ещё не мог принять себя таким и тем более не был готов признаться родителям.

— Просто интересно, — хмыкнул он. — А что? Смотри, сколько их вокруг! — он кивнул на радио, из которого звучала песня эпатажника Леонтьева.

Лицо отца исказила очень похожая на Юркину ухмылка. Он снова скрылся за газетой и пробормотал:

— В любом случае это ненормально и от таких людей лучше держаться подальше. Они могут надавить на психику и сбить тебя с правильного пути.

— А как это лечат?

Отец снова выглянул из-за листа и нахмурился — его явно раздражала эта тема. И Юрка понимал — вкупе с тем, что таким интересуется не кто-нибудь, а его собственный сын, это выведет отца из себя.

— Юра, я — хирург! — впервые за последний месяц отец повысил голос. — Раньше лечили в спецлечебницах, но как именно — я не знаю. Что с этим делают сейчас и делают ли вообще что-нибудь, тем более непонятно. Всё перевернулось с ног на голову — голубых надо изолировать от нормальных людей, а они на эстраде выступают. Вон, этого Леонтьева видел?

Это был риторический вопрос. Юрка, всё такой же голодный до информации, а после разговора будто бы грязный, ушёл от отца ни с чем. По радио заканчивалась песня ненавидимого отцом Леонтьева про Афганистан. Уже неактуальная: война в Афганистане прекратилась, войска СССР были выведены весной.

Заражение СПИДом в Элисте вызвало настоящую истерию, заставив народ на время забыть о том, что творилось в стране. Дефицит продуктов питания усиливался. Углы кухни Коневых были заставлены коробками рыбных консервов, закупленных впрок. Мама делала соленья и варенья из всего, что только росло у бабушки в огороде, и действовала на нервы, постоянно пересказывая слухи, что зарплату скоро им будут выплачивать продукцией завода — подшипниками. Отец приобрёл неприятную привычку читать за столом уголовные хроники. Скрывшись за газетой, говорил очень мало, всё чаще молча курил ставшие дефицитными сигареты. Курить Юрка бросил, но тоже читал про постоянные перестрелки, поджоги и пытки утюгами. А когда слово «рэкет» стало общеупотребительным и начали создаваться кооперативы по охране кооперативов, вся семья

Коневых впервые серьёзно задумалась о том, чтобы иммигрировать в ГДР. Но в 1988-м году это оставалось слишком сложным.

Плитка 1989-го года, исчерченная трещинами и поросшая травой, хрустнула под Юриным сапогом. Этот год был переполнен тревогой из-за слишком резко и вдруг успокоившегося Володи, из-за поступления в консерваторию и провала на прослушивании, из-за поиска возможностей уехать из СССР. Железный занавес пал, все дороги были открыты, но прошлое не желало отпускать Юрку, а будущее — впускать в себя. Весь этот бесконечно долгий год в ожидании чего-то нового — возможного и неизбежного, — Юрка терзался предчувствием: сейчас плохо, но будет ещё хуже. Непременно будет.

Уксусный запах не уходил из его дома неделями. Мама каждый день смотрела по телевизору «Рабыню Изауру» и варила то варенье, то джинсы-варёнки. На телевидении появилась реклама, выходили всё новые и новые телевизионные программы. Юрка смотрел краем глаза любимые папины «Шестьсот секунд» и «Пятое колесо». А однажды вечером даже повернулся всем телом, прислушался и скептически поднял бровь — не показалось ли? — когда в эфире «Пятого колеса» композитор Курёхин сообщил, что Ленин — гриб.

Телеэфир заполнило и принципиально новое, ещё более странное и подозрительное: выступления экстрасенса Чумака и гипнотизёра Кашпировского.

По поводу последнего, Кошмаровского, как его называли в народе, Володя написал:

«Гипноз — это мошенничество, на деле он не работает…»

На что Юрка спросил: «Ты в недострое говорил, что тебе поможет именно гипноз, тогда откуда теперь такой вывод?»

Но Володя ответил уклончиво:

«Знакомый ходил, у него другая проблема, не как моя: он спит плохо. А раз его проблему не решило, мою тем более не решит».

Юрка стал подозревать, что никакого знакомого у Володи нет и что он ходил туда сам. С одной стороны, понимая, что гипноз не так опасен, как уколы рвотного, Юрка успокаивался. Но тут же начинал паниковать — если к такому врачу ходил, то вдруг и к другому пойдёт, и принимался уговаривать Володю подождать идти к психиатру.

В этих похожих на торги уговорах потерялся гнев на самого себя за то, что провалился на прослушивании в консерваторию. То, что раньше сильно ударило бы по самолюбию, сейчас было неважным. Юрка понимал, что попробует в следующем году, что, если провалится и тогда, попробует ещё раз и в конце концов обязательно поступит. Попробовать поступить и не смочь — это не ошибка. Бросить учёбу — это ошибка, но ещё большая — допустить, чтобы Володя натворил бед.

Не прошло и месяца, как Юркины подозрения начали оправдываться: Володины письма стали другими, у него изменился почерк! Если раньше его настроение распознавалось по манере письма, то теперь Юрку преследовало навязчивое ощущение, что письма пишет кто-то другой. Володя теперь писал более размашисто и крупно, но, что было ещё страннее, — он стал допускать элементарные орфографические ошибки, чего с Володей, которого знал Юрка, никак не могло случиться. Но, прежде чем задать прямой вопрос, лечился ли Володя, Юра несколько раз перечитал все его письма, чтобы найти в них то, чего раньше не замечал. Он пытался узнать, когда именно Володя изменился, пытался угадать из-за чего, ведь вспышка СПИДа в Элисте ни его, ни Володи не касалась, и в глубине души Юрка считал эту причину глупой. Сколько бы раз он ни брался перечитывать целый ворох его писем, каким бы внимательным ни был, найти причину или хотя бы дату резкого изменения Володи так и не смог. В конце концов засомневался, а была ли эта причина вообще, было ли это изменение?

Выхода не было, медлить стало нельзя. Юрка принялся напрашиваться в гости и приглашать Володю к себе, но тот отказывался и приезжать, и принимать его в Москве. Юрка даже грозился, что приедет без спросу, но угрозы на Володю не действовали. Видимо, он догадывался, что у Юрки попросту не хватит денег на билеты, и потому ответил размашистым почерком:

«Юра, помнишь наш уговор? Я не приеду к тебе и к себе тебя не приглашу до тех пор, пока ты не поступишь в консерваторию».

Юрка обалдел — консерватория? И черкнул в последнем абзаце:

«Про консерваторию ты серьёзно? Это сколько же мне ещё ждать! Володь, я скучаю и очень хочу видеться! Что происходит? Я же вижу, что с тобой что-то не так. Ответь честно, ты лечился?»

Юрку бесила эта проклятая конспирация. Он не мог ничего спросить прямо, а Володя не мог прямо ответить. Иногда меры предосторожности казались Юрке абсурдными, а сама мысль, что кто-то прочитает, — надуманной. Но стоило ему только вообразить, как его родители случайно находят и читают «честное» письмо, как предосторожности тут же переставали казаться бредовыми.

Ответ от Володи пришёл нескоро. Юрка уже устал ждать и собирался написать ещё раз, как увидел в почтовом ящике знакомо заштрихованный уголок конверта. Дрожащими руками открыл письмо, развернул его и прочёл в последнем абзаце:

«Я хотел соврать тебе, но понял, что не могу, ты не заслуживаешь лжи. Но и не хотел тебе говорить, пока всё не решится окончательно.

Да, Юра, я признался родителям. Всё равно когда-нибудь пришлось бы это сделать, а то, что произошло в Элисте, послужило для меня толчком. Было страшно говорить и сложно начать. Больше всего я боялся, что они не воспримут эту новость всерьёз — как не поверила тогда Маше Ирина. Но они поверили… Конечно, были в шоке, я очень разочаровал их, но главное, что они поняли: для меня это такая же проблема, как и для них. Отец долго искал врача, который бы занимался лечением неофициально, чтобы меня не ставили на учёт в психдиспансере. Плюс он открыл свой бизнес и стал известным в узких кругах, поэтому, сам понимаешь, репутация.

На приёме мы подолгу разговариваем с врачом. Он прописал мне таблетки и сказал, что, если у меня есть близкие люди, с которыми я могу быть откровенным, рассказать им и о болезни и о том, что лечусь на случай, если понадобится их моральная поддержка. А ещё велел начать смотреть на красивых девушек вокруг. Пока просто смотреть, не знакомиться и ходить на свидания. Это нужно, чтобы я научился видеть их красоту. Забавно, Юр, но я и так прекрасно её вижу, и, более того, очень многие девушки кажутся мне красивыми, но… Ни к одной не тянет. Надеюсь, только пока, а не вообще…»

Юрка читал это письмо и чувствовал, как на затылке шевелятся волосы. Ему было страшно: за Володю и за себя. Громко кричала обида внутри: «Он хочет вылечиться от меня и от любви ко мне. Он

хочет всё забыть! Сколько раз я просил его не ходить, но он всё сделал по-своему! Он предал меня!»

Но, когда эмоции чуть улеглись, Юрку стали посещать другие мысли — он был нужен Володе! Его письмо сквозило криком о помощи, он нуждался в его поддержке. Юрка понимал, что Володе сейчас вдвойне трудно — то, что родители знают о нём и платят за лечение, накладывает на него ответственность за результат. А что, если не получится или получится не сразу?

И ведь Володя не предавал его, он не утаивал правду, он всё ещё думал о нём.

Выходило так, что если Юрка не поддержит его, своего единственного настоящего друга, то предаст сам. Как бы ему ни было больно, как бы он ни сомневался в необходимости лечения, он должен помочь.

Ответ на Володино письмо Юрка составлял долго и остался удовлетворённым только четвёртым вариантом. Он написал, плюнув на установленное собой же правило — никаких чистовиков:

«Володя, ты сам прекрасно знаешь, что ты у меня — единственный близкий друг. Я просил тебя не ходить. Не буду врать — я не рад этому, но я доверяю тебе. Если ты понял, что это единственный выход и тебе станет лучше только с помощью врача, я поддержу тебя.

Правда, теперь я переживаю за тебя ещё больше. Расскажи, как у вас всё проходит. Это точно не причинит тебе вред? Какие таблетки ты пьёшь? Это помогает? Как?

Я ещё раз говорю и буду говорить постоянно: ты — мой единственный, самый лучший, любимый друг. Ты можешь быть откровенным со мной во всём. Абсолютно во всём и всегда. Ничего не стесняйся, ладно?

Очень жду ответа. Я хочу знать о тебе всё. Если я могу чем-то помочь, только скажи, я помогу!»

Письмо от Володи в этот раз шло на два дня дольше, чем обычно, и Юрка успел весь известись за это время.

«Мы просто разговариваем. Врач расспрашивает меня обо всяком… Мне было сложно открыться ему, всё-таки это слишком личное, но он психолог, ему можно доверить то, что меня так долго

мучило и пугало. И мне действительно становится легче от этих разговоров. А таблетки — это просто успокоительные. Благодаря им у меня прекратились панические атаки, я перестал мыть руки в кипятке — помнишь эту мою привычку? Похоже, мне действительно помогает это лечение!»

И как бы эти письма ни пугали Юрку, как бы ни заставляли чувствовать, будто Володя отдаляется от него больше и больше, Юрка радовался за друга. И если Володе становилось лучше, если это помогало ему, Юрке оставалось только поддерживать его. И он поддерживал весь этот год.

К осени ударила громовым раскатом главная международная новость: пала Берлинская стена.

Физической границы между ФРГ и ГДР больше не существовало. Официально страны не планировали объединяться ещё долго, но дядя узнал от своих знакомых в правительстве ГДР, что воссоединение всё-таки состоится — и не когда-нибудь, а в скором времени. Он написал Юркиной маме, что пока этого не произошло, всей семье надо собраться с силами и пойти в посольство ГДР, ведь если страны объединятся, то иммигрировать в ФРГ будет ещё сложнее. Мама пошла.

Слушая её, Юрка поражался тому, как это сложно. Пока они могли иммигрировать только как еврейская семья. Но в этом случае хотя бы матери требовалось иметь в паспортной графе «национальность» слово «еврейка» и состоять в еврейской общине. Но национальность у матери — русская, а вступать в общину, вопреки стараниям бабушки, она упрямо отказывалась, уступив ей только в одном — проведении обряда обрезания над Юркой. Дедушкина фамилия для Коневых была утрачена, а бабушка ещё в начале войны сменила и фамилию, и имя. Ко всему прочему, все её немецкие документы, в том числе и свидетельство о браке, были уничтожены. Жизненный путь деда окончился в Дахау, а это значило, что мать и Юрка могут считаться жертвами холокоста, но родство с дедом требовалось ещё доказать. Единственный родственник в Германии, дядя по дедушкиной линии, приходился Юрке всего лишь двоюродным, и, могло ли это чем-то помочь Коневым, пока понятным не было. Ясным оставалось только одно: нужно разыскать и восстановить множество документов. Но,

несмотря на это, надежды на возвращение на историческую родину ни Юрка, ни родители, ни дядя не теряли.

А в СССР тем временем начался страшный дефицит: из магазинов пропали даже мыло и стиральный порошок, не было круп и макарон. Юркина семья вместе с другими стала получать талоны на сахар. Отец торчал на дежурствах днями напролёт, мама надолго слегла с пневмонией. Уже привыкший к очередям, Юрка мёрз в длинной цепочке озлобленного народа с учебником по немецкому языку и слушал про забастовки шахтёров. Полмиллиона человек били касками об асфальт.

В Харькове было более или менее спокойно, но Володя писал, что в Москве не только шахтёры, но и остальные советские граждане, устав от полуголодного существования, стали выходить на митинги. А с ними и сам Володя, проявлявший живой интерес к политике.

Юра ожидал увидеть на следующей плитке вереницу из муравьёв, но дождь продолжался. Юра смотрел на блестящую от воды, пустую поверхность, и ему казалось, что вот-вот из травы выбежит муравей, а за ним другой, потом ещё и ещё, и они перечеркнут очередями плитку, как бы перечеркнут ими весь 1990 год. Очереди были везде и за всем, чем только можно: за водкой, сигаретами, едой. Они тянулись от магазинов и палаток, замирали у кабинетов консерватории, расстилались километровыми полосами от посольств.

Страну лихорадило. В каждой новостной передаче Юрка наблюдал за одним и тем же, хоть телевизор вовсе не смотри: что алкоголизм и преступность в обществе разрослись до вселенских масштабов, что жируют перекупщики, а повсюду ныкаются беженцы из Карабаха. Из-за дефицита сигарет народ поднимал настоящие бунты: устраивали забастовки на предприятиях, жгли и громили магазины, переворачивали начальственные машины. А СССР стали презрительно называть «Совок».

Но Юрка считал, что на телевидении преувеличивают. Да, всё это было, но жизнь не казалась ему настолько мрачной, а в чём-то, наоборот, только расцветала яркими красками: появились негосударственные незацензуренные радиостанции, где крутили так много новой музыки, что Юрке казалось, будто песни никогда не повторялись. На дискотеках танцевали ламбаду, правда, он не ходил на

дискотеки и не заглядывал под мини-юбки — Юрка сидел дома, усиленно учил немецкий и продолжал готовиться к поступлению. Теперь уже самостоятельно — мать перевели на неполный рабочий день, а отцу несколько месяцев задерживали зарплату, родители больше не могли оплачивать репетитора. Но Юрка старался, проводя за инструментом столько времени, сколько мог. Морально готовился к очередному провалу, но поступил!

«У меня получилось! — писал Юрка в следующем письме. — Думал, что опять завалят, но у меня наконец-то получилось, Володя! Как и обещал тебе! Теперь, когда я поступил, все перемешалось в голове. Раньше я мечтал стать пианистом, но теперь это уже не мечта, а цель. По-настоящему я хочу другого: не разбирать партитуры, а создавать их. Я мечтаю стать композитором, мечтаю написать особенное произведение, не просто красивое, а наполненное смыслом. — И в последнем абзаце своего письма Юрка напомнил Володе про их договор: — Я помню твоё обещание, что мы встретимся, как только я поступлю. Вот!»

Ответа не было долго, Юрка сваливал это на перебои с почтой. В пришедшем через неделю ответе Володя радовался за него так, что, читая письмо, Юрка улыбался. Но от встречи Володя отказался, ссылаясь на то, что у него совершенно нет времени: он завалил один из экзаменов, а пересдачу назначили на сентябрь, приходилось готовиться и одновременно помогать отцу с работой, да и в Москве было неспокойно — митинг на митинге, бунты, забастовки.

«К тому же, — писал Володя, — я хочу тебя попросить повременить со встречей, потому что боюсь, что это может негативно сказаться на моём лечении. Ведь, Юр… я помню тебя.

Я учусь себя контролировать. Вот, например, на прошлый сеанс он принёс фотографии… ну, которые, как он думал, должны были нравиться мне. Стал спрашивать, чем и почему они мне вообще могут понравиться, но представь себе, из двадцати мне приглянулась всего одна! И то наверняка только потому, что сильно напомнила мне последнюю ночь в „Ласточке“. Потом он дал другие фотографии, на этот раз с девушками. Просил тоже смотреть и комментировать, что привлекает в одной, что — в другой, а что категорически не нравится. И дал домашнее задание.

Ты… ты просил меня быть очень откровенным. Это немного сложно, но я постараюсь. В конце концов мы взрослые люди, и, пусть о таком не говорят в приличном обществе, но понять-то мы друг друга сможем. В общем… он дал мне на дом те фотографии, которые должны будут мне нравиться потом, когда мы вылечим болезнь. Сказал, как останусь один, попробовать расслабиться и повнимательнее присмотреться к самым красивым, чтобы… Ну, ты понимаешь, чтобы я научился получать настоящее физическое удовольствие, глядя на них и воображая. И Юр, какое счастье — у меня получилось! Я думал только о том, что на фотографии, и смог! Я смог всё!»

Усилием воли Юрка подавил эмоции, которые охватили его сразу после прочтения. Всё-таки он понимал, что это меньшее из зол и вообще-то, если бы Володя не мучился от своих проблем, к этому времени он уже давно состоял бы в отношениях с реальным человеком и занимался с ним реальными вещами, а не воображал что-то в одиночестве.

Вопрос о встрече они больше не поднимали, письма пошли ровные, нейтральные. Юрка окончательно осознал, что Володя успокоился и что лечение ему помогает. Юрке бы радоваться, но ему, наоборот, стало не по себе. Казалось, будто избавившись от страха, Володя избавился и от мыслей о нём, забыл его, разлюбил.

Это письмо было последним в этом году, где Володя писал о личном.

В октябре произошло то, о чём в прошлом году предупреждал дядя: Германия объединилась. Коневы пошли в посольство и спустя пять часов стояния в очереди наконец подали документы.

Среди знакомых Юркиных родителей три семьи уже умудрились уехать на Запад. От этих новостей мама стала совсем невыносимой. С ядовитой завистью в голосе она повторяла почти каждый день:

— Манько уехали. Коломиец уехали. Даже Тындик уехали! — говорила она о сослуживцах. — Они в Америке с боку припёка! А у нас есть полное право на гражданство Германии! И что же? А ничего! Ждите! Сколько можно ждать? Мы тут скоро с голоду сдохнем!

— Чтобы уехать в Германию, гражданство не обязательно, — негромко, неохотно и устало поспорил отец.

В ноябре уехали единственные соседи, с которыми тесно общались Коневы. Именно с младшей дочкой тёти Вали Юрка ходил на «Гостью из будущего», а на свадьбу старшей Юрин отец доставал спирт. Эта новость совсем подкосила мать.

— Я — инженер, — не успокаивалась она, — человек с высшим образованием, всю жизнь этому проклятому заводу отдала! Всё здоровье угробила! И что мне с этого? Подшипники вместо зарплаты? А Валька, какая-то челночка, торгашка, натаскала шмоток из Турции — и всё, в дамках!

Она не винила отца, хотя ему задерживали зарплату, она винила немецкое посольство и весь мир в целом. Здоровье матери и правда подкосилось, начались проблемы с лёгкими. Непрекращающиеся болезни и нищета окончательно испортили когда-то мягкий характер. Будто пытаясь найти новый повод для жалости к себе, она даже спрашивала про Юркиного «друга по переписке, который из Москвы», как им живётся в столице?

— Так же плохо, как нам?

Юрка неопределённо пожимал плечами:

— Наверное…

Большего он ответить не мог. Володина семья не бедствовала — Лев Николаевич действительно занялся бизнесом. Он открыл строительную фирму и спустя неполный год начал получать такую прибыль, что Володина мама бросила работу — теперь это стало не нужно. Сам же Володя продолжал учиться в МГИМО, дополнительно учил экономику, чтобы как можно скорее начать помогать отцу.

Юрка писал Володе с улыбкой: «Вот это ирония судьбы — страна разваливается, а вы строите».

То, что страна разваливалась, Юрка не преувеличивал. В девяностом году с Парада суверенитетов начался распад СССР.

В своём предпоследнем письме Володя шутил: «Кто знает, может быть, уже в следующем году станем жить не в разных городах, а в разных странах. Погоди, разберусь с делами, закреплю результаты лечения и приеду к тебе, пока мы с тобой ещё граждане одной страны». По поводу «вы строите» он ответил скромно: «Я стараюсь помогать, но от юриста-международника здесь толку мало, зато знаю английский. Набрал учебников по рыночной экономике, батя достал пару книжек по управлению предприятиями — менеджменту, —

пояснил он. — Сижу, учу. Это важно. Страна переходит с плановой экономики на рыночную, а как работать в новых условиях, никто и не знает. А я буду знать. Мои мозги будут нашим с отцом преимуществом. Не смей думать, что я хвастаюсь! Рано ещё хвастаться».

«Граждане одной страны», — вслух повторил Юрка и ощутил, как сердце ухает вниз. Он не торопился сообщать Володе о том, что их документы в посольстве приняли. Юрка одновременно и боялся сглазить, и понимал, что не хочет огорчать его раньше времени. О Германии он писал Володе не раз, но сообщал об этом несерьёзно и между делом, внутренне не веря даже в шанс. А теперь вдруг задумался — ведь они действительно могут разъехаться по разным странам, а то и континентам. Ведь даже если Юрка не будет жить в Германии, то Володя всегда мечтал удрать в Америку. А он, такой упрямый, если чего-то по-настоящему захочет, то у него обязательно всё получится — Юрка верил.

Только он открыл последнее Володино письмо, как сразу понял, что писалось оно в панике и спешке: в кляксах, мятое, буквы наваливались друг на друга, строчки сползали вниз:

> «Эти гадости снова лезут мне в голову! Таблетки помогают через раз, я больше не могу повторить тот успех с фотографиями, потому что отвлекаюсь на мысли об этом! И мне снова начали сниться сны! А сегодня приснился такой красочный, что, проснувшись, чуть на стену не полез — почему это не реальность?!
>
> Будто я стою у поезда и сквозь толпу выходящих из вагона вижу Т. Она улыбается, я обнимаю её. Мы спускаемся в метро, стоим на эскалаторе, но вместо того, чтобы оглядываться вокруг, рассматривать одну из самых красивых станций, она смотрит только на меня. Ей будто бы всё равно, где она, и всё равно, что происходит, ей важен только я. Мы едем на ВДНХ, сидим у ракеты, гуляем у фонтанов. Жарко. Она подставляет лицо и руки под струи воды. Потом мы едем в метро домой. Я кладу куртку нам на колени и под ней стискиваю её руку. Мы у меня. Дома никого нет, я расправляю диван, а она вынимает из сумки и ставит на стол вишнёвое варенье».

Юрка знал, что «Т» — это «ты», она — это он. Володя писал о нём. Юрка видел, как паникует Володя, понимал, что ему снова плохо, что он напуган. Но при этом Юрка и не мог убрать улыбку с лица — он

снится Володе! И хоть радость была сейчас совершенно неуместной, он не смог сдержать эмоций в ответном письме, а когда оно уже ушло, очень пожалел о сказанном: «Да плевать на эту конспирацию! Я — не она, и я всё ещё люблю тебя! А ещё… мы подали документы в посольство. Скорее всего, скоро я уеду в Германию».

Он отправил это письмо в конце декабря, а через три дня получил телеграмму от Володи:

«Больше не пиши мне на этот адрес. Потом сам тебе напишу».

Плита 1990 года была последней. Дальше — песчаный обрыв. В девяностом внезапно и резко оборвались и их отношения с Володей.

Глава 20

Поиски утраченного

Телеграмма Володи вызвала у Юрки шок. Почему не писать? Что случилось? Его бросало из крайности в крайность: «Родители Володи прочитали последнее письмо, поняли, кем я был для него, и теперь обвиняют меня в том, что мешаю лечению? Или сам Володя захотел избавиться от меня, как от помехи? Ведь это я ему снился, я сбиваю его с пути. Я ему не нужен?»

Страх за Володю и чувство вины не позволяли Юрке ослушаться его и написать, спросить, что случилось. Логика напоминала, что, как бы то ни было, Володя уже слишком взрослый, чтобы родители могли наказывать его за чужие слова. Страх шептал: «У Володи один с отцом бизнес, а это значит, что он все-таки зависим от отца». В самые тяжелые минуты мучила обида: «Володя нашел повод порвать отношения, я сам дал ему повод. Я на самом деле ему не нужен. И никогда не был нужен». Память намекала: «У него опять началась паранойя, такое уже было и не раз».

Как бы то ни было, Юрка ждал, когда наступит это «потом» и Володя ему напишет. А писем всё не было.

Юру, измученного сомнениями и метаниями, не радовало ничего. Апатия сказывалась на всем: он плохо спал и плохо ел, стал хмурым и вскоре замкнулся в себе. Безразличный ко всему, охладевший даже к музыке, он прожил бесконечно долгую зиму, а весной его на время вывели из оцепенения хорошие новости из посольства. Сияющая неподдельным счастьем мама прямо в верхней одежде забежала на кухню, крича:

— Одобрили!

— Я уеду! Уеду! — впервые за долгое время радовался Юра.

Но вскоре радость сошла на нет — он уедет! А как же Володя?

В мае стало известно время отбытия и кое-какие подробности. Тянуть было нельзя, и, вопреки просьбе Володи не писать, Юра отправил ему короткое: «Мы уедем в июле. Сначала нас отправят в

распределительный центр, а потом уже оттуда переведут на постоянное местожительство. Пока я не знаю постоянного адреса, а временный вот».

Май заканчивался, а Юра всё ещё ждал от Володи весточки. Каждый раз подходил к почтовому ящику с бешено бьющимся сердцем — вдруг письмо? Вздрагивал от каждого звонка в дверь — вдруг телеграмма? Но так и не получил ответа. Больше он вообще не получил от Володи ни слова. А когда наступил июнь, Юре больше ничего не оставалось, кроме как назанимать у знакомых денег и поехать в Москву.

Стоило только сойти с поезда, как он окунулся в хаос. Москва очень ему не понравилась. Она, как кипящий котёл, была слишком агрессивная, шумная и грязная. От асфальта до самого неба заклеенная плакатами с Ельциным, Жириновским и другими политиками — шли предвыборные кампании кандидатов в президенты РСФСР. В каждом втором парке и сквере собирались демонстрации и митинги, но, даже если не обращать на них внимания, Москва не стала бы ни чище, ни тише. Она виделась Юре городом-рынком, на котором торговались если не за права и свободы, то за тряпки. Челноки были везде: на площадях, у метро и просто на тротуарах оживленных улиц, соседствуя с попрошайками и очередями за едой. Поверх агитплакатов по городу была развешена реклама постановки «М. Баттерфляй» — первого спектакля с темой гомосексуальности. И всё это в окружении бесконечно суетящегося народа.

До этого момента Юра никогда не был в столице. И мечтал, только появится здесь, сходить в мавзолей, но по приезде об этом даже не вспомнил, сразу отправившись на Беговую.

Кое-как разобравшись с картой, сосредоточенный на цели маршрута Юра не обратил внимания на красоту или уродство Володиной станции метро. Каким был Володин дом — жёлтая четырехэтажная сталинка с каменными балконами, живописно обвитыми плющом. Как выглядел Володин двор — тенистый и тихий, со статуей склонившихся над книгой пионерок. Как пахло в его подъезде. Он пришёл в себя и стал замечать хоть что-то вокруг, только когда оказался возле двери в его квартиру.

Позвонил в звонок — никто не открыл. Прижал ухо к двери — тихо.

Юра стал ждать. Он вспомнил, что Володина мама не ходит на работу, а значит, скорее всего, ненадолго вышла из дома и скоро вернётся. Время близилось к четырём часам, он надеялся, что ещё пара часов — и кто-нибудь точно явится домой. Вздрагивал от каждого шороха, надеясь, что по лестнице поднимается кто-то из обитателей заветной квартиры. Но никто так и не добрался до последнего, четвертого этажа и не подошёл к Володиной двери. Лишь какая-то бабушка, ворча, протопала мимо Юры, подозрительно оглядела его, но, ничего не сказав, скрылась за соседней дверью.

Когда прошёл час, бабушка выглянула через цепочку на лестничную клетку и грубо окликнула Юру:

— Кто такой? Чего ты тут сидишь?

— Жду… — буркнул он и отвернулся, а спохватившись, вскочил: — Я друг Володи Давыдова, он живёт здесь. Не знаете, скоро кто-нибудь вернётся домой?

— Так уж, поди, не вернутся.

— Как это?

— Они с полгода как уехали всей семьёй, — ответила бабушка, продолжая из щели сверлить Юру взглядом. — Под Новый год.

У Юры стиснуло горло, он прохрипел:

— Но почему?

— Откуда ж мне знать, они не сказали, — ответила бабушка категоричным тоном, но дверь закрывать не спешила.

— А другие соседи что-нибудь говорят? — спросил Юра, подталкивая соседку рассказать хотя бы слухи.

«В конце концов, это же бабушка, а они во всём СССР одинаково любопытные. Вряд ли эта — исключение», — подумал Юра и угадал.

— Говорят-то всякое, а чему верить? — нахмурилась старушка, но, помолчав с полминуты, всё-таки рассказала: — Лев Николаевич с бандитами связался, задолжал им, а отдать не смог. Квартиру переписал, а сам с семьёй сбежал.

— Лев Николаевич? А Володя? Это точно не к нему?

— Сама видела, что несколько раз у подъезда останавливалась машина, Лев Николаевич в неё садился, а потом выходил. Потом бандиты прям в квартиру стали ходить. Среди ночи как забарабанят в дверь. Я милицию вызывала, да к их приезду тех уже след простыл.

Первое, что Юра ощутил, услышав это, было облегчение — столько времени он винил себя за признание, так сильно боялся, что, раскрыв Володю перед родителями, стал причиной его исчезновения. Но теперь выходило, что Юра здесь ни при чём. Вот только истинная причина не просто исчезновения, а настоящего бегства оказалась ещё страшнее. Преследование. И не поверить бабушке не получалось — в те времена бизнесменам невозможно было обойтись без кредиторов, а деньги сосредотачивались только в руках бандитов. Чтобы остаться на плаву, путей было всего два: либо самим становиться бандитами, либо стать их должниками. Внезапный рост доходов Володиной семьи был тому подтверждением — невозможно с нуля заняться таким долгосрочным делом, как строительство, и умудриться получить такие доходы спустя какой-то год.

— А как же Володя? — прохрипел Юра. — Он с родителями уехал? Он же взрослый, он же учится.

— Это ты мне скажи. Сам же говорил, что его друг.

— Я не виделся с ним очень давно, я не…

— Да не пойми что с этим Володей вообще, — перебила бабушка. — Хороший был мальчик, всегда здоровался, сумки носить помогал. Но в последнее время стал какой-то дёрганный. Всё время озирался вокруг, здороваться перестал.

Юра начал лихорадочно соображать, что теперь делать и как его найти.

— Где они могут быть, не знаете?

Бабушка пожала плечами так, что цепочка звякнула.

— А родственники и друзья? — спохватился Юра. — Брат! У него есть брат, полный тёзка! Где у них живут друзья или родственники?

— Вроде кто-то в Твери есть, — ответила бабушка. — Ты давай, иди отсюда. Всё равно не дождёшься.

Юра задал ей пару новых вопросов, ответа на которых бабушка не знала. После вопроса про институт «он же учился, неужели бросил?» разговор их закончился.

Юра тряпичной куклой осел на лестницу. Разминая одеревеневшие от шока пальцы, смотрел на серый пол и с трудом перебирал обрывки мечущихся мыслей: «Сбежали. Бандиты. Спрятались. Если спрятались, то так, что не найти. Тверь. Тверь далеко? Институт. Надо

съездить в его институт. Надо прийти в себя. Шанс найти его есть только сейчас. Потом — всё».

Заставив себя собраться с силами, Юра встал. Его взгляд переметнулся с бетонного пола на обитую дерматином дверь, и сердце стиснуло. Юра понял, что никогда, никогда в жизни не побывает в этой квартире, не увидит Володиной комнаты. Теперь она чужая, его не пустят туда. Плевать, пусть не пускают, но хотя бы позволили бы заглянуть в эту квартиру! Пусть не заходя внутрь, пусть хотя бы с порога, но пробраться за эту чертову дверь. Даже если за ней ничего не осталось от Володи, даже если в его комнате больше не стоит диван, на котором он спал, не стоит тумбочка, на которую клал очки на ночь, нет стола, за которым сидел. То там осталось хотя бы окно, в которое Володя поглядывал, когда писал ему письма. Юре хотелось посмотреть в него, казалось, что это сблизит их. Увидеть бы хотя бы следы от мебели на полу. Они — доказательство, что Володя действительно был, что Юре это не почудилось.

«Я найду его, найду!» — нехотя передвигая ноги, он заставил себя уйти отсюда и спуститься по лестнице вниз.

В надежде найти письма друзей или родственников Давыдовых Юра выломал дверцу их почтового ящика. Кровь забила в висках — в ящике и правда лежало два письма! Но тут же руки опять опустились — это были его собственные письма. Предпоследнее, где Юра признавался в любви, и последнее — где сообщал, что уезжает в июле.

И несмотря на то, что ситуация была такой безысходной, у Юры немного отлегло. Всё-таки не он был причиной Володиной последней телеграммы с просьбой больше не писать. Всё-таки оставалась надежда, что Володя так же любит и нуждается в нём. Но получалось, что он даже не знал о том, что Юра вскоре уедет.

Из его дома Юра поехал в институт, где не сразу, но узнал, что Володя забрал документы. И тоже под Новый год.

Весь путь до Курского вокзала Юра решал, ехать в Тверь или нет: «Она недалеко, но денег осталось мало. Нет, если хотя бы не попробую, не прощу себе этого. Не прощу».

Поезд метро грохотал, на сиденье напротив молодой человек положил куртку своей девушке на колени и осторожно стиснул её ладонь. Точно так же, как было в Володином сне, только этой паре не пришлось прятать руки.

«Это знак», — подумал Юра и вышел из вагона. Пересел на другую ветку и отправился на Ленинградский вокзал.

В Твери зашёл на почту, купил телефонный справочник и стал обзванивать всех Давыдовых. Прозвонил больше половины номеров, но никакого Владимира Давыдова никто не знал. Сердце ёкнуло, когда какая-то девочка наконец ответила, что Владимир дома, и позвала его. Секунды ожидания тянулись, превращаясь в минуты или часы. Юра будто потерялся в пространстве и времени, не понимая, долго ли на самом деле ждал. И всё-таки дождался. Владимир ответил, и у Юрки упало сердце — им оказался старик.

Стараясь раньше времени не отчаиваться, Юра водил пальцем по строчкам справочника. На имени Давыдова Владимира Леонидовича палец дрогнул.

Стоя в телефонной будке полчаса с трубкой у уха, Юра ругался сквозь зубы — он не мог дозвониться — занято. Близилась ночь, из трубки продолжали звучать короткие гудки, и Юра решился ехать к этому товарищу прямо сейчас.

В подъезде старой хрущёвки пахло кошками. Юра нажал на звонок. Не открывая двери, откликнулась девушка, услышала Юру и позвала Вову. Отозвался молодой голос. Замок щёлкнул, дверь отворилась, на пороге стоял высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати.

— Я ищу Володю Давыдова.

— Ну? Я слушаю.

— Это не вы, это, наверное, ваш двоюродный брат. Он жил в Москве, носил очки, у него тёмные волосы. Я с ним в лагере был, — затараторил Юра, роясь в карманах, ища единственную Володину фотографию — с пятым отрядом. — В восемьдесят шестом Володя был там вожатым. Это пионерлагерь «Ласточка» в Харьковской области. Я… у меня фото есть, я сейчас.

— Не знаю такого, — отрезал Вова.

— Я сейчас, фото… Вот, — Юра сунул фотографию Вове под нос, но тот даже не опустил взгляда.

— Не знаю такого, — заявил он и захлопнул дверь. Фото застряло в проёме между дверью и косяком.

Юра вытащил мятую фотографию, расправил её и с грустью заметил, что уголок оторвался.

Всё. Это было всё, точка. Но Юра не мог поверить. Ему казалось, что ещё есть шансы, просто он ищет не там. Что если бы у него было хоть чуть-чуть больше времени, он бы нашёл его.

Единственное, что оставалось Юре по возвращении в Харьков, — надеяться на других людей. Ему не удалось встретиться с новыми жильцами своей квартиры, если они вообще были. Квартира Коневых муниципальная, а это значило, что они не могли её продать. Юра попросил оставшихся соседей — алкоголиков, с которыми его родители были на ножах, — передать новым жильцам записку, в которой просил не выбрасывать пришедшие ему письма, а переслать их в Германию. В приписке Юра сообщал, что в скором времени пришлёт ещё одно письмо с новым, постоянным немецким адресом.

О том же самом он попросил своих друзей со двора: заходить в квартиру, вдруг появятся новые жильцы, и передать им всё, а также заглядывать в почтовый ящик — вдруг придёт письмо от Володи.

И всё.

Сбор вещей и подготовка к отъезду прошли будто мимо Юры. Аэропорт, перелёт, переезд — тоже.

Теперь он был здесь. В Германии. Он ничего для этого не сделал, а Володя всю сознательную жизнь работал над тем, чтобы удрать в Америку.

«Получилось ли у него? Обязательно должно получиться, иначе это будет слишком несправедливо! — думал Юра. — Может быть, он уже там?»

И если бы он знал ответ, то всё равно это было бы неважно, потому что теперь Юра здесь.

Долгое время в Германии он чувствовал себя совершенно чужим. Стеснялся акцента, его передергивало от отвратительного, унизительного слова «эмигрант». Причем эмигрант русский. Немцы говорили о нём именно так, несмотря на то, что за распадом СССР следил весь мир, все знали, что Россия, Украина, Беларусь — разные страны. И Юра русским не был. Но кем он мог быть здесь? На четверть немец, на четверть еврей, наполовину украинец, знающий немецкий и историю Германии, живо интересующийся культурой. Но знание языка, культуры и истории не меняло менталитета, не перестраивало голову — как бы Юра этого ни стеснялся, но он был эмигрантом, а по сути даже хуже — практически беженцем. Он сам

себя ненавидел за пренебрежение, не раз повторяя мысленно: «Ещё более унизительно и трусливо не быть кем-то, а стесняться своей сути».

Каждый день убеждая себя, что он попросту вынужден забыть Володю, Юра прожил первый месяц в Германии. Но ему казалось, что не прожил, а пережил.

Август 1991 года начался отлично — Юра поступил в консерваторию с первого раза. Но в середине, девятнадцатого числа, его ждал удар.

Он сидел в своей комнате, тестировал новенькое пианино, подарок дяди, как вздрогнул от бешеного стука в дверь. Это была мама. Она закричала так, что на мгновение её крик пересилил музыку:

— Юра! Иди скорее. Юра, там танки в Москве! Горбачева свергли! Господи, что ж это делается — танки!

Не веря своим ушам, Юра медленно, преодолевая чудовищное сопротивление внезапно загустевшего воздуха, вошёл в гостиную. Опустился на диван перед телевизором и сидел до самой ночи. А утром и весь следующий день перед глазами так и стояли кадры: Ельцин на танке, толпа вокруг Белого дома и на Красной площади. Позже — прессконференция ГКЧП, Янаев, у которого так сильно тряслись руки, что он не мог держать бумагу. У Юры дрожали так же. У него началась паника. Такая, какой никогда ещё не было. Такая, какая, наверное, мучила Володю, когда он, не в состоянии справиться с собой, совал руки под горячую воду.

«А что, если он никуда не уехал? Ни в Америку, ни в Тверь. Что, если он в Москве? Что, если он там — у Белого дома? Что, если эти бандиты связаны с политикой? Что, если Володя связан с ними и с переворотом, ведь раньше он ходил на какие-то митинги?»

Вечером стало ещё хуже. Начался штурм Белого дома, по Садовому кольцу поехали танки. Когда Юра увидел, как люди стали на них бросаться и кого-то убили, его затрясло уже всего. В темноте ночи было так трудно разглядеть, кто именно погиб — это был парень, брюнет, без очков, но ужасно похожий на Володю.

«Вдруг это он? Вдруг очки разбил?» — звучало в голове, но в глубине души Юра понимал, что это просто истерика. Что в миллионной Москве сотни тысяч молодых людей ростом, телосложением и цветом волос похожих на Володю. Но всё равно

боялся. А вскоре убедился в том, что убитый — действительно не Володя.

Юра написал друзьям со двора, попросил сходить в его старую квартиру, узнать, не приходило ли ему писем. Если приходили, забрать и переслать в Германию. Ответ пришёл спустя месяц. Друг писал, что квартира всё ещё стоит пустая, а в ящике писем нет. Он поделился новостями о том, что происходит в стране, но Юре нечего было на это ответить, кроме как ещё раз просить хотя бы иногда заглядывать в почтовый ящик.

В декабре 1991 года СССР перестал существовать. Юра смотрел по телевизору, как советский флаг над Кремлём спустили и вместо него подняли российский. С флагом СССР будто опустился занавес его старой жизни, а с триколором — поднялся занавес новой. И тогда Юра понял, что время его детства ушло окончательно. Оно подарило ему любовь и дружбу и ушло, забрав всё с собой. Впереди ждало другое, новое время и совсем другая жизнь. И Юре пора было, как когда-то писал Володя, перестать оглядываться на него и научиться жить нормальной жизнью.

Вскоре он узнал, что в его городе, как и во всей Германии, много русских. Они не создавали официальных общин, но держались друг друга. Кроме телевидения, именно от них Юрина семья узнавала, что происходит в России и Украине.

Юра с трудом адаптировался к новой жизни. Первое время по большей части дружил с такими же эмигрантами, как он сам. Когда начался учебный год, он принялся как можно больше общаться с немцами, хотя они казались ему людьми из совершенно другого теста, ни капли не похожими на людей из СССР. О том, чтобы строить с кем-то отношения, нечего было и думать. Пока Юра даже не интересовался жизнью секс-меньшинств в Германии. Чувствующий себя потерянным, никому не нужным, лишним и бессильным, он старался подстраиваться под окружающих, походить на своих однокурсников-немцев, пытался избавиться от акцента. Но всё равно выделялся, даже молча — он думал о Володе, он все ещё помнил, как сильно его любил. И ему всё так же не нравились женщины.

Правда, вскоре Юра узнал, что в Берлине отношение к гомосексуалам было совсем другим, нежели в СССР.

Песчаная тропинка под острым углом уходила к реке. Местами Юра поскальзывался и съезжал вниз. Так было и в 1992 году — жизнь сама собой несла его вперёд. Юра продолжал прилежно учиться и, кроме учёбы, не делал ничего, но вокруг него всё менялось. И изменилось до неузнаваемости.

Случилось то, чего так боялся Володя, — Юра стал заглядываться на других парней. Он не предпринимал попыток найти пару или хотя бы просто познакомиться с кем-то из «своего» круга. Но совершенно случайно на одну из университетских вечеринок пришёл открытый гей, член берлинского прайда. Он не привлекал Юру сексуально, а вот Юра ему понравился, но это не помешало им подружиться. Чуть позже Мик рассказал ему про комьюнити и пригласил в квартал, где тусуются берлинские геи.

В следующие выходные Юра поехал на Ноллендорфплац. Выйдя из метро, отправился с площади на Моцштрассе и только ступил туда, как остановился, растерянный. То, что он увидел, не было мечтой или сном, потому что Юра не мог такое даже вообразить. Это был параллельный мир, шумный, людный, яркий и свободный. Юра будто оказался на другой удивительной планете, где царила атмосфера праздника, где Юра не был чужим и где, казалось, его даже ждали. Десятки песен разом звучали из десятков клубов, сотни людей гуляли вокруг. Кто-то, как и Юра, шагал в одиночестве, выискивая кого-то взглядом в пёстрой толпе. Но большинство составляли однополые пары. Они вели себя раскованно и свободно, почти на грани вульгарности: гуляли, держась за руки, целовались прямо на улице, прямо при всех, и ничего им за это не было! Ни осуждающего взгляда, ни грубого слова — ничего! Юра не верил в реальность происходящего. Замерев на месте, хлопая расширенными от удивления глазами, завистливо глядел на парочки и вздыхал: «Вот бы это Володя видел». Мик утверждал, что здесь это — норма, что война, о которой Юра не имел ни малейшего представления, уже выиграна. Но, воспитанный в СССР, Юра был уверен, что никогда в жизни не заставит себя вот так пройтись по улице, держась за руки с парнем.

На влажном после дождя асфальте прямо под его ногами лежали отражённые от электрической вывески бара полосы света — радужный флаг. Юра опустил взгляд, судорожно вздохнул и сделал

шаг, ступив на отражение на земле. Набравшись смелости, он пошёл прямо по радуге к бару, где договорился встретиться с Миком.

Скромно сел за пустой столик, заказал пива и выпил стакан залпом. Не прошло и четверти часа, как к нему подсела компания из десятка человек, которых вскоре Юра стал считать ни кем иным, как настоящей семьей. Там были и женщины, и мужчины, и те, к кому Юра не знал, как обращаться — как к «нему» или как к «ней»? Веселые и возбужденные, они рассказали, что планируют акцию под кодовым названием «Операция ЗАГС», которая должна была наделать много шума. Суть её заключалась в том, чтобы в определенный день, девятнадцатого августа, множеству однополых пар разом подать заявления на регистрацию брака в ЗАГСы по всей стране. Разумеется, все они получат письменный отказ и обратятся с ним в суд. Опьяненный не пивом, а атмосферой, Юра мигом согласился принять участие в Операции ЗАГС. Тут же для него нашелся и «муж», чье имя Юра запомнил, только когда прочитал его в заявлении. Заявление не было поводом для начала отношений, и, хотя парень Юре понравился — высокий, худой брюнет с тонкими чертами лица и серыми глазами, — в те дни парой они не стали. Но с той минуты всё закрутилось так, что, только когда Юра получил отказ в принятии заявления, он впервые задумался, что оказался бы в очень странном положении, если бы заявление приняли.

В стопке с отказом из ЗАГСа лежало ещё одно письмо для Юры, из Харькова от друга со двора. Этот парень давно переехал в другой район, но иногда приезжал в старый, Юрин, к матери, о чём и написал. Это письмо ошарашило Юру.

«Недавно ездил к матери, она говорит, что тебя искал какой-то парень. Сам я его не видел, но мать говорит, что в очках. Это тот, о котором ты говорил?»

Юра отправил короткое нервное:

«Что спрашивал и что она ему ответила? Дала адрес и телефон в Германии? Свои контакты этот парень оставил?»

А ещё спустя месяц получил ответное:

«Адреса и номера телефона мать не дала, сказала только, что вы уехали в Германию. Ничего о себе он не рассказал».

Юра попросил: «Сходи в мою старую квартиру, узнай, приходил ли тот парень к ним и оставил ли свой адрес? И обязательно забери письма! Если там всё ещё никого нет, взломай почтовый ящик».

Ответа не было долго — друг давно жил своей жизнью, поглощённый семьёй и работой. Мотаться из одного конца города в другой по первому Юриному зову он, конечно, не собирался. Потому ответил поздно, только в начале ноября:

«Этот парень к ним приходил, адреса не оставил, а свои письма забрал».

Злость захлестнула Юру: почему не оставил адреса, почему забрал письма? Неужели опять включилось его дурацкое «без меня тебе будет лучше»? Злость переросла в ярость. Если бы Володя оказался рядом, Юра бы его ударил.

Отчасти именно эта новость подтолкнула Юру к началу новых отношений. Взбешённый и обиженный, он поехал на Ноллендорфплац. Засел в баре, стал опрокидывать бокал за бокалом. Когда в глазах у Юры уже двоилось, к нему подошёл старый знакомый Йонас, его неудавшийся «муж», с которым в августе они подавали заявление в ЗАГС. Юра был настолько пьян, что наутро не смог вспомнить, как и почему оказался с ним в одной постели.

В далеком восемьдесят шестом он договорился с Володей встретиться в «Ласточке» спустя десять лет. Но не приехал, потому что попросту об этом забыл. Он забыл вообще обо всем — жизнь закрутилась, наконец пришло признание в музыке. Выступая на концертах, продолжая учиться уже и на дирижерском, Юра пожинал плоды. Но главным, заставившим окончательно забыть о договоренности, было не что-то, а кто-то — Йонас. Юра считал их отношения настоящей любовью, долгой и взаимной, но таковыми они только казались.

Йонас был гей-активистом, занимался организацией общественной жизни комьюнити. Он старался уважать дело Юриной жизни, но вскоре стало ясно, что Йонас не любит то ли именно Юрину музыку, то ли фортепианную музыку в целом, говорил, что от неё нет никакого толку, один шум.

Но они вместе ходили в театр и оперу. Однажды, путешествуя по Латвии, Юра заметил афишу на русском языке «М. Баттерфляй» —

спектакль Романа Виктюка, и, несмотря на то, что Йонас ни слова не понимал по-русски, Юра настоял, чтобы пойти вместе.

Постановка произвела двойственное впечатление. Спектакль не только отталкивал, но и привлекал. Отталкивал обнаженкой и кривлянием, в которое превратилась пантомима, а привлекал неоднозначностью самой темы, моралью о том, что любовь не имеет пола. И шокировал фактом того, что пьеса основана на реальных, не так давно произошедших событиях. Но главное — русская речь, Юра впервые за последние годы услышал её со сцены.

«М. Баттерфляй» напомнил ему о тех событиях, когда Юра впервые увидел его афишу — в девяносто первом году в Москве. Напомнил о том человеке, из-за которого Юра туда ездил. И его мечта — написать полное смысла произведение, возможно, самое главное во всей его жизни, — снова посетила Юру. Образ главного героя, надевшего женское платье и ощутившего себя в нём свободным, преследовал Юру многие годы. Йонасу показалась абсурдной сама идея обретения моральной свободы через надевание платья, а фактически — через глумление над собой, но Юра не был с ним согласен.

Для него началось время творческих проб, ошибок и экспериментов.

Юра с Йонасом были слишком разными и понимали это. Но, может быть, именно диаметральная противоположность характеров, темпераментов и интересов привлекала их друг в друге. Спустя год после начала отношений они стали жить вместе. Сначала ещё были способны прощать недостатки друг друга и в должной мере считаться с интересами, но чем дальше тянулись эти отношения, тем сложнее становилось мириться с пренебрежением к тому, что каждый из них считал целью и даже смыслом жизни.

Йонас тратил всё своё время и силы на организацию гей-тусовок, гей-парадов и гей-олимпиад. Он хотел добиться для гомосексуалов равнозначных с гетеросексуалами прав, но Юра считал, что активизм здесь не поможет. Чтобы достичь чего-то существенного, Йонас должен заниматься не им, а политикой. Но тот будто его не слышал и продолжал говорить о своем.

Вскоре Юра устал от постоянных и бесполезных разговоров о дискриминации гомосексуалов и борьбе за однополые браки. За всё проведенное в Германии время он ни разу не столкнулся с

дискриминацией в профессиональной жизни. Нет, Юра не скрывал своей ориентации и даже не думал прятать Йонаса, просто никто из коллег никогда не спрашивал его о личной жизни, а Юра не собирался афишировать её просто так.

— Геям нельзя заключать брак — это и есть дискриминация, — говорил Йонас. — Почему нам запрещено то, что разрешено гетеро? Мы стремимся к равноправию с гетеро-парами. Мы такие же граждане, как они, и нас тоже много! И ты тоже должен бороться за свои права, за тебя никто этого не сделает.

И пусть это была дискриминация, но Юре не был нужен брак.

Может быть, из-за советского воспитания, а может, из-за темперамента, Юру раздражал эпатаж гей-парадов.

Расширение гей-кварталов, которым в последнее время Йонас начал заниматься особенно активно, Юра считал не столько бесполезным, сколько вредным. Гей-кварталы он считал удобным местом для знакомств и отдыха, но ему претила сама суть:

— Вы буквально загоняете геев в рамки, создаёте резервации. Как в Америке кварталы для белых и кварталы для чёрных, только тут кварталы для геев. Нужно не расширять резервацию, а выводить людей оттуда.

Юра полностью разделял и поддерживал только проведение гей-олимпиад, потому что в них могли участвовать люди из разных стран, в том числе тех, где гомосексуальность карается смертной казнью.

— Если хочешь помогать людям, — он в сотый раз повторял Йонасу, — создай центры психологической поддержки при школах и институтах. Но единственно правильное решение для достижения твоих целей — выход в политику. Только так.

Через четыре года бесплодных попыток научиться принимать и любить друг друга такими, какие есть — вместе с интересами, которые для Юры и Йонаса воспринимались как недостатки, — эти отношения стали рушиться. Любовь, сначала яркая и волнующая, поблекла и притупилась, а вскоре неминуемо угасла. Раздражение интересами распространилось на всё остальное. Внешность Йонаса, которая при первой встрече просто покорила Юру, перестала казаться особенной. Недостатки вроде родинки на виске, которые раньше Юра упрямо игнорировал, теперь бросались в глаза и вызывали отвращение. Юру стала раздражать даже его походка, привычки, жесты, то, как Йонас

одевается, и даже то, как он ест. И Юра тоже замечал в его взглядах, что нравится ему все меньше и меньше.

Но если Юра выражал пусть не всегда корректное и не всегда правильное мнение, то Йонас стал демонстративно игнорировать музыку. Он старался не бывать дома, когда Юра разучивал новое, он никогда не просил Юру сыграть ему что-нибудь и ни разу не явился в концертный зал на его выступления.

Всё чаще им обоим было удобнее молчать в обществе друг друга. Потом молчание стало привычкой, а вскоре даже звуки голосов друг друга стали раздражать. Почти каждый разговор о музыке и комьюнити заканчивался скандалом. Потом они перестали тратить силы даже на ссоры. Потом — на секс, а вскоре Юра попросил Йонаса собрать вещи и съехать. Так закончилось то, что Юра когда-то считал вечным.

На дворе было 31 июля 1998 года. Юра забыл о встрече под ивой, он два года как опоздал на неё. Он вообще много о чём забыл и много чем пожертвовал, когда сперва окунулся в отношения с головой, а потом тщетно пытался их сохранить. Он перестал общаться с русскими друзьями, не относящимся к комьюнити, он жертвовал карьерой музыканта, в которую, чтобы достичь чего-то значимого, нужно было вкладывать куда больше сил и времени. А главное — Юра испортил отношения с родителями. Они не смогли принять его ориентацию, а он после нескольких попыток объяснить и найти понимание сдался. Юра приходил к ним в гости по праздникам, но это было похоже скорее на традиционно-обязательные визиты дальних родственников, а не родного сына. Мама общалась с ним холодно, и лишь изредка в её глазах мелькала прежняя теплота, всё больше — сожаление. Отец с ним не говорил вовсе.

После расставания он словно вернулся с небес на землю и вспомнил, что, кроме Йонаса и музыки, в жизни есть еще многое. Но больше всего он думал о невыполненном обещании.

Если в девяносто первом году не было ни единого шанса найти человека, зная только его имя и фамилию, то теперь, с появлением Интернета, это стало хотя бы гипотетически возможно. Юра знал, — не верил и не предполагал, а знал, — что Володя должен был появиться в «Ласточке», и первостепенной задачей для него стало найти её. Второстепенной — приехать, пусть даже время уже вышло.

Юра забыл дорогу до «Ласточки». По правде говоря, он никогда её и не знал — пионеров всегда привозили на автобусе. Юра помнил про четыреста десятый маршрут и про то, что рядом стояла деревня Горетовка. Найти из сотен тысяч деревень одну-единственную на огромной территории бывшего Советского Союза не удалось. Юра создавал на каждом российском интернет-форуме тему во флудилке с вопросом, не знает ли кто, где эта деревня и что с ней сейчас. Получил немного ответов, да и те оказались бесполезными. Люди знали деревню с таким названием, вот только располагалась она в Московской области. Про Харьковскую Горетовку не знал никто.

Юра покупал и пристально разглядывал карты — деревни на них не было. Устав от постоянного «нет» и «не знаю», задавался вопросом, а была ли такая деревня вообще? Может быть, за столько лет он забыл её настоящее название и в уме исказил его до неузнаваемости?

Спрашивал у матери, не помнят ли её бывшие коллеги по заводу, где был лагерь — не помнили или не знали. Искал в Интернете фотографии путёвок в «Ласточку» — не нашёл. Исследовал маршрут «410», искал похожие — «41», «10», «710», «70» и другие — но те, которые существовали в действительности, не проходили возле хоть сколько-то похожих на нужные Юре мест.

После безуспешных попыток найти «Ласточку» он принялся искать людей: ПУК, Ваньку с Михой, Пчёлкина, Олежку, всех-всех-всех, кого только вспомнил, даже Анечку и Вишневского. Но, может быть, у них не было компьютеров или доступа в Интернет, может быть, они выходили в него под дурацкими никами из Интернет-кафе, но в девяносто восьмом году Юре не удалось и это. Он писал ребятам со двора, просил их узнать номер телефона восемнадцатой школы и искал через неё ПУК. Но деньги, потраченные на международные звонки, ушли впустую. Каждый раз задаваясь вопросом, что он ещё не сделал, чтобы найти, и как ещё не попробовал, Юра придумывал новые способы. А попробовав их, не верил, что и это не вышло: «Не может такого быть, чтобы не нашелся никто!» Могло.

По всему выходило, что единственным вариантом оставалась поездка на Родину. Там можно было бы поднять архивы, найти людей по телефонным справочникам, поговорить с работниками завода. И, не желая сдаваться, Юра уже планировал в ближайшее время взять отпуск и съездить в Харьков, но его планы перечеркнул телефонный

звонок из дома. Первый раз за четыре года с ним говорил отец и говорил он о плохих вещах. Мать заболела, возможно, неизлечимо. О себе дали знать долгие годы работы на вредном производстве.

На следующие два года Юра забыл о своих планах и желании найти «Ласточку». Мама медленно угасала, болезнь прогрессировала, лечение не давало ожидаемых результатов.

От мрачной атмосферы, царящей в доме, его спасала только музыка, она стала для Юры якорем, помогла смириться с неизбежностью утраты.

Он окончил обучение на дирижерском, принял предложение ректора занять место одного из преподавателей по фортепиано в консерватории. Днём Юра преподавал музыку и играл для учеников, а иногда по вечерам, приходя в родительский дом, играл для мамы.

Она умерла весной двухтысячного. Болезнь и смерть жены сильно подкосили отца. Он и раньше-то был не особо разговорчивым и открытым, а теперь окончательно ушёл в себя, всё больше молчал и стал часто прикладываться к стакану. А Юра, глядя на него, с горечью понимал, что единственный оставшийся для него родным человек даже после стольких лет и общей потери не принял и не простил сыну его суть.

Время неумолимо бежало вперёд. Оправившись от горя и помня о своей мечте, Юра снова начал выступать с концертами и писать музыку. В его жизни появлялись и быстро уходили из неё отношения, но таких крепких и долгих, как с Йонасом, не получалось. Иногда он встречался со старыми друзьями, которых уже несколько лет как именовал «семьей», виделся с Йонасом.

Возвращаться к нему не хотел, но, уставший от одиночества, ловил себя на мысли, что хочет, чтобы его дом снова стал таким же шумным, как раньше, чтобы часто приходили гости, чтобы пахло вкусной едой и чтобы, засыпая, чувствовать чью-то спину под боком. Пусть часто ссориться с этой спиной, долго и трудно мириться, только бы не ощущать одиночества. Только Юра перешагнул тридцатилетний рубеж, оно стало почти осязаемым, вечным спутником, от которого не способны были избавить короткие отношения и разовые встречи.

Всё это время Юра смотрел со стороны, будто его это совершенно не касается, на то, чем жил Йонас. И ему очень хотелось верить, что именно те его слова, сказанные во время последней ссоры, сподвигли

Йонаса на важный и полезный шаг: вступить сначала в «Союз геев и лесбиянок Германии», а позже — в социал-демократическую партию. Но в то же время Юра понимал, что вряд ли имеет к этому отношение.

В конце 2000 года Йонас и его коллеги добились главного: две партии из четырёх проголосовали за введение в стране однополых союзов на федеральном уровне. Им противостояли две другие партии, но закон всё же приняли.

В 2001 году он вступил в силу. Но это был не брак, а права партнерства — пока геям и лесбиянкам был доступен только минимальный набор прав. Но мало-помалу закон расширялся. А совсем недавно, в январе 2005 года, прошло новое расширение: теперь у гомосексуалов появилось право заключать партнерские права с гражданами других государств. Только новости об этих расширениях звучали насмешкой для патологически одиноких людей вроде Юры. Но он не мог не гордиться Йонасом — столь многого он добился.

Две тысячи пятый год ознаменовался для Юры новым витком в карьере: началось планирование первого большого турне по России и странам СНГ, который закончится в Харькове. В прошлом году поехать не удалось, но понимание того, что Юра вернется на Украину, толкнуло его снова попробовать найти «Ласточку».

Не надеясь на успех, он по новой начал изучать российские форумы, по новой писать во флудилках, искать ностальгические сайты. И на одном из них нашел наконец скан путевки в «Ласточку»! У опубликовавшего его человека узнал, что деревня Горетовка на самом деле когда-то была. Правда, точного адреса тот не вспомнил, но в общих чертах объяснил, по какому шоссе и в какую сторону ехать. Дело оставалось за малым: составить маршрут и найти её. В Германии Юра этого сделать не смог: Горетовки не было ни на одной карте. А уже в 2006-м году, оказавшись в Харьковской области, отправился искать ее самостоятельно. И нашёл.

Юра приехал в Харьков с исполненной мечтой — он написал то самое произведение всей жизни, о котором когда-то писал Володе. Не просто красивую, но и наполненную смыслом симфонию. Она была о свободе — Юра позволил себе быть пафосным и старомодным. Симфония начиналась полной тишиной, в которой звучал тихий, сдавленный надломленный мужской голос. С каждой секундой этот голос крепчал, становясь громче и смелее, затем вступал хор, но не

перекрывал его, а подчеркивал. Вслед за хором вступали смычковые с фортепианным аккомпанементом, и в самом конце с пафосом и помпезностью на слушателей обрушивались духовые. Управляя всем этим, Юра сам будто бы становился свободным, хотя в центре всего этого был не он, дирижер, и даже не композитор, а тенор с надломленным, сдавленным голосом.

Раньше Юра думал, что на эту симфонию его вдохновил «М. Баттерфляй». Но сегодня, вернувшись в «Ласточку» и вспомнив прошлое, понял, что музой для его главного произведения был не незнакомый герой спектакля, а совсем другой, когда-то близкий человек.

Конец тропинки потерялся в зарослях кустов. Юра ступил на пляжный песок, и ему в лицо ударил смрад от реки. Раньше, особенно после дождя, здесь пахло невероятно вкусно — летней свежестью и грибной сыростью. Сейчас же лес значительно поредел и облез, жухлые, начинающие желтеть листья намокли и отяжелели, а от реки несло тухлой, стоячей водой. Проходя мимо поворота к лодочной станции, Юра нахмурился: в просветах редких деревьев отчетливо виднелась груда досок и хлама — всё, что осталось от станции. Времени сворачивать туда и рассматривать останки места его первого настоящего поцелуя уже не было. Юра пошёл дальше.

Сегодня, только приехав сюда, он боялся, что не сможет перебраться через реку к иве, но все сомнения развеялись, стоило пройти сквозь ржавые сетчатые ворота, которые раньше ограждали пляж от леса. Реки больше не было. От когда-то глубокого и быстрого притока Северского Донца осталось болотце — затянутое ряской, застоявшееся, зелёное. На этом фоне насмешкой выглядел старый советский стенд у входа на пляж: изображение пловцов в волнах и надпись «Берегитесь быстрого течения!».

Как и почему пересохла река, Юра не знал, но подозревал, что всё из-за стройки, развернувшейся на другом берегу. Возможно, река мешала и ей перекрыли русло? Построили дамбу? Чёрт его знает, Юре сейчас было не до этого.

Он свернул влево, очень надеясь, что осталась возможность добраться до брода. Дорожки, которую и раньше-то не считали проходимой, тут уже не было, пришлось пробираться через растительность. Дойдя до тропинки над обрывом, он остановился.

Песчаная стена осыпалась и осела, но обойти её тем не менее было возможно. Юра подошёл к самому краю, глянул вниз: метров десять песка, а дальше всё та же ряска и стоячая вода. Он вспомнил ту заводь, куда когда-то они плавали вместе с Володей, тяжело вздохнул — их лилии погибли, ведь мелководная заводь, где они росли, как и река, измельчала и заболотилась.

Юра посмотрел на другой берег. Отсюда, с более высокой точки, было видно не только крыши и стену, ограждающую коттеджный поселок, но и часть домов. Многие из них еще строились, но и было несколько законченных и явно обжитых. Билборд, развёрнутый лицом ко входу в посёлок, гласил: «Продажа элитных коттеджей и таунхаусов. „Ласточкино гнездо“ — ваше уютное будущее. ТОВ LVDevelopment». Юрка улыбнулся — наверное, тот, кто придумал название посёлку, знал, что когда-то рядом находилась «Ласточка». Под номером телефона застройщика расположили несколько фотографий весьма странного стиля домов: фасады наружной половины напоминали дома типичного американского пригорода, а другая, укрытая от главной улицы половина дома, выходящая на обширный двор и лес, выглядела как типичная скандинавская — окна от пола до потолка.

Добравшись до брода, Юра остановился в задумчивости. В этом месте вода совсем ушла, что и неудивительно — тут всегда было мелко, но он побаивался, что илистая влажная почва не выдержит его и он провалится. Но выбора не было, нужно было добраться до ивы — не зря же он проделал весь этот путь?

Хотя кто его знает, может, действительно зря. В конце концов, прошло столько лет, возможно, там уже нет ни ивы, ни капсулы. Зачем он вообще приехал сюда, зачем отправился искать то, что давным-давно затерялось во времени? Но когда-нибудь он должен был вернуться. Пусть для «них» было уже поздно, но для Юры ещё ничего не закончилось. Он вернулся, чтобы очистить совесть, чтобы поставить последнюю точку, чтобы быть честным прежде всего перед самим собой и знать, что сделал всё возможное, чтобы найти Володю. Конечно, он опоздал — не на день, не на год, а на целых десять с лишним лет. И единственная ниточка, ведущая к Володе, должна была сохраниться под ивой. Лишь бы её не выкорчевали.

Его опасения не подтвердились — она всё еще росла тут и даже стала больше и красивее. Клонилась к земле под весом лиственной, начавшей желтеть шапки. Не дыша от волнения, Юра спустился к ней. Раздвинул руками ветки, ступил под купол и внутренне затрепетал — всё здесь осталось таким, как тогда! С одной разницей — стало холоднее и тише без плеска реки. Но ивовый купол так же, как и раньше скрывал Юру от всего мира.

Глава 21

Капсула времени

Вырезанная на стволе надпись «Ю+В» потемнела, стала нечёткой, затянулась, как старый шрам. Юра с трепетом и нежностью провёл по ней пальцами, а потом взялся за лопату. Влажная земля поддавалась легко, и уже через пару минут послышался звон удара о железную крышку капсулы. Юра выдохнул с облегчением — она на месте! Испачкав руки в земле и ржавчине от старой жестяной коробки, открыл её и принялся вытряхивать содержимое на траву.

Сперва показались выцветшие кончики галстуков, за ними посыпалась превратившаяся в труху лилия, комсомольский значок и разбитые очки. Но ведь тогда ни значка, ни очков в капсулу они не вкладывали… Юра осторожно стиснул оправу в руке, вспомнив, как когда-то осторожно, будто это драгоценность, снимал их с Володи здесь же, под этой самой кроной. Он повторил мысленно: «Это его очки… А тетрадь? Где же его тетрадь?» Но Володиной тетради со страшилками, сценарием, с «Юрчкой» и пожеланиями себе-будущим в капсуле не оказалось. Зато — этого Юра никак не ожидал, — из неё выпала связанная бечёвкой, аккуратная стопка писем.

Он взял её дрожащими руками, развязал верёвку. В горле пересохло, в ушах зашумела кровь, а в голове зажужжал целый рой вопросов: что это за письма и откуда они? Конечно же, их положил сюда Володя, кто ещё? А значит, он приходил и открывал капсулу, а значит, был здесь! Но когда? Ответы должны были лежать внутри.

На верхнем письме, запечатанном в обычный почтовый конверт, был написан старый Юркин адрес и московский Володин, но ни марок, ни почтовых отметок не было. Это письмо Володя написал, но не отправил — Юра по содержанию догадался, когда.

«Неужели я обидел тебя своей последней телеграммой? Ты говорил мне, что, если ещё раз я оттолкну тебя, ты навсегда

исчезнешь. Неужели я оттолкнул? Ведь ты исчез. В таком случае ты молодец. Наконец научился держать своё слово.

Но всё это было ради твоего же блага! У отца начались очень серьёзные проблемы. Он связался не с теми людьми — с преступной группировкой, не по доброй воле, конечно. Они сами пришли и стали требовать мзду, мол, за то, что не трогают. Но батя — человек принципиальный, советский, дал от ворот поворот. А они — наоборот, беспринципные, „тронули“ — устроили пожар на объекте. А потом стали угрожать, что причинят вред семье. Юра, когда я писал тебе эти слова, а потом — телеграмму, я думал только о тебе! Ведь почтовый ящик у нас не в квартире! Они могли бы найти твоё письмо, приплести ко всему прочему ещё и тебя, а ты для меня — самое дорогое. Конечно, боясь за себя, мать и отца, я боялся и за тебя. До сих пор страшно даже предположить, что было бы, узнай они о том, кто ты для меня. А если бы стали угрожать мне, что навредят тебе… Что бы я стал делать?

Сейчас я понимаю, что это было бы слишком мелочно и что в Харькове явно есть свои группировки, что наши вряд ли полезли бы на чужую территорию. Это сейчас я понял, но тогда… Не только я паникёр, мы всей семьёй всерьёз боялись даже выйти из квартиры.

Но, что ни делается, всё к лучшему. Я не хотел! Я ужасно скучаю по тебе и не хочу тебя терять. Но так будет лучше. Я хочу, чтобы ты наладил свою жизнь, чтобы не отвлекался на меня, не думал обо мне. Чтобы девушку нашёл. Ведь зачем я тебе? От меня только вред, я мешаю тебе, сбиваю с пути и отвлекаю, а тебе надо жить своей жизнью. Не держи на меня зла и прости за всё. Я ни на минуту не забываю тебя, но без меня тебе будет лучше».

Юра бегал глазами по строчкам и с каждым новым словом всё дальше и дальше уходил во времени. Вспоминал, каким был тогда сам и каким был Володя. Сейчас, в новом изменившемся мире, всё это казалось забытым, совершенно несущественным, но тогда… как же важно это было тогда!

Это письмо Володя так и не отправил, и теперь Юра понимал, почему. Володя боялся за него, Володя защищал его, не хотел подставлять. И из-за этого страха Юрка долго потом ещё гадал, что сделал не так, почему Володя взял и оборвал всё так просто, резко… Но причина оказалась до смешного простой: Володя хотел его

уберечь, он думал, что убережёт, бросив, он боялся, что до Юрки кому-то есть дело.

Следующие три письма были уже с марками и почтовыми отметками. В графе отправителя значилось «ВЧ-1543» — воинская часть, а адресом получателя значилась Юркина харьковская квартира. Первое из этих писем датировалось началом августа 1991 года.

«Представляю твоё лицо, когда ты без единого предупреждения получишь письмо из армии. Ну что ж, рано или поздно я должен буду отслужить, так почему бы не сейчас? Не могу сказать, что мне здесь нравится, но я жалею только о том, что пришлось за семестр до окончания института забрать документы. Но это ничего, восстановлюсь. Больше этого я жалею о том, как нам с тобой пришлось попрощаться. Пришлось, Юра! Пришлось! Я этого не хотел!

Я знаю, что ты злишься. Но знаю ещё, что всё равно читаешь. Не злись. Когда вернусь на гражданку, я всё объясню, ты поймёшь. Мне тут тоскливо. Черкни хотя бы пару строк в ответ. Но… писать нужно очень аккуратно, ты знаешь. Жду».

Но Володя так и не дождался. Юра вздохнул — он не получил этих писем, потому что тогда уже жил в Германии! Как же ужасно должен был чувствовать себя Володя, не получая ответов. Но тут было ещё два письма из воинской части, и Юра по очереди открыл их.

В конце августа Володя писал:

«Не знаю, почему ты не отвечаешь. Надеюсь, что просто не получил первое письмо — может, что-то с почтой?

Мне тут тяжело, вдали от родных и… друзей… без твоих ответов. Особенно трудно из-за моей проблемы. Окружение… влияет. Ты, наверное, спросишь, что я делаю здесь со своими-то страхами?

Конечно, та моя проблема никуда не делась, мне ничего не помогло, я писал тебе об этом, ты должен помнить. Потом, после той истории, о которой я не могу рассказать тебе в письме и из-за которой нам пришлось уехать из Москвы, отец предложил пойти служить ради моей безопасности. И добавил, что тут из меня точно сделают мужика. О том, что у меня случился „рецидив“, знаешь

только ты, родителям я не рассказывал, поэтому отец за меня спокоен, и мне тоже было спокойно. Сейчас я вспоминаю прошедшие три года и думаю, что я был очень наивным, считая, что от моей проблемы можно так просто избавиться. А теперь здесь, в воинской части, мне и подавно с ней не совладать. Хотя есть и обратная сторона медали — армия закаляет. Мне некуда бежать от своих страхов, здесь мне приходится привыкать жить с ними.

Ответь мне, я очень жду».

Юра понял, что Володя в этом письме скрытно говорит о своей «болезни», и о том, что ему очень сложно находиться в армии среди мужчин. Юра с трудом мог его понять — то, насколько это было сложно.

Общество… Юра знал, что в России и сейчас всё намного хуже с отношением к ЛГБТ, что тут взгляды людей меняются очень медленно и тяжело, не так, как на Западе. А тогда… Лечение гомосексуализма как психологического отклонения — это вообще бесчеловечно, врачи ведь могли сделать из Володи инвалида. А потом армия — то ещё испытание. Шутка ли, ему, борющемуся со своими монстрами, считающему, что он сам — монстр, два года в окружении мужчин. Сейчас Юра безумно жалел, что не получил этих писем — как бы он хотел вернуть всё и поддержать Володю. Рассказать, что таких, как он — много, и что там, где живёт Юра, общество их принимает.

Последнее письмо из воинской части датировалось мартом 1992 года и было очень коротким:

«Ответа всё нет и нет. Неужели ты переехал? Или правда возненавидел меня? Как ты? Что с тобой? Встретил девушку? Может, уже женился? Очень надеюсь, что так и есть — что ты нашёл себя и своё счастье. С трудом осознаю, что пролетел почти целый год. У меня увольнительный в апреле, я приеду к тебе, Юра! Я сразу приеду к тебе!»

Последняя строчка письма заставила Юру зажмуриться — вот когда Володя приезжал искать его, но не нашёл.

Все остальные письма лежали в обычных белых конвертах, без марок и адресов. Единственными пометками на них были даты, написанные карандашом.

Юра открыл самое раннее, за май 1993 года.

«В прошлом году ездил в Харьков. Не нашёл тебя. Приехал по тому адресу, на который всегда писал, а там новые жильцы, в твоей квартире. Они рассказали мне, что вы уже давно уехали в Германию.

Всё правильно, Юра. Ты поступил правильно. Раз ты не забрал письма, значит, тебе они не нужны. Если не оставил адреса, значит, тебе не нужен я. Наверное, оно к лучшему, всё равно у нас ничего бы не получилось…»

От досады Юра дёрнул рукой так, что чуть не порвал письмо:

— Я оставлял адрес! Я писал им, я просил их дать ему адрес, я просил переслать письма. Зря я понадеялся на других!

Но Юре нельзя было надеяться на других. Надо было писать соседям самому каждый месяц, пусть даже в квартире никто не жил, всё равно завалить их письмами. Но он этого не сделал.

— Я всё просрал! — прошипел он вслух.

Читать дальше не хотелось, но остановиться он не мог:

«…Но почему ты тогда искал меня? Зачем тогда приехал в Тверь, как ты вообще нашёл адрес брата?»

Юра всерьёз намеревался бросить это письмо и перейти к следующему. «Брат…» Тот Вова действительно был его братом!

Юра отвернулся. Но письмо, будто магнит, притягивало взгляд. Володин почерк, ровные строчки, мелкие буквы — живая память о том, что было с ним, и о том, что могло бы случиться с ними.

«Новые жильцы отдали мне письма нетронутыми — какие хорошие люди. Даже не открывали.

Я был в отчаянии, когда узнал, что связь между нами окончательно оборвалась. Меня бросает из крайности в крайность — я понимаю, что так будет лучше, но не могу с этим смириться. Я и сейчас в отчаянии, поэтому и пишу это письмо, хотя знаю, что отправить мне его некуда. Писать письма в никуда — это такая методика по борьбе со стрессом. Я ещё в институте вычитал про неё в книгах по психологии, а впервые попробовал в армии. Суть заключается в том, чтобы писать свои мысли и переживания, а потом уничтожать их. Так сбрасывается груз с души. В армии мне

это очень помогло. Меня приписали к штабу, так что время и возможность писать я находил.

Кстати, часть у меня была вполне себе адекватная, ребята-сослуживцы хорошие, со многими я подружился. Знаешь, я слышал истории о том, какие порой случаются ужасные вещи во время службы, но меня даже дедовщина обошла стороной. Сложно было совсем из-за другого… Ты знаешь, из-за чего. И я выплёскивал эмоции в письмах. Тех, которые не отправлял. Я обращался в них к тебе, хотя по методике писать нужно было самому себе. Если бы ты только знал, сколько откровений и слов любви я там сказал! А потом всё сжигал, потому что нельзя было никому узнать о таком. Но теперь я дома, и надобности сжигать всё это нет…

Мне сейчас очень плохо, но я очень рад за тебя. Я надеюсь, что тебе там лучше. Вообще надеюсь, что там и люди, и жизнь лучше.

Два года прошло, я вернулся домой, а такое впечатление, что попал совершенно в другой мир. Мир и правда изменился, страна изменилась. Отец заново открывает бизнес… Он говорит, чтобы я помогал ему, а я никак не могу оклематься. Но это нормально, Вовка говорил, что после армейки тоже полгода отходил. Кстати о Вовке!

Когда он мне рассказал о том, что приезжал какой-то парень и спрашивал про вожатого из „Ласточки“, а он при этом даже на порог тебя не пустил, я разругался с ним в пух и прах. Понимаю, нужно было предупредить про тебя, но, честное слово, я даже не думал, что ты можешь приехать к нему! Вовку можно понять — он знал про проблемы отца, знал, что мы уехали, потому что прятались от криминала, поэтому он ничего не сказал… Но я всё равно не могу смириться с мыслью, что у нас с тобой была надежда не потерять друг друга, а мы потеряли!

Я и поражаюсь времени, в котором живу, и боюсь последствий всего этого. В Твери началось что-то неладное, на отца снова давят. Родители опять хотят переехать. На этот раз в Белгород, мол, на окраине спокойнее будет. Но как они не понимают, что теперь это граница с Украиной, вся контрабанда там, а значит, спокойно никак быть не может. Отец гнёт свою линию, наотрез отказываясь от партнёрства с бандюгами. Да, партнёрство — это слишком опасно, но сотрудничать всё равно придётся, вынудят. Но нет, упрямый батя

и слышать об этом не хочет. И что же? Он думает, в Белгороде никого нет?

Я разругался теперь и с отцом — настаиваю, что надо не из города валить, а из России. Тут не то что честного бизнеса не построить, а с отцовскими принципами, которые я вообще-то разделяю, его не построить вообще. Не могу втемяшить ему, что эти затраты нужно просто учесть заранее, заложить отдельной статьёй в бюджет и всё! Но пусть делает, что хочет. Пока набивает новые шишки, хотя бы я займусь чем-то полезным.

Всё-таки планирую когда-нибудь уехать в Штаты, но пока нет никакой возможности. Для начала доучусь — восстановлюсь в институте, закончу заочно, а там посмотрим. Вспоминаю, как ты относился к моим стремлениям стать коммунистом, вступить в партию и получить хорошую репутацию. Вспоминаю и улыбаюсь — как же ты был прав, говоря, что всё это ничего не значит. Ведь действительно — теперь это пустое. Ладно, нужно заканчивать это письмо в никуда, у меня уже запястье болит…»

— «Если бы ты только знал, сколько откровений и слов любви я там сказал! А потом всё сжигал», — вслух перечитал Юра. — Если бы знал!

Столько лет прошло, но сейчас его будто отбросило назад.

Когда Володя изливал свои чувства на листы бумаги, которые позже сжигал, Юра ждал писем от соседа по двору. А потом и правда начал забывать Володю, завязав отношения с Йонасом.

Мучимый чувством вины за то, что сам всё и упустил, и за то, что не сохранил свою любовь дольше, Юра открыл следующее письмо. Володя написал его почти через год — в апреле 1994-го.

«Давно не писал таких писем. Вроде и нужды нет, просто захотелось. Я отошёл от армии, доучиваюсь, в июне уже получу диплом. Помогаю отцу с бизнесом, а вот планы с переездом в США пришлось отложить. Вообще пока не думаю об этом, может, и не в Америку вовсе уеду. А уеду ли вообще? Пока действительно не до этого, нужно заниматься делами. Помогаю отцу. Наконец он научился меня слышать. Мы занимаемся скупкой земельных участков и нежилых старых домов, в основном на окраине города и

в области. Я нашёл лазейки в законодательстве, и благодаря им получается продавать дороже в два-три раза».

Ещё одно письмо было датировано февралём 1995 года. Юра обомлел, прочитав первые строки.

«Представляешь, я переехал в Харьков! Какая ирония! Ведь это я мечтал удрать за границу, а сделал это ты. Зато теперь я живу в твоём городе! Отец получил гражданство Украины и официально оформил здесь фирму. Выбор города пал на Харьков не из-за моих сентиментальностей. Просто Белгород — граничит с Харьковской областью, а ко времени переезда мы выкупили там несколько участков, и у нас уже набралась небольшая клиентская база.

Я тоже получаю гражданство. Честного бизнеса, конечно, нет и здесь, но думаю, что вскоре батя созреет до того, чтобы послать свои принципы подальше.

Мне так странно ходить по улицам, по которым когда-то ходил ты! Почти так же странно, как писать тебе эти письма, зная, что ты никогда их не прочтёшь.

Мне очень нравится твой город, Юра. Он чем-то похож на Москву, но в нём не так много людей, он тише и спокойнее. Гуляю, когда выдаётся свободная минутка, гадаю, гулял ли ты моими маршрутами. Два месяца искал Харьковскую консерваторию, но не нашёл. Кто же знал, что ты называешь свою альма-матер „консерваторией“, а на самом деле это Институт искусств Котляревского. Проходил мимо какого-то из корпусов, слышал фортепиано. Было такое приятное чувство, будто это ты играешь, но одновременно я понимал, что такого просто не могло быть. Это грустно — я будто стал к тебе немного ближе, но при этом остался всё так же невероятно далеко.

Знаешь, я познакомился с девушкой… Её зовут Света. Она очень добрая и действительно светлая! Она проводила мне экскурсию по городу и рассказала, что ваш главный Ленин на площади Свободы указывает пальцем на общественный туалет. Не знаю, почему мне стало так от этого весело, но я долго смеялся. И вспоминал, как ты в театре разговаривал с бюстом Владимира Ильича.

Мне нравится Света: она очень позитивная и радостная. Я ни на что не надеюсь, понимаю, что испытываю к ней лишь дружескую

симпатию, но мне приятно находиться с ней рядом. Может, я в неё влюблюсь?»

Юра улыбнулся — вспомнил памятник Ленину и свой родной город. Неужели Володя в то время жил в Харькове? Действительно, какая ирония! И каким же он глупым тогда был, этот Володя! Сколько ему исполнилось в девяносто пятом? Двадцать восемь лет, а он всё ещё надеялся стать нормальным! А на самом деле Володя и был всю жизнь нормальным, просто не знал об этом. Никто ведь не сказал, что ненормальным для него было бы обратное — действительно полюбить девушку!

Может, слова, что он хочет влюбиться, и были шуткой, но Юра увидел в них надежду. А ещё где-то очень-очень глубоко в сердце кольнула ревность. Совсем немного кольнула, но он понимал, насколько это глупо сейчас, и опять улыбнулся.

Стал читать дальше. На следующем конверте был указан апрель 1996 года.

«Юра, я так напортачил! Как я её подвёл! Она мучается, звонит иногда, а я как могу успокаиваю. Кто бы меня успокоил. Какой я дурак! Года с девяностого всё вокруг кричало, что такие, как я… ну нет, не нормальные, но, во всяком случае, не такие монстры, как мне раньше казалось. Нет, я до сих пор разделяю не всё и не со всем мирюсь — такие, как Моисеев и травести, мне отвратительны, но хотя бы задуматься стоило! Но нет, я решил испортить жизнь себе, а потом и Свете.

Жалко её. Она такая весёлая и смешная… на тебя похожа. Светлая, совсем как её имя. А я причинил ей боль! Такие люди, как она, просто обязаны быть счастливыми!

Я её любил. Вернее, мне это казалось. Так сильно старался поверить в то, что смогу полюбить, так сильно этого хотел, что и её убедил, и себя!

Знаешь, мы начали встречаться через месяц после знакомства. Я виноват, я запутался в себе. Перепутал симпатию к ней как к человеку с настоящей симпатией — как к девушке. Мы так много говорили и гуляли. Наверное, глупость скажу, но она передавала мне свой свет и свою теплоту. Я не смог устоять! Я снова понадеялся, что моя болезнь излечима, я видел в Свете свой шанс измениться!

Мы стали жить вместе, а два месяца назад у неё случилась задержка. Она сразу сказала мне об этом. Меня будто оглушило! Сидел, ничего не понимая, и чёрт меня дёрнул ответить ей сразу. Сразу! Я ни дня не подумал! Как порядочный человек сказал, что если она забеременела, то женюсь, это даже не обсуждается. Сообщили родителям и пошли в клинику сдавать анализы. Клиника хорошая, платная. Сидели со Светой в коридоре, я смотрел вокруг: на фото младенцев, на беременных. А Света вся светилась! Улыбалась, листала журнал, протянула его мне, показала фото молодой семьи: счастливая мама, у неё на руках милый младенец, и их обоих обнимает отец. Света мне: „Смотри, какая лапочка!“ — а я… на мужика смотрел! И сказал, мол, да, красивый. И меня будто громом поразило — что я творил?! Что я здесь делал, как меня вообще угораздило влипнуть в такое?! В каких мечтах я жил, на что надеялся? Совсем ничего не видел? Свету позвали в кабинет, а я в туалет побежал. Думал, приведу себя в чувство, отпустит, раньше ведь помогало. Ничего подобного! Только хуже стало. Что я за отец такой? Я же неуравновешенный, суицидник какой-то! При малейшей ерунде в ванной прячусь и руки под кипяток. А каким мужем я буду?

Несколько дней, пока ждали результаты, места себе не находил. Я будто попал в какой-то ад. Настолько хреново мне даже в армии не было!

Мне и так, чтобы со Светой переспать, надо было себя заставлять, а потом настраиваться по полчаса. Света, конечно, любитель прелюдий, но я-то делал это не ради неё. Если всё настолько плохо сейчас, то что будет дальше? Два варианта: либо буду ей изменять, либо руки на себя наложу. А ведь Света меня любила и любит, надеялась на меня. А тут ещё ребёнок! Он не успел родиться, а я его уже ненавидел.

Потом пришли результаты анализов — оказалось, ложная тревога. Я был настолько этому рад, что не спал сутки! Света подумала, что у меня бессонница, наоборот, от расстройства. А родители мои сказали — женитесь. Они-то, конечно, Свету любили. Видимо, за то, что сына-педераста якобы исправила. Светины родители поддержали моих, сказали: „Благословляем, а дети — дело наживное“. Но я, только пришёл в себя, сразу ей сказал, что хочу

расстаться. Она, бедная, до сих пор думает, что это из-за той небеременности. Плачет всё время, звонит по ночам. До двух ночи не сплю, вишу с ней на телефоне. Жалко. Правды я ей так и не сказал — и не скажу никогда. Вообще никому не скажу. Но что делать с *этим*, не знаю. Понял уже, что неизлечимо. Смотрю на таких же и вроде бы ненависти к ним не испытываю. Но они — это одно, другое дело — когда сам такой. Не могу себе этого простить.

Мне кажется, будто я живу чужой жизнью. Но какая она, „моя“ жизнь, не знаю. И не могу решиться узнать. Она меня пугает».

Юра зажмурился и резко открыл глаза. От количества информации и от эмоций, которыми были наполнены эти строчки, шумело в голове. Столько жизни было вложено в письмо, столько отчаяния и надежды. Юра не мог собрать собственные мысли в кучу. Отчётливо понимал лишь одно — в то время, когда Володя писал это, собирался жениться, отменил свадьбу, боролся с собой и всё ещё не мог себя принять… В это время Юра и думать забыл о своём Володе. Он был всецело поглощён отношениями с Йонасом. А теперь его мучила совесть. Нужно было попытаться раньше найти Володю! Юра же обещал! Обещал, что они не потеряются… Но вспомнил об этом слишком поздно.

Из стопки осталось всего два конверта. На одном из них в этот раз стояла точная дата: 31 июля 1996 года. Рука Юры дрогнула, когда он увидел дату их встречи в «Ласточке». Тогда прошло ровно десять лет после расставания.

«Сегодня я открыл капсулу. Достал из неё свою тетрадку, а в ней прочитал наши напутствия. Ничего из них не сбылось. Мы потеряли друг друга, Юра, а я потерял себя. Я не уехал в Штаты и уже не уеду, у меня здесь бизнес идёт в гору семимильными шагами. Мы открываем филиалы в других городах. Отцу уже скоро на пенсию, всё перейдёт ко мне. Поздно отправляться на поиски себя, нужно довольствоваться тем, что имею. Может, хотя бы ты поступил в консерваторию и стал музыкантом?

Я, конечно, не надеялся, что ты придёшь сюда в этот день. Ладно, вру, надеялся, но понимал, что шанс твоего появления здесь так мал, что сродни чуду. У тебя там своя жизнь. И я отчётливо понимаю, что того Юрки, которому я изредка пишу, уже давно не

существует. Ты повзрослел, ты стал другим, а мой невидимый собеседник — всего лишь образ в голове, память о тебе, которую я так бережно храню все эти годы. Не знаю даже, плохо это или хорошо — то, что я никак не могу отпустить тебя. Порой сам себе напоминаю безумца — ну а разве не так? Я ведь разговариваю с выдуманным тобой! Но всё это оттого, что мне одиноко. Только внешне у меня всё хорошо, а внутри чувствую себя стариком, хотя мне ещё и тридцати нет… Найду ли я когда-нибудь своё место? Где бы я ни был, везде чувствую себя оторванным от мира, я везде другой… Но я ведь и правда другой — и далеко не в самом хорошем свете. Я принял себя, я больше не борюсь со своей порочностью. Мне бы встретить кого-то… своего человека, с которым я мог бы быть честен. Но, думая об этом, я всё больше понимаю, что такого человека мне не найти.

Я вкладываю эти письма в нашу капсулу времени со слабой, но всё ещё живой надеждой на то, что ты когда-нибудь их прочитаешь. В конце концов, эта капсула — своего рода почтовый ящик. Единственная возможность тебе их получить. Или могила моего прошлого? Не знаю. Я постараюсь больше не писать писем своему немому собеседнику. Хватит».

Юру скручивало изнутри — от понимания, насколько Володя прав в письме. Они не смогли сберечь, они потерялись сами и потеряли себя. Да, Юра стал музыкантом, как и обещал. Но он не обрёл счастья. Всё, что осталось у него сейчас, — карьера и одиночество. А одиночество в тридцать лет совсем не такое, как в шестнадцать, когда только кажется, что ты никому не нужен. От Юриного одиночества едва ли нашлось бы спасение, потому что рядом уже никого не было. Мать умерла, отец его знать не хочет, а настоящих друзей почти не осталось: у кого-то появились семьи, с кем-то поссорился, кого-то просто потерял, как когда-то «Ласточку».

Володя тоже был одинок, но он сам обрёк себя на это одиночество. У него не было никого, с кем он мог бы поговорить, кому открыться — поэтому он и писал все эти письма.

Конверт последнего письма отличался от остальных — современный, продолговатый, бумага выглядела более светлой и новой, на нём не было надписей, только тем же карандашом проставлена дата — 2001-й год. Юра развернул его. В отличие от

других писем, написанных на тетрадных листах, это было написано на офисном листе формата А4, сложенном втрое.

«Это письмо последнее. Теперь я понимаю отчётливо — пришло время избавиться и от этой привычки, она больше мне не нужна. Здесь не будет криков о помощи, это письмо — подведение итога. К тому же для него есть повод. Прозвучит странно — я купил свою юность. Но надо жить дальше. А оглядываясь назад — когда пишу, я всё равно вспоминаю о тебе, — трудно идти вперёд.

Мне бы очень хотелось сказать, что я ни о чём не жалею. Но, увы, это не так. Жалею и сильно. Не о тебе, а о том, что сделал с собой в восемьдесят девятом. Если бы я знал, какие будут последствия, я не то чтобы не стал лечиться, я бы задушил этого „врача“ голыми руками. Что за психиатр такой? Где его компетенция? Где были его глаза, в конце концов? Как врач не смог разглядеть за моей привычкой наказывать себя — а ведь я говорил ему об этом! — признаки суицидальных наклонностей? Именно с этим нужно было бороться, а не с тем, что я тосковал по своему другу Юрке Коневу. Он говорил, что, когда мы заглушим влечение, пройдёт и привычка обваривать руки. Если бы! Но не только это, а ещё другие последствия его „лечения“ аукались мне почти десять лет.

И всё-таки я почти полностью избавился от привычки себя наказывать. Нет, иногда, когда панические атаки очень сильные, эта мысль начинает зудеть, но я научился её прогонять. Конечно, избавился от неё я не без посторонней помощи, но точно без вмешательства врача! Какое правильное слово „вмешательство“ — в моей голове всё и так было перевёрнуто, а он и это вконец раскурочил.

Единственные внятные отношения начались у меня поздно — в тридцать один год. Сейчас я понимаю, что никогда его не любил как человека, как личность. Я любил в нём только одно — его пол. То есть сам факт, что он мужик. Что он *мой* мужик! Дорвался наконец! В какой бешеный восторг я приходил от того, что у него мужские плечи, руки и… остальное. Его личность, характер, даже внешность на самом деле мне были безразличны. И окончательно я убедился в том, что не любил его, когда мы расстались — я тосковал не по нему, а по близости. Но я ничуть не жалею о том, что он был в моей

жизни. Он помог мне переступить через свой страх, я простил себя, принял, и, чёрт побери, как же мне стало легко! Мы были вместе почти два года. Хотя как сказать „вместе“ — мы встречались, виделись, общались, спали, но речи о том, чтобы, например, съехаться, никогда не заходило — он был женат. Мне надоели его метания, и я закончил эти отношения.

Но в моей жизни изменилось не только это. Юра, я здесь! Поверить не могу — здесь, и всё это моё! Вот теперь-то я точно могу сказать, что у меня есть всё. Хотя… терять всё равно нечего…»

Юра развернул письмо, намереваясь читать дальше, но отвлёкся — из сложенного листа что-то выпало. Он поднял с земли заломленную посередине чёрно-белую фотографию, развернул её, и у него перехватило дыхание — это было то самое фото, сделанное после спектакля. За неполные восемнадцать лет Юра совершенно забыл его. Посмотрел на молодого себя и на Володю, приобнимающего Юрку за плечо. Каким всё-таки красивым был Володя: высокий и стройный, чуть бледный, под точёными скулами пролегла тонкая тень. Каким смешным вышел Юрка: в как обычно перекошенном пионерском галстуке, с кривой улыбкой и в кепке, повёрнутой козырьком назад, как это было нелепо! Какими радостными они вышли, и какими счастливыми они тогда были! Несмотря на скорую разлуку, несмотря на то, что им оставалось побыть рядом всего ничего… Тогда они были счастливы, потому что были вместе, были рядом, а главное — надеялись и верили, что ещё встретятся!

Юра собирался отложить фотографию и продолжить чтение и, убирая её, перевернул. Сердце на мгновение замерло и снова пошло, больно ударив по рёбрам — на обратной стороне фотографии убористым почерком было выведено: «Я уже ни на что не надеюсь и ничего не жду. Только узнать хочу, что с тобой», а дальше — номер телефона, перечёркнутый. Под ним, уже другими чернилами, ещё два номера.

Сердце опять ёкнуло, внутри ярко вспыхнула надежда. Юра предположил, что послание и зачёркнутый номер Володя написал на фотографии раньше — в девяносто шестом, когда положил сюда старые письма. А новые номера переписал уже позже — в две тысячи первом. Юра выхватил из кармана мобильный, пытаясь вспомнить, сколько денег у него на балансе и заблокируют ли номер, если они

закончатся. Не вспомнил, потому что местную симку купил недавно и подробностей не узнал — без надобности.

Дрожащим пальцем Юра набрал номер. И помедлил — казалось, будто не «вызов» жмёт, а кнопку детонатора.

На том конце ответили быстро. Немолодой женский голос. Молниеносно в голове пролетела мысль: «Кто это? Ревнивая жена? Да ну? Он же вроде одумался!»

— Здравствуйте. Могу я услышать Володю?

— Какого Володю? — раздражённо ответил голос.

— Давыдова.

После секундной паузы, показавшейся Юре часом, ответили:

— Вы номером ошиблись. — И бросила трубку.

Юра предположил, что Володя, скорее всего, сменил номер. В 2001 году мобильная связь только начинала распространяться, менялись операторы, тарифы, номера. Скорее всего, Володя уже сменил симку, а этот номер могли отдать другому абоненту. Сверяясь с написанным на фотографии, Юра стал набирать второй, отчего-то показавшийся знакомым городской номер.

— Пятьдесят пять, пять… — вслух повторял Юра. — Странно… — Он определённо где-то его уже видел.

— Офис компании «Эл-Ви-Девелопмент», приёмная, — ответил прохладный женский голос. — Здравствуйте.

Юра растерялся, инстинктивно обернулся назад, на рекламный щит. Но отсюда его видно не было.

— С Воло… димиром Давыдовым соедините.

— Владимира Львовича сегодня нет на месте. Оставьте свои контакты, он перезвонит вам позже.

— Позже мне не нужно, надо сейчас, это срочно! Дайте его мобильный.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Конев. Юрий, — тупо ответил он.

— Будьте добры отчество.

— Ильич.

Последовало несколько секунд молчания. Вероятно, секретарша искала его имя в списке клиентов или партнёров компании. А Юра начал терять терпение.

— Юрий Ильич, к сожалению, я не могу дать вам личный номер директора. Пожалуйста, оставьте свой…

Юра скрипнул зубами. Он понимал, что секретарь не имеет права раздавать кому попало личный номер руководителя, но сейчас для Юры она была единственной ниточкой и при этом же преградой. Вежливо, но максимально настойчиво он сказал:

— Пожалуйста, позвоните ему сейчас сами и скажите, что звонит Конев, дайте мой номер. Пусть немедленно мне перезвонит. Я действительно не могу ждать, это очень срочно и важно — и для него тоже! Скажите, что насчёт «Ласточки»… то есть «Ласточкиного гнезда». — Он продиктовал номер и предупредил, что, если ему не перезвонят в течение десяти минут, он сам снова позвонит.

Юра ждал, бессмысленно уставившись в фотографию. Он обошёл иву кругом, посмотрел в небо — его полностью затянуло сизыми тучами, а прекратившийся было дождь снова стал накрапывать. Под ивовый купол вода почти не попадала, но поднявшийся ветер шевелил жёлто-зелёные косы.

Юра сжимал мобильный, постоянно поглядывая на время — десять минут прошло, а звонка не было. Но он не решался перезванивать в приёмную, боясь, что линия будет занята и Володя не дозвонится. Если он вообще ему позвонит.

«Вдруг он занят? Вдруг он вне зоны действия сети? Может, в командировке или на загородном объекте, где нет покрытия… А вдруг он просто не захочет со мной говорить, ведь столько лет прошло? Он же писал, что хочет забыть…»

Юра мерил шагами полянку под ивой. Дождь усиливался, нужно было собирать капсулу и возвращаться к машине, но он был слишком взволнован. В голове крутилась дикая мысль о том, что спустя двадцать лет он наконец услышит Володин голос. Но тут же эта мысль перебивалась другой, полной страха — что даже спустя двадцать лет он может его и не услышать.

Кровь бухала в ушах. На востоке грянул гром. Резкий, пронзительный писк телефонного звонка заставил вздрогнуть.

— Юра?

Он замер, прижимая телефон к уху, на несколько секунд забыв, как дышать.

— Да… Да! Володя, это я!

— Юрка… — было слышно, что он улыбается.

— Как же я рад тебя слышать! Я читал письма… Володя, прости, я всё просрал! Мы обещали не потеряться, но потерялись, я слишком поздно стал тебя искать.

Володя ничего на это не ответил. Вдруг его тон изменился — искажённый динамиком, он показался Юре равнодушным.

— Ты в «Ласточке»?

— Да, под нашей ивой. Всё вокруг разрушено, река пересохла, а ива стоит, стала больше и красивее, будто…

— Нас ждёт, — закончил за него Володя.

Юра обеими руками прижал телефон к щеке, будто хотел протиснуться туда, к Володе.

— Каким ты стал? — негромко спросил он.

Володя ответил через пару секунд:

— Ну… Явно не о деньгах и болячках спрашиваешь. Каким стал? Повзрослел…

— Ты далеко отсюда?

Володя хмыкнул:

— Ближе, чем можно подумать. Ты хочешь увидеться?

Юра проглотил подкравшийся к горлу ком:

— Хочу.

— А разочароваться не боишься?

— Конечно, боюсь. А ты?

— Ты стал пианистом?

— Не поверишь, Володь, стал! — он улыбнулся. — Стал!

— Значит, я не боюсь. — Пауза. — Ладно, тогда подожди…

Фраза оборвалась, и в трубке послышались короткие гудки. Юра остался стоять в растерянности, глупо глядя на экран мобильного.

Он набрал Володин номер, улыбаясь от мысли, что теперь, спустя столько лет, этот номер у него есть. Но в ответ услышал, что абонент недоступен. Через минуту перезвонил снова — то же самое.

«Он вне зоны доступа? Батарейка села?» — подумал Юра. Склонившись над капсулой, стал собирать открытые письма в стопку. И заметил в капсуле ещё один листок. Он уже успел обрадоваться — ещё одно письмо! — как понял, что ошибся. Расправил лист и увидел ноты «Колыбельной». На лице сама собой

заиграла грустная улыбка — однажды на ней всё чуть было не закончилось, а потом с неё всё началось.

Он аккуратно разгладил лист, собирался сложить его вместе с другими бумагами в капсулу, но, держа ноты в руках, так и замер на месте. За стеной из ивовых веток показался чей-то силуэт.

Юра механически развернулся и вышел из-под кроны. Метрах в десяти от него стоял человек. Издалека Юра мог отметить только то, что он был высокого роста. Человек сделал шаг к Юре, Юра — к нему. Сквозь туманную морось сложно было разглядеть черты, но с каждым шагом, будто проявляющаяся фотография, они становились резче и отчётливее. Юрина рука дрогнула, он хотел взглянуть на фото из театра, свериться, сравнить того, кого он видел перед собой, с тем, кого хотел бы увидеть. Но фотографии в руке не было. А даже если бы и была — ведь столько лет прошло. Но, как бы ни менялся с возрастом человек, всегда оставалось одно, по чему его можно было узнать — глаза. И эти глаза, пусть не скрытые за стёклами очков, были его. Володины.

— Как? — одними губами прошептал Юра. Он посмотрел налево, на виднеющиеся из-за пролеска крыши домов, и вдруг вспомнил строчку из последнего письма: «Юра, я здесь! Поверить не могу — здесь, и всё это моё!»

Это был Володя! Повзрослевший, изменившийся, но точно-точно он!

Володя растерянно улыбался, смотрел на Юру, замершего в полуметре от него. Будто не мог поверить. Юра тоже не верил.

Хотелось обнять его, и какое-то мгновение Юра ещё сомневался. Мелькнула мысль спросить, можно ли, но он тут же наплевал на всё это. Они не виделись двадцать лет, и Юра имел полное право просто взять и обнять его без всяких разрешений. И он обнял.

И не было ничего в мире важнее этого момента.

Как и тогда, двадцать лет назад, время вокруг остановилось, замерло. Были только они вдвоём, шум дождя и шелест ветра в ивовых листьях. Володя робко положил руки ему на спину, будто не веря, что это действительно Юра, а потом тоже крепко обнял и протяжно, с облегчением выдохнул ему в плечо, точно уронил с души огромный тяжеленный камень.

Володя взял его плечи и немного отодвинул от себя. Вгляделся в лицо, будто всё ещё сомневаясь, Юра ли это. Затем посмотрел на ноты, до сих пор стиснутые в его руке, и улыбнулся, взглянув в его глаза:

— Ты сыграешь мне «Колыбельную»?

Примечания:

Огромное спасибо каждому читателю, кто был и остается с нами, и с нашими «пионерами», кто приходит, читает, откликается или уходит молча — мы, авторы, любим и ценим каждого из вас! Спасибо, что вы есть! Без вас бы точно ничего не было!

Мы читаем все ваши отзывы, но к сожалению просто не успеваем на них ответить, да и страница в браузере от количества отзывов теперь очень глючит.

Мы всегда открыты для общения, и если вы хотите что-то спросить или чем-то поделиться с нами — мы есть вот тут https://vk.com/redis.medved

Ноябрь 2016 — март 2017.

Malystryx автор.

Sylvatica соавтор.

Ksenia Mayer бета.

https://ficbook.net/readfic/4891296

Примечания

1

Абрам Владимирович (Муся) Пинкензон (5 декабря 1930, Бельцы, Бессарабия, Румыния — ноябрь 1942, Усть-Лабинская, Краснодарский край, СССР) — пионер-герой, расстрелянный немцами.

Сын врача Владимира Борисовича Пинкензона и его жены Фени Моисеевны. С детства учился играть на скрипке, и когда ему было пять лет, местная газета уже писала о нём как о скрипаче-вундеркинде. В 1941 году Владимир Пинкензон получил направление в военный госпиталь в Усть-Лабинскую. Летом 1942 года станицу Усть-Лабинскую заняли немецкие войска, притом настолько стремительно, что госпиталь не успели эвакуировать. Вскоре семью Пинкензонов арестовали как евреев. В числе других приговоренных к смерти, их вывели на берег Кубани. Солдаты расставляли приговорённых вдоль железной ограды перед глубоким рвом. После расстрела родителей, Муся попросил разрешения сыграть на скрипке, которую взял с собой, любимого композитора Гитлера — Вагнера. Но, получив разрешение, заиграл «Интернационал» (в то время гимн Советского Союза) и был убит.

2

Намеренная ошибка.

3

Янус Полуэктович — герой повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

4

«Никогда ничего не просите. Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут» — цитата из романа «Мастер и Маргарита». Слова Воланда, адресованные Маргарите.

5

Марат Казей — белорусский и советский пионер-герой, юный красный партизан-разведчик, Герой Советского Союза.

P.S. Кстати, у нас вот тут есть паблик — https://vk.com/redis.medved со всякими плюшками к пионерам. Ну там интересные артики и картиночки, музыкальное сопровождение, сообщения о новых главах, опросики и такое прочее, специально для читателей. Заходите!

6

«Ты меня на рассвете разбудишь» — строки из песни «Я тебя никогда не забуду», мюзикл «Юнона и Авось».

7

БАМ — железная дорога в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Одна из крупнейших железнодорожных магистралей в мире. Основной путь Тайшет — Советская Гавань строился с большими перерывами с 1938 года по 1984 год.

Послушать песенку и проникнуться атмосферой Юркиных грустных мыслей можно вот тут: https://vk.com/wall-106283999_236

8

Немедленно извинись перед дамой (нем.).

9

К/ф «Интердевочка» 1989 год.